

Ю.Н. Рерих в Кулу
1930-е годы

Ю.Н. Рерих

ТИБЕТ
И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

II

СТАТЬИ
ДНЕВНИКИ
ОТЧЁТЫ

Рассанта

УДК 93/99
ББК 63.3(5)
Р 42

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Под общей редакцией
д.и.н. В.А. Росова

Научные редакторы
д.и.н. М.Ф. Альбедиль, к.фил.н. К.Н. Яцковская

Ю.Н.Рерих

Р 42 Тибет и Центральная Азия. Т. II: Статьи. Дневники. Отчёты / Сост., предисл., прим. В.А. Росова. – М.: Рассанта, 2012. – 280 с., илл.

Публикуемый том продолжает издание избранных сочинений выдающегося отечественного востоковеда Ю.Н.Рериха. На его страницах собраны статьи и очерки, посвящённые кочевникам Центральной Азии, культурному прошлому народов Тибета, Монголии и Китая. Настоящим открытием являются дневники Тибетской и Маньчжурской экспедиций. Книга представляет интерес для историков, специалистов, изучающих Восток, и для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-904191-06-1

© Издательство «Рассанта», 2012

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящее издание продолжает публикацию избранных трудов российского востоковеда Юрия Николаевича Рериха (1902-1960). Прошло более десяти лет со времени выхода первого тома его сочинений «Тибет и Центральная Азия» (1999). В научном мире эта книга получила широкое признание, она имеет достаточно высокий индекс цитирования. Работа по собиранию наследия учёного продолжается. Очередной том включает ряд очерков и статей, дневники Тибетской (1926-1928) и Маньчжурской (1934-1935) экспедиций, документы, которые не публиковались ранее. Эти материалы посвящены кочевникам Центральной Азии, проблемам культурного взаимодействия азиатских народов, задачам археологического изучения Тибета.

Основной тон исследований Ю.Н.Рериха затрагивает Тибет. Большинство статей, лекций и докладов, так или иначе, посвящено тибетской тематике. Именно из сокровищницы Тибета учёный черпает богатый лингвистический, археологический и этнографический материал для своих трудов. Несомненно, что «на путь тибетанизации», по словам китаиста Б.И.Панкратова, Юрия Николаевича направляли странствия в Гималаи и Тибет. Длительная экспедиция по Центральной Азии в 1925-1928 годах, организованная его отцом, академиком живописи Н.К.Рерихом, стартовала в индийском Кашмире, преодолела перевалы Ладака, прошла Китайский Туркестан, Русский Алтай, Монголию, наконец Тибетское нагорье и возвратилась в Индию. Будучи в гуще экспедиционных событий, не только изучая тибетские древности и буддийское искусство, но и сражаясь с местными воинственными племенами, молодой человек сложился как настоящий исследователь Азии. Это – не кабинетный учёный. Ю.Н.Рерих стал крупным востоковедом мирового уровня, находясь «в шатре и на коне». Не случайно азиатским странствиям посвящено было немало статей и популярных эссе, публиковавшихся им в разное время, на протяжении более 30 лет по окончании экспедиции. Включённые во второй том очерки о Тибетской экспедиции сохраняют научную достоверность и представляют собой миниатюрные художественные зарисовки. Экспедиционную тематику дополняет публицистика, помещённая в отдельный раздел.

Научные статьи, подготовленные Ю.Н.Рерихом в 1930-е годы, написаны в основном на французском и английском языках. И только одна из них, «Аланские дружины в Монгольскую эпоху», вышла на родном русском языке. Эта работа описывает столкновение аланов с монгольскими войсками, заполонившими Европу в XIII веке. Она была специально подготовлена для журнала «Осетия» и опубликована на его страницах в 1933 году. Журнал издавался Комитетом осетиноведения, образованным из числа эмигрантов-осетин при Европейском центре музея Н.К.Рериха в Париже. Возглавлял Комитет известный культурный деятель и учёный Дзамбулат Дзанти. Юрий Николаевич был избран почётным членом Осетинского общества и Комитета и стал своего рода покровителем многих начинаний и акций, организуемых в рамках сообщества. В одном из писем осетинскому Комитету Ю.Н.Рерих писал: «Научные цели вашего объединения совпадают с моими изысканиями в области среднеазиатского прошлого, в котором племена древних сарматов-алан играли столь выдающуюся роль. Своим прошлым Осетия связана с великим южнорусским и среднеазиатским кочевым миром, этим мостом между культурами Средиземноморского бассейна и Дальнего Востока»*.

Статья «Голоки и их этнический характер» первоначально была подготовлена как доклад для XV Международного конгресса доисторической антропологии и археологии, проходившего в Париже в сентябре 1931-го, и позже публиковалась в трудах этого конгресса. Во Францию Юрию Николаевичу приехать не удалось. От имени автора доклад зачитала мадам Мария де Во Фалипо (Marie de Vaux-Phalipau), президент Французского общества имени Николая Рериха и Европейского центра при нём. Летом 1931 года учёный находился в Лахуле, в летней резиденции Института «Урусвати», расположенной в местечке Кейланг. Оттуда сотрудники Института совершали короткие экспедиции в Малый Тибет.

Другая статья Ю.Н.Рериха, «Великие кочевые империи Средней Азии», как следует из названия, посвящена кочевым народам Центральной, или Средней Азии. Она является достаточно цельным фрагментом одной из лекций, которую учёный представил публике во время путешествия на Дальний Восток в составе Маньчжурской экспедиции Н.К.Рериха. Базой экспедиции стал город Харбин, центр русской эмиграции в Маньчжурии. Там художник Рерих вместе со своими спутниками пробыл пять месяцев, предпринимая научные поездки для сбора засухоустойчивых злаков и трав. В дни подготовки к очередному этапу экспедиции, в сентябре-ноябре 1934 года Юрий Николаевич прочитал цикл лекций на Юридическом факультете, одном из ведущих выс-

* Рерих Ю.Н. Письмо Комитету осетиноведения. 19.05.1932 // Осетия (Париж). 1 января 1933. № 1. С. 4.

ших учебных заведений Харбина. Первая, вступительная лекция как раз и называлась «Средняя Азия – колыбель великих кочевых империй древности» (19 сентября). За ней 9 октября 1934-го последовала другая, посвящённая истории Тибета. Затем ещё два выступления: «Китайский Туркестан» и «Великие ханы», в последней лекции речь шла в основном о великих завоевателях Азии – Чингисхане и Тамерлане. Некоторые лекции были повторены докладчиком в Коммерческом собрании и в литературном объединении «Молодая Чураевка», возглавляемом Алексеем Ачаиrom, известным поэтом Русского Китая. Большой резонанс в среде харбинской интеллигенции вызвал доклад «Качество в Средней Азии», устроенный 14 ноября дамским кружком Сибирской казачьей станицы в театре «Весь Мир».

Лекции Ю.Н.Рериха, собранные им в виде рукописного тома, запросила для опубликования местная газета «Русское слово». Автор передал свою рукопись в редакцию. Первая публикация появилась в «Русском слове» 18 ноября. Предполагалось, что за ней увидят свет последующие лекции. Однако накануне вечером, 17 ноября, другая газета – «Харбинское время» – выступила с клеветническими нападками на главу экспедиции, поставив под удар будущее всего Маньчжурского научного проекта. Развернувшаяся в прессе травля повлияла на редакционные планы. Дальнейших публикаций не было. Рукопись лекций, существовавшая в единственном экземпляре, загадочно исчезла со стола редактора газеты. Впоследствии художник Н.К.Рерих неоднократно высказывал сожаление об утрате ценного труда своего сына. Фрагмент этого труда, сохранившийся в виде газетной статьи, представлен в настоящем издании.

На страницах тома сочинений Ю.Н.Рериха публикуется два неизвестных ранее экспедиционных дневника. Первый относится к упомянутой выше экспедиции в Центральную Азию 1925-1928 годов, точнее, к её тибетскому периоду. Этому знаменитому путешествию уделено немалое внимание в современной литературе. Помимо путевых записок «Алтай–Гималаи», принадлежащих главе экспедиции, опубликованы экспедиционные дневники участников похода: К.Н.Рябинина «Развенчанный Тибет» (1996), П.К.Портнягина «Современный Тибет» (1998), Н.В.Кордашевского «С экспедицией Н.К.Рериха по Центральной Азии» (1999). Также вышли переводы на русский язык прижизненного издания Ю.Н.Рериха «По тропам Срединной Азии» (1982, 1994). В своё время автор подготовил книгу на основе записей, сделанных во время путешествия, и опубликовал её на английском и французском языках в начале 1930-х годов. Полного текста экспедиционного дневника на русском языке в поле зрения современных исследователей пока не существует. В настоящем издании публикуется оригинальный дневник Ю.Н.Рериха, дополненный отдельными записями, которые удалось обнаружить в ряде архивов, в частности, в собрании Института «Урусвати» и в музее Николая Рериха в Нью-Йорке. Отличие

первоначальных записей от текста изданной книги оказалось существенным. В книге, по политическим соображениям, сглажены «острые углы». Автор сознательно ушёл от критических оценок тибетской действительности. К тому же в то время нельзя было озвучить одну из главных задач экспедиции, рассказать о дипломатической миссии Западных буддистов в Лхасу, нацеленной на переговоры с главой тибетских буддистов Далай-ламой XIII. Встреча с владыкой Тибета не состоялась, караван был задержан тибетскими военными властями на высокогорном плато Чантанг, на подступах к Лхасе.

Второй дневник можно считать настоящим открытием. В нём описываются события Маньчжурской экспедиции (1934-1935), организованной Департаментом сельского хозяйства и земледелия США в отдалённые районы Северной Маньчжурии и Внутренней Монголии. Этой экспедиции «повезло» ещё меньше. Долгое время сведения о ней можно было почерпнуть лишь из очерков Н.К.Рериха в книгах «Священный дозор» и «Врата в будущее». Маньчжурский дневник художника впервые был опубликован в сокращённом варианте в журнале «Ариаварта» (1999). Предстоит ещё многое узнать об этой уникальной экспедиции, которая имела официальную цель – сбор семян засухоустойчивых злаков и трав и, наряду с этим, выполняла геополитическую задачу. Её руководитель предпринял усилия по организации сельскохозяйственного кооператива, кооперативного банка и ряда культурных учреждений во Внутренней Монголии, что явилось первым шагом на пути создания «Новой Страны», независимого государственного образования на просторах Азии. К маньчжурскому дневнику отца добавляется теперь и дневник его сына.

Деятельность экспедиции проходила в условиях напряжённой политической ситуации, сложившейся на Дальнем Востоке в 30-е годы прошлого столетия. Маньчжурия и Внутренняя Монголия стали полем битвы крупных держав, в числе которых определяющую роль играла Япония. Эти события нашли отражение в дневнике Ю.Н.Рериха. Его записи содержат не только ботанические материалы, но и заметки, пригодные для составления маршрутных и топографических карт (замеры высот, расстояния в милях между природными объектами, русла пересыхающих рек, роза ветров). Приведены также наблюдения за перемещением японского транспорта. Можно без преувеличения сказать, что публикация Маньчжурского дневника Ю.Н.Рериха является важным событием в изучении биографии российского учёного-востоковеда и путешественника.

Маньчжурский дневник и большинство публикуемых в томе статей относятся к периоду, когда Ю.Н.Рерих находился на посту директора Института Гималайских исследований «Урусвати» (1928-1942), в задачи которого входило изучение народов и культур Центральной Азии. Хорошим дополнением к этим материалам служат подробные годовые отчёты о деятельности Института, составленные его руководителем. Они регулярно публиковались в институтском

ежегоднике, в журнале «Урусвати» (1931-1933). Ценность таких отчётов состоит в том, что в них представлена текущая работа научного учреждения, освещены экспедиции в Малый Тибет, положившие начало практическому изучению Гималайского региона западными учёными, показаны связи с крупными научными учреждениями, университетами, библиотеками и музеями Индии, Европы и Северной Америки.

Жанр научных отчётов позволяет получить целостное, объёмное представление о деятельности учёного, возможно, в какой-то мере более полное, чем просто изучение опубликованных трудов. В этой связи несомненный интерес представляют отчёты Ю.Н.Рериха как руководителя сектором философии и истории религий Индии Института востоковедения Академии наук в Москве. Архивные документы отражают широкое поле деятельности учёного, который занимался не только научными исследованиями, но и читал лекции, вёл преподавание восточных языков студентам и аспирантам в Московском университете, рецензировал многочисленные научные труды. Из отчётов стало известно о некоторых статьях Юрия Николаевича, написанных им для энциклопедий и специальных справочников и не попавших в изданные библиографические списки трудов учёного.

Специфический характер востоковедческой работы в Советском Союзе – это та главная трудность, с которой уже известному учёному с мировым именем пришлось столкнуться по возвращении на Родину в 1957 году. Юрий Николаевич активно включается в научную и общественную жизнь, высказывает собственную точку зрения по различным вопросам академической работы. Так в архиве Института востоковедения РАН сохранился ряд документов, относящихся к его научно-организационной деятельности, среди них – замечания к проекту постановления Президиума Академии наук СССР, где говорится о необходимости изучения советской наукой философии Востока, в особенности философской мысли Индии и Китая. По мнению учёного, востоковедение служит «не только чисто научным целям, но и явится началом объединяющим, будет служить культурному взаимопониманию между народами Советского Союза и народами стран Востока»*. В документе указано перспективное научное направление – освоение «в преобладающей степени» письменных источников, подготовка адекватных переводов и комментариев классики философской мысли Индии. Именно поэтому Ю.Н.Рерих выступил инициатором возрождения серии «Библиотека Буддика» («*Bibliotheca Buddhica*»), публиковавшей памятники литературы народов Востока и прерванной сталинскими репрессиями. Учёный стал ответственным редактором

* Рерих Ю.Н. Замечания к проекту Постановления Президиума Академии наук СССР. См. наст. том, с. 252.

издаваемых при его содействии переводов с санскрита и пали классических текстов, прежде всего, «Дхаммапады» (1960; перевод В.Н.Топорова), а также выступил рецензентом нескольких книг многотомного эпоса «Махабхарата» (1961, 1962; перевод Б.Л.Смирнова).

В блоке публикуемых документов привлекает внимание «Отчёт о поездке в Монгольскую Народную республику» (1958). Это достаточно завершённый, подробный текст, содержащий не только информативную, но и аналитическую часть. Будучи в Улан-Баторе, Ю.Н.Рерих посетил ряд библиотек с монгольскими и тибетскими фондами, на месте осмотрел рукописи и ксилографы, представляющие собой лучшие образцы буддийских литературных памятников. Учёный высказывает соображения о необходимости публикации каталогов произведений на тибетском языке.

Отчёт о поездке в Монголию разделён на две части, причём вторая часть написана две недели спустя после первой. Не вполне понятно, какие обстоятельства вынудили Ю.Н.Рериха сделать добавление. В отчёте присутствует некий идеологический налёт, дающий окраску всему тексту. На первый взгляд создаётся впечатление, что Юрий Николаевич вступает в ненаучное соперничество. Ему всегда было присуще толерантное отношение к своим зарубежным коллегам-учёным, но здесь оно претерпевает заметную деформацию. Он как бы втягивается в противоборство политических систем, оправданное «холодной войной», в авангарде которой стоят крупные державы, США и Западная Германия. Именно востоковедов из этих стран в отчёте предложено не включать в список лиц, приглашённых на первый Международный конгресс монголоведов в Улан-Батор в 1959 году. Возможно, позиция Ю.Н.Рериха – это сознательная жертва. Или, быть может, закономерный результат выбора, сделанного им при возвращении на Родину из эмиграции.

Три года работы в Институте востоковедения оказались на редкость плодотворными. Юрий Николаевич внёс огромный вклад в воссоздание школы тибетологии, уничтоженной в СССР к концу 1930-х годов. Им была подготовлена монография «Тибетский язык» (1961) и фундаментальная рукопись «Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями», опубликованная многие годы спустя после смерти учёного. Научная деятельность Ю.Н.Рериха нашла отражение в официальных отчётах в период его работы в Институте востоковедения. Сухие колонки записей дают возможность сделать шаг к созданию правдивого облика учёного, пока ещё скрытого от современников и потомков.

*Владимир Росов,
Государственный музей Востока*

СТАТЬИ

ДРЕВНЯЯ КИТАЙСКАЯ СКУЛЬПТУРА

В последние тридцать лет к западному миру пришло осознание художественной ценности произведений древнего Китая.

Эти работы, порой гениальные, свидетельствующие о чрезвычайной интенсивности художественной жизни, распространившиеся некогда с другого берега Тихого океана, занимают сегодня почётное место в частных и общественных коллекциях. Искусству, которое родилось и развилось в недрах цивилизации, совершенно отличной от нашей, удалось нас покорить.

Музеи и частные коллекции Америки чрезвычайно богаты произведениями древнего китайского искусства. Например коллекции Майера (Meyer), Холмса (Holmes) и Чейта (Chait) содержат великолепные образцы примитивной китайской скульптуры и бронзы.

Китайскую скульптуру всегда отличал религиозный характер, выражавший духовные и нравственные стремления художников и их эпохи. Первые образцы этого искусства мы находим в рельефах и маленьких глиняных статуэтках периода Хань (206 до Р.Х. – 220 после Р.Х.). Более ранние предметы китайской скульптуры очень редки, за исключением некоторых экземпляров бронзы, датируемых второй половиной периода Шу. Настоящая каменная скульптура появляется только в период Хань, её реалистический характер контрастирует с преимущественно орнаментальным стилем эпохи Шу.

Во многих отношениях период Хань открыл новую эру в развитии китайской цивилизации. С установлением обширных дипломатических и торговых связей со странами Запада в Китай хлынул поток привозных товаров, имевший благотворное воздействие на развитие искусства.

Наибольшего совершенства примитивное искусство эпохи Хань достигло в анималистической скульптуре. Это было результатом сильного влияния центральноазиатского условного стиля, в котором фигуры животных широко использовались в качестве орнаментального мотива. Недавно было доказано, что распространителем этого замечательного стиля, яркие достоинства которого необходимо признать, явились иранские племена, заселившие в те времена области Центральной Азии. Иранское влияние

оставалось очень мощным в течение всего периода династии Хань и давало себя чувствовать также в позднейшие эпохи.

Большая часть сохранившихся скульптур эпохи Хань датируется временем второй династии Хань (с 25 по 220 после Р.Х.). Этот период высокой художественной активности представлен в основном каменными столбами и стелами, возвышавшимися при входах в гробницы. Доктор Башелл (Bushell) в 1881 году был первым, кто обратил внимание западного мира на древние каменные барельефы; но гораздо больше обязаны мы надлежащей оценкой художественного значения скульптур Хань синологу Эдуарду Шаванну (Chavannes). Эти рельефы являются драгоценными документами, с обилием подробностей иллюстрирующими религиозную и светскую жизнь Китая; часто они представляют сцены из легендарной истории. Мы видим Си-ван-му (Si-wang-mu), аналог западной Божественной Матери; трёх великих суверенов и четырёх императоров древнего Китая, основателей китайской цивилизации. Другие рельефы представляют нам охотничьи выезды или сцены, взятые из жизни знаменитых мужчин и женщин того времени.

После пробела приблизительно в один век мы оказываемся перед лицом нового расцвета искусства скульптуры. Кочевое племя Восточной Монголии, основавшее династию Вэй, принесло с собой новое, отличное от прежнего искусство (с IV по VI век). Именно к периоду Вэй относятся две первые буддийские скульптуры Китая.

Монументальные скульптуры пещерных храмов Юн-кан (Yun-Kang) в Южном Шаньси (середина V века) и Лун-мэн (Lung-men) в Хэнане (начало VI века) свидетельствуют об интенсивном религиозном чувстве этого периода. Они навсегда останутся самыми прекрасными и самыми искренними созданиями китайской религиозной скульптуры.

В скульптурах эпохи Вэй мы обнаруживаем далекий отзвук индийского искусства Гандхары, которое господствовало в Центральной Азии и оказало влияние на произведения буддийского искусства.

Помимо массивных скульптур, период Вэй оставил большое число маленьких бронзовых статуэток, часто датированных, которые представляют значительный интерес.

Традиция Вэй продолжалась до VI века. Следующий период свидетельствует о всё более осязаемом воздействии Индии на китайские школы скульптуры. Влияние индийской эпохи Гупт становится преобладающим в скульптуре в правление северных династий Ши и Шу.

Художники периода Суй создавали замечательные монументальные скульптуры и достигли совершенства в предметах второстепенного значения, таких как стелы и бронзовые изделия.

От утончённых скульптур периода Суй мы переходим к произведениям ранней эпохи Тан. Эта эпоха, длившаяся с VII по IX век, известна как самый прекрасный период в истории китайского искусства и литературы.

Первоначальное искусство эпохи Тан отличается сильным религиозным одушевлением, в конце же этого периода в нём появляются светские сюжеты. Художники Тан оставили нам монументальные творения, такие как императорская гробница области Сиань-фу и несколько скульптур пещер Лун-мэн. Самым мощным ансамблем погребальной скульптуры периода Тан является гробница императора Гао-цзу (Kav-tsun) с подъездной дорогой, окаймлённой монументальными каменными скульптурами.

Многочисленные скульптуры эпохи Тан из камня, дерева и глазурованной глины вдохновлены буддизмом – учением, оставившим столь глубокий след в религиозном искусстве средневекового Китая. Именно ко времени этого плодотворного периода относится создание скульптур бодхисаттв, облачённых в роскошные одежды и драгоценные украшения наследных принцев древней Индии. Изысканная манера драпировки фигур, выражение медитативной ясности на лицах являются результатом длительной художественной эволюции.

Единственный в своём роде памятник буддийского Китая мы находим в пещерах Тысячи Будд в Дуньхуане, расположенных на самой границе с пустыней, на западе провинции Ганьсу, где столетия спустя китайские фермеры, терпеливые и предприимчивые, будут вести борьбу с непрерывным наступлением «Песчаного моря». Эти пещеры, богато украшенные фресками, относящимися к периодам Вэй, Суй и Тан, являются ценнейшим свидетельством религиозного искусства древнего Китая. Помимо фресок и шёлковых свитков, покрытых изображениями, пещеры таят в себе многочисленные скульптуры эпохи Тан.

Дуньхуанские пещеры и множество археологических участков, залегающих под песками Китайского Туркестана, позволяют нам заполнить пробелы в истории искусства Китая. Благодаря сухому климату до наших дней сохранилась яркость красок; богатство композиции свидетельствует о значительности интеллектуальных исканий, разворачивавшихся вдоль караванных путей, пересекавших центральноазиатские пустыни.

По этим памятникам, скрытым в сердце Азии, мы можем изучить и понять многогранную природу китайского искусства периода Тан. Мы в состоянии теперь связать между собой годы длинной цепи художественных усилий, предшествовавших великолепному ренессансу VII и VIII вв. Вся блестящая плеяда наций участвовала в создании искусства той эпохи.

Искусство периода Тан – благородный труд Дальнего Востока. Хотя множество элементов этого явления отзываются лучшими эпохами древней индийской скульптуры и чрезвычайно богатого космополитического искусства Центральной Азии, именно Китаю принадлежит слава наивысшего выражения её художественного гения. Искусство эпохи Тан было порождением великой империи, осознававшей свою господствующую мощь.

Однако при всей изысканности форм скульптуры Тан, декоративности стиля драпировок и безыскусности композиции, во второй половине этого периода можно различить некоторые признаки упадка. Этот упадок усилился при следующей династии. Потребовалось завоевание Китая монгольскими ордами в XIII в., чтобы дать атрофированному искусству новый импульс.

Урусвати, Наггар, Кулу.

1929 год

ТИБЕТСКАЯ ДРАМА

Драматическое искусство играет большую роль в жизни всех наций. Ибо с самых ранних пор своего существования народ стремится облечь свои мифы и свой религиозный опыт в форму игрового действия. А из игрового действия вырастает театр, одна из самых мощных по силе воздействия форма искусства.

Эта истина особенно справедлива для Востока, где миф пронизывает все стороны жизни и делает драму неотъемлемым средством национального самовыражения. Ашвагхоша, великий индийский провидец и один из величайших Учителей, был драматургом. Именно через посредство театра показал он людям свет учения буддизма, сияющий во все времена.

Продвигаясь дальше на север в глубь Тибета, в буддийские страны, мы сталкиваемся с драмой как частью религии. Так же как первые миракли* и мистерии находили покровительство в лице церкви, отцами тибетского театра являются лама и монастырь.

Представления ламами мистерий и связанных с ними танцев происходят в дни священных праздников. Высоко в горах, в белом сиянии гималайского солнца, ламы рядятся в костюмы святых и демонов, чтобы поведать историю о приключениях духа, подобно тому как мы рассказывали историю «богочеловека» в нашей ранней драматургии.

Великий деятель современности профессор Николай Рерих во время своей экспедиции в сердце Азии, где он пребывает и сегодня, посетил тибетские монастыри и смог увидеть мистерии и танцы, многие из которых до сих пор не открывались взору представителя Запада.

Как художник и как человек, которому открылся восточный дух, Рерих заслужил безусловную любовь и почитание Востока. Восток принял его как сына и вручил ему ключи от своего сердца и своей души. Именно благодаря поездкам по монастырям, находящимся в различных частях буддийского мира, Рерих смог поведать о мираклих, исполняемых ламами как Жёлтой, так и Красной сект – двух сект Тибета.

* Жанр западно-европейской религиозно-назидательной стихотворной драмы, сюжет которой основан на чуде, совершаемом каким-либо святым или Девой Марией. – *Ред.*

Профессор Рерих знакомился с Тибетской драмой во время религиозных праздников. Со всей округи, а также издалека съезжаются в монастыри паломники, чтобы принять участие в обрядовой церемонии, и утром, перед началом священнодействия, предстают во всей красоте своего национального самовыражения. То здесь, то там под расцветченными навесами палаток собираются группы. В центре одной из них лама нараспев произносит тантрические песни под аккомпанемент ручных барабанов и гонгов. Невдалеке группа непальцев хлопает в ладоши в такт пению. Посередине женщина с неподвижно застывшими чертами лица исполняет танец шерпов, полный магических жестов, изредка прерывая его, чтобы обозначить кистями рук порхающее движение и издать странный возглас, похожий на птичий крик. Так, в сопровождении музыки, паломники ожидают начала священного обряда, иногда танцуя вокруг священных ступ или напевая что-то вроде: «В монастыре обитает наш Повелитель Будда. Мы приносим ему подношение».

В ритуальных пьесах тибетцев мы находим выразительные средства, абсолютно свободные от внешнего влияния. Эти пьесы исполняются в монастырях по особым случаям, поэтому их редко удаётся увидеть европейцу. Путь к монастырям зачастую полон опасностей, поскольку большинство священных мест находится на высоких, недоступных горных вершинах. Таков, например, Ташидинг, на пути к которому приходится не только преодолевать горные потоки и скалистые выступы, но и проходить по раскачивающемуся из стороны в сторону бамбуковому мосту, грозящему с каждым шагом низвергнуть вас в пучину в несколько сот футов глубиной.

Обрядовые пьесы, тем не менее, заслуживают того, чтобы проделать эту трудную дорогу. Будучи наполнены многообразными символами, они проникнуты духом Востока и облечены в прекрасные формы. Их исполняют ламы в дни праздников, причём представление совершается дважды, один раз днём, на глазах у всех собравшихся паломников, и ещё раз вечером, когда церемония обретает настоящую ритуальную значимость и наполняется тайными магическими формулами.

Эти пьесы сопоставимы с нашими собственными мираклями и мистериями, с той, естественно, разницей, что они пронизаны восточными верованиями и благоговейным отношением к восточным обрядам. Представления открываются чтением молитвы, произносимой нараспев ламой. Нужно отметить, что все молитвы произносятся с музыкальным сопровождением. Например чтение молитв, при котором мы присутствовали, происходило под мягкий аккомпанемент труб и раковин.

По окончании молитвы воздух заполняет берущий за душу, пронзительный рёв, производимый целым оркестром труб огромной длины – до

десяти футов и даже больше, – издающих более низкий и звучный тон, чем любой из западных образцов. Двигаясь в быстром ритме, он взбирается на октаву выше, и такой музыкальный рисунок повторяется на протяжении всего танца, подобно самому голосу природы. К этой основной ноте добавляется звучание барабанов, гонгов и флейты, время от времени перемежающееся с перезвоном серебряных колокольчиков и ударами тарелок. В дополнение к барабанам, отбивающим ритм, имеются «поющие» барабаны, на которых исполняется подобие мелодии. Однако роль основной музыкальной линии отводится флейте – инструменту, имеющему около ярда в длину и обладающему чрезвычайно богатым звучанием.

Танцы, сопровождающие представление, очень ритмичны, причём на ритмику не влияет ход повествования, в котором речь может идти, например, о приключениях духа после смерти. Перед глазами зрителей предстаёт дух мёртвого тела в окружении хранителей кладбища – они должны присматривать за его благополучием. Злые демоны начинают строить козни, желая поймать душу в свои сети, однако все их заклинания, все магические жесты не приносят никаких плодов. Затем в действие вступают добрые духи, которые, в конечном итоге, получают власть над душой, отправившейся в иной мир.

Во время представления перед зрителями разворачивается многообразие танцев, исполняемых как сольно, так и группой актёров. Вот, например, появляется зловещая фигура Владыки Ада, чей причудливый танец сопровождается широкой жестикуляцией и магическими движениями. Или зритель наблюдает интерлюдия в виде вихревого танца «чёрных монахов» или «духов животных».

На протяжении всего действия героической доминантой является фигура религиозного наставника, Гуру, который присутствует рядом с духом и заботится о том, чтобы направить его во власть Света. Представление не лишено юмористической линии – время от времени в центре действия оказываются затейники, чем-то напоминающие наших клоунов. Самая красивая часть церемонии приходится на перерывы, когда появляется процессия лам, бросающих в воздух подношения (например рис и благовония), чтобы улажить духов природы и добиться их расположения на грядущий год.

Когда профессор Рерих наблюдает танцы буддистов, веселье ночных обрядовых действий, пылающих рядами жертвенных огней, перед его глазами вновь встают азиатские орды. «Именно так, – пишет он, – орды Чингиза и Тимура проводили свои ночные игрища. Так же высились знамёна и копыя. Так же бешено бились гигантские барабаны и звенели гонги. Это забавы Азии-Завоевательницы – радость Азии объединённой!».

«Тибетское искусство сопутствует тайне, оно вышло из колыбели человечества. Это особый очаг, к которому в своё время будут направлены устремления и поиски. Нужно лишь стучаться в двери этой красоты – без угроз, без оружия, без грабежа. С полнотой истинно нового знания должны мы собирать жемчуг глубокого и личного достижения».

Журнал «Вестник Ариаварты».

2002. № 2(3)

ХРАМ БУДДЫ ВРАЧЕВАНИЯ

Есть область тибетских древностей, заслуживающая тщательного и даже неотложного изучения. Я говорю о древней медицинской науке, чьи традиции всё ещё сохраняются в медицинских школах при монастырях по всему Тибету и Монголии. Эта жизненно насущная тема требует неотложного исследования, поскольку с наступлением современной цивилизации древнее знание может исчезнуть, а его адептам будет трудно найти учеников. То, что можно сделать сегодня, будет невозможно завтра. Трудности в этой области исследований многообразны. Многие в древних медицинских знаниях принадлежат к сфере фольклора и как такое имеет лишь исторический интерес. Однако некоторые растительные средства и методы лечения определённых болезней заслуживают тщательного исследования. Лекарши Тибета и Монголии владеют обширными эмпирическими познаниями лечебных свойств некоторых трав, растущих на Тибетском нагорье и в монгольских горах. Это эмпирическое знание – результат столетий терпеливых наблюдений, проводившихся поколениями лекарей, с благоговением сохраняется их последователями и учениками. Часто лечебные свойства некоторых растений обнаруживались при наблюдениях за поведением диких животных. Например было замечено, что дикий горный козёл выводит своё потомство в определённых местностях, богатых некоторыми видами трав, из чего лекари Тибета заключили, что травы вида «поа» должны обладать лечебными свойствами и включаться в фармакопею, классифицированные как «травы, обладающие согревающим действием». Многие из этого древнего медицинского знания сохранено устной традицией, передававшейся от учителя к ученику. Частично его можно найти в учебниках по медицине, опубликованных основными медицинскими школами Тибета и Монголии и даже в Пекине. Эти труды включают медицинское знание, почерпнутое Тибетом из древней Индии.

Большинство основных медицинских текстов на тибетском языке – это переводы с санскритских оригиналов. Древнеиндийская наука о жизни, аюрведа, основанная на классификации различных видов праны, или жизненной энергии, циркулирующей в нервах и кровеносных сосудах человеческого тела, имеет долгую историю – от магических заклинаний

«Атхарваведы» до запутанных теорий «Чарака-самхиты». «Чарака-самхита» считается основным текстом по древней индийской медицине и химии и приписывается знаменитому врачу Чараке, уроженцу Кашмира в северо-западной Индии, который, как говорят, жил во II веке при дворе великого индо-скифского царя Канишки. Эта «Самхита» была пересмотрена Дридахалой, кашмирцем, жившим в VIII или IX веках. Она была переведена на персидский и арабский языки около 800 года по Р.Х. К несколько более позднему времени принадлежит «Сушрута-самхита», важный медицинский труд, приписываемый великому буддийскому святому Нагарджуне и содержащий интересную главу по хирургии. В VII и VIII веках много медицинских сочинений было переведено с санскрита на тибетский. Примечательно, что буддийские миссионеры в Тибете и Центральной Азии достигали успеха в пропаганде своей религии во многом с помощью своих медицинских познаний. Д-р П.Кордые глубоко проанализировал тибетские медицинские сочинения, имеющиеся в Данчжуре, одном из собраний тибетских священных текстов, переведённых с санскритских оригиналов. Тома Данчжура со 118 по 123 содержат тибетские переводы нескольких медицинских сочинений Вагххаты, ученика известного буддиста Авалокиты и Чандрагомина. Три медицинских текста, включенные в 118 том Данчжура, приписываются даже знаменитому буддийскому мудрецу Нагарджуне, одному из основателей махаяны, или северного буддизма.

Медицинские сочинения в Тибете могут быть разделены на две основные группы: 1) так называемые основные труды, главным образом, переводы санскритских оригиналов; 2) комментарии и учебники, главным образом – труды тибетских учёных.

К первой группе принадлежит фундаментальный трактат «Чжуд-ши», или «Четверокнижие», древнеиндийское сочинение, очень близкое к Сушруте, но санскритский оригинал которого утрачен. Согласно традиции считается, что оно было переведено с санскрита на тибетский знаменитым переводчиком-лоцавой Вайрочаной в VIII веке. Существует несколько изданий тибетского «Чжуд-ши». Лучшее опубликовано большой медицинской школой на горе Чагпори в Лхасе. Есть также и пекинское издание этого труда. В XVIII веке это сочинение было переведено на монгольский. Помимо описаний физиологии и патологии, оно содержит несколько глав о лечении различных заболеваний, а также главы о лекарственных средствах, перечисляющие лекарства растительного, минерального и животного происхождения, используемые в тибетской фармакопее. Есть там также глава о приготовлении лекарств и списки 116 видов порошков и примерно 22 видов пилюль. Другое важное сочинение, принадлежащее к той же группе, это так называемый «Лхантаб». Эта важная и исключительно популяр-

ная книга состоит из восьми глав, содержащих 156 параграфов, говорящих о физиологии, патологии, хирургии, нервных болезнях, эпидемиях и др. Каждая из глав о лечении болезней состоит из двух разделов: болезни, вызванные нарушением жизненных энергий тела, и болезни от раздражения.

Второй раздел медицинской литературы более многочислен и содержит большое число важных сочинений, написанных тибетскими и монгольскими учёными. Самый важный труд в этом разделе – это «Вайдурья-онбо», написанный Санчжяй-Чжамцо, известным регентом Тибета в XVII веке, автором нескольких важных трудов по астрономии и истории буддийской церкви в Тибете. «Вайдурья-онбо», или «Голубой берилл», – это комментарий на «Чжуд-ши» в четырёх книгах. Он никогда не переведился и не анализировался, но содержит много ценного материала по лекарственным средствам Тибета. Другая важная работа того же рода – это так называемый «Чжуд-ши-грел-па», или комментарий на «Чжуд-ши».

К тому же классу принадлежит ценное сочинение «Дерге менду», содержащее подробные перечни лекарственных средств и даже атлас лекарственных растений, отдельные рисунки которого замечательно точны. Эта книга напечатана в Дерге в Северо-Восточном Тибете, и следует посмотреть, насколько сильно на неё повлияли китайские «пен-цао». Очень важны для изучения туземных лекарственных средств различные мэнджьёры (sman-sbyor), или списки рецептов. Эти мэнджьёры встречаются только в рукописном виде и обычно составляются ламами-врачами для личного использования. Такие мэнджьёры часто содержат описания и рисунки лекарственных растений, указания относительно места их произрастания и лучшего времени сбора. Некоторые из этих списков рецептов зачастую содержат интересный материал, не включённый в большие печатные книги по тибетской медицине.

Ещё одна важная работа, принадлежащая к этому же классу, – это сумбум, или собрание сочинений Арья-Пандиты, известного автора и воплощенца-настоятеля большого монастыря Пандита-гэгэн-сумэ в Дзуу-абкха во Внутренней Монголии. В этом пространном сочинении имеется интересный медицинский атлас, ботанический раздел которого может оказать большую помощь для правильной идентификации различных лекарств.

Помимо учебников по медицине и списков рецептов, составленных ламами-врачами для собственного использования, существует ещё один вид монгольской и тибетской литературы, содержащий полезные сведения. Я говорю о рукописных дневниках, которые вели известные ламы-врачи, фиксируя разные истории болезней и подробности лечения. Такие чрезвычайно ценные тексты, к сожалению, исключительно редки, а автор или владелец никогда не согласится расстаться со своей рукописью. Подобные

дневники известных врачей очень высоко ценятся и иногда имеются в нескольких копиях, сделанных учениками.

Приведённое краткое перечисление наиболее важных и самых известных книг медицинской науки Тибета и Монголии далеко не исчерпывает предмета. До сих пор в этой области сделано очень мало. Большая часть этой литературы остаётся непереведённой. Перевод сам по себе представляет значительные трудности. Зачастую чрезвычайно трудно установить соответствие между нашими научными терминами и терминологией тибетских медицинских текстов. Идеальным решением была бы совместная работа западного специалиста и ламы-врача. Одной из главных трудностей является то, что в тибетских медицинских текстах различные стадии одной и той же болезни зачастую носят различные наименования. Например общее название рака по-тибетски *лхог-па*, но медицинские тексты упоминают по крайней мере о 18 видах рака, и каждый известен под особым названием. В моей предыдущей работе на эту тему, при переводе «Лхантаба», я успешно использовал большие цветные фотографии раковых больных. Должен сказать, что тибетские практикующие врачи-ламы, с которыми мне удаётся поддерживать связь, очень быстро научились пользоваться этими фотографиями, описывая болезнь по-тибетски. Такой метод помогает при идентификации тибетских названий болезней. Однако значительные трудности возникают при идентификации лекарственных средств. Некоторые лекарства продаются в виде порошков, другие имеют неопределённые названия. Например растение *Selaginella involvens*, используемое при кровоизлиянии в мозг и проказе, известно также в китайской медицине под названием *чуан-по*, в Тибете известно под названием *чурин дермо*, т.е. *коготь крокодила*. Многие изучающие тибетскую медицину относят его к лекарствам животного происхождения. Другой пример – ценное лекарство, известное как *ярца гунпу*, что значит *трава летом, насекомое зимой*, которое в значительных количествах экспортируется из Восточного Тибета в Китай. Долгое время это лекарство классифицировалось как растительное. В действительности же это гусеница *Cordyceps sinensis*.

По крайней мере 60% тибетских лекарственных средств состоит из растительных продуктов. Многие из тибетских названий лекарственных растений это родовые термины, прилагаемые к различным видам одного рода. Ламы-врачи, как правило, используют виды растения, характерные для их местности, за исключением некоторого числа растительных продуктов, импортируемых из Индии, например мираболан. Некоторые из этих лекарственных средств недавно вновь открыты и введены в западную фармакологию. Например эфедрa (*tshe-pad*) часто использовалась

в тибетской медицине и прописывалась при лихорадке, простудах и астме. Эфедра – один из «трёх драгоценных» продуктов, другие два – *Juniperus excelsa*, или *squamosa* (sug-pa), и *Rhododendron anthopogon* (balu). Эти три растения считались священными и обильно использовались при ритуалах как благовония. Говорят, что их дым обладает очистительным действием и восстанавливает прану, жизненную энергию. Некоторые учёные придерживаются мнения, что разновидности эфедры, характерные для Северо-Западной Индии, Афганистана и Тибета, представляют собой древнюю сому, божественное растение ариев ведической Индии. В старых могильниках, раскопанных в Восточном Туркестане и принадлежащих древней индоиранской расе, найдены маленькие пучки эфедры, что указывает, вероятно, на существование древнего ритуала, в котором эфедра использовалась.

С давних времён тибетские монастыри были центрами медицинско-го обучения. В большинстве крупных монастырей имелись медицинские школы, где получали подготовку студенты-монахи. Крупнейшая и самая известная медицинская школа – это Чагпори в окрестностях Лхасы, столицы Тибета, основанная Санчжяй-Чжамцо, знаменитым тибетским регентом и автором популярного учебника по медицине «Вайдурья-онбо». В этой медицинской школе есть своя печатня, выпускающая издания самых важных медицинских текстов, бесплатная аптека и лавка, торгующая лекарствами. В знаменитых монастырях Северо-Восточного Тибета, Гумбуме и Лавране, также есть известные медицинские факультеты, манжи дацаны. Монгольские монастыри следуют примеру тибетских и содержат медицинские школы. По сути дела, буддизм в Монголии обязан своим успехом медицинским познаниям первых буддийских миссионеров в этой стране. Все эти школы имеют четырёхлетнюю программу. В первый год студент работает как помощник одного из учителей школы, помогая ему готовить порошки и пилюли, а летом сопровождает учителя с группой учеников в горы для сбора лекарственных трав. Как правило, июнь и июль они проводят в горах, собирая травы. Именно в эти месяцы полевой работы ученик получает знание растительных лекарственных средств, а затем начинает изучение медицинских книг, таких как «Чжуд-ши» и «Лхантаб». Для помощи студенту в изучении трудных текстов изготавливаются особые схемы человеческого тела, а также атласы лекарственных средств, демонстрируемые во время занятий. В конце четвёртого года студент может сдать выпускной экзамен и, в случае успеха, получить степень мэтрампа, т.е. доктора медицины.

Некоторые известные ламы-врачи имеют собственные частные школы. Программа таких школ сходна с монастырской. Большая часть тибетских лам-врачей получает медицинскую подготовку в этих частных школах.

В Монголии медицинская наука попала под влияние китайской медицины, и много китайских медицинских сочинений переведено на монгольский. В правление императора Канси медицинская наука Монголии вошла в контакт с медициной Запада через монахов-миссионеров, работавших при дворе китайского императора. В последние годы влияние западных методов стало даже сильнее, проникая в Тибет с юга, через Сикким и Бутан. Поэтому жизненно важно зафиксировать это исчезающее древнее знание, которое по-прежнему может многому нас научить.

Журнал «Ариаварта».

1998. № 2

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ТИБЕТА

Тибет был и поныне остаётся terra incognita для археологов. На протяжении десятилетий изучение тибетских древностей – это удел учёных, посвятивших свои работы Северному буддизму. Их труд заключался преимущественно в переводах с тибетского языка, в толковании и восстановлении утраченных санскритских подлинников с помощью сохранившихся тибетских переводов. Ценные археологические памятники в Тибете оставались нетронутыми.

До недавнего времени археологические исследования были неизвестны в стране лам, которая продолжает хранить свою тайну от пытливых умов учёных. Тибет, страна, которой удалось оставаться изолированной и на протяжении средних веков, и поныне, – является уникальной сокровищницей древностей и фольклора. Детальное изучение и научное обследование его городов-монастырей, мемориальных сооружений, или ступ, и многочисленных и совершенно неизученных памятников добуддийского периода, бесспорно, выявило бы неожиданное обилие научных фактов, благодаря которым можно воссоздать яркое прошлое этой уникальной страны. Подобные исследования Тибета прольют новый свет и на другие области востоковедения, такие как индология, синология, филология и археология Центральной Азии. Блестящая плеяда западных учёных внесла свой вклад в открытие скрытых сокровищ Срединной Азии. Центральное положение, заимствованное Тибетом, а также его высокогорье сделало страну чем-то вроде реликвария древних индийских, китайских и центральноазиатских традиций.

Северный буддизм, испытавший сильное влияние тантрических школ средневековой Индии, известен только по тибетским источникам, поскольку древний санскритский канон был почти полностью утрачен в Индии и сохранился лишь фрагментарно в песках Центральной Азии. Древние приёмы, формы художественного выражения, давно угасшие в Индии, распространены в Тибете до сих пор, и сила художественной традиции такова, что бронзовую фигурку XIII или XIV века с трудом можно отличить

от подобного изображения XVII или XVIII веков¹. Эта приверженность традиции во многих случаях является более устойчивой и неизменной, нежели писанные законы страны.

Центральная Азия, с её многообразием космополитических влияний и высоким уровнем композиции в росписи пещерных храмов, наложила неизгладимый отпечаток на искусство фресковой живописи монастырей Тибета. Фрески тибетских храмов напоминают шедевры Аджанты, хотя это искусство и не пришло в Тибет непосредственно через снеговые барьеры Гималаев, но попало в страну через древнюю Гандхару, Бактрию и великие страны Центральной Азии².

Изобилие исторического материала по Тибету, содержащегося в «Китайских исторических анналах», следует изучать вместе с тибетской эпиграфикой и другими древними археологическими памятниками. Иными словами, тибетская археология должна быть основой каждой научной работы по средневековой истории Тибета. То же относится и к Монголии, для понимания её истории столь же важна ясная картина той роли, которую сыграл Тибет. Одних письменных источников недостаточно, чтобы восстановить прошлое страны, и мы твёрдо убеждены в том, что именно археология откроет новую эру в востоковедении и, особенно, в исследованиях Тибета. Говоря так, я не собираюсь преуменьшать значение письменных свидетельств, но лишь хочу подчеркнуть ценность подтверждающих их вещественных материалов.

Археология долгое время не входила в поле зрения исследователей Тибета. Европейские и американские путешественники, храбро встречая опасности, заключающиеся в запретах властей и враждебности населения, обращали больше внимания на географию, на фауну и флору страны, этнологию её нынешних обитателей. Это был естественный результат сложившихся обстоятельств. Археологические и исторические изыскания требуют большего времени и часто длительного пребывания в стране, и в этой

1. Это не относится к бронзовой скульптуре Восточного Тибета (Kham), где мы находим новый расцвет искусства (скульптуры и живописи) в XVIII в., отмеченный сильным китайским влиянием. Это искусство XVIII столетия, как правило, называют сино-тибетским. (Здесь и далее *прим. Ю.Н. Периха*).

2. Представляется, что тибетская фресковая живопись испытывала сильное центрально-азиатское влияние с конца X века и вплоть до падения буддизма в Центральной Азии. Тибетская скульптура X-XI веков развивалась, по-видимому, под влиянием искусства Пала в Магадхе. (*Cf. Hackin. Indian Art in Tibet and Central Asia. Influence of Indian Art. India Society, 1925. P. 130*). Амдо – северо-восточная провинция Тибета, одна из наиболее богатых памятниками живописи, всегда находилась под сильным влиянием искусства Центральной Азии. Именно в Амдо бежали буддийские монахи-уйгуры и остатки тангутов Си Ся (His-hsia), уцелевшие после разграбления их княжества Чингисханом в 1227 г. Амдо – одна из наиболее выдающихся в художественном отношении провинций современного Тибета.

уступке прежним исследователям Тибета обычно отказывали. Многие из них достигли поразительного успеха в описании физической географии страны и собрали богатые коллекции её фауны и флоры, но вряд ли они были сведущи в обследовании археологических памятников. Отчёты об их путешествиях дают скудные сведения о нахождении памятников древности, которые можно встретить по всему Тибету. Остаётся надеяться, что более прогрессивный век облегчит учёным археологические исследования этой самой загадочной страны.

В то время как провинции Центрального и Восточного Тибета надолго были закрыты для европейских учёных, провинции индийского Тибета – Ладак, Занскар, Балтистан, Скардо, Лахул, Спити, Рупшу и другие гималайские приграничные территории с тибетским населением, оставались открытыми для западных исследований. Первую книгу по археологии Ладака написал генерал сэр Александр Каннингем (Лондон, 1854). Это был ценный для своего времени труд, впоследствии его дополнили исследования моравского миссионера д-ра К. Маркса и, особенно, ныне покойного д-ра А.Г. Франке. Очень хорошая работа была проделана Э. фон Шлагинтвейтом, чьи труды содержат полезные археологические сведения. Однако первым крупным учёным, который пошёл дальше простого упоминания о существовании археологических памятников, был покойный д-р А.Г. Франке, учёный-историк, специалист по Западному Тибету и редактор опубликованных фрагментов тибетских манускриптов, привезённых из Турфана и хранящихся в Берлине. В его многочисленных книгах и статьях, посвящённых царствам Западного Тибета, мы находим большое количество упоминаний и описаний как буддийских, так и буддийских памятников, которые до сих пор ускользали из поля зрения учёного мира³.

Незадолго до памятного 1914 года д-р А.Г. Франке опубликовал описание древностей индийского Тибета, а именно – территорий гималайской приграничной зоны в пределах Британской империи, где население говорит на тибетском языке. Оно относилось к долине Сатледж с горной местностью Рампур Башахр, а также Спити, Рупшу и Ладак. Результаты этой работы изложены в двух томах, опубликованных в «Археологическом обозрении Индии» под названием «Древности индийского Тибета»⁴. Первый

3. *Francke A.H.* Kleine archaologische Ertrage einer Missionsreise nach Zangskar. ZDMG, 1906; *Archaeological Notes on Balumkhar // Indian Antiquary*, 1905; а также – статьи в том же периодическом издании о наскальных надписях в горах Западного Тибета.

4. *Archaeological Survey of India. New Imperial Series. Vol. XXXVIII. Part I. Calcutta, 1914. Vol. I. Part II. Calcutta, 1926.*

том содержит археологический материал, собранный во время его путешествия, а второй том, изданный д-ром Ф.У. Томасом, – тибетский текст и английский перевод исторических хроник Ладака⁵.

Этот труд д-ра А.Г. Франке – первая попытка записать все доступные сведения о монастырях, как разрушенных, так и сохранившихся, а также о ступах, каменных скульптурах, эпитафических и других добуддийских памятниках, и подготовить таким образом почву для основательного археологического изучения этого района.

К сожалению, не существует пока крупных монографических исследований городских монастырей Тибета, составляющих характерную особенность страны и веками являвшихся очагами её политической и духовной жизни. Около двадцати лет назад известный немецкий исследователь д-р В. Фильхнер сделал описание монастыря в Кумбуме (sKu-bum byams-ra glin) на северо-востоке Тибета⁶, основанного в 1583 году, хотя храм был построен там уже в 1577-м.

Книга д-ра Фильхнера не претендует на то, чтобы быть исчерпывающей монографией об этом значительном монастыре, а просто даёт его современную картину; ценные монастырские хроники так и не были им изучены. Долгое время это описание оставалось единственным в литературе такого рода⁷. В 1929 году господин Х. Ли Шаттлворт, магистр искусств, опубликовал в своих «Мемуарах» (Archaeological Survey of India, New Imperial Series. Calcutta, 1929. № 39) краткий отчёт о знаменитом храме Лхалун (Lha-lun) в Спити, который ведёт своё начало со времён Ринчена Сангпо (956-1054). Храм представляет собой интересный образец искусства XI века, он богато украшен древней резьбой по дереву и скульптурой, а также надписями, запечатлевшими сведения о реставрации храма и сделанными в разное время правителями Западного Тибета. Эти храмы XI века – многие из них, как известно, находятся в Западном Тибете – следует изучать с величайшим вниманием, т.к. они являются источником материальных свидетельств о периоде, важность которого в истории тибетского буддизма вряд ли можно переоценить. Эти храмы, в большинстве своём, были возведены кашмирскими мастерами, а их скульптуры и стенные росписи представляют собой драгоценные памятники буддийского искусства Северо-Западной Индии X-XI веков. Такие монографические исследования, содержащие деталь-

5. Archaeological Survey of India. New Imperial Series. Vol. I. Part II. Calcutta, 1926.

6. *Filchner W.* Das Kloster Kumbum in Tibet. Berlin, 1906.

7. Крупные городские монастыри Северо-Восточного Тибета, Кумбум и Лабран, известны нам из работ русских исследователей Г. Цыбикова и Б.Б. Барадийна.

ные описания всех находимых в монастырях художественных ценностей, при тщательном изучении летописей и надписей придали бы, несомненно, более конкретный характер сведениям, полученным из древних тибетских рукописей. Только археология может помочь нам воссоздать контуры прошлого Тибета.

В настоящей статье у меня есть намерение обрисовать в общих чертах некоторые из ближайших задач тибетской археологии, а также перечислить направления, приемлемые для исследования. Тибетская культура условно распадается на два класса: культуру долин и культуру высокогорий. Географические условия создали эти две особые формы тибетской культуры, и такое разделение прослеживается через всю историю страны. Современная культура Тибета представляет собой сложное явление, для которого характерно слияние культур кочевников высокогорий, обитателей крупных монастырей и земледельческих поселений в долинах. То, что было сделано для провинций Западного Тибета, остаётся завершить в провинциях Центрального и Восточного Тибета.

Археологические памятники Тибета можно разделить приблизительно на две группы, причём каждая из них содержит дополнительные элементы:

I. Археология добуддийского периода – то есть периода, предшествовавшего распространению буддизма, и первых веков буддийского периода, в течение которых обширные территории страны находились под слабым влиянием нового учения и продолжали исповедовать шаманскую веру, или *бон*. К этой группе древнейших памятников относятся все мегалиты, каменные надгробья, наскальные рисунки, древние алтари *бонпо* (*bon-po*), или *лхатхо* (*lha-tho*), и подобные им монументы. Все памятники бонпо более позднего происхождения относятся к переходному времени, между добуддийским и буддийским периодами, хотя для удобства они могут быть отнесены к первой группе археологических древностей.

II. Археология буддийского периода – от VII века по Р.Х. Она представлена многочисленными памятниками, такими как монастыри, храмы, или *лхакан* (*lha-khan*), ступы, стены *мани*⁸, каменные колонны и другие эпиграфические монументы, гробницы древних тибетских царей в долине Ярлунг, дворцы правителей и знати.

Для удобства рассмотрим каждую группу памятников отдельно.

8. Ряды камней вдоль дорог с написанной на них мантрой «Ом мани падме хум». – Прим. ред.

I. АРХЕОЛОГИЯ ДОБУДДИЙСКОГО ПЕРИОДА

Это обширное и почти нетронутое поле, открытое для научных исследований. Памятники добуддийского периода встречаются по всей стране, но чаще всего – вдоль границ и на высокогорье. Особенно богаты добуддийскими памятниками районы кочевий (Нагцан, Намру, Нагчука, Хорде, или Нубхор, и травянистые оазисы на северо-востоке Тибета). Мегалитические памятники были открыты экспедицией Рериха по Центральной Азии в районе Великих Озёр, к северу от горного массива Трансгималаев. Этот тип памятников представлен единичными менгирами, группами из трёх менгиров (эти группы, очевидно, следует рассматривать как отдельный класс тибетских мегалитов), кромлехами и рядами⁹. Тибетские мегалитические памятники должны быть изучены и описаны. Многие из этих добуддийских священных мест теперь считаются ламаистскими святилищами; менгиры, как утверждают, – это жилища различных божеств ламаистского пантеона.

Каменные могильники, расположенные группами и относящиеся к периоду до VII века по Р.Х., находят в провинциях Хорде и Нагцанг. Несомненно, их можно встретить и в других районах Северного Тибета. Моравские миссионеры открыли интересные могильники в Ладаке по соседству с Лехом¹⁰. Найдены бронзовые и железные диски, а также бронзовые и железные наконечники для стрел. Искусство этих кочевых племён было богато мотивами «звериного» стиля благодаря тесным связям с великим искусством кочевников Центральной Азии.

Интересную проблему представляют так называемые бусины «зи», которые часто находят на обрабатываемых полях; их источником, возможно, являются древние могильники, случайно разрытые во время пахоты. Современные тибетцы платят немалые деньги за эти бусины, а бусина «зи» с семью «глазками» продаётся на тибетском рынке за очень высокую цену. Бусина сделана из агата, и техника её изготовления была утрачена; однако современные тибетцы считают эти бусины игрой природы.

Святилища бонпо часто находят в районе Западного Хора, или Нубхоре, на северо-востоке Тибета, в Западном Тибете и по соседству со старыми общинами бонпо, такими как общины в Южном Тибете, на юге Цангпо и вдоль непальской границы.

9. См.: *Roerich George. Trails to Inmost Asia. New Haven–London, 1931.* (Русск. пер.: *Рерих Ю.Н. По тропам Средней Азии.* Хабаровск, 1982; Самара, 1994. – *Ред.*); *Рерих Ю.Н. Звериный стиль у кочевников Северного Тибета.* Прага: *Scminarium Kondakovianum, 1930.*

10. *Francke A.H. Antiquities of Indian Tibet. Vol. I. P. 71 ff.*

Наскальные рисунки пока были обнаружены только в Западном Тибете (Ладак, Занскар, Лахул), но, без сомнения, они существуют также и в других частях страны. Мне довелось увидеть подобные наскальные рисунки севернее перевала Санжу, в нескольких милях от Там-Караула, расположенного южнее Санжу-базара¹¹. Большая часть этих наскальных рисунков относится к буддийскому периоду, особенно те, на которых изображены общепринятые буддийские символы, например ступы, также дополненные надписями. Не может быть никаких сомнений, что многие наскальные рисунки относятся к добуддийскому периоду и, как показал д-р А.Г.Франке, тесно связаны со сказанием о Гесэре. Добавим, что некоторые изображения, в большинстве случаев – сцены охоты и фигуры горных козлов, могут относиться к древним культам шаманизма, почитанию огня тюрко-монгольскими племенами и принадлежать к тому же периоду, что и наскальные рисунки, найденные в Южной Сибири, Монголии и Русском Туркестане. Бесспорно, многие наскальные рисунки горных козлов представляют собой отображение приношений, совершаемых в пути и оставленных путешественниками в более позднее время. Это ещё один пример того, как древний культ сохраняется и в наши дни благодаря стойкости традиций в Центральной Азии. Подобные наскальные рисунки присутствуют в долине Заравшан и в других районах Русского Туркестана.

Сравнительное изучение различных мотивов наскальных рисунков, найденных в Русском Туркестане, Южной Сибири, Монголии и Тибете, мы полагаем, раскроет многие интересные факты, связанные с этой весьма распространённой в Центральной Азии формой архаичного культа. Убеждён, что культ огня у западных тюрков, описанный известным китайским паломником Сюань Цзаном¹², представлял архаичную форму шаманской веры и не имел никакого отношения к иранским влияниям, которые ему обычно приписываются.

Отдельную группу памятников составляют так называемые пещеры-жилища, которые до сих пор используются жителями некоторых районов Западного Тибета и южной провинции Цанг. Эти пещерные жилища служат преимущественно жилыми помещениями и складами для продуктов на зиму. Очевидно, это очень древняя форма обитания в Тибете, и её следует изучить. Во время пребывания в Тибете мною найден целый ряд таких древних пещер-жилищ в совершенно пустынных районах, отдалённых на много

11. См.: Dr. A.H.Francke. *Tibetische Hochzeitsleder*. 1923. P. 70-71; Pl. I, II, III; Pl. I, 2, 3; Pl. VII, 8; Pl. VIII, 10; Pl. IX, II; Pl. X, 12.

12. Beal. *Life of Hsuan-tsang*. London. P. 43; Watters. *On Yuan-Chwang's Travels*. London, 1904. P. 81.

миль от какого-либо поселения или деревни. Первые последователи бонпо использовали пещеры для своих колдовских обрядов, и изучение этих заброшенных пещер-жилищ может дать интересные результаты.

Монастыри бонпо, часто встречающиеся в Северо-Восточном Тибете, в районе Хора, и в Юго-Западном Тибете, относятся к отдельной группе памятников и являются переходными между добуддийским и буддийским периодами. Многие из них были построены во времена буддизма и свидетельствуют о сильном влиянии ламаистской иконографии.

II. АРХЕОЛОГИЯ БУДДИЙСКОГО ПЕРИОДА

Многочисленные памятники этого периода делятся на несколько хорошо различимых групп. Первый включает большие города-монастыри, относящиеся к позднему периоду тибетского буддизма, такие как Дрепунг (dPal-ldan 'Bras dpun, основан в 1416 по Р.Х.); Сера (Ser-ra Theg-chen glin, 1419); Гандан ('Brog-ri dGa-ldan rnam-par gyal-ba'i glin, 1409) и ещё пять линг в Лхасе; Ташилумпо (bKra-cis lhun-po, 1447); Кумбум; Дерге (sDe-sge); Гончен (dGon-chen); Лабран (La-bran bkra-cis-dkyil, 1709); Самье (bSam-yas, основан в 811 согласно Сананг Сецену; другая традиция называет 798; «царская родословная» (rGyal-rabs) Пятого Далай-ламы даёт дату 766. Этот монастырь обладал одной из богатейших библиотек с большой коллекцией санскритских рукописей, библиотека погибла во время пожара и не восстанавливалась); Тхолинг (mTho-glin, около 1025) и несколько более крупных монастырей в Ладаке, упоминаемых д-ром А.Г. Франке в его работе «Древности индийского Тибета», том I.

Эти монастыри владеют богатыми собраниями живописи, как фресковой, так и выполненной на шёлке (тиб. thang-ka); картинами, вышитыми на шёлке; изваяниями из бронзы, дерева; глиняными фигурками различных божеств; хорошо оснащёнными библиотеками рукописей и ксилографов. Среди манускриптов иногда встречаются санскритские рукописи X-XI веков. Нередко в распоряжении этих библиотек имеются подлинные указы великих лам Лхасы и Шигацзе, которые крайне важны, поскольку содержат датировку и достоверные сведения по соответствующим монастырям и регионам. Храмовые записи этих монастырей должны быть тщательно изучены; и при первой возможности следует получить фотографические снимки всех имеющихся там художественных ценностей.

Вторую группу памятников составляют небольшие монастыри и храмы, называемые *лхакан*. Именно в этой группе встречаются некоторые из наиболее интересных памятников X-XI веков. Провинция Цанг, и особен-

но долина Ньянгчу, изобилуют такими монастырями и храмами, и тщательное их изучение обнаружило бы необычайно богатый материал. Некоторые небольшие монастыри и даже отдельно стоящие *лхакан*, или храмы, имеют редкие собрания ранних ксилографов и интересные фрески, среди них есть датированные и содержащие записи о пожертвованиях. Такие храмы встречаются по всему Южному Тибету и часто – вдоль западной границы страны (храмы относятся ко времени Ринчен Сангпо в Ладаке, Лахуле, Спити и долине Сатледж). Нередко в заброшенных селениях можно обнаружить поразительной красоты храмы или обычные деревенские храмы, полные интересных реликвий. Некоторые из этих селений играли важную роль в прошлом, и их храмы являются единственными сохранившимися свидетельствами своего времени. Интересную группу памятников составляют пещерные храмы, которых не так много, но всё ещё достаточное количество вдоль непальской границы. В большинстве случаев – это уединённые молельни, обычно брошенные после кончины отшельника.

Следующую важную группу образуют ступы, стены *мани* и другие мемориальные сооружения. Ступы раннего буддийского периода (с конца VII по XII век) часто содержат ценные произведения искусства и манускрипты. Речные долины Южного Тибета, такие как Цангпо, Ньянгчу и долина Ярлунг с её погребениями тибетских царей, богаты древними памятниками раннего буддизма. Многие из этих ступ являются объектами поклонения и не могут быть раскопаны, но правительство и некоторые монастыри обладают довольно подробными описями всех предметов и манускриптов, хранящихся в ступах.

Такие списки, или *карчаг* (*dkar-chag*), составляют обширный и важный раздел тибетской литературы, содержащий описание мест паломничества в Тибете, монастырей, храмов, ступ и больших храмовых изображений, а также содержимого ступ и других памятников. Вследствие китайско-тибетских войн в последние два десятилетия китайские, индийские и европейские рынки наводнены множеством священных предметов.

Стены *мани* представляют интерес благодаря нередко помещаемым на них записям о пожертвованиях, а также упоминаниям об исторических событиях.

Тибет богат эпиграфическими памятниками. Кроме колонн с надписями, подобных знаменитой колонне, на которой записан текст китайско-тибетского договора 822 года (одна из наиболее ранних записей в Тибете), нам известно и о множестве других надписей. Они повествуют о важных исторических событиях, посвящениях и перевоплощениях лам, о надписях, отмечающих случаи восстановления храмов и упоминающих об исторических событиях различного масштаба, и о многочисленных обетах,

оставленных богатыми жертвователями и богомольцами. Свод надписей (Corpus Inscriptionum) крайне необходим, чтобы можно было объединить весь обширный рабочий материал, столь бесценный для историка. Эти надписи находят преимущественно в монастырях и храмах, являвшихся центрами политической и религиозной жизни нации. Некоторые из них встречаются даже на обочине дороги, высеченные на скалах и увековечивающие деяния какого-нибудь древнего царя. Дворцы старой тибетской аристократии, многие семьи которой ведут своё начало от древних правителей и вождей кочевых племён, являются настоящими музеями произведений старинного искусства. Они нередко обладают хорошими библиотеками манускриптов тибетских религиозных текстов, написанных старой орфографией. Изучение таких коллекций значительно обогатит наши знания по тибетскому искусству.

Когда всё это обилие материала будет должным образом проанализировано и прокомментировано, можно надеяться собрать воедино данные, разбросанные в обширной тибетской литературе. Мы всё ещё очень далеки от того дня, когда в Тибете будут возможны тщательные археологические исследования. Тибет неотделим от своего прошлого и ревниво хранит древние хроники. Быть может, тот день, когда археологические изыскания станут возможны, никогда не наступит, но, с другой стороны, каждый год приносит новые материалы и новые факты об археологических памятниках этой Потаённой Страны, и есть надежда на лучшее будущее в изучении Тибета. Вся эта масса материала должна быть тщательно сопоставлена с письменными памятниками, и таким образом подготовлена твёрдая почва для будущих исследований светской и сакральной истории Тибета.

Journal of Urusvati Himalayan Research Institute.
New York, 1931. Vol. 1

ГОЛОКИ И ИХ ЭТНИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР

При взгляде на карту Тибета мы обнаруживаем на северо-востоке широкую полосу, называемую «Территорией независимых племён голоков». Эта обширная область начинается на севере от долины Ялунг, ниже Канцзе, простираясь оттуда на восток до Сунпаня в Сычуани, и на севере, пересекая бассейн Хуанхэ, достигает Тао-чу и Лабран Гоу-чена в Ганьсу. Западные исследователи поняли всю важность географического положения этой части Высокогорного Тибета. Не буду приводить здесь длинный список американских и европейских путешественников, осваивавших, пренебрегая опасностями, эти негостеприимные плато с их свирепыми обитателями, голоками, с которыми почти всем им приходилось обмениваться ружейными залпами.

Упрямство этих кочевников, их непрерывные межплеменные войны, активный разбой, которым они промышляют вдоль караванных путей, пересекающих эту пустынную местность, не позволили западным исследователям как следует изучить этот край. Если мы и располагаем какими-то сведениями по его физической географии, то почти ничего не знаем о его кочевых обитателях.

Принято считать, что голоки образуют группу, отличную от панагов и других племён – кампа, обитающих южнее долины Ялунг. Отмечается, что их язык, приближающийся к языку панагов, обладает поразительным сходством с диалектом жителей Центрального Тибета.

Численность голоков оценивается в пределах 13000-15000 палаток. Это одна из самых многочисленных и могущественных групп тибетских кочевников. Они не признают китайские власти Синина и не подчиняются тибетскому правительству Лхасы. Они скотоводы и разбойники с большой долей. Эта последняя профессия создала им широко известную репутацию.

Голоки проводят зиму, весну и лето на своих пастбищах, выращивая скот и готовясь к разбойничьим вылазкам, которые они совершают осенью,

Доклад Ю.Н.Рериха был прочитан Мари де Во Фалипо на XV Международном конгрессе доисторической антропологии и археологии, проходившем в Париже 20-27 сентября 1931 г. – *Ред.*

являющейся лучшим временем года для караванов в высокогорной Азии. Во время этих вооружённых рейдов голоки покрывают огромные расстояния; они разоряют набегами местность за пределами Сычуани вплоть до могущественной Тангла в Тибете.

Сезонные изменения в их занятиях столь же регулярны, как и смена времён года. Китайские и тибетские пограничные власти применяли против разбойников-голоков драконовы меры, которые остались малоэффективными и поныне; напротив, их налёты стали более опасными, с тех пор как мусульманские торговцы из Синина поставляют им современное огнестрельное оружие. В течение многих лет восстановление порядка в этом обширном крае будет составлять одну из самых сложных проблем среди тех, которые предстоит решить китайско-тибетским властям.

Вот краткий очерк того, что известно о голоках.

Ряд благоприятных обстоятельств позволил мне вступить в отношения с этими племенами, изучить их язык, нравы, особенно их этнические свойства. Эти отношения начались с вооружённого столкновения и продолжались в течение многодневного путешествия вместе с большим караваном голоков по пути на Лхасу во время экспедиции Н.К.Периха в Центральную Азию.

При пересечении гор Джербун-Нейджи колонна экспедиции подверглась нападению банды голоков. Благоприятный исход встречи и последовавшие затем переговоры позволили изучить кочевников и задать им вопросы, на которые они мне не ответили бы при других обстоятельствах. С самого начала переговоров, которые длились много дней, нам казалось очевидным, что эти люди, называвшие себя голоками, были самого разного происхождения. В результате подробных расспросов выяснилось, что главарь банды был монгол-отступник из Тейджинера в южном Цайдаме, между тем как остальные казались принадлежащими по крайней мере к трём различным племенам, хотя они и говорили, что все они голоки, или гологи, по названию их племени.

Дальнейшее пребывание в караване, исследования, проведённые среди голоков, совершающих паломничество в Тибет, только подтвердили гетерогенный характер этнического и языкового типа этой группы кочевников.

Собственно, они составились из отступников голоков, няронгов, кампа, из перебежчиков амдосцев, хорпа, цайдамских монголов и тибетцев из центральной и других частей. Далёкие от образования гомогенной этнической группы, они представляют собой всего лишь сборище недовольных, убежавших с территорий, подчиняющихся как китайцам, так и тибетцам. Гетерогенный характер группы племён голоков ясно выражен в самом названии,

которое можно перевести двойным образом: первая форма – mGo-log – дословно означает «повёрнутые головы». Вторая – nGo-log – значит «непокорные». Эти два выражения применяются к недовольным и преступникам, желающим избежать наказания. Форма mGo-log применяется обычно в Тибете; сами голоки предпочитают пользоваться формой nGo-log.

Антропологические исследования ясно показывают гетерогенную природу группы племён голоков. Кажется, что все эти недовольные, пришедшие из различных регионов Тибета и с китайских границ, были сначала вобраны в себя горными племенами данной области, прежде чем образовали вместе с ними союз голокских племён. Местные племена, составившие этническую основу, скорее всего были панагами или, по крайней мере, очень близкими к ним племенами. Панагский элемент кажется доминирующим у современных голоков не только с точки зрения физического облика, но и обычаев, одежды, племенной организации. Это мнение полностью подтверждается антропологическими и лингвистическими исследованиями.

Тип большей части голоков – чисто долихоцефальный, с правильными чертами, выдающимся носом, прямыми или слегка вьющимися волосами, с кавказским разрезом глаз. Этот антропологический тип, очень распространённый среди кочевых племён севера и северо-востока Тибета, очевидным образом указывает на преобладание «кочевого» элемента у голоков. Второй антропологический тип, часто встречающийся у голоков, – брахицефальный, с монголоидными чертами: выступающими скулами, монгольским разрезом глаз, курчавыми волосами и крепким телосложением. Наличием этого типа голоки обязаны сильной примеси тибетской крови из центральных, южных и юго-восточных провинций. Надо заметить, что если мужская часть племён отличается большим разнообразием типов, то женская остаётся почти неизменной.

Та же разница обнаруживается в голокских диалектах. Они не являются гомогенной языковой группой и имеют различное происхождение. Так же как и в этническом составе голокских племён, доминирующее влияние кочевников северо-восточного Тибета ощущается в диалектах. Произношение некоторых префиксов, смена некоторых из этих префиксов на задненёбный носовой звук, смена аффрикат на соответствующие палатализованные зубные согласные, словарный запас – вот отличительные черты этой группы диалектов. Постоянный приток бунтовщиков, прибывающих из провинций центрального Тибета, из Амдо, из Кама, даёт сильную примесь других тибетских диалектов, что объясняет повторяющееся утверждение о том, что голокский диалект – близкий родственник разговорного диалекта Центрального Тибета.

Верования голоков являют те же расхождения и отличаются большим разнообразием. Некоторые группы голоков исповедуют ламаизм секты жёлтошапочников или разных вторичных сект, как нъяннгапа – старой, не реформированной секты тибетского буддизма. Значительная группа голоков исповедует старую добуддийскую веру, религию бон. Я полагаю, что эта религия проникла на территорию голоков из провинции Джаде, древнего оплота этой веры. Религия бон, должно быть, принесена беглецами-хорпа, образующими внушительную группу голоков, о чём свидетельствуют и названия многих племён, например «хор-ген», что дословно означает «древние хоры».

Полное отсутствие письменных документов не даёт почти никакой возможности реконструировать прошлое конфедерации голоков, в которой ещё не закончился процесс формирования. Во время магометанского восстания 1861 года многочисленные становища кочевников покинули свои пастбища на западе Сычуани, вокруг Сун-Паня, и бежали к голокам. Это повторялось не единожды в течение последних китайско-тибетских войн. Различные племена кочевников (кочевники богатых травой земель Илун, кочевники провинции Амдо и других) не переносят военные китайские власти и со всеми своими стадами отходят на территорию голоков. Недавно правительство Тибета должно было принять энергичные меры, чтобы усмирить племена голоков, и те из них, которые носят название *то-ги* голоков (sTod-Kyü, верхние, – тиб.), были вынуждены в некоторой мере признать представителей лхасского правительства. Губернаторы тибетских пограничных районов силились сами организовать из беспокойных групп голокских племён род пограничной милиции, в обязанности которой входила бы защита тибетской территории от вероятных нападений, которыми постоянно угрожают китайско-магометанские власти Синина в Ганьсу. Насколько мне известно, эта попытка стабилизации северо-восточной границы Тибета не имела большого успеха. «Низовые голоки», или *мэ-ги* (sMad-Kyü mGo-log), располагающиеся на тучных пастбищах к югу от Лабрана, остались независимыми и оказали ожесточённое сопротивление магометанской кавалерии пограничного комиссара Синина. Организация этих племён недовольных, образующая конфедерацию, обладает поразительным сходством с организацией поселений казаков на юге и юго-востоке России в XVI в. Без сомнения, сравнительное изучение этих двух движений выявит интересные параллели.

Итак, вот результаты моих исследований, проведённых среди голоков:

1. Гетерогенная природа группы голокских племён, представляющих собой «профессиональную конфедерацию». Профессиональный характер группы демонстрируют названия некоторых племён. Например «ардзюн»,

название самого могущественного племени, означает «разбойник с большой дороги».

2. Преобладание у голоков «кочевого» этнического типа, имеющего тенденцию к поглощению (вбиранию в себя) гетерогенных элементов, из чего следует, что это переходный этнический тип.

3. Голокские диалекты представляют собой «смешанные» диалекты. В настоящее время возможно рассматривать голокский язык как языковую группу.

4. Группа тибетских племён голоков находится ещё в процессе формирования.

*XV Congrès International d'Anthropologie et d'Archéologie Préhistoriques.
Paris, 1932*

АЛАНСКИЕ ДРУЖИНЫ В МОНГОЛЬСКУЮ ЭПОХУ

«Они являются в наши дни величайшим и благороднейшим народом мира, прекраснейшими и храбрейшими людьми» – так писал об аланах францисканец Мариньоли, посланный Папою Бенедиктом XII ко двору Великого Хана в 1342 году. В этих словах отразилась слава аланских князей и дружинников, способствовавших созданию величия Монгольской династии Юань.

В XIII веке, ко времени монгольских походов, вся область к северу от Дербента до устья Волги была населена аланскими племенами. Со времени монгольской эпохи аланские племена называются *ас* (откуда китайское *а-су* и монгольское множественное число *асол*), идентичное с древнерусским *ясы* (впервые засвидетельствовано в 936 г. по Р.Х.) и с грузинской формой *ос*, откуда современное название народа – осетины. Под именем *ас* аланы известны писателям эпохи: Плано Карпини (1246), Рубруку (1253), Рашид-ад-дину, Ибн-Батуте и венецианцу Иосафату Барбаро (XV в.).

Первые столкновения монгольских войск с аланами относятся ко времени 1221-1223 гг. В 1221 году монгольская конная армия (три тьмы, или корпуса) под начальством Субедей-багатура, Джебе-нояна и Тогучар-багатура была двинута в преследование отступающих частей Хорезмшаха Мохаммеда. В задание, данное монгольским военачальникам, входило неустанно преследовать войска Хорезмшаха, по возможности не трогая городов и мирных жителей. Переправившись через Амударью, монгольская конница вторглась в северо-восточный Иран. Один за другим пали Туш, Рей, Казвин, Хамадан, Тебриз. Хорезмшаху не удалось организовать серьёзного сопротивления, сам он бежал на остров Абаскун на Каспийском море, где вскоре и умер. Пройдя с боем северную Персию, монголы повернули на север, к Кавказу. При Хунаине они разбивают грузин (февраль 1221 г.) и через Дербентский проход вторгаются в северный Кавказ. Здесь произошло первое столкновение между монгольскими войсками и аланами, действовавшими в союзе с кипчаками, лезгинами и черкесами. Первые столкновения не привели к решающим результатам, и монголам удалось одержать верх только склонив на свою сторону кипчаков, союзников алан. Пройдя Кубань, монголы наголову разбивают половцев, а 31 мая 1223 года наносят

поражение соединённым силам русских князей и половцев при Калке. Обратный поход на соединение с главными силами монголов в Туркестане совершился через кипчакские степи, к северу от Каспийского моря. Так закончился этот поистине замечательный конный рейд, подготовивший монгольский поход на Россию* и Европу. Нововведения монгольской тактики оказались не под силу их противникам, не знавшим твёрдой военной организации. Тактика монгольских конных лучников, поражение и сковывание противника «огнём» стрел, явилась предвестником современного огневого боя. Сочетание огневой тактики и маневра, глубокие охваты неприятельских флангов, использование местности, гениальная организация походного движения и продуманная подготовка операций сделали из монгольской конницы поистине непобедимую силу в руках её начальников.

Монгольский поход через Туркестан и Персию не ознаменовался серьёзным сопротивлением продвижению монгольских конных масс. На фоне общей дезорганизации и почти повсеместного бегства наши источники особо отмечают упорное сопротивление, оказанное аланскими дружинами. Многовековая военная культура алан столкнулась в кровавом бою с пришельцами с Востока. Монгольские полководцы, всегда гениально оценивавшие качества и особенности своих противников, особо отметили доблесть аланских дружин. Этот поединок сделал из монголов и алан соратников, и это тесное боевое сотрудничество продолжалось до конца монгольской эпохи. Рубрук указывает на упорное сопротивление, оказанное аланами в столкновениях с монголами. Плано Карпини упоминает об аланской крепости, которую монголы осаждали 12 лет. О защите этой крепости говорит также арабский писатель Абу-л-фида. Крепость эта, по всей вероятности, находилась у знаменитого Баб-Ал-Лан – «Аланских Ворот».

Во время монгольского похода на Запад при хане Угедее в 1236-1241 гг., монгольские войска под начальством Батыя снова вошли в соприкосновение с аланскими племенами. С этого времени аланские конные отряды постоянно участвуют в монгольских походах. Из 1000 аланских всадников создаётся личная гвардия Великого хана – особое отличие, принимая во внимание организацию монгольской гвардии. При хане Мунке аланская гвардия развёртывается в несколько конных полков, причём в состав гвардии входит дружина аланского князя Арслана, младший сын которого Николай принял участие в походе в южно-китайскую область Юнь-нань. При Хубилай хане (1260-1294) аланская гвардия насчитывала до 30000 всадников. С этого времени аланские военачальники и отряды многократно

* Название «Россия» возникло только в конце XV в. и до начала XVIII в. употреблялось наряду с названием «Русь». – *Ред.*

отличались в рядах войск Великого хана, и аланская гвардия продолжала существовать до конца династии, в составе двух корпусов. Китайские исторические анналы и труд Марко Поло (1272-1295), этот исключительный по значению источник по истории XIII века, говорят об участии аланских отрядов во время похода Хубилай хана на Китай (1268-1279). Отправляя войска под начальством Баяна против Китая, Великий хан назначил в армию наиболее выдающихся офицеров, в том числе многих алан. При взятии города Чжэнь-чао, к северу от Янцзыцзяна, в 1275 году несколько аланских военачальников погибли, павши жертвою коварства китайского генерала Хун-фу, сдавшего город, а затем ночью устроившего истребление. Гарнизон крепости был уничтожен, город был лишён прав, а доходы, получаемые с города, были переданы повелением Великого хана семьям погибших аланских воинов. Китайская летопись сохранила нам имена погибших алан. Под 1311 годом читаем в летописи Монгольской династии Юань, что в одном из гвардейских полков *a-cy* (алан) служил аланский князь Кэ-ли-чжи-сы (Георгий) и его сын Ди-ми-ди-эр (Дмитрий). Большинство этих алан были христианами, и в начале XIV века среди них много потрудился Иоанн де Монте Корвино, первый христианский архиепископ Ханбалыка (Пекина), скончавшийся в 1328 году.

В 1336 году Великий хан отправил посольство к Папе Бенедикту XII. Во главе посольства стоял некто Андрей, родом франк, и при нём состоял алан Тогай и 13 спутников. Посольство было принято Папою в Авиньоне в 1338 году. Кроме ханских грамот Посольство передало послание аланских военачальников на службе Великого хана. Этот любопытный документ, дошедший до нас в нескольких списках, подписан рядом аланских князей (послание датировано годом Мыши, 6-го месяца, 3-го дня, т.е. июль 1336 г.): Fodim Iovens, именуемый царём алан, Chyansam Tongi, Chemboga Vensii, Ioannes Yochoy и Rubens Pinzanus. Долгое время считали эти имена вымышленными, но учёным удалось найти некоторые из вышеуказанных имён в Юань-ши, китайских анналах Монгольской династии Юань, хотя в некоторых случаях трудно по китайской транскрипции восстановить настоящие имена. Выяснено, что в 1236 году действительно глава всех алан на монгольской службе назывался в китайской транскрипции Фу-дин, что соответствует Fodim, и что среди аланских князей были двое, носившие имена Сян-шань (Chyansam) и Чжо-янь-бу-хуа (Chemboga, вероятно, Джаян-буха). В китайских анналах Монгольской династии Юань сохранились биографии этих аланских военачальников на службе Великого хана. Чжо-янь-бу-хуа (Джаян-буха), сын Цзяо-хуа (этот Цзяо-хуа был внуком аланского князя Николая, поступившего на службу к Великому хану Мунке), был, согласно Китайским Анналам, выдающимся офицером и в 1329 году

командовал отрядом в 400 аланских всадников. В 1336 году он уже занимал высокий пост Начальника Военного Ведомства (Цюй-ми-юань) и командовал левофланговым корпусом аланской гвардии.

Фу-дин наследовал своему отцу Во-ло-сы (Василий). Он состоял даргой, или начальником штаба правофлангового корпуса аланской гвардии. В 1311 году занимал должность в Военном ведомстве (Цюй-ми-юань). Несколько позже он был послан во главе отряда в 1000 человек охранять Цянь-минь-чжэнь (около Дун-коу в Да-нин-лу в Маньчжурии). Около 1335 года был назначен главою Военного ведомства.

Другим выдающимся сподвижником монголов был Е-ле ба-ду-эр (Илья батур), поступивший на монгольскую службу в правление хана Угедея. Он был известен тем, что поймал за язык тигра, напавшего на него, и убил его кинжалом. Во время правления Мунке и Хубилая он принял деятельное участие в усмирении долины Янцзыцзяна. Погиб при взятии города Чжэнь-чао в 1275 году. Оба его сына служили в монгольских войсках, старший, Е-су-тай-эр, погиб при взятии Ян-чжэу, младший, Ю-ва-ши, был назначен командиром аланского корпуса во время похода против Китая в 1275 году и позже участвовал в походах против Наяна и Кайду.

Вышеприведённые сведения об аланских военачальниках на службе Великого хана не исчерпывают всех данных об аланах, приводимых в китайских анналах Монгольской династии Юань и в других источниках монгольской эпохи. Эти воители, пришедшие с Кавказа, оставили глубокий след в жизни Китая монгольской эпохи. Их потомки, видимо, продолжали играть известную роль и при следующей китайской династии Мин. Но затем все упоминания об аланской гвардии исчезают, так же как бесследно исчезла военно-земледельческая колония русских воинов около Пекина, упоминаемая в Юань-ши под 1330 годом. Возможно, что одиноким воспоминанием об аланах является род *яс* среди хотонов Западной Монголии, хотя сами хотоны не имеют ничего общего с аланами, представляя собой тюрков, выселенных из областей Восточного Туркестана.

Такова картина аланского участия в великом монгольском движении XIII-XIV вв. За свою многовековую историю этот народ-воитель принял участие во многих великих народных передвижениях, которые связали аланские имена с историческими городами и местностями Европы и Азии. Под знаменами монгольских ханов аланский меч снова начертал славную страницу своей истории.

Осетия. Журнал Комитета осетиноведения (Париж).

1933. № 4-5-6

ВЕЛИКИЕ КОЧЕВЬЕ ИМПЕРИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Средняя Азия* – это область вечных снегов и пустынь. Многовековая дессикация, вызванная сокращением ледников, питающих горные реки, суровая зима и палящее лето наложили свой неизгладимый отпечаток на природу сердца Азии. Когда мы говорим о Средней Азии, в нашем представлении встают горные хребты, увенчанные высочайшими в мире снежными вершинами, и безбрежные пустыни, проходимые только в зимние месяцы. Известный британский исследователь сэра Ауэрел Стейн назвал эти среднеазиатские пустыни «настоящими, или подлинными пустынями» в отличие от пустынных областей Ближнего Востока, ибо в первых отсутствует всякая жизнь, тогда как вторые ещё в состоянии прокормить многочисленные племена кочующих арабов.

Суровый характер природы наложил свой отпечаток и на характер населения Средней Азии, и на ход исторических событий. Действительно, Средняя Азия – область великих сдвигов. Когда мы произносим слово – Монголия, мы сейчас же вспоминаем великих монгольских завоевателей и беспримерный размах их воинского дерзания, когда граница Монгольской империи действительно покоилась на арчаке седла монгольского всадника.

Когда говорим о Тибете – перед нами встают образы великих буддийских подвижников, явивших миру небывалый пример борьбы человека с самим собой. Говоря о Туркестане, мы вспоминаем великие караванные пути, связывающие страны Запада с областями Дальнего Востока, пути, по которым шёл обмен культурными ценностями и по которым символ креста достиг и утвердился в степях добуддийской Монголии. В этой среде дерзаний и борьбы создавались своеобразные общие черты для всех племён, населяющих Среднюю Азию, и потому Восточный Туркестан, Монголия и Тибет представляют из себя известное единство.

* В данной статье и далее Ю.Н.Рерих использует различные термины для обозначения понятия «Центральная Азия» – Средняя Азия, Срединная Азия, Внутренняя Азия. – *Прим. ред.*

Для нас, русских, эти области представляют особый интерес, не говоря уже о тысячевёрстной среднеазиатской границе Державы Российской, ибо прошлое Средней Азии тесно связано с нашим прошлым. Только уяснив себе это прошлое, мы будем в состоянии правильно оценить явления истории России и осознать те общие корни, которые неразрывно связывают исконную Русь со странами Востока.

Средняя Азия является обширным внутренним бассейном, ограниченным с юга параллельными цепями величайших горных хребтов Гималаев; северная граница области проходит по Алтаю и вдоль горных хребтов, образующих южную границу Сибирской низменности. На востоке и на западе этот внутренний бассейн переходит в великую Монгольскую Гоби и в пустынно-степные области Русского Туркестана.

Восточный Туркестан – это, собственно говоря, бассейн реки Тарима, реки, берущей своё начало в хребтах Каракорумской горной системы и теряющей свои воды в озере Лобнор. Центральные районы этой области заняты пустыней Такламакан. Южная граница области образована Куньлуньским горным хребтом. На западе область ограничивается Памиром, хребтом Мустаг-ата и южными разветвлениями Тянь-шаньской горной системы. Северная граница области проходит по Тянь-шаньскому хребту. На востоке пустыня Такламакан переходит в Монгольскую Гоби. К северу от Тянь-Шаня лежит Джунгарская низменность, которая по своим физико-географическим особенностям и по составу населения принадлежит к монгольскому миру. В бассейне Тарима культура носит ясный оазисный характер. Отсутствие осадков, возможность земледелия исключительно по долинам рек, уровень которых зависит от таяния снегов в горах, навсегда определили характер политического устройства страны. Оазисы, расположенные по берегам немногочисленных рек, берущих своё начало в Куньлуньском хребте на юге и Тянь-Шане на севере, явились центрами политической жизни области с древнейших времён. К северо-востоку от Восточного Туркестана простирается Монголия, страна необъятных степей, сохранившая и по сей день характер оплота кочевого быта. Эту громадную страну можно разделить на несколько ясно обозначенных областей: северо-западную, или гористую, южную – гобийскую, и восточную, область степей и полупустынь. В смысле растительного покрова страна делится на несколько поясов, явившихся центрами зарождения мощных кочевых империй: южный травянистый пояс, простирающийся к северу вдоль Китайской Великой стены, в настоящее время заселённый китайцами-переселенцами, а в древности явившийся одним из центров гуннской державы; затем гобийский пояс песчаных и каменистых пустынь, за который китайские полководцы постоянно стремились отбросить вооружённые силы гуннских ханов; и

наконец северный травянистый пояс, переходящий в лесостепь северных областей Монголии, родина гуннов III в. до Р.Х. и монголов Чингисхана.

К югу от Монгольской Гоби лежит высочайшая в мире горная страна – Тибет. Обычное представление о Тибете как о плоскогорье, или плато, не всегда соответствует действительности. О плоскогорье или, вернее, нагорье можно говорить только в отношении Северного Тибета. Географическая граница Тибета представляет ясно выраженную естественную линию. На севере географической границей является Куньлунь с его восточным продолжением – Алтынтагом и Наньшанем. Южная граница пролегает по главному хребту Гималаев. Западная граница образуется стыком трёх величайших горных систем: Куньлуны, Каракорума и северо-западных Гималаев. На востоке тибетские нагорья переходят в индо-китайские горные системы с меридиональным простираением.

Юго-восточная граница Тибета ещё совершенно мало изучена, и установление её тесно связано с вопросом о восточном продолжении Гималайского хребта.

Тибет разделяется на две крупные и ясно выраженные области: область северных нагорий и периферическая область Южного и Восточного Тибета.

Область северных нагорий представляет из себя складчатую страну, перерезанную несколькими параллельными горными хребтами. Денудационные процессы сгладили рельеф страны. Одновременно с процессом сглаживания горных хребтов шло поднятие уровня межгорных долин, заполнявшихся наносным материалом, продуктами выветривания горных хребтов. Это интенсивное сглаживание рельефа страны и породило представление о Тибете как о типичном плато. Южная и восточная периферическая область прорезана глубокими горными долинами, в которых текут величайшие реки Восточной и Южной Азии: Ганг, Брахмапутра, Салуин, Меконг и Янцзы.

Эта двойственность в физико-географическом строении Тибета отразилась и на характере быта тибетских племён: северная область травянистых нагорий – исконная родина кочевых племён, сохранивших в чистоте кочевые традиции глубокой древности; южная и восточная области глубоких горных долин явились колыбелью той своеобразной теократической культуры, замкнувшей Тибет от остального мира.

Интерес к странам Средней Азии пробудился ещё в древности. Классическая древность оставила нам фрагментарные сведения о народах среднеазиатских степных областей. Древний шёлковый путь, начинавшийся у берегов Сирии, проходивший затем через Евфрат и Тигр по южному побережью Каспийского моря, по направлению на Балх и Памир и затем пересекавший пустыни Восточного Туркестана, провинцию Ганьсу

и оканчивавшийся в Сианьфу, служил тем звеном, по которому проникали сведения о Китае и Средней Азии в страны Ближнего Востока и на Запад. «География» Птолемея сохранила для нас сведения о Китае и Средней Азии, собранные около I века по Р.Х. неким Марием, родом из Тира.

К IV в. и началу V в. по Р.Х. относится путешествие китайского паломника, буддийского монаха Фа-сяня (399-415), посетившего в Индии священные места буддизма и оставившего чрезвычайно ценное описание своего путешествия. Путь его лежал через Восточный Туркестан и Памир. Обратный путь в Китай он проехал морем и в своём описании упоминает об острове Ява.

К VII в. относится замечательное путешествие китайца-буддиста Сюань-цзана, автора ценнейшего описания всего пройденного им пути под заглавием «Записки о западных странах». Выехав из Китая в 629 г., он через Восточный Туркестан достиг берегов Иссык-Куля в Семиречье, откуда через Согдиану, или Русский Туркестан, проник в Афганистан и Индию.

*Газета «Русское Слово» (Харбин),
18 ноября 1934 года*

ГРАМОТА ЦАРЯ ПЕТРА I К ЛУБСАН-ТАЙДЖИ И ЕЁ СОСТАВИТЕЛЬ *

В Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА) хранится небольшая коллекция документов на тибетском языке, в основном представляющих собой разрозненные листы ксилографической печати из различных книг буддийского содержания. Среди них имеется рукопись в один развёрнутый лист, содержащая написанный тибетскими буквами текст на монгольском языке – письмо Петра I к монгольскому князю Лубсан-тайджи, с которым, как известно, русское правительство поддерживало во второй половине XVII в. обмен посольствами¹.

Прежде чем приступить к расшифровке и исследованию монгольского текста, необходимо было выяснить два существенных вопроса: зачем понадобилось письмо к монгольскому князю, составленное на монгольском же языке, писать тибетскими буквами? Кто мог в Москве в конце XVII в. написать письмо подобным способом?

По поводу первого вопроса можно сказать следующее: запись тибетскими буквами монгольского текста в феодальной дореволюционной Монголии была явлением довольно обычным, поскольку тибетская грамота была достаточно широко распространена среди лам и аристократических княжеских семей. Тибетский язык был «языком высших достижений культуры»² среди монголов, в то же время недоступным для широких народных масс. От XVII в. до нас дошло не так уже много подобных записей. Всё же в русских архивных материалах имеется несколько упоминаний о таких текстах. На это указывает, в частности, В.Л. Котвич, который сообщает, что «Галдан прибежал к такому способу письма»³. Известно, что в Москве получались письма от монгольских и ойратских князей, написанные

* Работа выполнена совместно с Н.П. Шастиной. – *Прим. ред.*

1. Подробно о Лубсан-тайджи см.: *Шастина Н.П.* Алтын-ханы Западной Монголии в XVII в. // Советское востоковедение. Т. VI. Л., 1949. С. 383-395; *Она же.* Русско-монгольские посольские отношения XVII века. М., 1958. Гл. I и III.

2. *Б.Владимирцов.* Рецензия на книгу П.К.Козлова «Монголия и Амдо и мёртвый город Хара-хото» // Восток. 1923. Кн. 3. С. 174.

3. *В.Л.Котвич.* Русские архивные документы по сношениям с ойратами в XVII и XVIII вв. // Известия Российской академии наук. VI серия. Т. XIII. 1919. С. 1204. Прим. 3.

тибетскими буквами. И нет ничего удивительного, что и в ответ им предполагалось послать письмо, написанное подобным же способом. Всё же можно думать, что обнаруженное в ЦГАДА письмо было единственным образцом такого рода.

Вполне уверенно можно ответить и на второй вопрос, – кто же смог в Москве написать письмо на монгольском языке тибетскими буквами. Это мог сделать только один человек – переводчик Посольского приказа Павел Иванович Кульвинский. Уверенность этого утверждения основана на следующих соображениях. Во-первых, о Кульвинском известно, что он знал «тангутское» (т.е. тибетское) письмо. Во-вторых, монгольский язык найденного документа весьма своеобразен и недостаточно совершенен. Таким языком мог говорить и писать только русский, а не монгол или бурят, это язык русского человека, знающего разговорную речь западных монголов. А таким человеком, который при этом мог записать монгольскую речь тибетскими буквами, мог быть только П.И.Кульвинский.

Небезынтересно остановиться на деятельности и биографии этого переводчика. П.И.Кульвинский был человеком далеко незаурядным. Его переводческая деятельность, следы которой дошли до нас в многочисленных образцах, позволяет считать его выдающимся для XVII в. знатоком монгольских языков. Его жизненный путь был довольно необычен и достаточно труден и, несомненно, заслуживает внимания и описания.

Наиболее полным источником для составления биографии П.И.Кульвинского является поданная им в Посольский приказ «сказка», представляющая собой автобиографическую записку, в которой даны сведения до 1696 г. Этот документ был опубликован С.А.Белокуровым⁴ и долгое время служил единственным источником сведений о деятельности Кульвинского⁵. Дополнением к «сказке» служит статейный список П.И.Кульвинского о его посольстве 1667 г. к ойратским князьям Сенге и Чокуру⁶. В дошедшем до нас экземпляре описи отсутствуют начальные листы, рассказ начинается с описания действий русского посланца в ставке Чокура. (Сведений об отправлении посольства, об указаниях, полученных от томского воеводы, о пройденном пути не сохранилось.) Даже в неполном виде список состоит из 32 листов скорописи XVII в. и составляет отдельное дело в фонде Посольского приказа ЦГАДА. Он был опубликован Дж. Бэддли⁷.

4. См.: С.А.Белокуров. О Посольском приказе. М., 1906. С. 147-150.

5. См.: А.И.Востриков. С.Ф.Ольденбург и изучение Тибета // Записки Института востоковедения Академии наук СССР. Т. IV. 1935. С. 62; В.Л.Котвич. Указ. соч., с. 1206.

6. ЦГАДА. Ф. 126 (Посольский приказ), 1667 г., д. 3.

7. J.F. Baddeley. Russia, Mongolia, China. Vol. 1. London, 1919. Supplement.

Биографические сведения о Кульвинском, относящиеся к годам после 1696 г., содержатся в «делах о Посольском приказе и о служивших в нём»⁸. В этом фонде имеются погодные списки переводчиков и толмачей с указанием получаемого оклада – «Имянные росписи Посольского приказа переводчикам разных языков», а также отдельные дела по челобитьям. В числе последних имеются три дела с челобитьями П.И.Кульвинского от 1689, 1696, 1707 гг.⁹, содержащие интересные факты из его биографии. Кроме этих документов, в фондах Посольского и Сибирского приказов хранится немало переводов П.И.Кульвинского с монгольского и калмыцкого языков – как выполненных им самим (это можно установить по почерку), так и выполненных кем-то другим и только отредактированных и подписанных П.И.Кульвинским.

Пользуясь всеми указанными материалами, можно довольно полно воссоздать биографию П.И.Кульвинского, хотя установить даты его рождения и смерти можно лишь приблизительно.

Павел Иванович Кульвинский родился, по-видимому, между 1635 и 1640 г. Он был родом из литовских шляхтичей и за что-то был сослан в Сибирь, где провел больше двадцати лет. Как и многие политические ссыльные в XVII в., он находился на «государевой службе». Сперва местом его ссылки был Томский острог (ныне город Томск), затем он был переведен в Тобольск, где служил «во дворянх».

Во время службы в Томске П.И.Кульвинского дважды посылали к ойратским князьям Сенге и Чокуру Убаши тайджи, с которыми велись переговоры о торговом обмене и принятии ими русского подданства. При отправлении посольства в 1667 г. П.И.Кульвинскому было поручено не только выполнить эти два важных задания, но и выяснить возможность беспрепятственного проезда в Китай через кочевья ойратских князей (незадолго до этого из Китая вернулись Сеиткул Аблин и Иван Перфильев, подвергшиеся по дороге нападению). Сделать это было далеко не просто ввиду напряжённого положения на южных границах Сибири: как раз в эти годы ойратские князья вместе с киргизскими, во главе которых находился Еренак Ишеев, организовали поход на красноярских, енисейских и томских ясашных людей, уже давно ставших российскими подданными¹⁰. В этих условиях переговоры о принятии российского подданства ойратами требовали больших усилий со стороны П.И.Кульвинского. Он писал

8. ЦГАДА. Ф. 138.

9. ЦГАДА. Ф. 138, 1689 г., д. 13; 1696 г., д. 4; 1707 г., д. 24.

10. См.: Л.П.Потапов. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957. С. 46.

впоследствии в своей «сказке», что ему подолгу приходилось жить в ойратских кочевьях в ожидании приёма у князя и получения ответа на «государево послание», причём его не всегда снабжали «кормом»; т.е. полагающимся по посольскому обыкновению содержанием. Так, князь Чокур Убаши тайджи в 1667 г. совсем не хотел принимать П.И.Кульвинского, настаивал на его немедленном отъезде в Томск и в течение 20 дней не выдавал ему и его спутникам продовольствия¹¹. Впоследствии Кульвинский жаловался, что в посольских поездках к ойратам «всякую нужду и бедность терпел и скверность всякую принимал и в тех посылках дальних и бескорыстных мне учинилось оброну 150 рублёв»¹².

Уже в первое своё посольство П.И.Кульвинский понял, что незнание им калмыцкого или монгольского языков очень мешает при ведении переговоров. Он привёз князю Чокуру государеву грамоту, написанную «бухарским письмом»¹³. Тут же выяснилось, что этой письменности ойраты не знают¹⁴. Пришлось Кульвинскому срочно искать человека, знавшего «бухарское письмо».

Почти такое же положение с чтением государевой грамоты повторилось и в улусе князя Сенге. Вот как описывает Кульвинский этот случай: «А великих государей грамоту он Сенге распечатал и дал бухарцом переводить и бухарцы при нас перед ним тайшею великих государей грамоты не переводили, а говорили с ним тайшею бухарцким шёпотом на ухо»¹⁵.

Несомненно, П.И.Кульвинский понимал, что подобный способ ведения переговоров несостоятелен и незнание им калмыцкого языка усугубляет неудачи в переговорах. Будучи человеком способным, он во время затянувшегося пребывания среди ойратов принялся за изучение монгольского языка и хорошо овладел не только разговорной речью, но и монгольской письменностью. Вероятно, в это же время он научился и тибетской грамоте. Он мог научиться этому нелёгкому для европейца языку у образованных лам, тибетцев по национальности, которых немало проживало в ставках ойратских князей. Насколько хорошо овладел Кульвинский

11. ЦГАДА. Ф. 126, 1667 г., д. 3, л. 9.

12. Цит. по: С.А.Белокуров. Указ. соч., с. 147.

13. В данном случае под «бухарским письмом» следует понимать арабский шрифт, определить же, на каком языке было написано письмо, на основании данных статейного списка Кульвинского затруднительно. По аналогии с дошедшими до нас другими письмами можно предположить, что и в данном случае был использован, по терминологии XVII в., «ногайский» язык.

14. Князь Чокур заявил Кульвинскому: «Мы де калмыцкую грамоту знаем, а бухарского письма честь не умеем». – ЦГАДА. Ф. 126, 1667 г., д. 3, л. 8.

15. Там же, л. 14.

тибетским языком, по дошедшим до нас материалам судить было трудно: до сих пор единственным источником являлось его собственное утверждение о знании им языка. Обнаруженное ныне письмо является новым доказательством его знаний. Нужно признать, что он сумел достаточно точно передать звуки монгольской речи тибетскими буквами, различая, например, переднеязычный глухой «т» от переднеязычного звонкого «д» или глухой «к» от взрывного звонкого «г» и находя для них точные тибетские эквиваленты. Эта свидетельствует о его достаточно глубоких познаниях в тибетской грамоте. Теперь уже не приходится сомневаться в праве П.И.Кульвинского называть себя переводчиком «калмыцкого и мунгальского и тангутского письма»¹⁶.

Подобно другим российским посланцам П.И.Кульвинский собирал сведения о положении ойратских князей, об их взаимоотношениях с соседями, о событиях, происшедших в окрестных государствах, в частности в Китае. Он записал очень кратко те рассказы, которые циркулировали среди монголов, о свержении императора династии Мин маньчжурами. Сведения эти, по-видимому, весьма занимали монголов. Почти полвека прошло со времени этого события, однако монголы и ойраты не только помнили о нём, но и поведали рассказ об этом русскому посланцу. Этот случай является одним из многих свидетельств того, что народы Центральной Азии с возрастающей тревогой смотрели на всё усиливающееся государство маньчжуров, начинавшее весьма активно угрожать независимому положению близлежащих княжеств и государств. Вот что записал П.И.Кульвинский: «А в Китайском [государстве] людей воинских конных немного, пехоты с огненным боем тысячь з десять, а на караулах по башням стоят наёмные немцы. А китайского царя обманом убил богдойский царь и ныне большой китайский город за богдойским. А в малом городе китайском посадил богдойской от себя посаженника, прежнева китайскова царя сына ево Даинмаху лет в шестнадцать. И в том городе все люди торговые живут, а воинских людей мало. А серебро в Китайском от большево города недалече, гора над рекою небольшою, а ис тое горы руда серебряная сыплетца в воду, а из воды емлют тое руду решетами, а плавают в оршках глиненых. А золото в Китайское привозят на верблюдах, а ездят дватцать дней по золотую руду и плавают в Китайском. А воденного ходу ис Томского до Китайского дня за полтретья недоходя»¹⁷.

П.И.Кульвинский собрал также сведения о военных силах ойратских князей. Самыми сильными, по его данным, были князь Сенге и Калдама тай-

16. Цит. по: С.А.Белокуров. Указ. соч., с. 147.

17. ЦГАДА. Ф. 126, 1667 г., д. 3, л. 29.

ша, располагавшие войском по 15 тыс. человек каждый. У других ойратских князей силы были значительно скромнее: Чокур и его сын Баахан имели всего две тысячи воинов, а известный Аблай тайша – три тысячи, у двоюродного же брата Сенге по имени Ахай Данжин было всего 500 воинских людей.

Сведений о втором посольстве П.И.Кульвинского к ойратам пока ещё не обнаружено, но в упомянутой «сказке» говорится, что он был посылаем к Сенге дважды и прожил там «больши трёх лет»¹⁸.

Кроме поездок в Монголию П.И.Кульвинский ездил также послом к киргизскому князю Еренаку Ишееву, который в 60-80-х годах XVII в. возглавлял енисейских киргизов и был вдохновителем и организатором многочисленных набегов на мирные русские и ясашные селения¹⁹. П.И.Кульвинскому удалось добиться временного соглашения и даже, по его словам: «киргизских князцов и улусных их людей к шерти привёл и ясак на великих государей весь сполна я с них взял и аманатов они в Томской город дали»²⁰.

В 70-х годах П.И.Кульвинский был переведён из Томска в Тобольск. Оттуда он был отправлен в 1676 г. в Кодские городки, находившиеся в низовьях Оби, для переписи ясашных захребетных людей. Он зарегистрировал 423 ясашных, собрал с них первый ясак и обнаружил ещё недорослей 660 душ, на которых составил приёмные книги. Все эти собранные сведения и материалы П.И.Кульвинский передал в Тобольске воеводе П.В.Шереметьеву, управлявшему в 1676 г. Сибирью.

Во время пребывания в Тобольске П.И.Кульвинский продолжал свои занятия монгольским языком. У него была постоянная практика в переводах, так как через Тобольск в Москву и обратно проезжало немало послов из Монголии и Ойратии. Он настолько зарекомендовал себя как переводчик, что когда в Москве Посольскому приказу понадобился постоянный переводчик монгольского языка, то именно он получил это место. По его собственным словам, это произошло в 1678 г. Однако в списке служащих Посольского приказа за 1679 г. П.И.Кульвинского нет, а указаны только толмачи Тарас Иванов (толмач татарского и калмыцкого языков) и Василий Мартынов (толмач калмыцкого языка)²¹. По-видимому, дело обстояло следующим образом: П.И.Кульвинскому удалось попасть в Москву как сопровождающему калмыцкое посольство. В Посольском приказе нуждались в хорошем переводчике, и Кульвинский был зачислен в штат этого учреждения. Но так как семья его оставалась в Тобольске, то ему пришлось

18. Цит. по: С.А.Белокуров. Указ. соч., с. 147.

19. См.: Л.П.Потапов. Указ. соч., с. 45.

20. Цит. по: С.А.Белокуров. Указ. соч., с. 147.

21. ЦГАДА. Ф. 138, 1679 г., д. 2, л. 49, 51.

вернуться туда в 1680 г. Он сопровождал из Москвы в Сибирь калмыцкого посла Баинбека с «товарищи», посланных для переговоров Галданом Бушукту-ханом и «Араптар» тайшею, вёз царские грамоты и подарки, которые и передал тобольскому воеводе А.С.Шейну. Послы поехали дальше с другим провожатым, Кульвинский же, забрав жену и детей, вернулся в Москву в Посольский приказ²². В Москве он приобрёл усадьбу «за Сре-тенскими воротами в Земляном городе», но через год лишился её во время стрелецких волнений: «Пушкари отняли и разорили без остатку и с того времени и по се число з женишкою и з детишками волочюсь меж двор по чужим дворам», – пишет Кульвинский в своей автобиографической записке²³. В 1683 г. за службу в Посольском приказе П.И.Кульвинский был пожалован «в дворяне» по московскому списку. Уже на следующий год после этого он находился на военной службе в городах Царев-Борисов и Изюм в полку воеводы И.Ю.Леонтьева, который послал его «с небольшими ратными людьми от Рая городка и до соляного Тору, а от соляного Тору до Чёрной долины, и от Чёрной долины до Черкасского городка, а от Черкасского городка до Теплинского лесу, и Теплинский лес, и от Теплинского лесу до Каменки речки (приток Донца. – *Н.Ш.*) вновь построенный вал и ров и крепости всякие и насыпи и в городах всякое городовое строение измерять и описать»²⁴. Следовательно, Кульвинский принял участие в большой картографической работе, связанной с обороной южных границ Российского государства от крымских татар и с организацией сторожевой службы. Эта работа была небезопасна, и недаром Кульвинский сообщал, что чуть было не попал в плен к азовским татарам. Он даже был ранен «тяжелыми ранами в голову, и в руку, и в ногу»²⁵.

В 1688 г. Кульвинский получил назначение на воеводство в городок Красный Яр Астраханского разряда. Это был кульминационный пункт в его служебной карьере. Он уже получил наказную грамоту, и грамоту на воеводство, и подорожную, т.е. всю необходимую документацию. Но стать воеводой ему не пришлось. Какие обстоятельства задержали его в Москве, неизвестно. Это был последний год правления царевны Софьи, и достаточно бурные события политической жизни Москвы, по-видимому, как-то отозвались на его судьбе. Как бы то ни было, но с отъездом на воеводство

22. В списке Посольского приказа за 1680 г. сказано: «Павел Кулвинский переводчик мугалсково и калмыцкого языков. Оклад 20 рублёв корму по 3 алтына по 2 деньга на день, а всего ему корму на год 36 рублёв 16 алтын 4 деньга, а с окладом 56 рублёв».

23. Цит. по: *С.А. Белокуров. Указ. соч.*, с. 148.

24. Там же, с. 149.

25. ЦГАДА. Ф. 138, 1689 г., д. 13, л. 8.

произошла задержка, и Кульвинский снова был взят с 1 сентября 1688 г. в Посольский приказ переводчиком. Вот как описывает он сам в своей челобитной 1689 г. этот случай: «А по вашему великих государей указу пожалован был я холоп ваш вашим великих государей жалованьем. Велено меня холопа вашего из приказа Казанского дворца отпустить на воеводство Астраханского разряда на Красной Яр. И по вашему великих государей наказу наказ и ваша великих государей росписная грамота и подорожная мне холопу вашему дана и остановлен я холоп ваш безвинно и в Посольский приказ взят в неволю»²⁶. Последние слова позволяют сделать вывод, что П.И.Кульвинский стал опять переводчиком не по собственному желанию, а был к этому принуждён неблагоприятно сложившимися для него обстоятельствами. В этом же челобитьи он просит выдать ему задерживаемое жалованье и кормовые деньги, так как «кроме того вашего великих государей жалованья мне холопу вашему с женишкою и з детишками своими питаться нечем, вотчин и поместий за мною холопом вашим в дачи нет, двором и на дворовое строение вашим государьским жалованьем перед своею братьею ничем я холоп ваш не взыскан, нужен и беден, и одолжал великими долгами и откупиться нечем»²⁷. Из этого челобитья видно, что жить П.И.Кульвинскому в Москве было трудно, хотя и получал он оклад вдвое больше прежнего – по 40 рублей годового оклада и по 6 алтын 4 деньги в день кормовых денег, а всего в год 113 рублей²⁸. Но жалованье в Посольском приказе часто задерживалось, что видно из многих челобитных, в том числе П.И.Кульвинского и толмача калмыцкого языка Семёна Иванова.

В Посольском приказе П.И.Кульвинский оставался до конца своих дней. Однако жизнь его протекала не без трений. В 1696 г. он подал челобитную и автобиографическую «сказку», которая была ответом на запрос, присланный из Разряда в Посольский приказ по поводу жалованья, получаемого переводчиками, и поместий, которыми они владеют. В челобитной он просил выдать денег на постройку дома «на хоромное и дворовое строение», а в «сказке» объяснял, что хотя ему и были пожалованы «в Вологодском уезде полтора дворишка, да в Суздальском уезде в Верхнем Ландехе крестьянских и бобыльских пять дворишков, да в том же Суздальском уезде дано мне пол-третья (т.е. два с половиной. – *Н.Ш.*) дворишка крестьянских после вора изменника Ивашка Малеева, только мне дача учинена, а я тем помещьем не владею многие годы, потому что

26. ЦГАДА. Ф. 138, 1689 г., л. 13, л. 8.

27. Там же.

28. Там же, л. 4.

в споре, владеет тем всем поместьем моим и дачею стольник Василей Михайлов сын Карташев»²⁹.

В челобитной 1696 г. П.И.Кульвинский пишет также: «Калмыцкие и мунгальские и тангуцкие письма перевожу беспрестанно»³⁰. Однако, если в архивах сохранились многочисленные образцы его переводов с монгольского и калмыцкого, то переводов с «тангуцкого» пока не обнаружено.

П.И.Кульвинский оставался переводчиком Посольского приказа до марта 1706 г., когда по приказанию ведавшего приказом боярина Ф.А.Головина был уволен в отставку. Почему он не поладил с всемогущим и властным Головиным, неизвестно. Возможно, что он уже не был так необходим, как прежде, так как в Посольском приказе появился еще в 1701 г. другой переводчик монгольского языка – некто Мунгалов, монгол по национальности, принявший при крещении имя Федота. При вступлении его на должность он прошёл испытание у П.И.Кульвинского, который удостоверил, что Мунгалов в совершенстве умеет переводить с монгольского и маньчжурского языков.

Только после смерти Головина П.И.Кульвинский решился подать челобитную о восстановлении в прежней должности. Сохранилось целое дело по поводу этой челобитной, состоящее из челобитной, выписок из указов по Посольскому приказу о службе Кульвинского и протокола с решением по поводу его челобитной³¹. Решение выносил и «подлинно подписал» «тайной секретарь Петр Павлович Шафиров». И решение это было благоприятным: «Приказал Павлу Кульвинскому за старость и за прежнюю ево многую службу в Посольском приказе, в переводах калмыцких и мунгальских писем быть в Посольском приказе попрежнему»³². Однако ввиду того, что бывший его оклад был «разверстан» между другими переводчиками, ему назначили только половинный оклад (56 рублей с полтиной). Видимо, для старого переводчика это было очень важно, так как положение его было весьма трудным. Челобитная его содержит обычные в те времена выражения: «волочюсь меж двор, помираю голодною смертию», но эти печальные слова в соединении с дрожащим старческим почерком, которым подписана челобитная (она написана другим, канцелярским почерком), производят грустное впечатление.

Восстановленный на службе 29 января 1707 г. П.И.Кульвинский, по видимому, вскоре же скончался: его имя больше не встречается в списках Посольского приказа.

29. Цит. по: С.А.Белокуров. Указ. соч., с. 149.

30. ЦГАДА. Ф. 138, 1696 г., д. 4, л. 3.

31. Там же, 1707 г., д. 24.

32. Там же, л. 2.

Вот что нам известно о биографии лучшего монголиста XVII в. и первого русского знатока тибетского письма.

* * *

Приступая к разбору грамоты, авторы публикации считают своим приятным долгом отметить, что они имели возможность обсудить её текст с проф. Ц. Дамдинсурэнгом, и выражают ему глубокую благодарность.

ПЕРЕВОД

Божиею милостию от великого белого царя князя Петра Алексеевича, Великия и Малыя Руси самодержца и обладателя, со своими родичами, самодержца всеа великия земли, великого белого царя указ монгольскому Лоджан-хану с родичами, сыновьями и с служилыми людьми. Ты, Лоджан-хан, послал ко мне, белому царю, посла Баин-дархана, прибывшего с наставником и товарищами, и в письме своём к великому белому царю ты писал. Отец твой Алтан-хан и ты, Лоджан-хан, служил и прямил отцу нашему великому князю Алексею Михайловичу, самодержцу всеа Великия и Малыя Руси и Москвы держателю и обладателю, великому белому царю. Истинно, и теперь ты поступай так же в отношении меня, великого белого царя. Если услышишь достоверное известие, что у великого белого царя возникла война с коварным врагом, ты, сын мой, иди войной против него, будь другом, верно служи мне, великому белому царю. Прежде твой отец бил челом моему отцу. Будь другом, верно служи мне, великому белому царю. Прежде твой отец бил челом моему отцу и был другом. Ты так же поступай в отношении меня. Таков мой, белого царя, указ. Ты нам, великому белому царю, челом бил, под нашу руку стал, и прежде отец твой великому белому царю челом бил. Ты так же поступай. Я пожаловал тебе великого белого царя указ и послал от великого белого царя подарки – два цельных чекменя³³, один кусок шёлка высшего качества, один кусок золотой парчи и один кусок золотого атласа высшего качества. И прежде были жалованы великого белого царя указы и подарки. Отец твой эти жалованные подарки очень любил. Ныне я, великий белый царь, шлю тебе подарки. Ты мне, великому белому царю, послал письмо, и всё

33. Обычно в знак милости жаловалась половина кафтана с царского плеча.

стало мирно. Мы, великий белый царь, послали указ в великую Тобольскую область, воеводе по имени Алексей Семенович Шеин с товарищи. Когда ты, Лоджан-хан, прочтёшь этот указ, верно служи великому белому царю и государю, истинно и верно поступай великому и белому царю. Если кто будет враждебен, сын мой, иди войной на него. Истинно, прежде отец твой верно служил мне, великому белому царю. Я, великий белый царь, с твоим владением хочу быть в дружбе, и пожаловал свой указ. Я, великий белый царь, не забуду твою верность. Я, великий белый царь, оказал почёт твоему послу и отправил его обратно к тебе, не задержав его.

Эта грамота дана в державном каменном граде Москве в первый месяц нового года...

КОММЕНТАРИЙ

Грамота царя Петра Алексеевича, направленная Алтан Лубсан хану (в русских документах и в публикуемой грамоте имя монгольского владельца передаётся в форме Лоджан), который одно время числился в российском подданстве, написана по-монгольски тибетским письмом. Как указывалось, использование тибетской графики в официальных документах XVII в. примечательно, но не является исключением. После 1648 г., когда было введено так называемое «ясное» письмо Зая Бандиды, среди западных монголов ещё долгое время бытовали два письма: новое ойратское и тибетское. Со временем победа осталась за первым. Бросается в глаза, что П.И. Кульвинский, транскрибирующий знаками тибетского письма монгольский текст грамоты, следовал какой-то определённой системе транскрипции, которой не чужды были попытки передать знаками тибетского письма звуки монгольской речи. Так, монгольское глухое «т» переводчик транскрибирует через аспирированное глухое «th» тибетского письма. Например, монгольское та 'вы, ты' в тексте грамоты транскрибируется *thā*. Замечается и другая особенность принятой переводчиком транскрипции – для передачи монгольских звонких аффрикат используются глухие аффрикаты тибетского письма – монгольское *zarliḡ*, 'указ' транскрибируется *čar-likh*. Монгольский звонкий губной транскрибируется через глухой: *bi* 'я' транскрибируется *pi*. Эта особенность встречается и в других доку-

34. ЦГАДА. Ф. 126, 1635 г., д. 1, л. 1246-1256.

ментах эпохи. Так, в одном документе, обнаруженном в ЦГАДА³⁴, *Ердёни Дамергён* величается *pi-čhig parigči*, т.е. *би́чиг баригчи́* «держатель верительной грамоты, письма»³⁵. Монгольское *xībāxīwā* ‘сделал, поступил’ в тексте грамоты транскрибируется *khi-pā*. Монгольское *болтүгай* ‘да будет’ транскрибируется *pulthu-kāyi*, монгольское *дархән* – ‘свободный’ передаётся *thaq-han*. Возможно, что в последнем случае повлияло тюркское произношение слова – *тар-хән*.

Долгота гласных систематически передаётся П.И.Кульвинским через *'a-čhuñ* тибетского письма. Например, монгольское *хан* передан в тексте грамоты *ha'an*, и в этом переводчик следует принятому правилу тибетского правописания, с которым он, видимо, был хорошо знаком.

В начале грамоты П.И.Кульвинский пытался передать краткий царский титул, которым обычно начинались указы, грамоты и прочие документы, писанные от имени царя. Титул писался так: «Божиею милостью великого государя, царя и великого князя (имя царя) всеа Великий и Малыя и Белья Руси самодержца и многих государств и земель восточных и западных и северных отчичь и дедичь и наследник и обладатель...».

П.И.Кульвинский постарался приспособить этот неудобный для перевода титул так, чтобы его легко можно было понять. Вместо термина «царь» он везде употребил «хан», так как монголы называли русского царя «белый хан»; он заменил выражение «Белыя Руси» словом «нутүг» – кочевье, владение; перед собственным именем царя поставил для пояснения «нерён» – по имени, нареченный; вместо «отчичь и дедичь» употребил «төрöltён» – с родичами; термины «самодержец» и «обладатель» передал через «баригчи́» (держатель) и «оргочги́» (повелитель).

Грамота отредактирована на монгольском разговорном языке, и мы восстановили монгольский текст её, используя формы разговорного языка. В некоторых случаях имеются отклонения в сторону письменного языка: *pu-lukh-sen* письменный монгольский *boluysan* разговорный *болсон*, ‘стал’; *pā-rikh-sen* письменный монгольский *bariysan*, *барисән*, ‘задержанный’. Монгольское *örin* (письменное *über-ün*) передаётся в тексте грамоты различно *'i-ye-ri* (3-я строка), *apre-'in* (7-я строка), *'i-pa-ri* (10-я строка). Некоторые формы обнаруживают западномонгольское ойратское влияние: *sonös-hü-nā*, *сонөсхү* «если услышишь»; *pul-hü-nā болн*, «если возникает»; *u-tse-khu-na*, *үзэк'н* «если (когда) прочтёшь». *'li* год западно-монгольское *jil*

35. В этом же документе имеется интересная форма монгольского слова, транскрибированного тибетским письмом *...blag-pa*, представляющее, вероятно, часть западномонгольского «täwjläk» – «соизволение» с суффиксом прошедшего времени. Сравни: «nojñās täwjläktë» – «с одобрения князя».

монголо-халхаское *mie* «год». В тексте грамоты примечательно частое использование формы вежливого обращения *на – зту*.

Некоторые формы в тексте грамоты обращают на себя внимание и, вероятно, объясняются некоторою невыдержанностью языка перевода: *da-yin-lokh-thu* вместо *дайлагтуй* «воюй»; *khā-thā-nā-lā-yi*, которая по смыслу фразы соответствует монгольскому *ханйлајі | ја* | «подружусь».

В тексте грамоты встречается слово *'al-mū-thu*, которое в форме *almūit* известно из письма Лубсан-тайджи в Москву³⁶ в значении «воевода».

Несколько затруднительно объяснить *'a-le-khi* грамоты. Возможно, что мы имеем дело с формой *a lixi* в значении «если кто...».

Монгольский язык грамоты своеобразен, и через него как бы просвечивает язык русского оригинала, с которого делался перевод на монгольский. Строй монгольского предложения не всегда выдержан. Русское «самодержец» переводится *ᠳᠷᠢᠨ нутүг–газәр дᠡрᠡ барігчї. Сайн хиртуї нада жіхᠡ цагән хāнда*, «верно служи мне, великому белому царю».

Проблемы востоковедения.

1960. № 4

36. См.: Шастина Н.П. Письма Лубсана-тайджи в Москву // Филология и история монгольских народов. Памяти академика Б.Я.Владимирцова. Сб. М., 1958. С. 283, 285.

УПОМИНАНИЕ О БУНЧУКЕ В «РИГВЕДЕ»

Бунчук, или значок командующего (уйгурский или монгольский *tuγ*), состоящий из конского хвоста, подвешенного под перекрестие копья или наверхия, хорошо известен из военной истории османов и среднеазиатских тюрок и монголов. От них его заимствовала русская армия. Этот бунчук обычно возил за начальником особый значковый, или *tuγci*. Воздвигнуть или поставить *tuγ* означало начало войны или набега. Белое знамя (*čayantuy* или *sülde*) Чингисхана, который сделался, согласно преданию, гением-хранителем народа, до недавнего прошлого чествовалось в одном из хошунов на северо-западе Монголии и в Ордосе¹. То же поверие бытует у кочевых племён Северо-Восточного Тибета, где среди голоков, сохранивших многое из кочевой древности, за командиром отряда, идущего в набег, возят копьё, значительно длиннее обычного копья кочевников, которым вооружены отдельные всадники. Под наверхием копья прикрепляется пучок конских волос или освящённый кусок материи (в этом сказывается влияние буддизма). Такое копьё почитается обиталищем гения-хранителя войны, или རྒྱལ་ལྷ།, причём в этом выражении слово རྒྱལ། не означает «враг», а сохраняет своё древнее значение «боевой» (ср. རྒྱལ་ལྷ། – «боевая секира»).

Такие бунчуки, или конские хвосты, на копьях известны у древнеиранских кочевых племён Средней Азии. Изображения лопастных знамён и стилизованных бунчуков встречаются на фресках Кызыла и Муртука в Синьцзяне (VI-VIII вв. н.э.)².

Г.М. Бонгард-Левин обратил моё внимание на изображение бунчука на раннесасанидском блюде из собрания Государственного Эрмитажа в Ленинграде, воспроизведённое в книге Ф. Сарре³. На блюде изображены как бунчук (конский хвост под наверхием копья), так и четырёхлопастные знамёна.

Бунчуки на длинных пиках имелись и у хорезмийских войск⁴.

1. Б.Я. Владимирцов. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934. С. 145. Прим. 3; Pavel Poucha. Die Geheim Geschichte der Mongolen. Praha, 1956. S. 137 ff; Доржи Банзаров. Собр. соч. М., 1956. С. 274 сл. (прим. Г.Н. Румянцева).

2. A. von Le Coq. Bilderatlas zur Kunst und Kulturgeschichte Mittel-Asiens. Berlin, 1925. S. 18.

3. F. Sarre. Die Kunst des Alien Persien. Berlin, 1922. S. 105.

4. С.П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948. Табл. 86. С. 216.

Согласно Геродоту (VII, 70), «эфиопские» воины из Гедрозии (Белуджистан) носили конские гривы на шлемах. Эти «восточные эфиопы» входили в состав индийских отрядов персидской армии, и Геродот подчёркивает, что их вооружение было сходно с вооружением индийцев.

Металлические навершия бунчуков с изображением тотемных животных хорошо известны по обнаруженным при раскопках материалам скифского и гуннского времени (Кубань и Ордос)⁵.

Из всего сказанного можно заключить, что бунчук был хорошо известен иранским племенам Средней Азии и Причерноморских степей. Сведения наши о вооружении древнеарийских воинов чрезвычайно скудны из-за почти полного отсутствия археологического материала⁶. Из текста «Ригведы» известно, что древние арийцы знали копьё и знамёна (*drapsá*, ср. авестийское *drapša*)⁷. Слово *dhvaja* «знамя» дважды упоминается в «Ригведе» (VII, 85; X, 103). На многочисленных песнопениях в «Ригведе» об Индре, древнеарийском боге войны и набегов, разрушителе укрепленных городов (*puramdara*), отразился не дошедший до нас, несомненно, существовавший богатырский эпос древних арийцев, своеобразная дружинная поэзия, которой свойственны метафоры и символизм. В песнопении первой книги «Ригведы» (1, 32, 12) о единоборстве Индры с драконом, Индра, пронзённый копьём этого чудовища (*Vrtru*), уподобляется конскому хвосту на копье:

*«Конским хвостом тогда [ты] стал, о Индра,
Когда копьём пронзил тебя [дракон] бог единый;
Ты добыл скот, добыл сому, о герой,
Освободил течение семи потоков»⁸.*

Это место «Ригведы» принято понимать как какое-то магическое превращение Индры⁹, о котором Рену сказал: «Dont on ignore d'aileurs la portée réelle»¹⁰.

5. *M. Rostovzeff. Iranians and Greeks in South Russia.* Oxford, 1922. Tabl. X; *The Animal Style in South Russia and China.* Princeton, 1928. Tabl. XXI; *Ellis H. Minns. Scythians and Greeks.* Cambridge, 1913. P. 77.

6. *B. K. Majumdar. The Military System in Ancient India.* Calcutta, 1955. P. 25.

7. *Ch. Bartholomae. Altiranisches Wörterbuch.* Strassburg, 1904. S. 771.

8. *R. Pischel. Vedische Studien. II: 1.* Stuttgart, 1892. S. 91; *M. Bloomfield. Rig-Veda Repetitions. Part I* («Harvard Oriental Series»), XX. Cambridge, 1916). P. 65.

9. *K. Geldner. Vedische Studien. II: 1.* S. 183.

10. *E. Benveniste et L. Renou. Vrtra et Vrtragna. Étude de mythologie indo-iranienne* («Cahiers de la Société Asiatique»), IV. Paris, 1934). P. 141.

Представляется более вероятным, что пронзённого в бою Индру ведийский поэт уподобил конскому хвосту на древке копья – предмету, хорошо известному ему из воинского уклада древних арийцев, и нет необходимости пояснять текст как какое-то непонятное магическое превращение, которое помогает Индре избежать опасности. Если наша догадка правильна, то это место «Ригведы» можно считать древнейшим упоминанием бунчука, военного значка, заимствованного, как и некоторое вооружение, тюрко-монголами у ирано-арийских племён.

*Древний мир. Сборник статей. Академику В.В. Струве.
М., 1962*

ПЕРВЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЪЕЗД МОНГОЛОВЕДОВ-ФИЛОЛОГОВ

Первый Международный съезд монголоведов-филологов, проходивший с 1 по 9 сентября 1959 г. в столице Монгольской Народной Республики Улан-Баторе, явился крупным событием в истории монголоведения. Столица Монгольской Народной Республики впервые выступила как один из центров монголоведения и продемонстрировала успехи своих учёных, имеющих теперь все условия для плодотворной работы. Быстрый рост научных кадров республики – один из показателей общего культурного подъёма монгольского народа на пути строительства социализма.

Столица МНР гостеприимно раскрыла перед делегатами съезда двери своих богатых, но малоисследованных книгохранилищ, содержащих много ценного и ещё мало известного науке. В Государственной публичной библиотеке и в библиотеке Ганданского монастыря делегаты съезда смогли осмотреть богатые фонды рукописей и ксилографических изданий. Эти фонды по праву составляют гордость монгольских книгохранилищ. Один только тибетский фонд, включающий как рукописи, так и ксилографические издания (монгольские, китайские и тибетские), число которых достигает внушительной цифры 150 тыс. единиц, является исключительным по своему богатству. В недалёком будущем, после издания каталога, над которым в настоящее время ведётся работа, этот фонд, несомненно, явится одной из важнейших баз для дальнейшего развития тибетоведения. В тибетском фонде, кроме оригинальных произведений тибетских авторов и переводов на тибетский язык с санскрита, содержится много произведений на тибетском языке, созданных монгольскими учёными: многотомные сочинения по истории, философии, медицине, ценнейшие словари и т.п. Эти произведения представляют собой мало использованный источник для тибетологических исследований, на что ещё в своё время указывал Б.Я. Владимирцов. Использовать этот богатый материал в интересах науки – задача ближайших десятилетий для учёных Монголии и других стран.

Для участия в съезде в МНР прибыло 26 зарубежных учёных. Делегация Китайской Народной Республики состояла из пяти человек; возглавлял её профессор Вэнь Ду-цзян, известный специалист по Юаньской

эпохе. Из Германской Демократической Республики на съезд прибыл профессор И. Шуберт, известный тибетолог и монголовец, автор многих ценных работ по тибетской грамматике, профессор П. Рачневский, известный специалист по Юаньской эпохе, и другие. Венгрия была представлена молодым монголистом К. Урай-Кёгельми, известной своими работами о кочевниках Внутренней Азии. Польшу представлял С.С. Калужинский; Чехословакию – д-р П. Поуха, Румынию – В. Дримба. Корейская Народная Республика была представлена Хон Ги Муном.

Из Индии на съезд прибыл профессор Рагху Вира. Японская делегация, несколько запоздавшая на съезд, состояла из трёх человек – Г. Абэмацу, лектора монгольского языка в Институте иностранных языков города Осака, автора недавно изданного нового монголо-японского словаря на основе новой графики, Коретада Сакамото и Шигео Одзава (оба – сотрудники Института международных отношений в Токио). Из США на съезд прибыл У. Пош, представлявший Вашингтонский университет в Сиэтле; кроме того, гостем на съезде был доцент университета Северной Каролины Р. Рупен. Великобритания была представлена Ч. Боуденом, недавно опубликовавшим критическое издание и перевод монгольского текста хроники Алтановч. Из Финляндии на съезд прибыл д-р Пентти Аалто. Канада была представлена географом проф. Джексонем.

Некоторые известные монголоведы, как например проф. Л. Лигети (ВНР) и А. Мостэрт (Бельгия; ныне проживает в Арлингтоне, США) не смогли прибыть на съезд по состоянию здоровья.

Съезд открылся 1 сентября в зале Государственной публичной библиотеки. После вступительной речи председателя Монгольского комитета наук проф. Цэвэгмида были зачитаны приветствия, а также телеграммы, поступившие в адрес съезда из различных стран. От имени советских востоковедов съезд приветствовал глава советской делегации доц. Н.А. Дворянков.

На съезде было прочитано 34 доклада, преимущественно лингвистического, литературоведческого и историко-филологического характера.

Глава китайской делегации проф. Вэнь Ду-цзян выступил с докладом об итогах монголоведческой работы в Китайской Народной Республике за десять лет. Как известно, в КНР ведётся большая работа в области монголоведения. Центрами её являются Государственный университет в Пекине и Университет в городе Хух-Хото, центре Автономной области Внутренняя Монголия (КНР). За последние годы во Внутренней Монголии издано большое количество памятников народной эпической литературы («Сказание о Гэсэре» в двух томах, «Джангар»), популярный дидактический сборник «Эрдэнийн сан Субашид» сакьянского ламы *К'юн-гя г'э-цхэна* (Kun-dga'rgyal-mtshan) в прекрасном монгольском переводе Цахар

гэвш Лувсан-чултима (blo-bzañ tshul-khrims) с толкованием, монгольское «Сокровенное сказание» (перевод проф. Ц. Дамдинсурэна со старомонгольского на современный монгольский язык), известный исторический роман «Хух-судур», пособия по монгольскому языку и т.п. Следует отметить и осуществлённое недавно в Китае переиздание крайне редкого «Большого пятиязычного словаря». Значительная работа проведена по исследованию монгольских диалектов.

Проф. Ш. Лувсанвандан в докладе «О наречиях монгольского языка» предложил рассматривать все монгольские языки как единый язык, делящийся на четыре главных и несколько переходных наречий. Предложенная им классификация должна явиться предметом дальнейшего критического анализа.

С очень обстоятельным докладом о бааринском наречии выступил лектор Хух-Хотоского университета Чингильтэй. Он дал общую характеристику наречия, основанную на новом материале, привёл образцы народного творчества в фонетической транскрипции и словарь к текстам. Доклад особенно интересен в своей фонетической части.

Интересный доклад «Über die Kalmuckische Frauensprache» был представлен финляндским делегатом д-ром Пентти Аалто. Автор доклада изложил свои наблюдения над особой лексикой, используемой в быту калмыцкими женщинами.

Венгерский делегат К. Урай-Кёгельми прочла доклад на тему о двух системах обозначения возраста скота в монгольском языке («Zwei Systeme der Alters-bezeichnungen des Viehes bei den Mongolen»).

О своих интересных наблюдениях над наречием хамниганов съезду докладывал лектор Монгольского государственного университета Мишиг.

Японская делегация представила два доклада на лингвистические темы: о суффиксах прошедшего времени монгольского глагола (Г. Абэмацу) и о деепричастных формах в языке монгольского «Сокровенного сказания» (Шигео Одзава), а также обзор монголоведческой работы в Японии в последние годы (Коретада Сакамото). В последнем докладе было особо подчеркнута прогрессивное значение новой графики в культурной жизни Монголии.

Интересный доклад о традициях старомонгольского эпистолярного стиля (албан бичиг) был представлен сотрудником Монгольского комитета наук Цэвэлем.

Важной проблеме создания научной терминологии в современном монгольском языке посвящён был доклад Вандуя (МНР). Как известно, монгольские языковеды проделали большую работу по созданию современной научной терминологии, но им ещё предстоит внести некоторые уточнения

в терминологию родного языка и провести в ней единые принципы. Для этой цели обобщение и анализ всей проделанной работы в области терминологии имеет первостепенное значение.

Лингвистическая тематика была представлена и докладами членов советской делегации: проф. Г.Д.Санжеева – о системе монгольского глагола, проф. Ю.Н.Рериха – о монгольских заимствованиях в тибетском языке и кандидата филолог. наук Ц.Б.Цыдендамбаева – о задачах бурятской диалектологии.

Краткий, но содержательный доклад американского делегата д-ра У.Поша был посвящён корневым словам в алтайских языках.

Корейский делегат Хон Ги Мун представил содержательный доклад о языковых связях между монгольским и корейским языками. О монголо-якутских языковых отношениях прочёл доклад представитель Польши С.С.Калужинский. Чехословацкий делегат д-р П.Поуха выступил с докладом о языке афганских монголов, живущих в окружении ираноязычных народов.

Довольно многочисленными были на съезде и доклады на литературоведческие темы. Среди них особое внимание привлёк доклад проф. Ц.Дамдинсурэна (МНР) «Некоторые вопросы изучения монгольской литературы». Докладчик высказал мнение, что вплоть до XX в. существовала единая монгольская литература. Это положение доклада заслуживает дальнейшего критического изучения. По мнению докладчика, в монгольскую литературу следует включить и многочисленные произведения монгольских авторов, писавших на тибетском языке. Особо проф. Дамдинсурэн остановился на вопросе о переводной литературе с китайского и других языков Внутренней Азии. Он отметил существенное влияние этих переводов на монгольскую литературу и культуру. Проф. Дамдинсурэн прочёл на съезде также доклад о тибетских заимствованиях в монгольском языке. Проф. Ринчэн прочёл доклад об особом жанре литературы, так называемых *bengsen-ü üliḡer* – устных версиях известных художественных произведений (особенно исторических романов). Заметим, что этот жанр существует и в Тибете, где устные версии часто восходят к письменным источникам.

Интересный и содержательный доклад о монгольских песнях-пьесах прочла народная артистка Оюун (МНР). Доклад иллюстрировался песнями-пьесами в исполнении монгольских певцов.

С большим докладом об Инжинаше (1837-1892) и его творчестве выступил представитель КНР Эрдэнэтогтох. Доклад о творчестве Д.Нацагдоржа (1906-1937), одного из основоположников современной монгольской литературы, прочёл сотрудник Монгольского комитета наук Б.Содном. К этой

же группе докладов относится и доклад д-ра П.Поуха о калмыцкой версии Джангара. Ныне в Монголии обнаружена восточно-монгольская версия этой эпической поэмы, которая будет издана Институтом языка и литературы при Монгольском комитете наук.

Доклад Ринчэнсамбу (МНР) был посвящён монгольским народным песням. Докладчик установил жанры народных песен, бытующих в современной Монголии: песни лирические, революционные, военные, нравственно-религиозные, эпические и другие.

О традиционных индо-монгольских культурных связях и о значении монгольских переводов для понимания санскритских оригиналов говорил делегат Индии профессор Рагху Вира. Несколько докладов было посвящено монголо-тибетским языковым отношениям и тибето-язычной монгольской литературе. В докладе Пагвы (МНР) был рассмотрен вопрос о монгольском произношении тибетского письма (так называемые ургинское и ламын-гэгэнское чтения). Докладчик установил, что ламын-гэгэнское чтение тибетского письма стоит ближе к центрально-тибетскому произношению графем письма, а ургинское отражает в основном восточно-тибетское произношение.

Этот вопрос представляет значительный интерес для исторической фонетики тибетского языка. Лектор Монгольского государственного университета Дорж прочёл доклад о тибето-монгольских словарях (так называемые *brda-yig* и *btus-miñ*), дошедших до нас главным образом в виде рукописей. Эти словари являются важным источником для изучения лексики.

Богатым по материалу был доклад сотрудника Государственной библиотеки МНР Гомбожава о сочинениях монгольских учёных на тибетском языке. В настоящее время Государственная библиотека prepares библиографию произведений монгольских учёных на тибетском языке (более 200 имён авторов). Следует отметить, что сотрудники библиотеки Ганданского монастыря в Улан-Баторе выпустили каталог произведений монгольских учёных на тибетском языке, находящихся в библиотеке монастыря.

Датировке монгольской хроники «Цагаан туух», на которую в своё время обратил внимание Ц.Ж. Жамцарано, был посвящён интересный доклад проф. П. Рачневского (ГДР). Проф. П. Рачневский подчеркнул значение хроники как источника для истории Юаньской эпохи.

Следует особо отметить большую издательскую работу, проведённую в связи со съездом Комитетом наук МНР. Институт языка и литературы выпустил к съезду ряд чрезвычайно ценных изданий в серии памятников монгольской письменности. Среди выпущенных томов серии отметим большую антологию монгольской литературы *Mongyol uran jokiyal-un degeji jayun bilig orusibai* – проф. Ц. Дамдинсурэна (599 стр., т. XIV серии),

закрывающую сто образцов произведений старой монгольской письменности, начиная с седьмой главы монгольского «Сокровенного сказания». В антологию вошло несколько произведений чингисова цикла, монгольские улигэры, еролы, магталы, знаменитый «плач» (гэмшил) *Тогон-тэмүра*, а также образцы литературных переводов с тибетского. Антология содержит много нового и явится ценнейшим пособием для всех изучающих монгольский язык и письменность. В серии вышли также монгольский перевод восточно-тибетской версии сказания о Гэсэре – *jamling šengč'in-ü* ('Dzam-gliñ Señ-čben) *namtar*, представляющей исключительный интерес для всех изучающих сказание и его различные версии, тибетско-монгольский словарь «Мэргэдийн Далай» Ишдоржа (*Ye-šes rdo-rje*) и большой двухтомный тибетско-монгольский словарь Ринчина Номтоева (Сумати-патна) «*Bod-Hor-gyi brda-yig miñ-tshig-don-gsum gsal-bar-byed-pa Mun-sel sgron-me*», первый выпуск толкового словаря *yuein jiryuyatu tayilburi toli*, составленного на основе словарного материала, включённого в «Пятиязычный словарь», и житие Зая Бандиды *Saran-u gerel*. Кроме этой большой серии, Институт языка и литературы предпринял издание фольклорной и филологической серий, в которых печатаются отдельные исследования. Во второй из них были опубликованы и доклады, представленные к съезду.

В заключение этого краткого обзора следует сказать, что Первый международный съезд монголоведов-филологов, несомненно, был важным этапом в истории монголистики. Съезд свидетельствовал о значительных успехах в исследовании монгольских языков и литератур монгольских народов. Наряду с этим он ясно показал, что теперь прежде всего сами учёные монгольских народов широко ведут изучение своих языков, своей истории и культуры.

Проблемы востоковедения.

1960. № 1

ПУСТЬ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ СЛУЖИТ ДЕЛУ МИРА

Со времени Международного конгресса ориенталистов в Петербурге прошло немало лет. В истории мирового востоковедения конец XIX и начало XX века были временем большого расцвета. В начале XX века русское востоковедение вписало много блестящих страниц в науку о странах Азии.

Предстоящий конгресс в Москве наша наука встречает в условиях новой великой эпохи.

За истекшие годы советская востоковедная наука ушла далеко вперёд. Советский Союз поддерживает многогранные отношения со странами Азии на основе равенства. Конгресс в Москве явится как бы смотром достижений науки не только в нашей стране, но и за рубежом.

О предстоящем конгрессе много говорят, много пишут. К нему готовятся. Это нас обязывает. Советская востоковедная наука должна явить свои достижения, богатство своих музейных собраний.

Во многих областях ориенталистики мы завоевали ведущее положение. Для иностранных специалистов, занимающихся, например, тюркологией или алтаистикой, знание русского языка сделалось обязательным.

Советские археологи много потрудились над исследованием древностей восточных районов нашего многонационального государства. Накоплены богатейшие материалы. Мы справедливо можем гордиться исследованиями Горного Алтая, Южной Сибири, Хорезма, Пянджикента, Крыма и Кавказа.

Институт востоковедения Академии наук СССР превратился в крупный исследовательский центр с двумя отделениями – московским и ленинградским. В будущем, несомненно, появятся большие комплексные институты для изучения истории, культуры и языков стран Азии. Гран-

Это выступление, посвящённое XXV Международному конгрессу востоковедов, написано учёным-тибетологом Юрием Николаевичем Рерихом за несколько дней до его безвременной кончины. – *Ред.*

диозные задачи новой эпохи должны получить отражение в структуре и научной работе исследовательских учреждений.

Нашим иностранным гостям будет предоставлена возможность ознакомиться с богатыми собраниями рукописей и древностей в ленинградских и московских музеях. Многие они увидят в столицах союзных республик.

Конгресс, несомненно, послужит обмену мнениями с зарубежными учёными. Возможно, что одним из положительных его результатов будут конкретные планы совместных научных работ в международном масштабе. Многие проблемы истории ждут такого решения, и хочется надеяться, что предстоящий конгресс выявит эти проблемы.

Народы Азии, пришедшие к новой жизни, бережно хранят своё культурное наследие и черпают в нём вдохновение для новых свершений. Наша задача – всемерно помогать им в этом. Ведь такая помощь укрепляет дело мира и служит науке и мирному сотрудничеству между учёными всех стран.

Современный Восток.

1960. № 7

БУДДА

Будда (правильнее Буддха, санскр., буквально – просветлённый), Сиддхартха, из рода Гаутамы, – согласно буддийской традиции, основатель философии и религии буддизма. Дошедшие до нас жития Будды наполнены мифологическими вымыслами, что служит для некоторых учёных главной причиной считать его полулегендарной личностью (E. Senart, *Essai sur la Legende du Buddha, son caractere et ses origines*, 1882). Некоторые из так называемых сутр, относящихся к первым векам буддизма (*Suttanipata*, *Mahaparinibbanasutta*), излагают данные о жизни Будды, согласно которым Сиддхартха, он же Шакья (Сакья)-Муни (отшельник из рода Шакьев), – будущий Будда, родился в семье владетельного князя Шуддходаны, слушал поучения браманских учителей; в возрасте 29 лет покинул дворец, в лесу Урувилва (Урувела) подвергал себя аскетизму, путём созерцания прозрел и постиг вечное становление мира, став Буддой. Археологические находки позволили установить, что в III веке до н.э. люди считали Будду земным основателем буддийской религии, которая призывала к уходу от общественной жизни, аскетизму, непротивлению злу и покорности судьбе. Современная наука относит жизнь Будды к 563-483 гг. до н.э.

Философская энциклопедия.

Т. I. М., 1960

ЙОГА

Йога (санскр. – связь, единение и связывание) – система древнеиндийской философии. Обычно йога считается одной из шести ортодоксальных систем древнеиндийской философии. Однако по существу она есть практическое применение системы санкхья для достижения психического и физического самоподчинения. Традиционно под йогой понимают систему философа Патанджали (около I в. до или после н.э.), изложенную в «Йогасутрах» (русский перевод 1911 г.). Патанджали скорее систематизатор, чем творец йоги, так как и до него существовали йогические сочинения.

Необходимо различать философскую систему йоги от пути методов йоги, являющихся частью многих других религиозно-философских систем. Цель йоги как философской системы – освобождение духа из потока миропроявления (самсары) и пут кармы, вынуждающих атмана (дух, абсолютный субъект) без конца перевоплощаться. Цель и смысл освобождения разными течениями понимаются различно: начиная от абсолютного покоя с полным угасанием самосознания и сознания вообще (нирвана ранних буддистов) до приобщения индивидуального духа (дживы) к абсолюту. В этом смысле йога есть связь, единение. Патанджали понимал освобождение как полное обособление индивидуума от мира, разобшение субъектов и объектов, замкнутость в себе. Из множества различных частных йог принято выделять четыре основных течения: джнана, раджа, бхакти и карма-йоги.

Джнана-йога основным методом освобождения признаёт познание сущности миропроявления как иллюзорного (веданта) или реального (санкхья) причинноследственного потока, с которым атман мнит себя связанным вследствие незнания (авидья). Как только незнание разрушено, атман осознает себя свободным.

Раджа (царственная) йога, опираясь на теорию джнаны, разрабатывает систему психического и физического овладения собой с целью оторваться от внешнего мира. Эту систему разработал Патанджали в своей восьмиступенчатой йоге, которую он определяет как «удержание материи

мысли от завихрений». На первых двух ступенях (яма, нияма) упражняются в сдержанном поведении (безгневность, невреждение, правдивость и пр.), в соблюдении обетов. Следующие три ступени (асана, пранаяма, пратьяхара) касаются психофизических упражнений: на ступени «асана» (осанка, положение) занимаются статической гимнастикой в напряжённых положениях, способствующей сознательному владению определёнными участками тела, укреплению функций органов и пр.; вырабатываются основные медитационные позы («лотос» и пр.), без чёткой отработки которых нельзя приступать к упражнениям в дыхании (пранаяма), овладение которыми является одним из непременных требований йоги.

Йога считает необходимым уметь направлять «прану» в те или иные области тела. Пранаяма требует овладения ритмом дыхания с правильным чередованием длительности выдоха (с которого начинают пранаяму), вдоха и одной или двух задержек между этими фазами; они комбинируются различно по чередованию и длительности в зависимости от частных целей. Наиболее простой и безопасный вид пранаямы – уджджайя: чередование равно длящихся вдохов и выдохов, которые производятся возможно плавней и полней, но без насилия, что требует знания техники и понимания физиологии дыхания, без чего пранаяма вместо пользы может принести большой вред.

Пратьядхара состоит в отвлечении чувств от их предметов, без чего не может быть сосредоточения. Психофизические упражнения, весьма сложные и разнообразные, иногда выделяются в низшую школу йоги под названием хатха-йога.

Три высшие ступени йоги – психические, называемые самъямой (собранность), это: дхарана (удержание), дхьяна (размышление) и самадхи (самоуглубление). Они различаются по степени и длительности самоуглубления: самадхи требует полноты самопогружённости с утратой всех внешних восприятий. Различается ряд ступеней самадхи с повышающимся отрывом от всего внешнего, что и знаменует достижение освобождения. «Великое самоуглубление» (махасамадхи) кончается физической смертью.

Бхакти-йога путём освобождения считает безраздельную преданность «высшему», понимание которого постепенно расширяется вплоть до полного растворения в нём самосознания. Бхакти-йога тесно связана с карма-йогой, учащей бескорыстной деятельности в обществе и полному отказу от пользования плодами этой деятельности. Наиболее ярко бхакти-йога и карма-йога изложены в Бхагавадгите (русский перевод 1956 года, 2-е издание 1960 г.).

Практика йоги, имеющая многовековой опыт, широко распространена в Индии и по сей день. Однако рациональные психофизиологические

моменты йоги были извращены религиозно-мистическими учениями. В этих учениях психофизическая дисциплина йоги рассматривается как средство достижения внутреннего состояния, при котором душа освобождается от своих телесных оков и возвращается в своё божественное лоно.

Современная буржуазная идеалистическая философия использует религиозно-идеалистическую направленность философских основ йоги для обоснования мистических систем, проповедующих слияние с абсолютом, и т.д.

Философская энциклопедия.

Т. 2. М., 1962

ЙОГАЧАРЫ

Йогачары (виджнянавада) – последователи религиозно-философской школы в северном буддизме (махаяне). Основные идеи школы появляются впервые в середине II в. в трактате «Сандхинирмочанасутра». Философская система школы Йогачаров была разработана мыслителем Асангой (IV-V вв. н.э.) в трактатах «Йогачарьябхуми», «Махаянасампаприграха» и «Абхидхармаса-муччая». Брат Асанги, философ Васубандху, систематизировал положения школы в своих сочинениях «Вьякхья-юкти», «Вимшика» и «Тримшика».

Из среды Йогачаров вышли виджнянавадины – последователи логики, система которых отличалась от «философского» направления Асанги и Васубандху и была разработана основателем буддийской логики Дигнагой (V в. н.э.) и Дхармакирти (конец VI в. н.э.). Буддийская логика, разработанная Дхармакирти, получила широкое распространение и породила многочисленную научную литературу на тибетском и монгольском языках. В Китае философия Йогачаров стала известной благодаря переводам Парамартхи (546 н.э.) и Сюань-чжуана (ок. 650 н.э.).

Йогачары утверждали примат сознания и отрицали реальность внешнего мира. Дхармы, элементы бытия, не имеют самостоятельной реальности; они реальны как проявления сознания. Йогачары «философского» направления выдвинули учение о «сокровищнице сознания», т.е. потоке состояний сознания, своего рода субстрате сознания, на котором отпечатываются прошлые впечатления, весь прежний опыт индивида. Согласно учению Йогачаров, существуют три вида реальности: воображаемый, зависимый (в котором явления наблюдаются в их причинной связи) и истинно-сущее, абсолют – чистое сознание, имманентное проявленному миру. Как и в других буддийских школах, средством познания абсолюта признавалось йогическое знание (см. Йога).

Философская энциклопедия.

Т. 2. М., 1962

ДНЕВНИКИ

ДНЕВНИК ЭКСПЕДИЦИИ В ТИБЕТ (1926-1928)

9 сентября 1926. Экспедиция на двух машинах «додж» выехала из Верхнеудинска. Переехав на пароме Селенгу, продолжили путь по тракту Верхнеудинск – Троицкосавск. Местами приходилось сворачивать с дороги, ибо тракт чинился и не был ещё укатан. Лесистая местность – ель и сосна, чередующиеся с кочковатыми полянами. Моросит мелкий дождь. Изредка попадаются на таратайках буряты в характерных остроконечных шапках. Промелькнуло Гусиное озеро с Гусиноозерским дацаном на берегу. Проехали небольшой казачий посёлок Селенгинск – место ссылки декабристов. Старый собор. За Селенгинском трудная переправа на лодках через Селенгу. Одна из машин чуть не скатилась в воду с лодки. Перед самым Троицкосавском местность становится гористее. По песчаным буграм растёт сосновый лес. Уже поздно вечером по трудной, размытой песчаной дороге пробираемся к городу. При свете фонаря машины видны прыгающие тушканчики – первые представители фауны Внутренней Азии.

Около 11 часов вечера въезжаем в Троицкосавск. Останавливаемся в местной гостинице. Как ни странно, Троицкосавск – маленький пограничный городок – производит лучшее впечатление, чем Верхнеудинск. Окрестные холмы уже напоминают ландшафт Средней Азии. Гостиница куда приличнее верхнеудинского «Централя».

10 сентября. Утром рано въезжаем в Кяхту. Старый собор и ряд особняков, теперь пустующих. Когда-то богатая чайная слобода, ведущая громадную транзитную торговлю с Китаем, теперь – пустырь, выломанные заборы, разбитые окна, зияющие огромными дырами, заколоченные двери. Слобода сильно пострадала во время гражданской войны. Проезжаем мимо военного городка – ряд красных кирпичных казённых зданий. Въезжаем на двор громадной кяхтинской таможни. Ряд складов – ныне пустующих, ибо граница фактически закрыта, а частной торговли не существует. Из-за двух лиц, провезённых из Троицкосавска в Алтан-Булак, на монгольской стороне можно уже испытать многочисленные неприятности.

Окончив проверку документов и багажа, выезжаем в Алтан-Булак, бывший кяхтинский Маймачен. Останавливаемся у пограничного монгольского поста. Отсюда до монгольской таможни нас сопровождает солдат в монгольском халате, фетровой шляпе, вооружённый русской трёхлинейной и драгунской шашкой. Проходим монгольскую таможню и отправляемся в паспортное управление для получения необходимого монгольского пропуска из Алтан-Булака на Ургу. Маленький деревянный русский дом, несколько комнат, заваленных бумагами и всяким мусором. Около окон, за высокими столами, на высоких табуретах сидят монгольские чиновники – бичэчи. Здесь ещё Азия – широкие разноцветные халаты, туго затянутые широкими шёлковыми кушаками. На ногах прошитые монгольские гутулы. Чиновники искоса поглядывают на нас, нюхая вечный табак. Сайда* нет, приходится ждать. Отправляемся в политическое управление. Такое же невзрачное помещение. Монгольский политический агент – в монгольском халате, в форменной фуражке на повязанной голове – долго просматривает наши документы. Наконец нудные формальности кончены, и мы возвращаемся к сайду, который весьма любезно передаёт нам пропуск на Ургу.

Около 4 часов дня выезжаем из Алтан-Булака. Сразу пахнуло необъятным простором Монголии. Ряды травянистых увалов. На ярком солнце белым ожерельем целый ряд субурганов – истинные пограничные знаки буддийской Монголии. Местность становится гористее. По вершинам растёт сосновый лес. Изредка появляется монгол-наездник – яркий халат, живописно откинута назад шапка «субурган» на бритой голове, сухое «провальное» лицо. Остановится на секунду и снова скачет по необъятному травяному простору. Едем часами, и единственными встречными являются русские и китайцы – рабочие на тракте Троицкосавск–Урга. Монгол – это редкий встречный, затерявшийся в просторе родной страны.

Вечером к часам 10 останавливаемся на берегу реки Иро. Небольшой станок, ряд юрт, занятых русскими рабочими. Уговариваем паромщика перевезти наши машины на левый берег реки. Переезжаем, несмотря на поздний час, и останавливаемся на левом берегу. Недалеко от переправы несколько бедных монгольских юрт, из которых появляются грязно одетые старухи.

Здесь, на берегах реки Иро, родился недавно мальчик, проявивший странные способности. Странные знаки сопровождали его рождение. Мать его – шаманка – слышала голоса, и сам новорождённый вещал предсказания о будущей славе буддийской Монголии. Народная молва уже разнесла

* сайд – монгольский чиновник высокого ранга. – *Здесь и далее прим. ред.*

по Монголии весть об этом явлении. Ламы нашёптывают о скором приходе нового Богдо-гегена. Правительству Республики пришлось посылать комиссию на место для выяснения и в ряде прокламаций, расклеенных по Урге, успокаивать умы населения. Но печатным словом не всегда можно устранить слух, и молва о новом Богдо-гегене продолжает волновать умы глубокорелигиозных монголов.

Ночуем в машинах. Вечерний туман белой пеленой стелется по реке. Становится холодно. На юге тёмным контуром высятся холмы, поросшие лесом. На небе зажглись звёзды, и вечерняя заря медленно стала потухать.

11 сентября. Утром рано выезжаем, предстоит подъём на невысокий перевал. Главная трудность перевала – песок по дороге. Одна из машин вязнет в песке, и её приходится вытаскивать с помощью лошадей. Дорога тянется по кряжу, поросшему сосновым лесом. Затем спускаемся в широкую долину, окаймлённую холмами, по которой протекает Баин-Гол – небольшая речка с чрезвычайно илистым дном. Сочная трава, попадаются табуны лошадей и отдельные верблюды – скот ближнего монастыря. Около перевала стоит автомобиль, шедший из Урги и подмочивший магнето. Нам приходится прикрывать брезентом радиаторы машин и перегружать вещи. Двое конных лам из ближнего монастыря предлагают помощь. Привязываем веревки к передним осям машин, другие концы веревок ламы берут через переднюю луку седла. Пускаем машины в ход, ламы-монголы бросаются скоком вперёд, машины дрожат, врезаются в воду и благополучно переезжают реку. На другом берегу реки станок и несколько машин из Урги, ищущих переправы. Продолжаем путь к Хара-Голу. Дорога по-прежнему гористая. Недалеко от Хара-Гола видны развалины китайских хуторов, разрушенных во время преследования китайцев войсками барона Унгерна.

Останавливаемся около моста. Вечер. Из соседнего монастыря доносятся звуки раковин, собирающие лам к вечерней службе. Из соседних кочевий подъезжают монголы. Покупаем у них дрова и разводим костёр. Ночуем в машинах.

12 сентября. Утром рано выезжаем. Мимо бегут лесистые холмы, травянистые увалы. Встречаются многочисленные табуны, откормленные на жирной августовской траве. Останавливаемся у небольшого станка. Двое монголов в полголоса говорят о пребывании Таши-ламы в Пекине и новом Богдо-гегене. Вечная и нескончаемая тема, в которую выливаются все чаяния, вся фантазия монгола-степняка. Зачем приехал на север Таши-лама? Зачем покинул свою духовную столицу в Тибете? Правда ли, что 80000 воинов Шамбалы готовы двинуться по первому зову Великого

ламы? Целый ряд вопросов, тревожащих ламаитов на всём протяжении Внутренней Азии.

13 сентября. Снова двигаемся в путь. Дорога хорошая. Травянистая гоби* со всех сторон. Снова горы – отроги Кентея, в которых П.К. Козлов сделал свои замечательные открытия, о которых мы ещё будем подробно говорить. Перед самой Ургой выезжаем на широкую равнину реки Толы. На юге высится лесистый массив священного Богдо-Улы, с его вековыми лесами. Направо виднеются белые домики ветеринарной станции Санчин. Впереди Урга, широко разбросанная по равнине. Золотые ганджиры** храмов и скопища серых невзрачных полурусских-полукитайских домов.

Около дороги на холме сторожевая будка. Нас останавливает монгольский солдат в новой, принятой из Советской России форме. Берёт на проверку наши пропуска. Ждём. Солдат не появляется из будки. Иду узнавать причину задержки – оказывается, чиновники заняты игрою в шахматы и до окончания партии не могут прописать пропусков. Убеждаю их бросить игру и прописать пропуска. Смеются и соглашаются.

Выезжаем в сопровождении солдата в Ургу. Перед городом кучи отбросов, в которых роются старухи с корзинами за спиной и многочисленные собаки. Приходится благодарить природу, даровавшую Урге сухой климат, иначе бы эти заграждения отбросов заразили бы всю округу. Наконец, Урга – столица Республиканской Монголии и бывшая ставка покойного Богдо-гегена.

* * *

Экспедиция выступила из Урги (ныне Улан-Батор-Хото) **13-го апреля 1927** в составе 17 человек на пяти машинах системы «додж брос». Маршрут экспедиции лежал в направлении на Юм-Бэйсэ – монгольский таможенный и пограничный пункт на юго-западной границе. Пришлось остановиться на этом пути, ибо обычные караванные пути на Тибет, ведущие из Урги – один через Гурбун-Сайхан на Эцин-Гол, другой через Дын-Юань-Инь в Алашани – на Синин-Кумбум, были малопроходимы из-за деятельности шаек хунхузов и отрядов восставших против Народной Армии Китая ордосцев во всём юго-восточном пограничном районе. Путём

* гоби (от монг. *говь* – каменистая степь, поросшая редкой травой) – обширный регион в Центральной Азии (на территориях Монголии и Китая), характеризующийся пустынными и полупустынными ландшафтами.

** ганчжир (монг. – полный сокровищ) – отличительный знак на крыше буддийского храма, навёршиие в форме вазы (ставится посредине конька крыши), из позолоченной меди.

Урга–Юм–Бэйсэ–Аньси–Чжоу–Западный Цайдам пользуются, главным образом, политические посольства и торговые караваны, везущие в Тибет оружие контрабандным путём. Этим же путём прибыл в Ургу Далай-лама во время своего вынужденного бегства в Монголию в 1904-1905 гг.

Второй путь: Урга–Агван–Хурэ–монастырь Тухумын–Дагын–Илоден–Дели–Хурэ (Уцзень–Ван)–урочище Хара–Нидун–Юм–Бэйсэ. Этот путь значительно минует труднопроходимые реки. Труднопроходимая река Онгин переходится в верховье.

Третий путь совпадает со вторым до Агван–Хурэ, откуда поворачивает на юго-юго-запад в направлении на Цаган–Нор и Орок–Нор. На этом пути встречается только одна река Онгин, которая в своём дальнейшем течении очень илиста. Большая часть дороги пролегает по галечной гоби, только в районе озёр Цаган и Орок приходится огибать значительное болотистое пространство.

Существует и путь на Аньси–Чжоу, минующий Юм–Бэйсэ. Путь этот совпадает со вторым маршрутом до урочища Хара–Нидун, где следует по южному Улясутайскому тракту в направлении на Нараванчи–Гэгэн–Хурэ и урочище Цаган–Лук. Отсюда дорога поворачивает на юг на ставку Чжасакту–хана и далее, через отроги Южного Монгольского Алтая, на урочище Бур, откуда поворачивает на восток и через урочище Харичайн–Ама достигает дороги Юм–Бэйсэ–Аньси. Большая часть этого пути проходит по галечной гоби и, следовательно, проходима для машин. Этот путь совершенно не устраняет трудности к югу от Юм–Бэйсэ.

Теперь намечается возможность пятого пути из Урги на Ганьсу, проходящего через Гурбун–Сайхан на Сучжоу. Уже в Цайдаме мы узнали, что начальник тыла Народной Армии проехал этим путём из Урги на Лань–Чжоу–Фу. Я не упоминаю путь на Ганьсу через Баотоу, ибо он давно известен и им неоднократно пользовались. Плохое состояние машин (чрезмерная перегрузка и отсутствие ремонтного гаража в Урге – это две причины недолговечности машины «додж» на монгольских трактах), а также незнание шофёрами района заставили экспедицию отказаться от следования на машинах за Юм–Бэйсэ на Аньси и выбрать путь, по которому машины уже проходили. Из всех автомобильных систем, машины «додж брос» наиболее отвечают местным требованиям. Конечно, по получении новой машины из Китая приходится укреплять раму и рессоры. Совершенно необходимы особые широкие шины для прохождения песков. К сожалению, к моменту выступления экспедиции таких шин в Урге не имелось. Пришлось выступить на обыкновенных и испытать ряд аварий в дороге. Проходимые расстояния распределяются по дням крайне неравномерно – в один день удаётся пройти 60 миль, в другой день проходим только десять – всё зависит от состояния дороги.

Экспедиция спешила выступить, чтобы пройти гобийские пески, встречаемые до Юм-Бэйсэ, ещё в апреле, покуда песок ещё не тронулся, не оттаял.

Теперь скажу несколько слов о служебном составе экспедиции. Кроме семи европейцев*, на которых лежало руководство и администрация экспедиции, в состав экспедиции входили десять человек бурят и тибетцев.

Тибетец Кончог Цэринг, посланный с экспедицией Тибетским представителем в Монголии, – приказчик тибетского торгового представительства в Урге. Работающий парень, но страдающий временами запоем.

Лама-кабчу Данзан Молонов, бурят, едущий в Тибет в Гоманчский дацан Депунгского монастыря. Везёт с собою подношения Далай-ламе. Рекомендован Тибетским представителем.

Калмык-торгоут лама Кедуп Доржиев. Спутник Молонова.

Ламажап Цыримпилов. Бурят, бывший контрабандист, ставший ламой, едущий замаливать грехи в Тибет. Дельный и решительный человек.

Шедуб-Чжямцо Бухаев. Бурят. Молодой лама, спутник Молонова. Очень работающий и дельный. (Потом испортился.)

Дава Цыримпилов. Бурят. Бывший партизан и контрабандист. Испорченный тип, занимавшийся подстрекательством. Был отправлен обратно в Ургу из урочища Шибочен.

Данзан Цыримпилов. Молодой бурят, бывший лама. По болезни был отправлен обратно в Ургу из Юм-Бэйсэ. Ленивый и малодисциплинированный парень.

Ардана Доржиев. Молодой бурят. Также ленив и малодисциплинирован. Несколько умнее других.

Цультим Будаев. Молодой бурят, бывший лама, попавший в белые отряды полковника Казагранди в районе Цзаин-Шаби и Улясутая во время бароновщины, затем участвовавший в красных партизанских отрядах. Нервный и трусливый тип – результаты прошлого. Также ленив и малодисциплинирован.

Аюр Доржиев. Бурят. Бывший переводчик Ветуправления, но плохо знающий русский язык. Злой и ленивый тип. Труслив и малодисциплинирован.

Ещё до выступления экспедицию предупреждали о существовании шаек Чжа-ламы в районе Аньси. Об этом факторе среднеазиатской политики последних лет буду ещё говорить подробнее. Пришлось озаботиться приобретением некоторого оружия, а также обучением служебного состава элементам пехотного боя.

* Н.К.Рерих, Е.И.Рерих, Ю.Н.Рерих, К.Н.Рябинин, П.К.Портнягин и сёстры Л.М. и И.М. Богдановы.

На вооружении экспедиции имелись: две русские драгунки, изделия Тульских заводов, выпуска 1925, крайне недобросовестно изготовленные (плохая пригонка ствола и ствольной коробки к ложу, плохое качество дерева – ольха, откуда чрезмерное высыхание, порождающее нежелательное колебание ствола). Восемь германских карабинов, приобретённых в Монголии (в монгольском военном министерстве), по большей части несколько расстрелянные. Единственное имевшееся продажное оружие в Урге. Один хороший охотничий штуцер системы маузер, 1910. Один хороший охотничий карабин марлин. Две охотничьих двустволки. Одна русская пехотная винтовка, американского изделия, выпуска 1915 г. В дороге сломался выбрасыватель. Один русский револьвер наган. Один швейцарский наган. Один автоматический пистолет маузер. Три карманных браунинга. Один револьвер льежского оружейного завода в Бельгии.

Предполагалось ещё снабдить служебный состав экспедиции казачьими (степными) сёдлами. Но заказанные сёдла вовремя не прибыли из Верхнеудинска. Принимая во внимание качества и особенности местных лошадей, их рост и аллюры, – лучшим седлом является казачье степное седло. Для сведения будущим путешественникам по областям Средней Азии кратко опишу монгольские и китайские сёдла.

Монгольское халхаское седло с узким небольшим ленчиком, с высокими луками и малым расстоянием между таковыми совершенно не годится для дальнего путешествия. Узкий ленчик, невозможность глубокой посадки на больших аллюрах порождает халхаскую посадку на галопе – езда на одной ноге, свешивание всадника на левый бок. Результатами этой посадки является нетвёрдость всадника в седле и бочение лошади в одну сторону – недостаток, трудно исправляемый у монгольских лошадей.

Китайское седло несколько лучше, но нужно покупать только сёдла с большими ленчиками, имеющими достаточное расстояние между крыльями ленчика под передней дугой, – иначе седло будет стискивать плечи лошади и сделает животное для дальней дороги непригодным. Также рекомендуется потник из толстого войлока прикрепить к ленчику и разрезать вдоль хребта, как это делается на строевых казачьих сёдлах. Это спасает от набивов на хребте.

Претерпев разные неожиданности, экспедиция выступила в 5 часов дня **13 апреля 1927**. Переехав по мосту реку Толу около Урги, двинулись в ЮЮЗ направлении по левому берегу Толы. Дорога первый день была хорошая, несмотря на начавшееся оттаивание почвы. Переехали два скверных для машин оврага. Ночевали за Санчином на берегу реки, пройдя 22 мили.

14 апреля. Прошли 62 мили по направлению на Мишегун. Хорошая дорога чередуется полосами песка, в которых неоднократно застревали.

15 апреля. Проехали 52 мили в ЮЮЗ направлении по хорошей дороге. Остановились в пади, где ещё лежал снег. Пришлось оттаивать снег для воды.

16 апреля. Прошли 70 миль по хорошей дороге. Около Наван-Цэ-рэн-Хурэ оставили Толу и, повернув несколько южнее, достигли солёного озера Их-Тухул, недалеко от которого расположен небольшой монастырь Тухумын-Дуган, или просто Дуган-Сумун. Миновали Мишегун-Хурэ – большой монастырь с русской факторией.

Остановились на ночёвку на берегу солёных озера, в 25 милях за Мишегуном. Начинается тёплая погода. Тарбаганы окончили зимнюю спячку.

17 апреля. Проехали по хорошей дороге 65 миль. День холодный, дует пронзительный ветер. Около дороги видели «каменную бабу». Местные монголы говорят, что в неё вселился дух знаменитого разбойника, который ныне занимается праведным делом охраны стад. Достигли Онгийн-Гола, который течёт здесь несколькими рукавами. Переправили машины и остановились на левом берегу реки ожидать отставшие три грузовые машины, которые прибыли только к 10 часам вечера и из-за темноты не могли переправиться через реку.

18 апреля. С утра стали переправлять машины через реку. К часам 12 дня тронулись в путь и через час достигли Уцзен-Вана, где взяли старика монгола проводником до Юм-Бэйсэ. Как оказалось потом, старик плохо знал дорогу и собирался направить экспедицию к покинутому лет пятьдесят тому назад ортонскому станку Юм-Бэйсэ. После Уцзен-Вана дорога пошла по гористой местности в ЮЮЗ. Грунт дороги хорош для движения машин, но много подъёмов.

Остановились на обширной равнине за перевалом, пройдя 30 миль за Уцзен-Ван.

19 апреля. Дорога идёт по сильно пересечённой местности. Около дороги видели группу курганов. Вершины курганов уставлены камнями. Курганы окружены концентрическими кругами камней. Внешний характер погребения указывает на I в. до Р.Х. – III в. по Р.Х.

Остановились около пересечения дорог на Улясутай и Юм-Бэйсэ (урочище Хара-Нидун). Проехали всего 30 миль из-за поломов машин (сломанная ось, лопнувшие покрышки).

20 апреля. Проехали 65 миль по очень трудной дороге, которая следует вдоль верблюжьей тропы. Многочисленные песчаные овраги. Встре-

тили тибетский торговый караван, во главе которого стоит Кушо Кудрупа, известный лхасский торговец, – едет в Ургу и в Пекин закупать шёлк. Видели также двух цайдамцев из Курлык-Бэйсэ, сопровождавших в Ургу бурята – представителя Торгпредства в Цайдаме, который не поладил с местным князем.

21 апреля. Сильно пересечённая местность. Дорога трудная, много песка. Постепенный высокий подъём. Перебрались через Туин-Гол с илистым дном.

22 апреля. Дорога весь день чрезвычайно трудная. Ряд непроходимых песчаных холмов. Местами дорога пролегает по песчаному руслу реки. Остановились в 60 милях от Юм-Бэйсэ.

23 апреля. Утром выступили по указанию проводника на запад. Глубоко зашли в песчаные горы при полном бездорожье. Пришлось рискнуть повернуть на юг, и после длительного плутания по сильно пересечённой местности – отроги песчаных холмов – выбрались на широкую галечную равнину, на которой нашли верблюжью тропу на Юм-Бэйсэ. Пересекли колёсный тракт Куку-Хото-Гучен. Ночевали в двух милях от небольшого озера пресной воды Ногон-Нор (местные монголы называют его Боро-Нор). Около озера встретили многочисленных куланов и стаи водяных птиц – гуси, турпаны и утки. За день прошли 42 мили.

24 апреля. Дорога трудная – песок, камень, щебень. Частью идёт по песчаному руслу высохшей реки. Перед самым Юм-Бэйсэ лабиринт песчаных горок. За день прошли 45 миль. Остановились за монастырём в урочище Цаган-Тологой. Самый монастырь лежит в ложбине между горами, хорошо укрытый от сильных ветров. Нужно заметить, что путь к югу от пересечения Улясутайского тракта до Юм-Бэйсэ очень труден для машин. Необходимо исследовать этот участок дороги и найти более сносное направление, иначе придётся делать ненужные петли. За время пути от Урги до Юм-Бэйсэ, продолжавшегося 12 дней, дня не проходило без поломок машин. Из Юм-Бэйсэ экспедиция решила продолжать путь на верблюдах.

25 апреля. Отправился с утра в монастырь узнавать цены на верблюдов до Цайдама. Заключение договора на 45 верблюдов по 22 мексиканских доллара с нирвой* монастыря, который обязался доставить посольство в 22 дня до Шибочена, в горах к юго-востоку от Аньси-Чжоу. При верблюдах поедет сам нирва, оказавшийся впоследствии преступным типом,

* нирва – управляющий делами

и лама-контрабандист Самбу, неоднократно возивший оружие в Тибет. Предполагаем следовать по контрабандистскому пути, проходящему несколько на восток от обычной караванной дороги Юм-Бэйсэ–Аньси-Чжоу (Ганьсу).

Поднимается сильный северо-восточный ветер.

26 апреля. Ночью поднялся сильный буран. Сорвало две палатки. Пришлось перебираться на новую стоянку у подножия невысокого каменистого хребта Цаган-Обо. Впереди лагеря – щебнистая равнина, спускающаяся к сухому руслу Цаган-Тологой-Усу. Вся местность называется Цаган-Тологой, по невысокой горе светлого гранита и песка.

27 апреля. Ездили в Юм-Бэйсэ закупать верблюжьи сёдла, которые привозятся из Алашани. Осматривали дуканг – соборный храм. Мало старины. Живописные изображения все новые, местной монгольской работы, с плохим рисунком и грубыми красками. Тонких тибетских изображений не видать.

28 апреля. Снова сильный буран. Ветер сорвал две палатки. Приходится сидеть в лагере.

29 апреля. Весь день занят подготовкой к отправлению.

30 апреля. С утра снежная пурга с ветром. Выступили в 11 часов 30 минут. Прошли по каменистой дороге около 20 вёрст. В 4.30 дня остановились на стоянку на обширной песчаной равнине, окаймлённой грядами невысоких гор. С севера – горы Баин-Ундюр, являющиеся продолжением гор Цаган-Обо, окаймляющих с севера урочище Цаган-Тологой. На востоке высится массив Эльгийн-Ол. Вблизи стоянки колодец. По поверью местных монголов-верблюдчиков, не следует произносить название стоянки в тот же день, иначе верблюдам может грозить несчастье. Название стоянки произносится только завтра. Место стоянки называется Цаган-Худук.

1 мая. Выступили утром в 8 часов. Пройдя вёрст семь по щебнистой долине, вошли в песчаные холмы, окаймляющие равнину прошлой стоянки с юга и юго-востока. В тот же день прошли около 30 верст. Остановились на ночёвку в небольшой котловине, расположенной среди гряд каменистых холмов. Воды нет. Местность носит название Хара-Боро.

2 мая. Вышли утром в 8 часов. Дорога продолжает идти песчаными холмами, которые чередуются с широкими равнинами, густо поросшими цзаком (саксаулом). Протяжение этих равнин *СЗ–ЮВ*. Вся местность представляет из себя чередование песчано-каменистых горных кряжей с галеч-

ными равнинами, поросшими цзаком. Горные кряжи, по всей вероятности, являются разветвлениями южных отрогов Монгольского Алтая. К часам 7 вечера, пройдя около 40 верст, остановились на небольшом щебнистом плато около колодца. Плато открыто на ССВ. На юг и восток гряды каменистых холмов. На севере виднеется хребет Баин-Ундюр. Во время своего бегства здесь стоял Далай-лама, поэтому имя стоянки «Цзого-Усу» – «Вкусённая вода».

За день встречных не было.

3 мая. Выступили утром в 8.30. Дорога частью проходит по высохшему руслу реки, частью по песчаным холмам. Имеются следы прежнего добывания золота. Остановились на ночёвку на широкой равнине, покрытой щебнем и поросшей цзаком. К северу и к югу гряды песчаных холмов. К вечеру поднялся буран.

За день встречных не было. Названия местность не имеет.

4 мая. Выступили утром в 8.30. Дорога всё время следует высохшим руслом реки. К югу на горизонте виднеются горы Шара-Хулусуна. Остановились к 5 часам дня в широкой щебнистой долине, окаймлённой грядами песчаных холмов.

За день встречных не было. Названия местность не имеет.

5 мая. Жаркий день. Выступили в 7.30 утра, дабы скорее достичь урочища Шара-Хулусун. Верблюжья тропа сначала идёт по обширной равнине, покрытой суглинком, затем входит в гряды песчаных холмов, тянущиеся с востока на запад. Потом снова спускается на обширную песчаную долину и снова входит в гряды пологих холмов. По выходе из холмистой местности несколько спускается на широкую песчаную долину с постепенным подъёмом на ЮЮЗ. Не доходя урочища Шара-Хулусун, тропа следует по высохшему руслу вдоль песчаных пологих холмов, потом выходит, следуя всё тем же руслом, на галечную равнину. Попадаются поваленные стволы деревьев.

К часам 4 дня достигаем урочища Шара-Хулусун, расположенного по обоим берегам небольшой горной речки. Обилие высокого камыша, густые заросли туй и туркестанского тополя. По обеим сторонам реки высокие скалы.

При выборе стоянки произошло небольшое пререкание с верблюдчиками. Они хотели остановиться на правом берегу реки недалеко от дороги, где обычно останавливаются караваны, мы же все решили остановиться на лужайке под тенью деревьев на левом берегу. После некоторого спора большую часть багажа и часть людей оставили на правом берегу с верблюдами,

палатки же с необходимыми вещами перебросили на левый берег. Эта разбросанность лагеря, хотя и причинила некоторое неудобство, спасла нас от неожиданной перестрелки с проходящим торговым караваном. Дело в том, что через урочище Шара-Хулусун проходит караванный путь Куку-Хото–Гучен. Около 8 часов вечера верблюдики донесли, что в ущелье замечены вооружённые верховые люди. Надо было проявить всю осторожность, ибо урочище находится в сфере деятельности шаяк Чжа-ламы. Решено было выжидать, сосредоточив большинство служебного состава экспедиции на левом берегу реки и оставив караульных около багажа, защищать который от нападения было довольно трудно.

Совершенно неожиданно раздался гулкий винтовочный выстрел по нашему лагерю на правом берегу реки. Немедленно были потушены все огни в лагере и весь служебный состав экспедиции рассыпан в стрелковую цепь вдоль берега реки с тем намерением, что в случае, если неприятель атакует часть лагеря на правом берегу, неожиданно ударить ему во фланг и тем смять его. После выстрела наступила тишина. Люди несколько нервничали. Вдруг залаяла собака. Теперь можно было догадываться, что мы имеем дело со встречным караваном.

Решено было отправить разведку, на которую вызвался Кончог – тибетец. Перейдя речку, он быстро исчез в камышах. Через 20 минут он возвратился и доложил, что это торговый китайский караван, следующий из Куку-Хото на Гучен. Китайцы при его появлении очень испугались, потушили огонь и просили их не трогать. Оказывается, что они, проходя к урочищу, заметили наши огни и приняли нас за бивуак хунхузов, а начальник их каравана, для нашего устрашения, выехал вперёд и произвёл выстрел по лагерю. Наше расположение на левом берегу спасло его от неприятности, ибо если бы мы стояли все на правом берегу и заметили бы приближавшихся стреляющих всадников, то, наверное, в свою очередь открыли бы огонь.

Караван оказался принадлежащим большой американской фирме «Brenner & Bros», имеющей отделения по всей Китайской Средней Азии. Он шёл из Тяньцзиня и направлялся через Гучен в Урумчи. При караване ехал торговец – семиреченский татарин, говорящий по-русски, который и рассказал нам о страхе китайцев, заметивших костры нашего лагеря. Оказывается, Шара-Хулусун имеет дурную славу разбоя. Месяца три тому назад шайка хунхузов ограбила здесь караван, принадлежащий этой же фирме, и увела 30 верблюдов, тяжело ранив в голову одного из членов каравана.

У каравана приобрели одну коробку чая и шоколадных конфет.

Вверх по Шара-хулусунскому ущелью – развалины китайских фанз и небольшого китайского храма мяо-цзы. Заметны следы возделанных по-

лей, расположенных террасами. Говорят, что сюда прежде приходили из Аньси-Чжоу китайцы сеять запрещённый «опий» (коноплю).

6 мая. Выступили около 2.30 дня. Дорога всё время следует вверх по ущелью, окаймлённому высокими скалами твёрдых пород (гнейсы и граниты), с признаками работы воды (вытачивания) и сильного выветривания. По выходе из ущелья дорога входит в полосу песков. Холмы чередуются мягкими пологими грядами. Грунт песчаный с суглинком. К 12.20 ночи достигли колодца Бильгех, расположенного около небольшого пологого холма. Здесь дороги разветвляются. Обычная караванная тропа уходит на ЮЗ, а контрабандистская следует в направлении на ЮЮЗ.

7 мая. Вышли около 3 часов дня. Жаркий, душный день. Дорога пошла галечной гобью, которая чередуется грядами песчаных холмов, тянувшихся с СЗ на ЮВ. Пересекли невысокий хребет Ханыйн-Нуру. Остановились к 12 часам ночи на галечной равнине. Воды нет. До выступления из Бильгеа взяли с собою воды на два дня.

По дороге поражает обилие фаллических фигур. Кто авторы этих изображений, так и не удалось узнать. Говорят, китайцы.

За день встречных не было.

8 мая. Вышли в 2.30 дня. Дорога следует по галечной гоби. Сильная жара. К 12.30 ночи остановились. Воды нет. Палаток не раскладывали, ибо решили выступить снова в 6 часов утра, дабы скорее добраться до колодца. Верблюды, которые зимою в состоянии ходить до шести-семи дней без воды, в жаркую погоду сильно страдают от жажды. Делаются вялыми и часто кричат. Глаза наполняются слезою и делаются тусклыми.

9 мая. Выступили в 6.30 утра. Дорога по-прежнему следует по безводной галечной гоби. К часам 12 дня наступает сильная жара. К часам четырёх достигаем стоянки Алтан-Усу, расположенной у подножия скалистого хребта. Здесь прежде был золотой прииск. Видны следы разработок и многочисленные развалины китайских фанз. Имеется хорошая вода – ручей. Отсюда начинаются места, посещаемые шайками Чжа-ламы.

10 мая. Выступили в 3 часа дня и, поднявшись на пологий холм, пошли по высохшему руслу. С обеих сторон высокие скалы. Начинает падаться трава. На песке заметны следы копыт. Проходим мимо следов зимника – остатки очагов, многочисленный овечий и лошадиный аргал – видимо, стояли здесь ещё недавно. Постепенно поднимаемся на невысокий, но довольно крутой перевал и пересекаем хребет Арцегыйн-Нуру. Затем постепенно спускаемся на галечную равнину. К часам 11 вечера

останавливаемся на ночёвку. Воды нет. На ЮЮЗ и ЮЗ виднеются горы Мацзы-Шань и Бага-Мацзы-Шань. Весь этот район лет пять тому назад был свидетелем деятельности Чжа-ламы и его шаек. Ставка со дворцом Чжа-ламы находится у подножия Мацзы-Шаня. Говорят, что остатки его приверженцев (торгоуты-калмыки и киргизы-хасаки) до сих пор промышляют в окрестностях. На нашей стоянке валяются в изобилии пустые гильзы патронов винтовок Бердана. Ночью удваиваем караулы. Я и Павел Константинович¹ по очереди стоим на часах. Недалеко от стоянки на поверхности земли сложен из белых камней субурган – быть может, работа многочисленных пленников Чжа-ламы. Место стоянки называется Сухай-Бом.

* * *

19 августа 1927. Шарагол. Встаю в 2 часа ночи. Лагерь ещё спит, тишину нарушают только шаги часового и мерная жвачка привязанных к коновязи верблюдов. Сегодня выступаем, и всё существо наполняется радостью нового похода. Бодро собираемся в путь. Понемногу в палатках зажигают огни. Из темноты громадным силуэтом появляется табунщик-монгол, подгоняющий коней и мулов. Зажигаются костры, и на фоне пляшущего пламени видны тёмные фигуры монголов, складывающих свои мешки и проверяющих седловку. Одна за другой складываются палатки лагеря. Розовеет утренняя заря, и длинные вереницы верблюдов вытягиваются мимо субургана экспедиции. На передних верблюдах-вожаках хатаки с ладанками, последние – несут громадные колокола, мерно звучащие при каждом шаге верблюдов. В этом звуке рождается вся беспредельная Средняя Азия, эта пустынная колыбель ранних исканий человечества. Тропа постепенно подымается по обширному песчаному предгорью, пересекает широкое каменистое русло и входит в песчаное ущелье, ведущее к перевалу Улан-Дабан. Сегодня короткий переход – останавливаемся у сочной травы невдалеке от многочисленных ключей.

Вечером в лагерь заезжают монголы, направляющиеся в Махай. Опасаясь нападений по дороге, местные монголы всегда отправляются в путь вдвоём.

20 августа. Выступаем рано на рассвете. Постепенный подъём по ущелью. Проходим мимо развалин старого золотого прииска. Перевал нетруден, хотя и пользуется дурной славой среди местного населения. Кругом вздыбились тёмно-лиловые и пурпуровые скалы, на вершинах которых гордыми силуэтами появляются многочисленные аргали. Спуск в долину Их-Халтын-Гола по пологому руслу, выходящему в обширную песчаную равнину, поросшую диким луком (мангиром).

К 3 часам дня достигаем первого рукава реки. Переходим его. Вода сильно спала, ниже колен лошадям. Раскидываем лагерь на небольшом островке, расположенном посреди двух рукавов Халтын-Гола. На севере долина Халтын-Гола окаймлена хребтом Гумбольдта, на юге – цепью Риттера, называемой местными монголами Навка-Ула. Верблюды подошли только поздним вечером.

Стоим весь следующий день. На *ЮВ* долины виднеются обширные снежные поля Чахалда. На *ЮЮВ* тянутся невысокие гряды, называемые по перевалу (Урге-Дабан-Ула). На юг продолжают невысокие холмы, носящие название Чаха-Дабан-Ула, по траве «чаха», встречающейся в изобилии около перевала. На *ЮЮЗ* горы снова несколько повышаются и носят местное название Цаган-Оботу. В долине имеются малочисленные айлы монголов. Весь этот хребет, окаймляющий долину с юга, является разветвлением Южно-Кукунорского хребта.

На следующий день (*22 августа*) выступаем в 5 часов утра. Ещё в сумерках переходим илистое русло реки. Последний южный рукав реки илист и глубок – вода достигает стремян. Перейдя реку, тропа ведёт по песчаному нагорью, переходящему постепенно в узкое ущелье, ведущее к перевалу Чахарийн-Дабан. Спуск по высохшему руслу потока. Пройдя 40 км, достигаем реки Бага-Халтын-Гол, текущей в узкой долине, окаймлённой грядами песчаных холмов, из-за которых виднеется несколько снежных вершин хребта Риттера. Долина реки открыта к Сертангу, куда протекает река.

На северном берегу реки мощные базальтовые скалы.

* * *

4 сентября 1927. Цайдам. Сегодня собираемся пройти голодный солончак Цайдама и достигнуть первых кочевьев хошуна Тейчжинер. Придётся идти весь день и всю ночь и, быть может, часть утра. На всём протяжении голодного солончака нет пресной воды, и каравану, составленному из мулов и лошадей, грозит гибель. Передают, что года три тому назад в солёной пустыне погиб целый караван, принадлежавший представителю Панчен-ламы в Монголии. Берём двух проводников из местных монголов, знающих тропу через топкие места солончака вокруг Дабасун-Нора.

Свежее утро. К востоку от стоянки блестит синевую своей водной поверхности и белоснежными отмелями соли озеро Бага-Цайдамин. Караванная тропа идёт, огибая болотистые места, к западу от озера, затем подходит к самому берегу озера, поросшему зарослями низкорослой туи.

Турпаны и серые гуси наполнили воздух своим криком. К югу крепким контуром высятся скалы Харгольчжин-Ула. Медленный подъём по песчаному предгорью. Становится тепло, но лёгкий западный ветер умеряет силу солнечных лучей.

Входим в каменистое ущелье, усыпанное крупным щебнем. С обеих сторон высятся сильно выветренные базальтовые и гранитные массивы. По выходе из ущелья дорога поворачивает в ЮВ направлении по каменистому спуску среди ряда невысоких холмов. Обогнув каменистый мыс, выходим на обширную каменистую пустыню, подёрнутую жёлтой дымкой. К ЮЗ – гряды барханов, переходящие в пустынные пространства Сертанга, к востоку далеко уходят горы – продолжение Харгольчжин-Ула, к югу – необъятный горизонт песчаных холмов. В течение трёх часов идём в ЮВ направлении по каменистой пустыне. Белой лентой вьётся тропа по выжженному солнцем нагорью. К часу дня останавливаемся у небольшого ручья, текущего из ущелья Харгольчжин-Ула и теряющегося в песках пустыни. Здесь необходимо остановиться и дать животным в последний раз напиться и отдохнуть. Солнце начинает припекать, и мы все ищем тени под кустами туи, растущими вдоль берега ручья.

К нашей временной стоянке подъезжают двое монголов из Тейчжинера на усталых лошадях. Красные тюрбаны и обычные малиновые халаты цайдамских монголов, но лица уже имеют другой [склад] – резкие тонкие черты напоминают лица кочевников северо-восточного Тибета. Встречные шли целых 24 часа, ибо в ближайшем урочище Олун-Булак по ту сторону голодного солончака иссякла вода. Монголы рассказывают о нападении голоков или панагов на кочевья Тейчжинера, происшедшем полтора месяца тому назад. Они, не останавливаясь у ручья, проходят в ущелье, по которому ведёт дорога к восточному берегу Бага-Цайдамин-Нора и соединяется с дорогой в ставку Курлыкского князя.

К 5 часам дня становится прохладнее, и мы выступаем в ЮЮЗ направлении. В течение пяти часов тянется каменистая пустыня. На западе горит красно-малиновый закат, на востоке холодный фиолетовый горизонт, постепенно переходящий в глубокую синеву вечернего неба. Зажигаются звёзды, как бы освящающие таинство вечернего покоя пустыни. К 11 часам вечера достигаем пояса барханов. Копыта лошадей мягко ступают по песку, взошедшая луна освещает фантастический пейзаж ночной пустыни. Впереди сверкает каким-то особенным безжизненным светом белая полоса – это начало голодных солончаков. Невозможно описать словами мёртвый тон неба над этой проклятой областью Азии.

Следуем гуськом за проводником. Узкая тропа вьётся порой среди громадных соляных отложений, иногда принимающих фантастические фор-

мы. Зияют бездонные ямы, сторожащие проходящие караваны. Оступись лошадь, и можно заживо погрузиться в солёную могилу. Тропа временами указывается небольшими обо*. На юго-западе в лунном свете сверкает своею мертвенно-бледной поверхностью солёное озеро Дабасун-Нор. Ещё один час ходу, и топкий солончак кончается. Поверхность становится сухой, и люди и животные инстинктивно чувствуют, что избегли опасности. К несчастью, заходит луна, и продолжение пути становится почти невозможным. Решаем остановиться. Привязываем лошадей к коновязи, а сами, кто как может, укладываемся вокруг разведённого костра. Эта ночь на ложе окаменевшей соли несколько напомнила мне деревянные лежа с вбитыми гвоздями индийских аскетов Бенареса. [Анероид] показывал 8200 футов высоты.

5 сентября. В шесть часов утра снова в путь. В дневном свете голодный солончак имеет ещё более безотрадную картину. В туманной дали начинают вырисовываться горы Андак-Нейчжи. День жаркий, и утомлённые животные медленно продвигаются вперед. К 12 часам часть каравана останавливается переждать жару у первых кустов терескена. Полковник Кордашевский² уезжает вперёд ставить лагерь. Всё ещё нет воды лошадям, которым смачиваем рот водою из наших фляжек.

6 часов вечера. С наступлением прохлады седлаем лошадей и снова выходим. Природа быстро меняется. Появляется трава, кусты туи и первые представители животного царства – зайцы. Быстро темнеет, и мы с трудом выбираем себе дорогу по вязкому грунту. Но вот вдали зажглись многочисленные огни – как бы целый город в этой безлюдной местности. Наше внимание привлекается тремя светящимися точками высоко над поверхностью. Подходим ближе и различаем палатки нашего лагеря. Полковник Кордашевский установил три фонаря на высоких шестах, чтобы указывать дорогу подходящему каравану. Все спешат по своим палаткам, которые кажутся необычайной роскошью после утомительного перехода по солончаку. Лошади ржут, радуясь хорошей траве. За ужином решаем стоять весь завтрашний день и дать людям и животным необходимый отдых.

Урочище носит название Хуху-Арал. Вблизи от лагеря течёт небольшая речка Чжялцен-Гол, впадающая в реку Нейчжи.

* * *

13 сентября 1927. По обыкновению выходим рано, в 6 часов утра. Солнце только что встаёт и окрашивает пурпуром тяжёлые серые тучи,

* обо – пирамида из камней

нависшие над горами. Тропа идёт вдоль правого берега реки Нейчжи. По левую сторону дороги тянется невысокий песчаный хребет, из-за которого порою виднеются величественные снежные вершины и поля хребта Марко Поло (Ангар-Дакчин).

Караван экспедиции идёт обычным порядком, разделённый на три отряда: впереди – головной отряд, с которым следует весь европейский состав экспедиции и несколько монголов из экспедиционного конвоя, вторым идут гружёные мулы, сопровождаемые торгоутами; последними на значительном расстоянии следуют верблюды под начальством Голубина³. Проходим по северную сторону перевала Елису-Дабан – перевал этот проходим только для лошадей и яков. Из-за верблюдов нам приходится идти на перевал Нейчжи, в полдня пути к западу от Елису-Дабана. К 9 часам достигаем обширного урочища Донда-Нейчжи. В широкой равнине течёт река, горы несколько отступили в сторону, спускаясь к равнине уступами. Тропа идёт вдоль широкого нагорья по южную сторону реки.

Спускаясь с невысокого холма в долину Донда-Нейчжи, вдруг замечаем вереницу вооружённых всадников, быстро проскакивающих через дорогу на нагорье влево от нас. Кто эти люди? Зачем этот непонятный манёвр, как бы захождение во фланг нашего головного отряда? Передние дозоры экспедиции срываются и несутся навстречу появившимся всадникам. Лама-проводник, бледный, широко размахивая руками, с криками «аранган» (разбойники) бросается во весь мах своего коня обратно к реке. Начальник экспедиции, дабы предупредить неосторожное столкновение, отзывает обратно дозоры и приказывает боевой части экспедиции занять временную позицию по левую сторону дороги и тем дать остальной части экспедиции собраться и занять удобную огневую позицию на гребне холма по правую сторону дороги. В случае столкновения и невозможности удержания противника на передовой позиции, передовое охранение должно отойти на эту позицию.

Получив распоряжение, каждый отъезжает на указанное ему место. Полковник Кордашевский, Портнягин, я и один молодой монгол занимаем позицию на взгорье по левую сторону дороги. На нашем левом фланге двое торгоутов, подоспевших с караваном мулов. Остальная часть экспедиции под начальством профессора Рериха занимает позицию на гребне холма. Противник, появившийся тем временем на нагорье, двумя сомкнутыми шеренгами всадников быстро приближается к позиции нашего передового охранения. Различаем вооружение всадников – винтовки, сабли, копья. Наши монголы, спешившись, готовятся открыть огонь по противнику. Полковник и я остаёмся в седле и наблюдаем в бинокли за движением всадников. Наши торгоуты, пустив своих коней рысью, с громким криком

заходят противнику во фланг. В поведении несущихся всадников замечается некоторая неуверенность. Они переходят на рысь, затем останавливаются в нерешительности и, наконец, медленно приближаются к нашей позиции. Спешиваются и приглашают нас начать переговоры. Наши всадники тесным кольцом окружают спешившегося противника.

Редко приходилось встречать подобные лица, полные какой-то звериной настороженности. Всё больше молодёжь в серых домотканых халатах, вооружённая мечами и русскими винтовками Бердана. Несколько седоусых стариков – видимо, предводителей отряда. По приказанию начальника экспедиции спрашиваю старшего из них причину их нападения. Старик передает длинную историю о какой-то потерянной белой лошади, в поисках которой они выехали. На моё замечание, к чему такое вооружение и количество всадников, он замолкает, оглядывается на своих и, наконец, заявляет, что они приняли нас за монгольских солдат и что 60 человек их сородичей стоят наготове за перевалом, – скверная весть, ибо придётся быть несколько дней постоянно настороже и держать в боевой готовности наш небольшой конвой. Вспоминается предупреждение, сказанное монгольским ламой незадолго до нашего отъезда из Шараголджи. Выясняется, что молодые разбойники принадлежат к племени панагов, старики же – местные монголы. Они советуют нам остановиться на равнине Донда-Нейчжи и только завтра перейти перевал, ибо ближе к перевалу нет воды. Трудно понять их совет, быть может, военная хитрость, чтобы иметь время сообщить своим сородичам о нашем приближении. Продолжаем свой путь, панаги же исчезают за ближним холмом.

Уезжая, спрашиваю у одного из всадников, не согласится ли он продать нам своё копьё. Разбойник угрюмо улыбается и отвечает: «Господин, копьё – это друг нашей страны, и я не могу продать его вам», затем вскакивает на коня и догоняет усакавших товарищей. У цайдамских монголов и кочевников северо-восточного Тибета копьё – символ войны-набега.

Проходим несколько далее и останавливаемся на невысоком холме вблизи от дороги. Место удобно для обороны – сзади значительное мёртвое пространство, спереди – открытая равнина Донда-Нейчжи. Через час подходят наши верблюды. Голубин рассказывает, что панаги повторили с ними тот же манёвр, выехав неожиданно из-за холма. Увидав вооружённых людей, сопровождающих груз экспедиции, они молча пропустили караван.

Разбиваем лагерь. По приказу начальника экспедиции все находятся при оружии. У сложенных в козлы винтовок – часовой с примкнутым штыком. Среди дня в лагере появляются панаги, на этот раз без оружия. С любопытством и жадностью хищника рассматривают вещи. Глаза загораются при виде оружия экспедиции. Многие из молодых панагов обладают

опасным знанием современного огнестрельного оружия – им известны маузеры, браунинги, наганы и даже ручные пулемёты Льюиса. Прошли старые времена, когда разбойники северо-восточного Тибета встречали путешественников фитильными ружьями, стреляющими на сто сорок шагов. Революция в Китае вооружила разбойничьи племена и сделала столкновения с ними опасными для проезжающих.

К вечеру начинает падать мокрый снег и лёгкий туман окутывает равнину. Панаги покидают лагерь, но необходимо быть начеку. В сырой мгле роём стрелковые окопы кругом лагеря. Сегодня очередь полковника Кордашевского заведовать охраной лагеря ночью. Все остальные спят одетыми и при оружии. Поздно вечером объясняю монголам порядок охраны лагеря и распределяю людей по окопам. Всё тихо со стороны равнины. Экспедиционный табун под усиленной охраной пасётся невдалеке. На холме над лагерем виднеется высокая фигура полковника Кордашевского, закутанного в длинную монгольскую шубу.

14 сентября. Ночь прошла спокойно. Утром выяснилось, что двое из наших лучших верблюдов исчезли с коновязи. Строим всевозможные предположения, одни говорят, что верблюдов украли, другие – что их увели в горы, чтобы задержать нас. Решаем послать людей в поиски. Лама-халхасец и торгоут Церин отправляются верхами искать верблюдов, остальные же остаются ждать их у сложенных палаток. Не прошло и получаса с их отъезда, как гулко раздаются два выстрела в горах. Наши монголы вскакивают и быстро озираются. Все убеждены, что между нашими людьми и панагами произошло столкновение. Вызываем охотников, чтобы отправить на выручку. Но вот появляется Церин и заявляет, что верблюдов нашли и что стрелял он от страха. Верблюды оказались загнанными в ущелье.

Через полчаса весь караван выходит. Впереди головного отряда идут дозоры: П.К. Портнягин – вдоль дороги, полковник Кордашевский и я – на флангах по холмам. Постепенный подъём по травянистому склону к перевалу. Вопреки заявлению панагов, вода имеется в изобилии под перевалом. Видимо, они имели причину задержать нас в Донда-Нейчжи.

Трудная каменистая дорога для верблюдов. Животные идут медленно, тяжело дыша, часто оступаясь на камнях. Многих приходится перегружать, ибо вьюки оседают назад. На подъёме несколько панагов снова подъезжают к каравану, Портнягин быстро соскакивает с коня и винтовкою заставляет разбойников отступить. Они удаляются, но затем переходят перевал и появляются по южную сторону перевала. Только к часу дня достигаем вершины Нейчжи-Дабана, с которой открывается незабываемый величественный вид на снежный хребет Марко Поло, или Ангар-Дакчин.

На фоне серого неба, по которому собираются тяжёлые грозовые тучи, высится громадная цепь гор, покрытых вечными снегами и обширными полями льда, низко спускающимися в равнину.

Достигли вершины перевала, снова тревога. Впереди показывается Голубин с поднятой над головой винтовкою – «опасность». Полковник Кордашевский и я быстро спешиваемся, скидываем винтовки и поднимаемся к большому обо, венчающему вершину перевала. Внизу в равнине раздаются три выстрела и протяжный человеческий крик. В тумане с трудом разбираем колонну наших мулов, ушедших вперёд остальных. Полковник наблюдает в бинокль. «Произошла, видимо, засада, – говорит он, – Очир и его конь лежат на земле! Но что лежит около них?» – и передаёт мне бинокль. Всматриваюсь. Действительно, происходит что-то непонятное. Часть мулов продолжает двигаться по дороге, другая стоит на месте. Несколько человек копошатся у какого-то чёрного предмета, похожего на лежащую лошадь. Решаем спуститься ближе. Довольно крутой спуск в широкую галечную равнину, тянущуюся с востока на запад между хребтами Гурбун-Нейчжи и Ангар-Дакчин. Сильный порыв ветра, и начинает падать крупными хлопьями снег. Вдали над Ангар-Дакчином грозно гремит гром – это местное божество гневается враждебному поведению панагов по отношению к нам – так объясняют наши ламы. Подъезжаем к каравану мулов – оказывается, торгоуты убили дикого яка, громадного трёхлетнего быка, уложив его тремя пулями. Монголы радуются мясу и возможности сытно пообедать.

Снег продолжает идти и скоро покрывает ровным покровом всю равнину. Верблюды несколько отстали, и мы решаем подождать их подхода. Мокрый снег облепляет людей и лошадей. Ждём. Вот появляется первый эшелон верблюдов – лама-проводник, который ведёт его, советует нам продвинуться несколько далее и остановиться у небольшого ручейка. Снова садимся на покрытые снегом сёдла и двигаемся в путь. Пурга продолжает дуть в лицо. Пройдя ещё два километра, останавливаемся по северную сторону равнины у небольшого ручейка. Спешим расставить палатки и укрыться от непогоды. Проводник последнего эшелона верблюдов доносит, что им были встречены панаги на равнине в нескольких верстах от нашей стоянки. Монголы советуют осторожность. Противник может показаться только с равнины, ибо сзади лагеря экспедиции труднопроходимый гранитный массив с отвесной стеною, спускающейся к стоянке.

Сегодня моя очередь дежурить. Снег продолжает падать, и в абсолютной мгле трудно различить даже ближайшие камни.

В 9 часов вечера на наше сторожевое охранение является наш спутник, хорчинский лама, и сообщает грустную новость, что его спутник-лама только что скончался. Иду в их палатку. Лама, действительно, мёртв.

Перед смертью у него было сильное кровотечение изо рта. Сообщаю Елене Ивановне⁴ и доктору⁵. Они оба приходят. Монгол скончался, сердце не выдержало волнений последних дней. Это второй смертельный случай за время экспедиции.

Постепенно лагерь умолкает. Слышно только, как хорчинский лама читает молитвы над телом своего спутника. Монгол-часовой с суеверным ужасом проходит мимо палатки, в которой лежит покойник.

Поднявшаяся луна тускло светит из-за густых снежных туч. Сажусь на камень недалеко от лагеря и мысленно перебираю события последних месяцев. Сколько пришлось увидеть, какие громадные расстояния пройти, чтобы теперь очутиться на нагорье Северного Тибета и созерцать суровую красоту горных снегов и чёрных скал этой высочайшей пустыни. Мои мысли прерываются монголом-часовым, который доносит, что за ручьём им замечены приближающиеся фигуры. Идём к берегу, действительно, на противоположной стороне ручья видныдвигающиеся фигуры. Щёлкает затвор винтовки, и монгол, встав на одно колено, готовится открыть огонь. Я приказываю ему не стрелять, а сам внимательно наблюдаю. Фигуры подходят ближе. Вот одна спускается к воде – теперь уже можно различить, что это большие бурые медведи, пришедшие на водопой. Наши собаки с лаем отгоняют зверя.

Ночь проходит тихо. Выпавший снег помешал противнику произвести нападение, а гроза и гром вселили страх в его суеверное сердце.

15 сентября. Смерть ламы, постоянное напряжение последних дней, упавшее настроение монголов и глубокий снег, выпавший за ночь, – всё это несколько задержало наш выход. Главный вопрос – решить, что делать с трупом ламы. Согласно вековому обычаю монголов, труп оставляют там, где человека настигла смерть, ибо прикасаться к трупу считается опасным для остающихся живых. В нашем случае было невозможно оставить труп в палатке. После некоторых переговоров убеждаю калмыка Очира помочь хорчинскому ламе перевезти труп ламы на вершину ближайшего холма. Весь состав экспедиции собирается у палатки покойного и молча издали прощается. Хорчинский лама читает молитвы, долженствующие направить душу в предназначенное ей место в загробном мире, окутывает труп широким хатаком, исписанным молитвами. Затем труп заворачивается в кусок кошмы, служившей покойнику постелью, и привязывается к седлу лошади. Самье и Очир, медленно ведя лошадь, отвозят труп на вершину холма, где волки и медведи быстро уничтожат его.

Смерть ламы произвела глубокое впечатление на монголов, которые приходят с хатаком и просят отпустить их. Указываю, что это является предательством, и отказываюсь принять их хатак. К 12 часам утра настро-

ение служебного состава меняется к лучшему, и караван экспедиции начинает грузиться.

Выступаем в час дня. Тяжёлые серые тучи густо окутали, как бы саваном, вершины Ангар-Дакчина. Идём по галечной равнине в ЮЗ направлении. Сегодня пересекаем горный проход Ангар-Дакчин-Хутул (15300 ф.). Путь следует вверх по правому берегу небольшого ручья, берущего начало под горным проходом. Вышедшее из-за туч солнце сильно нагревает камни, и ослепительное отражение его на снегах обжигает лица. Переходим Ангар-Дакчин-Хутул. На вершине несколько обо. К югу широкая нагорная равнина. На восток уходят конусообразные снежные вершины хребта Ангар-Дакчин. Впереди к югу бесконечные увалы песчаных и каменистых холмов – типичный ландшафт Северо-Тибетского нагорья. Пройдя около 20 км по равнине, останавливаемся у ручья у подножия холмов, ограждающих равнину с юга. Место носит название Мугчи. Разбиваем лагерь.

Наступившая звёздная ночь окутывает каким-то особенным опаловым покровом снега Ангар-Дакчина и окружающие холмы. Полковник Кордашевский, утомлённый переживаниями последних дней, не в состоянии дежурить ночью. Остаюсь дежурным вторую ночь.

Глухо стонет в своей палатке больной нирва. «Аро, аро, аро», – протяжно раздаётся его стонущий призыв к какому-то невидимому другу. Сердце плохо работает, заметен сильный отёк лица и конечностей. Неужели и этот не выдержит? «Пропал нирва, – говорит часовой-тибетец, – разве можно с таким сердцем ездить в Лхасу? Только благодаря нашему доктору, спасибо ему, человек движется». Большой нирва вёл чрезвычайно разнузданную жизнь в Пекине и Монголии, обычная история с тибетцами вне своей страны, и теперь медленно умирал, заживо разлагаясь. Но мощный организм борется упорно, и к утру нирве становится несколько лучше. Однако он просит оставить его умереть, ибо не в состоянии выдерживать качания на верблюде. С трудом общими усилиями уговариваем его и бережно подымаем на верблюда. Караван трогается, один за другим вытягиваются эшелоны верблюдов, и за ними остаётся только лама-проводник и один верблюд, медленно несущий уходящего тибетца. Загорелое лицо приобрело оливковую бледность, черты заострились, потухший взгляд и рот из-под опущенных книзу усов, скривлённый страданием. Каждый шаг верблюда сопровождается тяжким стоном, вздохом всадника «аро, аро». Обгоняем страдальца, и каждый всадник кричит ему слова ободрения.

Путь следует по ущелью вдоль русла небольшой речки, которую монголы-проводники называют Ангар-Дакчин-Гол. Первые два часа путь постепенно повышается, затем начинается ровный спуск. Тропа оставляет реку и следует несколько западнее. Вступаем в обширную равнину песчаных

холмов, поросших редкой травой. Проводники спешат довести караван до озера пресной воды, но часы уходят, а воды нет. Наконец достигаем высохшего дна озера. Что делать? Идти далее – животные утомлены и больной нирва вряд-ли в состоянии перенести долгий переход. Рассылаем разведку. Несколько восточнее дороги находим систему небольших озерков пресной дождевой воды. Ставим лагерь. Проводники верблюдов будто бы видели всадников в окрестности. Произвести разведку в столь холмистой местности почти невозможно. Стараемся принять меры предосторожности. Обходим с полковником Кордашевским окрестность лагеря и улаживаемся о порядке охранения. Павел Константинович, который дежурит эту ночь, даст тревогу в случае нападения.

* * *

10 октября 1927. *Чунарген (chu-na-rgan)**. В лагерь экспедиции с утра прибыли старшины, прося от имени *хорчицаба*** приехать для переговоров. Несмотря на большую слабость, сопровождаю начальника экспедиции и полковника Кордашевского к генералу. Лагерь-ставка тибетского генерала находится в 2 км от нашего лагеря, в северо-восточном углу чунаргенской котловины. Дорога трудная, бесконечные болотистые кочки. Впереди начальника экспедиции едет монгол с флагом Северо-Американских Штатов. За начальником экспедиции – полковник Кордашевский и я. Шествие заключается двумя конными монголами из конвоя экспедиции.

На полдороге со мною снова головокружение, приходится спешиться и лечь. Начальник экспедиции с полковником Кордашевским проследовали в ставку, я же остаюсь с подросшим доктором. Скоро нас догоняют Елена Ивановна с Павлом Константиновичем. Из лагеря генерала прибыли начальник конвоя и доньер. Они упорно настаивают, чтобы я ехал в ставку. Указываю, что не буду в состоянии вести переговоры, но тибетцы продолжают твердить одно. Через час, почувствовав приток свежих сил, сажусь на лошадь и сопровождаю Елену Ивановну и доктора в ставку генерала.

Ставка – широко раскинутый лагерь чёрных палаток. В центре лагеря – тибетский белый шатёр генерала, окружённый высокой стеной из аргала. Это обычный способ защищать палатку от ветра. Перед палаткой генерала флагшток с тибетским военным знаменем, несколько напомина-

* Здесь и далее в скобках приводится транслитерация тибетских слов.

** хорчицаб – верховный комиссар области Хор, генерал Кап-шо-па

ющим Union Jack (государственный флаг) Британской Империи. Почётный караул из десяти человек солдат выстроен около входа в шатёр. Караул становится «смирно» при нашем приближении. Лошадей подхватывают слуги генерала. Входим в шатёр, где уже находятся начальник экспедиции и полковник Кордашевский. Шатёр украшен кусками китайского шёлка, свешивающимися со стен, образуя как бы балдахин над генералом. По стенам несколько священных писаных изображений. В углу нечто вроде алтаря с тяжёлыми серебряными божницами работы непальских мастеров. Сам генерал – молодой чиновник 24 лет с мягким любезным лицом – сидит на небольшом возвышении, покрытом шкурою леопарда. На генерале длинный парадный халат жёлтого китайского шёлка и обычная меховая маньчжурская чиновничья шапка, на верхушке которой красуется золотой скрещённый дордже, инкрустированный драгоценными камнями, – знак военного достоинства генерала. Золотое кольцо с большим изумрудом украшает палец. Перед генералом обычный низенький тибетский столик с вечной чашкой чая, чернильницей и письменными принадлежностями. К столбу шатра привязано знамя с несколько покривившимся навершием и бутафорский меч в зелёных сафьяновых ножнах. По левую руку от генерала сидят двое молодых чиновников, также в маньчжурских шапках и китайских шёлковых халатах. Около них сидит майор – начальник конвоя – старый вояка с тупым испившимся лицом. (Если кто хочет видеть старый маньчжурский дореформенный Китай, то должен посетить Тибет, сохранивший чиновничий уклад Китайской империи).

Мы все рассаживаемся по правую руку от генерала. Подают чай и сушёные фрукты. Слуги – подростки в длинных халатах малинового «пуру», напоминающие наших послушников, разносят чай. После обычных приветствий, взаимных вопросов о здоровье и трудностях, испытанных на пути, генерал осведомляется о целях экспедиции. Передаю ему слова начальника экспедиции о намерениях экспедиции в Тибете и указываю на особое значение мирной научной экспедиции, главной целью которой является изучение Учения Благословенного Будды. Прошу генерала оказать экспедиции полное содействие. Генерал просит передать своё восхищение перед начальником экспедиции, который, несмотря на своё высокое положение и возраст, согласился предпринять такое трудное путешествие и посетить такую незначительную страну, какою является Тибет. «Мы слышали, – говорит генерал, – что Америка является богатейшей и величайшей страной в мире. Мы обязаны хорошо принять американскую экспедицию. Я, будучи чиновником 4-го ранга, имею право личного сношения с Его Святейшеством Далай-ламой и не замедлю сообщить письменно в Лхасу о Вашем прибытии и намерениях. Сожалею, что не могу пропустить сразу

вас всех далее в Нагчу, ибо должен снестись с гражданскими властями. Надеюсь, вы тронетесь в путь через два дня. Передайте мои извинения начальнику экспедиции, но он должен понять, что я не в состоянии превысить свою власть, иначе Лама-Правитель (т.е. Далай-лама) велит отрубить мне голову». При этом генерал жестом указывает на опасность, которая может грозить его шее, жест повторяется и всеми присутствующими должностными лицами.

Сегодня первый официальный визит, и, согласно тибетскому обычаю, не полагается вести длительных переговоров. Потому начальник экспедиции только просит генерала окончить все формальности в кратчайшее время и пропустить экспедицию в Нагчу. Генерал утвердительно кивает головой и выражает желание сейчас же посетить наш лагерь и осмотреть багаж экспедиции. Начальник генеральского конвоя, получив приказание, почтительно выходит приготовить лошадей генералу и свите.

Тем временем мы пьем чай. Начальник экспедиции передаёт генералу часы и хатак, прося его принять часы на память. Генерал отказывается, но затем принимает подарок и небрежно кладёт часы на стол. Этикет требует этого. Вошедший начальник конвоя докладывает, что всё готово. Все встают и садятся на подведённых коней.

При выезде из лагеря раздаётся несколько пушечных выстрелов. Впереди кортежа солдат со знаменем и 20 человек конных, не считая музыкантов с шотландскими дудками. Оглушительно звучит местный оркестр, составленный из туземцев хор-па. Генерал, сидя на горячем сининском коне, подробно распространяется о боевых качествах тибетских солдат и об их прекрасной езде. Причём некоторым диссонансом звучат окрики начальника конвоя своим солдатам: «Подтяни стремяна, а то упадёшь». Слушаю генерала и смотрю на идущую впереди конницу – грязные мундиры английского образца, всклокоченные волосы из-под широкополых шляп, длинные пехотные винтовки, тибетские сёдла на нечищенных разномастных лохматых лошадях. Такова картина тибетской конницы, устранившей китайцев и собирающейся устроить врагов, приди они с севера или с юга.

Но не будем далее распространяться об особенностях тибетского воинства, предоставим начальствующим продолжать носить жёлтые балахоны и украшать себя серьгами, а мужественным воинам думать, что английская булавка скрывает все недочёты их обмундирования. Кортеж достигает лагеря экспедиции. Конные солдаты выстраиваются и, приподнявшись на стремянах, отдают честь проезжающему генералу и его свите. Генерал слезает с коня и с детским любопытством осматривает европейские палатки. Солдаты нагайками разгоняют толпу.

Генерал будет лично производить таможенный осмотр багажа экспедиции – «руки маленьких людей не должны касаться вещей великих людей». Всё его интересует, особенно металлические снежные очки с прорезями для глаз. Приходится подарить очки, генерал сейчас же одевает их и гордо озирается, сверкая металлическою поверхностью очков. Жадно осматривают огнестрельное оружие экспедиции. Из-за позднего часа решают окончить осмотр завтра и просят нас передвинуть лагерь экспедиции ближе к ставке генерала. Перед отъездом из лагеря генерал заходит к больному нирве – тот, не будучи в состоянии встать, выползает из палатки. За последние дни в его здоровье наступило ухудшение, и он приветствует генерала длинной непонятной речью. Генерал и его свита равнодушно слушают его и затем садятся на коней и отправляются обратно.

11 октября. Рано утром перебрасываем лагерь ближе к ставке генерала на берегу речки Чунарген. Нирва почему-то решает отделиться и стать лагерем в стороне. Принимаем это как фантазию больного. Все монголы твердят, что генерал велел ему отделиться. Среди дня генерал приглашает нас придти. На лице его заметна какая-то побежалость. Продолжает утверждать, что он сделает всё необходимое, но что гражданские власти в Нагчу почему-то отказываются оказать ему содействие. Спрашиваю о причине его приказа нирве. Он делает вид, что очень удивлён, и заверяет, что подобного приказа он не выдавал. В разговоре генерал упоминает д-ра Фильхнера⁶, которому разрешено пройти из Цомра на Ладак. В разрешении пройти в Лхасу германскому исследователю отказано. Генерал также спрашивает о каком-то иностранце, прибывшем в Лхасу с голокским караваном. Начальник экспедиции снова просит генерала пропустить экспедицию и указывает, что Чунарген – малопригодное место для длительной стоянки. На что генерал возражает, что великие люди Запада, подобно большим перерожденцам Тибета, имеют способность переносить всевозможные лишения без опасности для жизни. Успокоив себя таким глубокомысленным соображением, генерал сообщает, что он скоро собирается ехать в Биру-Гомпа, а с нами временно, до получения ответа, останется один из тибетских чиновников. Генерал, конечно, вполне понимает, что задерживать великих людей невозможно, но, чтобы почтить великих приезжих, он отдаёт приказ своему оркестру играть вечернюю зорю в честь экспедиции.

Среди дня генерал снова посещает лагерь и доканчивает осмотр багажа – полный список нашего имущества будет представлен Его Святейшеству. Вечером у ставки генерала глухо гудят барабаны и шотландские дудки – это оркестр генерала исполняет зорю.

На следующее утро (12 октября) генерал снова просит нас посетить его. Выражение лиц тибетцев – пасмурное, они, видимо, получили какие-то инструкции. Генерал продолжает верить, что он – наш друг и что посылает прошение на имя Далай-ламы. Сообщает, что нагчуские власти отказались пропустить нас в Нагчу до получения ответа на письмо генерала в Лхасу. Нам придётся ждать в Чунаргене ка-лен (*bka'-lan*), или правительственное распоряжение. Сам генерал собирается уезжать завтра, но оставляет при нас начальника своего конвоя майора Сонам-Тобчжяла с несколькими солдатами. Начальник экспедиции напоминает генералу, что экспедиция имеет паспорт лхасского правительства, выданный правительственным полномочным чиновником в Монголии, и потому тибетские власти обязаны пропустить экспедицию. Непризнание своих же паспортов только внесёт ненужные осложнения. Генерал просит не принимать происшедшее плохо, ибо тибетский *доньер** в Урге – частное лицо, живущее в Монголии по своему личному желанию! Таковы способы убеждения тибетских чиновников. Генерал просит начальника экспедиции остаться в Чунаргене до получения ответа и ни в коем случае не продвигаться вперёд или возвращаться назад. Генерал вызывает всех местных старшин и просит нас подтвердить наше согласие народу. Начальник экспедиции соглашается обождать несколько дней, с тем чтобы двинуться вперёд по истечении срока. В шатёр генерала входит серая толпа старшин, которые становятся у входа и, согнувшись и выставив языки, ждут генеральских распоряжений. Генерал, выпрямившись на сидении, обращается к старшинам: «Я просил от вашего имени великого человека остаться ждать ответа из Лхасы здесь, в Чунаргене. Люди великой Америки согласны не нарушать тибетские обычаи и тем спасают вас от гнева Правительства». Толпа кланяется и хором протяжно отвечает: «*Ла-лес*»**. Многие из старшин украдкой с любопытством осматривают иностранцев. «Вы будете исполнять, – продолжает генерал, – и поставлять всё необходимое экспедиции, и горе вам, если что-либо пропадёт из багажа экспедиции». Снова поклонны, снова протяжное тупое «ла-лес», и толпа старшин выходит из шатра.

Просим генерала назначить при экспедиции нескольких солдат охранять багаж. Генерал обещает назначить наряд из местной милиции, ибо солдаты регулярной армии своим грубым обращением с населением могут испортить отношения между крестьянами и нами. Пожелав генералу доброго пути, мы возвращаемся обратно в свой лагерь.

* доньер (тиб.) – представитель, здесь – представитель тибетского правительства в Монголии.

** ла-лес – выражение согласия, «да-да»

Итак, нам придётся ждать ответа из Лхасы. По дороге в лагерь нас догоняет доньер генерала и просит от имени своего начальника продать ему средство для рашения прекрасных чёрных волос!

Среди дня раздаются пушечные выстрелы, и генерал со свитой выезжает в дорогу. Звонят бубенцы, быстро и разношёрстно проскакивает генеральская свита. Вот солдат с ружьём, вот слуга с чайником за спиной, вот целая толпа домашних приживал, передвигающихся за своим благодетелем. Все быстро и нагло мелькают мимо палаток покидаемого лагеря.

* * *

25 декабря 1927*. *Шаругён (sha-ru-dgon)*. Очень холодная ночь. Около -25° С в палатке. Гонец из Нагчу-Цзонга (*nag-chu-rdzong*) ещё не прибыл.

26 декабря. Солнечный день. Очень холодная ночь. Ожидаем гонца из Нагчу. Местные ламы не хотят разрешить мне изучать священные книги Бон. Я решил оставить их в покое. Около пяти часов вечера неожиданно прибыл майор из Нагчу. Он послал нам солдата, который говорит, что он (майор) нанесёт нам визит завтра. Одна из лошадей заболела.

27 декабря. Очень холодная ночь. Солнечный день. Дни становятся определённо холоднее, и согреться удаётся лишь с большим трудом. Из ячменя мы пытались приготовить кофе, вполне пригодный для питья напиток. Это была идея профессора Рериха. Наша чёрная лошадь всё ещё больна. Майор нанёс нам визит и сообщил, что губернаторы Нагчу-Цзонга придут в Шаругён, чтобы продолжить переговоры. Он сказал, что новое письмо в Лхасу было отправлено 7 дней назад. Скот гибнет в Нагчу от нехватки корма. Дрова стоят 1 нгусанг**!

Чжан Цянь в своём сообщении о западных странах явно различает «да-юечжи» – кочевой народ, мигрировавший из западного Ганьсу на берега Оксуса (Амударьи), и «дася» – бактрийцы – мирный, занимающийся торговлей народ, живущий в поселениях. Возможно, что древние бактрийцы, или тохары, занимали также часть территории к северу от реки Оксус. Тохарские колонии возле Кучи и Турфана также вели торговлю и не имели кочевого характера. Китайцы знали, что дася торгуют шёлком. Известно, что одной из функций Арсакидской империи была торговля

* Записи с 25 декабря 1927 по 10 февраля 1928, за исключением отдельных фрагментов, в оригинале сделаны на английском языке.

** Тиб. *ngul-srang*, унция серебра, тибетская серебряная монета, равная 1 индийской рупии и 2 аннам.

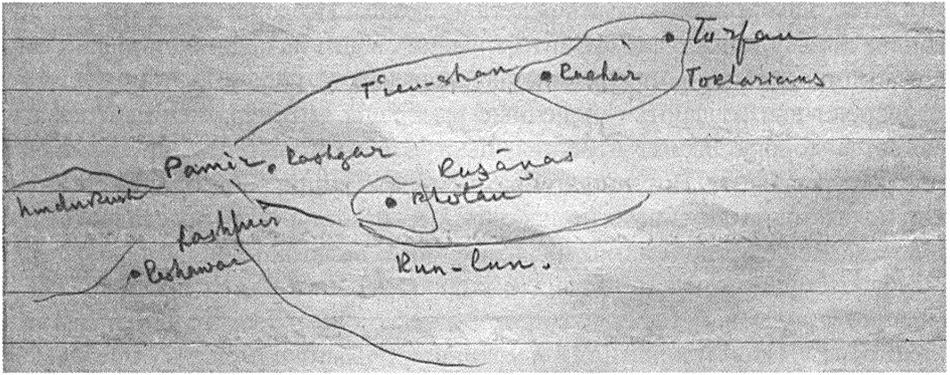

Рисунок из дневника Ю.Н.Периха

шёлком и привоз западных товаров (из Византии) и наоборот. Возможно, что бактрийцы служили передатчиками через пески Китайского Туркестана.

20 фунтов китайской муки продано нам по невысказанной цене в 25 нгу-сангов. Майор привёз с собой муку, сахар, чай, сушёные фрукты и свечи. Днём пала одна чёрная лошадь. Эта была одна из лучших лошадей.

28 декабря. Холодный облачный день. Ранним утром Голубин отправился купить немного зерна для лошадей и немного баранины. Он вернулся в 2 часа дня с тремя овцами и мешком зерна. Местные хорпы сказали ему, что майор вновь запретил им торговать с нами. Днём в наш лагерь прибыли местные старшины и заявили, что они не могут снабдить нас зерном для лошадей. Мы ответили, что их обязанностью является доставать достаточное количество зерна ежедневно, иначе мы уйдём отсюда на юг.

Вечером было около -20°C . Весь день дует ЮЗ ветер. Губернаторы Нагчу должны прибыть послезавтра. Местные тибетцы советуют нам говорить с ними решительно и требовать, чтобы нам разрешили пройти в Гьянцзе. Перевалы к югу от Нагчу проходимы, хотя всё ещё покрыты снегом.

Тохарские колонии Куча и Турфан были приверженцами хинаяны по своим убеждениям. Тохары, эмигранты из Тохаристана дардской национальности, принесли с собой учения сарвастивадинов и вайбхашиков из северо-западной Индии. Иранский диалект, распространённый в Хотане, был языком юечжи – кушан. У нас есть основания полагать, что хотанцы были колонией, созданной кушаном Канишкой. Махаянская доктрина получила новый импульс от Канишки, и характерно, что Хотан был махаянистским.

29 декабря. Тибетцы из Цомра сообщили нам, что шесть из наших верблюдов, якобы павших, всё ещё живы. Мы соответствующим образом рассчитали халхаского ламу Ринцзина. Доктор и я нанесли визит майору. Его жене становится хуже. Холодный ветер с ЮЗ.

30 декабря. Солнечный день. Старшины хорпов отказываются обеспечить нас необходимой провизией. Они выставили часовых, чтобы помешать нам покупать продовольствие у населения. Солдаты майора заявляют, что сами не могут добыть продуктов у хорпов. Имел резкий разговор с солдатами и местными жителями, в результате которого нам вечером принесли молоко и цампу*. Майор придёт завтра, чтобы разрешить этот вопрос. Мы послали сегодня письмо Верховному комиссару Хора, в котором поблагодарили его за присланное нам продовольствие и просили отдать необходимые распоряжения о снабжении нас провизией. Местное население, очевидно, устало от нас и пытается избавиться от майора и солдатни.

31 декабря. Ранним утром Портнягин и Голубин отправились выяснить, не продадут ли тибетцы чего-нибудь. Около 10 вечера один из старшин, Адак Тхоми, нанёс нам визит и сообщил, что майор разрешил торговлю. Он сразу же послал одного из местных охранников сообщить об этом местным жителям. В результате этого разрешения Портнягин и Голубин добыли двух овец и немного молока. Зерно для лошадей обещают дать завтра.

Дни становятся немного теплее. Сегодня 87-й день нашего насильственного задержания. Заканчивается трудный для нас год.

1 января 1928. Тёплый солнечный день. Вечером около -10° С. Лёгкие облака. Мы решили послать Кончога в Нагчу поторопить губернаторов. Ходят слухи, что губернаторы придут завтра и что для них уже установлена палатка в Чунаргене. Местные жители говорят, что большой караван из мулов и яков прошёл в Нагчу. Это, вероятно, голоки, совершающие паломничество в Лхасу.

2 января. Ночью сильный ЮЗ ветер, разогнавший облака. Холодный ветреный день. Около полудня пришёл Кончог и сообщил, что в Чунаргене получено официальное сообщение, в котором говорится, что губернаторы Нагчу-Цзонга отбыли вчера из Нагчу в Шаругён. В монастыре для них готовят комнаты. Жена майора чувствует себя хуже, но она отказывается

* цампа (монг. – дзамба) – поджаренная ячменная мука

следовать указаниям нашего доктора. Пятеро местных старшин обслуживают нас: Адак Мемара, Адак Тхоми, Цземара, Комура и Паура. Зерно для лошадей дорожает и стоит около 12 нгусангов за маленький мешок.

3 января. Холодная ночь. Около -25° С. Солнечный день с ЮЗ ветром. Говорят, что губернаторы достигнут Тасанг-Ла завтра. Через день ожидается их прибытие в монастырь. Становится трудным добывать необходимое зерно. Голубин отправился покупать зерно и молоко. Добыл мешок зерна и немного молока.

Вечером в наш лагерь забрёл як и порвал одну из моих верёвок.

4 января. Холодная ночь. Почти -25° С. Солнечный день с небольшим ЮЗ ветром. Ожидаем прибытия губернаторов. Два снежных грифа были замечены на скале возле нашего лагеря. Вечером местные охранники сообщили о смерти жены майора. Таким образом майор начинает ощущать результаты своего глупого и высокомерного поведения. Местные жители говорят, что боги монастыря пытаются причинить вред майору.

5 января. Солнечный день с небольшим ЮЗ ветром и облаками. Утром приходил наш тибетец Кончог и сообщил, что губернаторы, добравшись до Цомра, неожиданно повернули назад. Согласно слухам, они получили информацию, что монгольское посольство устроило беспорядок в Нагчу. Местные старшины и солдаты по-прежнему настаивают, что губернаторы придут завтра. Один из старшин, Адак Тхоми, навестил меня сегодня. Он сказал мне, что этот район был взят под управление тибетским правительством около 12 лет тому назад. За этот период сменилось четыре Верховных комиссара. Он жаловался на тяжёлые налоги, взимаемые лхасским правительством. Говорят, что майор сильно огорчён.

Около 5 часов пополудни прибыл гонец от губернаторов и сообщил, что губернаторы придут завтра. Вечером новые охранники пели сагу о Гэсэре (ke-sar-sgrung) и танцевали. Это было благопожелание, чтобы мы вскоре смогли отправиться в Индию. Их резкие визгливые голоса оглашали окружающие горы. Один из кхампов сказал: «Пойте тихо, иначе услышат тибетцы» – местное население боится тибетских солдат и их своёвольного поведения.

Вечером было облачно. Около -19° С.

6 января. Всю ночь местные хорпы занимались установкой палаток для губернаторов. Около 12 часов дня прибыли губернаторы и часом позднее нанесли нам визит. Нагчуский *кхан-по* (духовный губернатор) – мужчина лет 60-ти. Носит ламскую одежду красного и бордового цвета и чёрные китайские очки. В течение семи лет он был тибетским представите-

лем (*mkhar-dpon*) в Силинге*, затем пять лет служил в Пекине. Он хорошо знает китайский и вполне прилично монгольский язык. Его коллега *нанг-со* (гражданский губернатор) – старик, одетый в жёлтое китайское шёлковое платье и маньчжурскую шляпу. Он также носит очки. Кхан-по сразу же стал говорить о деле – откуда и с какой целью мы приехали? Очевидно, они имеют очень смутные представления об Америке. Он сказал нам, что Тибетское правительство не разрешает русским, англичанам и китайцам въезд в Тибет как таковой (ламаистское царство), и хотя подобного ограничения в отношении американцев не существует, они не могут пропустить нас, ибо в противном случае англичане, русские и китайцы проникнут в страну.

Очевидно, губернаторы получили какой-то ответ из Лхасы. Они настаивают на том, чтобы мы отправились в Силинг, или Джекундо, или Симлу и Ладак. Что нам запрещено проходить через Шигацзе или Гьянцзе. Что они, губернаторы, дадут нам караванных животных и провизию. Мы настаивали на том, чтобы нам было позволено посетить Гьянцзе, и напомнили губернаторам, что генерал Перейра в 1922-м пересёк Тибет на пути из Ганьсу в Гьянцзе и что м-м Дэвид-Ниль побывала в Гьянцзе. Губернаторы заявили, что всё это является ложью, поскольку, согласно их сведениям, м-м Дэвид-Ниль была отправлена назад из Джекундо, и что генерал Перейра вообще никогда не существовал. Они большие лжецы, эти тибетские чиновники! Мы продолжали настаивать на абсолютной необходимости пройти в Индию наикратчайшим путём, в крайнем случае минуя Шигацзе и Гьянцзе, и добраться до долины Чумби. Губернаторы попросили нас показать на карте наш предполагаемый маршрут и обещали приехать завтра, чтобы покончить с этим делом. Они посылают новое письмо в Лхасу и, зная о том, что мы лично знакомы с Дорингом Кушо, просили нас написать ему записку. Старый Доринг Кушо снова в фаворе. Они сказали, что доньер в Урге не имел права выдавать паспорта, что он лишь заведует банковским учреждением. Они также сообщили нам, что в Гьянцзе больше нет английских солдат и что сиккимец Ладен-Ла, находящийся на британской службе, был убит?! Уже во второй раз я слышу подобные слухи.

К вечеру собрались тучи. В атмосферных условиях, очевидно, произойдёт перемена.

7 января. Всю ночь дул сильный ветер. Выпал небольшой снег. Весь день сильный ЮЗ ветер с позёмкой. Губернаторы прибыли около полудня.

* Силинг – тибетское название Синина

Мы решили вопрос о пути. Нагчуские губернаторы пригласили нас приехать через 14 дней в Нагчу, где они приготовят для нас дом с двором. Из Нагчу нам придётся отправиться в Намру-Цзонг (*gnam-ru-rdzong*), откуда мы достигнем Нагцанг-Цзонга (*nag-tshan-rdzong*) (около 15 дней ходу). Из Нагцанг-Цзонга нам придётся добираться до Цангпо (*tsang-po*), откуда через Тингри-Цзонг (*gting-ri-rdzong*) мы достигнем Кампа-Цзонга (*gam-pha-rdzong*) и далее – Сиккима. Всё путешествие займёт около месяца. Три человека сразу же отправятся в Лхасу закупать провизию для нас. Мы продали губернатору оба наших карабина маузер с 200-ми патронами.

Около 5 часов вечера мы нанесли ответный визит губернаторам. Губернатор расположился в обычной чёрной палатке. На одной из опорных стоек палатки висят русские кавалерийские винтовки и немецкие маузеры, не могущие причинить вреда по причине серебряной отделки. Губернаторы отказались посылать наши телеграммы в Америку и полковнику Бейли. Говорят, что линия между Лхасой и Гьянцзе повреждена. Они также сказали нам, что эта линия использовалась при заключении договора между Китаем и Тибетом и что теперь в ней нет нужды. Что англичане не обучали тибетцев изготовлению пороха и что Ладен-Ла пытался распространить большевизм в Тибете!!! Что более нет английских солдат в Гьянцзе и что долина Чумби полностью находится под тибетским контролем.

8 января. Ясный солнечный день. ЮЗ ветер. Губернаторы отбыли рано утром. Мы послали им письмо, в котором говорилось, что мы не можем следовать северным путем на Рудок через Намру, и предложили другой маршрут, через Тенгри-Нор* (*byang-gnam-mtsho*) и Лхарцзе-Цзонг (*lha-rtse-rdzong*), откуда имеется дорога в Сикким. Местные старшины очень хотят, чтобы мы уехали в Нагчу. Они уже собирают яков и лошадей.

9 января. Под утро сильный ЮЗ ветер с небольшим снегом. Солнечный день. Начинаем готовиться к путешествию.

10 января. Солнечное утро. Около двух часов дня сильный ЮЮЗ ветер. Местные старшины покинули Шаругён, чтобы подготовить вьючных яков и лошадей. Пришла новость, что бурятский лама Малонов умирает.

11 января. Солнечный день с ЮЮЗ ветром. К вечеру облачное небо и небольшой снег. В нашем лагере двое заболели (цинга) – Портнягин и

* Монгольское название, в скобках дано тибетское название озера – Чжан-Нам-Цо.

тибетец Кончог. Торгоут Очир болен бронхитом. Все старшины отправились, чтобы привести яков и лошадей. Начинаем паковать вещи. Губернаторы получили в нашем лагере прозвище – *ngu-lao-ye*, или «бабушки-начальники». Я забыл записать, что губернаторы пренебрежительно говорили об англичанах, жаловались, что они не научили их, как изгвавливать порох!! Странные политика и чувства тибетцев по отношению к соседям!

Сегодня тело жены майора было перенесено к месту погребения. Несколько солдат сопровождали тело, чтобы разрубить его на куски на близлежащем холме. Снежные грифы и орлы следовали за процессией.

Нагчуский кхан-по вспомнил Рокхилла⁷ в Пекине. Он провёл 7 лет в Синине, 5 лет в Пекине, 5 месяцев в Урге и посетил Забайкальскую губернию в Сибири.

12 января. Солнечный день. ЮЮЗ ветер. Прибыл один из старшин и сообщил, что 100 вьючных яков будут здесь 16-го. Вновь прибывшие из Нагчу сообщают, что полмешка цампы стоит 25 нгусангов! Люди страдают от нехватки продовольствия. Местные хорпы говорят, что яков нельзя использовать в долгом путешествии. В этом году имел место необычайно обильный снегопад в районе Трансгималайского хребта и окружающих гор, и яки очень слабы. В течение десяти дней мы пытаемся раздобыть яков, но местные жители упрямы и выдвигают всяческие отговорки. Портнягин всё ещё страдает. Полковник Кордашевский снова заболел. Длительное путешествие становится невозможным для нас, и нам придётся побороться за то, чтобы пройти в Индию кратчайшим путём.

13 января. Солнечный тёплый день, почти без ветра. Весь день занят упаковкой ягтанов. Старшина Комара заходил ко мне, чтобы сказать, что он потерял 5 лошадей и большое число яков и овец из-за отсутствия фуража и что будет невозможно найти 130 яков для нашего каравана. В Нагчу почти невозможно найти лошадей. Вечером приходил Кончог и сообщил, что майор получил копию письма, отправляемого губернаторами в Лхасу. В письме говорится, что мы были задержаны Верховным комиссаром Хора. Что весь наш караван погиб, деньги кончились, и все мы больны. Далай-ламу просят позволить нам пройти наикратчайшим путём в Сикким. Какой обман! Теперь губернаторы пытаются переложить всю вину на Верховного комиссара Хора. Мы стали жертвой ревнивых отношений между тибетскими чиновниками. Какова судьба письма Верховного комиссара Хора в Лхасу, неизвестно. Мы видели сегодня двух хорпов, собирающих туалетную бумагу в нашей уборной! Портнягин всё ещё страдает. Полковник Кордашевский не выходит из своей палатки.

14 января. Солнечный тёплый день. Весь день занимался упаковкой вещей. Вьючные яки и лошади придут сюда 17 января, 18-го мы выступаем в Нагчу. В наш лагерь пришёл хорпа и спел песню, желая нам счастливого пути в Индию. Местное население радо, что мы уходим. Мы покупаем баранину (около 4 мекс. долл. за овцу) и разрезаем мясо на мелкие куски, упаковываем его в мешки. Местные старшины очень хотят купить у нас ружья. За одну русскую пехотную винтовку без патронов дают 300 нгусангов! В настоящее время ружья и лошади стоят очень дорого в этой части Тибета. Наши лошади стоят около 250-300 нгусангов.

Вечером лёгкие облака. Около -13°C . Портнягин всё ещё страдает от цинги. Полковник Кордашевский категорически отказывается выходить из палатки.

15 января. Ветреный день. Около полудня сильный ЮЮЗ ветер с позёмкой. Весь день пакуем грузы для яков. Получили письмо от губернаторов Нагчу. Они сообщают, что получили наше последнее письмо и отослали его в Лхасу. Мы надеемся выступить 18-го утром. Вечером около -10°C .

16 января. Снова ветреный день. Сильный ЮЮЗ ветер. Весь день упаковывали грузы. Вечером узнали, что яки уже достигли Чунаргена. Все вьючные животные ожидают завтра. 20-го мы двинемся отсюда.

17 января. Ветреный холодный день с сильным ЮЗ ветром. Только 32 яка пришли в Шаругён. Старшины хотят получить все деньги вперёд – около 200 нгусангов за 100 вьючных яков. Стоимость одной лошади до Нагчу – около 25 нгусангов. Мы решили ехать на собственных лошадях.

18 января. Ветреный день с позёмкой. Встали очень рано. Яков ещё нет. Около двух часов дня 70 яков достигли Шаругёна. Имел длинный разговор со старшинами. Нам пришлось заплатить 200 нгусангов вперёд. Лишь с большим трудом мы уговорили старшин доставить нас в Нагчу через четыре дня. Майор болен и принимает мало участия в разговорах.

19 января. Лагерь к северу от Тасанг-Ла. Встали очень рано. Тёплый день. С раннего утра распределяли багаж между пятью старшинами. Около 10 часов вышли из Шаругёна. Нам потребовалось около 130 яков! По достижении Чунаргена сильный ЮЗ ветер начал дуть в лицо. Около часа дня остановились к северу от Тасанг-Ла между двумя лагерями голоков, путешествующих в Лхасу. Днём небольшой снег и ЮЗ ветер.

20 января. Лагерь к югу от Тасанг-Ла. Всю ночь сильный ЮЗ ветер со снегом. Вышли около 9.20 утра. Постепенный подъём на перевал. Много-

численные стойбища голоков и амдосцев с яками. Несколько чайных караванов. Перевал покрыт глубоким снегом. Медленный спуск с перевала. Вновь многочисленные стойбища амдоских лам, идущих в Лхасу. Им потребовалось 80 дней, чтобы добраться до Нагчу из Гумбума!

Разбили лагерь на склоне горы. Снег. Отсутствие травы для животных. Трудность добыть аргал.

21 января. Лагерь южнее Цомры. Постепенный спуск к Цомре. На дороге глубокий снег. Разбили лагерь к югу от Цомры. Амдоский караван остановился возле нас. Снова трудности с аргалом.

Температура к вечеру -14°C .

22 января. Поднялись в 7 утра. Сильный холод, около -25°C . Лишь с большим трудом погрузили вещи. В течение трёх часов поднимались по глубокому снегу на перевал. Нам удалось купить несколько мешков аргала у соседних панагов. Возле палаток мы видели около 30 павших яков – следствие необычного снегопада в этом году. На перевале к нам присоединился солдат майора. Он сказал, что майор следует за нами. Спустившись с перевала, мы пересекли широкую долину. Снега на Трансгималаях видны к югу. Затем вновь поднялись на небольшой перевал, после чего остановились в долине на берегу реки Нагчу. Мы легко могли бы сегодня пойти в Нагчу, но наши вьючные яки не добрались бы до нас. Майор проехал мимо нашего лагеря. Он прибудет в Нагчу завтра.

Около 4 часов дня -10°C .

23 января. *Нагчу-Цзонг.* Вышли около 10 часов утра. Очень холодная ночь. Около 11 часов достигли Нагчу – пёстрое скопище почти пятидесяти хижин в китайском стиле. Нас встретили доньеры губернаторов. Они приготовили для нас дом каких-то амдоских купцов с шестью сырыми комнатами. Днём губернаторы просили меня прибыть к ним. Они выразили желание устроить нас с комфортом. Оставшаяся часть дня была занята устройством на новом месте.

24 января. *Нагчу.* Тёплый день. Снег постепенно тает. Зашли в несколько лавок, заваленных дешёвыми индийскими товарами. Приводим в порядок дом. Удалось раздобыть несколько индийских печурок. Отправились с профессором Рерихом и доктором Рябининым к губернаторам. Губернаторы возложили всю вину на Верховного комиссара Хора.

25 января. Тёплый день. По-прежнему заняты поиском печек. Раздобыли одну монгольскую печку. Губернаторы снова пригласили меня

к себе. Они пишут новое письмо в Лхасу. Снова спросили меня о наших лхасских знакомых и предложили написать письмо Царонгу Шапе, военному министру. Мы спросили их, можем ли мы получить разрешение на посещение монастыря. Губернаторы ответили, что наведут справки, поскольку монахи весьма своенравны. Губернаторы сказали мне, что Царонг Шапе был смещён со своего поста главнокомандующего армией, так как он распространял в армии большевизм!

26 января. Я написал сегодня письмо Царонгу Шапе, и губернаторы обещали отправить его тайно в Лхасу. Сегодня мы посетили монастырь. В главном храме (*'du-khang*) находятся образы божеств Гандана (рая Сукхавати) (*dga'n-ldan-lha-brgya-ma*) и Калачакры (*dus-khor'-gi-yid-dam*). Имеется особый храм Майтрейи – его фигура богато разукрашена золотом. Я купил сегодня *me-lcags** с украшениями в зверином стиле.

27 января. Тёплый день. Около -2° С на солнце. Снег тает. Один из чиновников цзонга выехал сегодня в Лхасу с письмами о нашем прибытии и моим письмом к Царонгу Шапе, которое он тайно отправит военному министру. Говорят, что до Лхасы на вьючных животных добираться 20 дней, из-за обильного снега на перевале Саншунг.

Новая партия панагов и цайдамских монголов прибыла в Нагчу. Запах в городе отвратительный, несмотря на снег, и мы лишь надеемся, что сможем вскоре двинуться к югу. Губернаторы говорят, что они могут предоставить нам вьючных животных только после того, как стает снег.

Губернатор *нагчу-кхан-по* (*nagchu-mkhan-po*) (духовный губернатор) живёт в монастыре Жагдэн-Гонпа (*zhag-gdan-dgon-pa*), где он занимает большую комнату. На стенах развешаны русские ружья и несколько германских карабинов системы маузер. Служители сидят вдоль стены. Имеется стеклянное окно. Губернатор очень гордится тем, что бывал в Пекине и Монголии, и утверждает, что знает обычаи всех народов и знает все договоры. Я указал ему, что не существует договоров, касающихся Тибета, между Великобританией, Россией и Китаем, и что Америка никогда не заключала каких-либо соглашений с Тибетом. Он сказал мне, что только англичанам разрешается посещать Гьянцзе, и только по обусловленному в договоре шоссе Калимпонг–Чумби–Гьянцзе. Что англичане, прибывающие в Нагчу с севера, должны следовать через Ладак. Я указал вновь, что состояние нашего здоровья не позволяет нам ехать длинным путём через Ладак. Я настаивал на том, что нам должно быть позволено пере-

* кресало (тиб.)

сечь Тибет в направлении Сиккима кратчайшим путём. Я предложил написать новое письмо Дорингу, но губернатор заявил, что старый Доринг также был обвинён в большевизме и поэтому находится в опале!! Очевидно, все нововведения в Тибете считаются большевизмом! Губернатор также утверждал, что мы были задержаны не Тибетским правительством, а Верховным комиссаром Хора, который, будучи военным человеком (*drag-po 'i-dpon-po*), не знает правил и установлений правительства. Я отметил, что такая точка зрения является странной для нас и что в нашей стране, в том случае, если находящийся на государственной службе чиновник предпринимает какие-то действия, правительство несёт за них ответственность. Губернаторы отказались понимать такой довод. Отсталая страна, где процветают отжившие маньчжурские нравы, взяточничество и грубое невежество!

Вечером около -2° С.

28 января. Губернатор Нагчу назначается Гоманским дацаном (*sgo-mang-grwa-tshang*) монастыря Депунг (*'bras-dpung*) и потому имеет титул *кхан-по* (*mkhan-po*). Гражданский губернатор, *нанг-со* (*nanng-so*), – чиновник, назначенный правительством надзирать за работой *кхан-по*. Поэтому правительство и монастыри шпионят друг за другом. Этот дуализм в управлении – характерная черта тибетской государственной системы.

Тёплый день с сильным ЮЗ ветром. Снег быстро тает. К западу от Нагчу находится женский монастырь, расположенный на холме. Над ним – место погребения. Запахи в этой местности довольно тяжёлые, и многочисленные собаки – мёртвые и живые – служат постоянной причиной инфекции.

Сегодня пришли двое мужчин хоров, чтобы покрасить наш дом известью. Они просто взяли ячий хвост и обрызгали стены, разведя немислимо грязь. Я должен был положить конец этой процедуре.

Нынешнему губернатору Нагчу около 63 лет. У него есть жена и пятилетний сын. Днём губернатор пригласил меня к себе. Мы решили вопрос об аргале. Нам требуется около 15 мешков ежедневно. Он очень хочет приобрести русское ружьё и шёлк. Я сказал ему, что мы готовы продать эти вещи при условии, что нам позволят пройти в Сикким кратчайшим маршрутом.

Вечером около -2° С.

29 января. Холодная ночь. Около полудня тёплый солнечный день. На солнце около $+25^{\circ}$ С. Снег быстро тает. Нанёс визит второму губернатору Нагчу, *нанг-со*. Это пожилой человек, долгое время служивший в Конгбо и Каме. В 1918-м он находился вместе с Калон-ламой в Каме и состоял

при миссии Эрика Тейхмана. Он также помнит, что встречался с полковником Бейли⁸ и капитаном Морхедом в 1912-м во время их исследования Пёмакочунга. У старого нанг-со был сын в Индии, изучавший военную науку. Молодой человек умер несколько лет тому назад. Нанг-со обещал свою помощь и сказал мне, что, может быть, нам удастся поехать в Сикким кратчайшим путём. Он предложил поехать из Намцо (*nam-mtsho*) в Лхарцзе-Цзонг (*lha-rtse-rdzong*), к западу от Шигацзе. Нанг-со показал мне своего пса, привезённого из Конгпо (*rkong-po'i sha-khyi*). Очевидно, он хочет продать его. Я сказал, что куплю у него пса в том случае, если мы пойдём кратчайшим путём.

Нанг-со рассказал мне, что во время своей службы в Каме, в китайско-тибетскую войну они пользовались картами и глобусом! Причём он удивлялся, что карты не соответствовали местности!

30 января. Снова холодная ночь и солнечный тёплый день. Около часа дня +32° С на солнце. Прибывший с перевала Саншунг сообщает, что снег быстро тает и дорога проходима. Многочисленные караваны останавливаются у Понду-Цзонга, готовые выступить в Нагчу.

Управляемая губернаторами область состоит из территорий четырёх племён (*gangs-ri-sde-bzhi*). Большая часть скота пала, только в районе Амдо-Цо-Наг (*amdo-mtso-nag*) можно найти яков и вьючных животных. Мы все надеемся вскоре двинуться на юг.

31 января. Снова тёплый солнечный день, около +40°С на солнце. Утром мы нанесли визит нанг-со. Днём губернаторы просили меня прибыть к ним. Майор также присутствовал при встрече. Из Лхасы получен ответ, в котором говорится, что правительство ничего не знает о нашем прибытии и что нам следует пойти в Ладак или в Китай. В том случае, если мы захотим следовать другим путём, мы должны послать ещё одно письмо. Губернаторы хотят сейчас дожидаться ответа на своё последнее письмо. Письмо, посланное в Лхасу комиссаром Хора, исчезло где-то в пути!

Лама-губернатор сказал, что было очень неразумно пожертвовать местному монастырю 95 нгусангов, что монахи положили все деньги себе в карман. Лучше всего было бы купить масло у губернаторов и подарить его монастырю!! Он также спросил меня, каким кхан-по является профессор Рерих*. Он привёл пример Агвана Доржиева, который имел титул хамбо от Тибетского правительства. По его словам, Доржиев был

* Далее до конца абзаца в оригинале текст на русском языке.

хорош с Цаган-ханом, Русским Императором, а теперь Доржиев хорош с красными. Я усомнился в этом, ибо красные преследуют религию, в том числе и буддизм. На что духовный правитель Нагчу рассказал мне удивительный пересказ событий в России. По его словам, теперь в России правит человек, убивший Цаган Батор-хана из револьвера. Фотографии этого человека теперь встречаются повсюду в России. Убив Цаган-хана, этот человек влез на высокое дерево и провозгласил, что ныне нет Цаган Батор-хана и что нет учения Иисуса и Будды. Но ещё оставалась в живых одна женщина, жена одного из приближённых Цаган-хана, знающая обычаи как красных, так и белых. Новый правитель отправился к ней и застрелил её, после чего убил самого себя! Такова удивительная повесть о событиях в России, которая рассказывается в Лхасе. Неясно, почему новый правитель убил себя, но это не смущает слушателей, которые с большим вниманием слушают невероятные рассказы духовного правителя о событиях в мире.

1 февраля. Снова солнечный день. Ранним утром я нанёс визит нангсо и преподнёс ему кусок китайского шёлка. Он был явно очень доволен и обещал помощь. Он сказал, что сделает всё, что в его силах, чтобы мы могли пойти кратчайшим маршрутом. Я узнал, что его сын был известным гонком, обучавшимся в британской и индийской армиях. Он просил меня ничего не рассказывать о нашем разговоре ламе-губернатору.

Днём мы пошли в лавку, и я купил бутанский меч. Наш Кончог принёс мне рукописную копию Кесар-Дунга (*ke-sar-sgrung*) и тибетский меч из Кесар Поданга, находящегося на расстоянии 15 дней к востоку от Нагчу. В этом месте имеется цзонг и храм под названием Кесар-По-Бранг (*ke-sar-po-brang*). Его потолочные балки сделаны из мечей, которые очень ценны.

Вечером я отправился к хамбо (кхан-по). Он был один и прочитал мне ответ из Лхасы, в котором говорилось, что правительство не получало сообщения от Верховного комиссара Хора и очень недовольно тем, что тибетские чиновники допустили гибель наших животных. Что мы можем ехать, куда хотим, в пределах Внешнего Тибета (*bod-phyi*), но не можем ехать во Внутренний Тибет (*bod-nang*). Губернатор, которому мы подарили кусок русского золотого шёлка, обещал нам свою помощь. Он сказал, что отношения с англичанами не очень дружественные. Что англичане не учили их изготовлению пороха. Что один молодой тибетец научился делать порох в Китае.

2 февраля. Снова солнечный день. Мы купили пса из Конгпо у доньяра цзонга. Никаких новостей.

3 февраля. Солнечный тёплый день. Группа голоков и панагов – паломников прибыла на яках в Нагчу. Их сперва остановили, но затем разрешили въехать в город. Завтра они проследуют далее в Лхасу.

4 февраля*. Тёплая весенняя ночь. Лужи подёрнуты лёгким покровом льда. На дальних вершинах Трансгималаев кучистые облака. К 11 часам дня солнце сильно пригревает.

Зашёл доньер духовного правителя. Говорит, что вчера прискакал го-нец с письмом, в котором сообщается, что правительственный ответ, да-иг (*bdag-yig*), и продовольственный транспорт вышли на 50 яках из Лхасы. Через 6 дней караван ожидается в Нагчу. Местные люди комментируют, что письмо составлено в сильных выражениях. Видимо, правительство старается загладить своё разбойничье отношение к нам. Действительно, удивительна мера тупости и невежества тибетских чиновников. С одной стороны, боязнь иностранцев, с другой – оставленные в наших руках 29 винтовок и 4000 патронов, принадлежащих правительству! Примечательно также общее пьянство и употребление табака.

5 февраля. Сильный ЮЗ ветер. Тёплая ночь, утром -2° С. Снег быстро тает, южные склоны окружающих холмов уже освободились от снега.

6 февраля. Тёплый день со слабым ЮЗ ветром. Под вечер появился нирва из цзонга и сообщил, что из Лхасы получен ответ.

7 февраля. Около полудня пришёл доньер и просил нас прибыть к губернаторам. Профессор Рерих и я отправились в цзонг. Губернаторы сказали, что Тибетское правительство готово позволить нам проследовать в Сикким через Намру-Цзонг, Сенджа-Цзонг, Лхарцзе-Цзонг и что они снарядят караван, как только снег немного растает.

Днём я написал письмо о Кончоге, в котором указал, что он нужен нам, пока мы не придём в Индию. Днём же я нанёс ещё один визит кхан-по. Он сказал мне, что устроит наше путешествие в Сикким. Разговор зашёл о Китае, Монголии. Очевидно, тибетские власти боятся наступления Фенга из Ганьсу и находятся в тайных отношениях с мачи-та-женом Синина.

Нагчу–Намру – 7 дней; Намру–Сенджа – 6 дней; Сенджа–Лхарцзе – 8 дней.

8 февраля. С вечера появились тяжёлые тучи на горизонте над Трансгималаями. Ночью выпал небольшой снег, около 3 дюймов. Ветре-

* Далее до конца абзаца в оригинале текст на русском языке.

ный и серый день. Утром губернатор принял от нас 29 ружей с патронами. Днём лама-губернатор просил меня снова зайти к нему. Он сказал мне, что они послали новое письмо в Лхасу, в котором просили правительство позволить нам проследовать от Тенгри-Нора прямо в долину Чумби. 140 яков и 10 лошадей заказаны для нас. Мы надеемся выступить после 20 февраля.

9 февраля. Снова ветреные ночь и день. К вечеру небо прояснилось. В Нагчу дошли слухи, что наш караван из Лхасы достиг Саншунга, но перейти через перевал всё ещё трудно. Из Нагчу в Намру-Цзонг на северном берегу Тенгри-Нора требуется 7 дней, из-за снега. Из Намру в Нагцанг (Сенджа) 5-6 дней. Из Нагцанга прямой маршрут ведёт через Трансгималаи в долину Цангпо.

10 февраля. С утра ясный день. Около 2 часов дня сильный ЮЮЗ ветер и тучи. Местные жители говорят, что в направлении Шенцза-Цзонга снег не такой глубокий*.

Особым классом тибетского общества являются так называемые бывшие ламы, не выдержавшие монастырской дисциплины, либо не чувствующие особого призвания к монашеской жизни. Эти лица занимают всевозможные должности на службе правительства, бойко торгуют и особо ценят службу в торговых представительствах Тибета в Китае и Монголии. На этой службе они пускаются во все тяжкие. Пьянство, курение и другие пороки прикрываются престижем бритой головы ламы и красного халата. Эти люди являются продуктом того неестественного строя, который сковал Тибет и превратил страну в пустыню человеческих исканий. Прискорбно, что иностранное представительство Тибета почти исключительно в руках этих изворотливых людей, которые вместо молитв отсчитывают на чётках прибыли своей высокодоходной деятельности ростовщиков.

Где сказания о Гэсэре, где возвышающие предания о буддийских первоучителях, где рыцарство, о котором говорят ещё отдельные постройки цзонгов и монастырских скитов? Всё забыто ради серой тупой жизни, в которой ужасным диссонансом звучат заветы Благословенного. Всё превратилось в какое-то ненужное понятие *луг-со* **, которым одинаково прикрывается благочестие лам и преступность чиновников. Вспоминается рассказ, как тибетец, подошедший к берегу реки, старался выловить

* Далее в оригинале текст на русском языке.

** луг-со (тиб.) – обычай

из реки отражение золотого браслета, висевшего над ним на дереве. Истинные ценности Тибета давно исказились, и народ тупо топчется, стараясь изловить отражение былых достижений, свидетелями которых остались запылённые стопы книг и отдельные произведения искусства.

Кто эти высокоумудрые государственные мужи, готовящие могилу для своей страны? Сборище идиотов или ходячих манекенов, закостеневших в своём неведении? Или это преступники, боящиеся потерять выгоды своего положения? Много приходилось размышлять об этих вопросах в течение трёхлетнего постоянного общения с тибетцами. Маленькие, ничтожные люди, не имеющие понятия о гражданском долге и человеческой чести. Все эти высокомужественные *дюпёны**, прикрывающие головы глиняными горшками от неприятельских пуль, все эти благочестивые столпы монашества хладнокровно присуждают несчастных к многим годам заключения в каменных мешках – не доказывают ли они все глубокое и тяжкое падение народа, стремившегося стать цитаделью духовных исканий в Азии?

Оставим мужественного воина думать, что английская булавка скрывает все недочёты его обмундирования. Тибетцы охотно скупают русские винтовки, вооружая ими население. Регулярные же свои части снабжают плохо стреляющими винтовками, подделками русских трёхлинеек, изделиями лхасских арсеналов, этим самым как бы обрекая свою армию на полное убожество на воинском пути. Считают ли они своих солдат недостойными настоящей военной винтовки, или настоль уже велико сомнение, ставящее изделие лхасского арсенала превыше всего огнестрельного оружия Запада? Эти вопросы предоставляем разрешить читателю, оставаясь, однако, при мнении, что Тибетскому военному министерству придётся горько пожалеть в случае столкновения с военными силами современности. Но нам ли учить людей, вычитавших в метафизике буддизма устройство самолётов и подземных железных дорог.

11 февраля.** Солнечный день. Около 1 часа дня сильный ЮЗ ветер. Один из владельцев лавки напротив нас прибыл из Лхасы. Он говорит, что наш продовольственный караван находится в двух днях пути от Нагчу на Саншунге.

Получить вьючных яков для пересечения перевала довольно трудно. Снег на перевале – по самый пояс. Караваны мулов, пытавшиеся перейти через перевал, были вынуждены повернуть назад. Вечером профессор

* дюпёны (тиб.) – местные князья

** Записи от 11-14, 18-19, 23-25, 27-28 февраля 1928 в оригинале сделаны на английском языке.

Рерих и я отправились навестить кхан-по. Он обещал достать для нас яков 23 февраля. Очень трудно установить точное расстояние всего нашего маршрута на Сикким.

Мадам Рерих снова больна. В разговоре с доньером цзонга я сказал ему, что мадам Рерих снова больна и что она не может переносить местной грязи. Он воскликнул: «Что вы скажете тогда о Лхасе, где питьевую воду берут из ручья, в который сбрасывают все экскременты и всевозможные отбросы! Только благодаря защите Всевышнего город редко поражает болезни». Такова характерная особенность города.

12 февраля. Солнечный день. Снег снова быстро тает. Около часа дня профессор Рерих и я отправились к губернаторам. Мы решили вопрос о нашем отбытии, назначенном на 25 или 26 февраля. Нам потребуется 140 яков и 10 лошадей.

Другое название Намру-Цзонга – Чжанглинг-Кхар (*byang-gling-mkhar*), оба названия отсутствуют на карте Тибета, изданной Индийским Тригонометрическим бюро. Мадам Рерих чувствует себя лучше. Мы надеемся, что она скоро поправится. Купили одну танку, изображающую Манджуши (*'jam-dpal-dbyangs*).

13 февраля. Опять солнечный день. На Трансгималаях видны большие тёмные пятна. Всё утро я пытался раздобыть молока. Завтра один из солдат майора отправится за яками в Цземар и пришлёт оттуда молоко. Несколько наших лам собрались пойти в Лхасу пешком, но не смогли этого сделать из-за глубокого снега, лежащего на перевале Саншунг. Наш караван с провизией не прибыл в Нагчу. Местные жители ожидают его завтра.

14 февраля. Очень тёплый солнечный день. Местные кочевники начинают прибывать в Нагчу на празднование Нового года, на яках и лошадях. Солдат не смог отправиться в Цземар, так как в Нагчу нет лошадей. Возможно, он поедет завтра.

15 февраля. С утра сильный ЮЗ ветер, гонящий тяжёлые серые тучи. В городе приготовления к Новому году в полном разгаре. Во всех домах гонится ячменное вино. Многие нотабли местечка уже сегодня сильно заправлены. Сам духовный губернатор и его супруга пьяны. Старшины отказались выдавать нашим ламам-бурьятам аргал, на том основании, что они идут в Лхасу, а не следуют с нами. Странная логика, точно желание увидеть священный город лишает человека всех удобств жизни.

Прибыли слуги губернаторов и майора, сопровождавшие наш продовольственный караван. Последний прибывает завтра утром. Сегодня

прибыли в Нагчу несколько караванов на яках из Лхасы. Это хорпа, уехавшие осенью в Лхасу за зерном, возвращаются к себе.

Поражает малорослость и худосочность местных яков по сравнению с яками в Ладаке и у киргизов Китайского Туркестана. В Ладаке и в районе Монгольского Алтая на яка грузят груз верблюда, здесь же груз одного верблюда приходится распределять на двух яков, и то животные плохо ходят и часто ложатся.

Вечером над местечком густые струи едкого дыма аргала, отравляющего воздух. На улице всевозможные отбросы – дохлые яки и собаки. Радостно будет снова приблизиться к Гималаям и вступить в долины Сиккима, отмеченного учительской деятельностью Падмасамбхавы.

16 февраля. С утра туман покрыл ближайшие вершины. К 10 часам стал падать мокрый снег, покрывший местность тонким белым покровом. Пришёл наш караван. Привезли припасов на 770 нгусангов. Духовный губернатор, гражданский и майор явились к нам. Торговали винтовки и парчу. Происходил обычный балаган. Губернаторы всячески притесняют лам-бурят.

17 февраля. Солнечный день с ЮЗ ветром. Рано утром посетил нангсо. Уговорился с ним о плате за караван, а также о письме до Сиккима. Он во всём обещал своё содействие. Я ему преподнёс свою лисью шапку и кусок шёлку. Он, видимо, остался очень доволен подарком. Подарил мне годовалого пса – гончий из Конгпо. Вечером посетил духовного. Преподнёс его супруге серебряный сервиз, шёлковый халат и дамскую сумочку. Сумочку уже пришлось передать на дворе, ибо у губернатора сидели посетители. Губернатор сообщил мне целый ряд сведений о районе Нагчу. В районе 12000 населения. Район до нынешнего года был богат яками. Соседний район Тенгри-Нора богат овцами. Район Нагцанга также богат скотом, население около 10000.

Каждое лето в 6-м месяце около Нагчу производится смотр местной милиции. Около 1000 человек под начальством тысячника (*stong-dpon*). Милиция конная. Упражнение состоит в стрельбе с коня и спешенным.

18 февраля. Солнечный день. Небольшие облака на ЮЗ. Наконец удалось отпрavitить солдата за молоком в Цземар. Губернаторы купили у нас два русских ружья и 200 патронов за 700 нгусангов.

19 февраля. Солнечный день со слабым СВ ветром. Днём ветер изменился на ЮЗ. Губернаторы послали новое письмо правительству, в котором просят правительство сократить наш путь в Сикким. Они также просили правительство позволить нам расплатиться за караван в Сиккиме.

Днём оба губернатора нанесли нам визит и очень заинтересовались бизоньей шкурой из Америки. Я написал также письмо Тибетскому правительству, в котором просил укоротить наш маршрут.

20 февраля. Сегодня сжигали тормы*. Первой церемонией было служение у губернатора. Мы были приглашены, и было разрешено снять фотографии. Впереди несли изображение тормы, за изображением шёл лама в высокой шапке и красной мантии, за ним несколько послушников с предметами культа. За ними ряд лам с барабанами и трубами. Барабаны глухо гудели, ламы часто и коротко ударяли в них. За духовными ряд местных старшин в ярких живописных нарядах и красных и зелёных тюрбанах. Они были вооружены мечами и фитильными ружьями, фитили дымились. При сжигании тормы, которую бросают в приготовленный костёр, старшины стреляют в костёр.

После церемонии мы все посетили духовного губернатора. По общему обычаю китайцев, монголов и тибетцев, в праздники Нового года не полагается говорить о деле, потому духовный губернатор долго шутил с полковником Т[емником]** о покупке сломанных часов последнего. Бедный полковник чрезвычайно утомился этими шутками. Затем мы отправились к гражданскому. Там тоже произвели сожжение тормы, причём толпа нищих и закованных в кандалы преступников жадно бросилась в костер, вытаскивая куски тормы, – по поверию, получивший кусок вполне защищён от ранений пулями.

Среди дня происходило сожжение в местном монастыре, длинное шествие монахов, во главе которого Цоржи-лама с жезлом. Густо гудят большие монастырские трубы (*dung-chen*). Крестьяне несут знамёна с наверху в виде трезубцев. Торма была сожжена затем на площади возле монастыря. В монастыре встретил двух дунган из Синина, они уже два года как живут в Нагчу, ожидая разрешения ехать в Лхасу. Такова покорность Азии.

21 февраля. Сегодня 30-е число 12-го месяца. С утра солнечный день с лёгким СВ ветром. Среди дня был приглашён к духовному губернатору. Условились об аргале и зерне. Затем вызвали старшин, которым наказали доставить яков в назначенный день. Начинаем собираться в дорогу.

22 февраля. Новый год. С утра монголы поднесли начальнику экспедиции хадаки с поздравлениями. День с лёгким ЮЗ ветром, порывами,

* тормы – ритуальные изделия из теста в виде трёхгранной пирамиды

** Темником называли полковника Кордашевского. Темник (стар.) – командующий десятью тысячами воинов в монгольской армии.

идёт мокрый снег – крупа. В 1 час дня посетили духовного губернатора. Гражданский также присутствовал. Все разряжены, в жёлтых шёлковых халатах и собольих шапках. К вечеру все в Нагчу пьяны и тихо расходятся по домам. Народ устраивает хороводы с пением.

23 февраля. Солнечный тёплый день. Начинаем готовиться к путешествию.

24 февраля. Солнечный день. Трое наших бурят выехали в Лхасу. За 8 мулов они заплатили 135 мексиканских долларов до самой Лхасы. Губернаторы отправились на вершину близлежащего холма, чтобы соорудить обо. Днём была церемония и новогодний приём в монастыре.

25 февраля. Солнечный день с небольшими облаками на ЮЗ. С утра слабый ветер с СВ. Сегодня пришли работники, чтобы размолоть корм для лошадей, – жернова очень примитивны. Елене Ивановне опять нездоровится, но вечером она чувствует себя лучше.

26 февраля. Сегодня пятое число тибетского месяца, число, когда должны были прибыть яки каравана. С утра двое солдат пришли и сообщили, что яки придут сегодня и что майор собирается завтра выехать к генералу. К часу дня майор явился с прощальным визитом и сообщил ряд любопытных сведений. Будто бы, когда 15 октября мы прибыли в Шенгди, нанг-со был у генерала и уговорился с ним пропустить нас в Чунарген и далее. Но затем нанг-со уехал в Нагчу и там не сообщил должным образом духовному губернатору. Из осторожных слов майора можно было заключить, что имело место соревнование между генералом и духовным губернатором, которое повело к открытой ссоре между ними. Майор прибавляет, что нанг-со троедушный человек!

К вечеру мы были приглашены к губернаторам, вызвали также майора и передали ему, что он не смеет уезжать до прихода каравана. Произошла безобразная сцена, пьяный взбешённый майор нападал на гражданского губернатора, упрекая его в поступках в Чунаргене, тот отрекся. Духовный нагло хохотал, находя видимое удовольствие в препирательстве двух тибетских чиновников. Мы заявили, что в случае если яки не придут к 1 марта (9-е тибетского месяца), мы не считаем себя обязанными ждать и идти по дальней дороге и требуем нас немедленно отправить до Понду-Цзонга, до которого места дать животных либо носильщиков. К вечеру яки не прибыли.

27 февраля. Снова солнечный тёплый день. Яки не прибыли сегодня, но местные старшины по-прежнему уверяют, что мы выйдем 1 марта. Днём мы отправились к губернаторам. Они получили письмо от лхасского

правительства. Правительство сейчас занимается расследованием причин нашего задержания. Верховный комиссар Хора утверждает, что мы сами прибыли в Чунарген, он никогда не приглашал нас туда. Мы написали соответствующее письмо, в котором изложили весь ход событий, начиная с 6 октября, и губернаторы отправили в Лхасу письмо и большую монографию профессора Рериха⁹. Правительство, очевидно, начинает чувствовать некоторую ответственность. Лама-губернатор пытается расположить нас к себе и послал нам китайский ленч. Вечером я снова пошёл к губернатору и просил его сделать всё возможное, чтобы отправить нас 1-го числа.

28 февраля. Облачный день. Поутру выпал небольшой снег, но быстро растаял. Утром я отправился к губернаторам и сказал им снова, что если яки майора не придут завтра, нам придётся пойти кратчайшей дорогой через Дам-Ла. Губернаторы ответили мне, что они не имеют права разрешать нам следовать этим путём, но в то же самое время они не могут и запретить нам этого. Нам придётся захватить майора с собой. Днём мы позвали майора и сказали ему твёрдо, что если его яки не придут сегодня или завтра, мы сразу же выйдем в Лхасу, и ему придется сопровождать нас. Он ответил, что не может достать яков из кармана и что, поскольку в настоящее время мы находимся в Нагчу, то должны говорить о своём караване с губернаторами. После визита майора к профессору Рериху полковник Темник и я отправились к нанг-со. Он сказал нам, что ответ из Лхасы ожидается на днях, возможно, завтра. Мы сказали ему о майоре, и он обещал уладить дело завтра.

Вечером профессор Рерих, полковник Темник и я снова пошли к лама-губернатору. Мы сказали ему о майоре и о том, что мы в любом случае выйдем 1 марта. Он ответил мне, что не может предоставить нам животных и что мы можем ехать только на собственных лошадях. Он также сказал, что будет лучше, если я отправлюсь один, но мы ответили, что не можем сделать этого. Отложили решение этого вопроса до завтра. Завтра придут старшины, чтобы распределять наш багаж.

29 февраля. С раннего утра отправились к губернаторам. Произошёл длительный безобразный разговор. Оказалось, что и майор не в состоянии достать яков к 1 марта. Просил отложить отъезд до 6 марта. Майор вёл себя крайне грубо, утверждая, что мы самовольно приехали к генералу и что унтер-офицер с солдатом никогда не приезжал. Когда Кончог и доньер губернатора заметили, что они его видели и с ним вместе вернулись к генералу, то майор пояснил, что унтер-офицер бежал с какой-то женщиной, и по дороге они хотели купить несколько лошадей и мулов! Я заметил на это, что меня весьма удивляют порядки Тибетской армии. Будто бы генерал прислал

письмо, в котором свидетельствует о том, что он не приглашал нас! На слова майора я заметил, что мы, конечно, не в состоянии в настоящее время уяснить ему всю серьёзность положения, но что в будущем правительство Америки будет иметь переговоры с Тибетом. Майор ответил, что, по его мнению, мы приехали портить отношения с Тибетом!!

Наконец духовный губернатор решил прекратить словопрения и обещал отправить нас не позже 6 марта, в чём и выдал расписку. Затем гражданский губернатор вышел на двор переговорить со старшинами о поставке животных. В его отсутствие майор с духовным губернатором начали между собою разговор, всячески упрекая генерала и гражданского губернатора. Видимо, действительно, генерал с гражданским договорились о нашем приезде в Чунарген. Этот же факт подтвердил духовный губернатор. Оказывается, что на нашу просьбу о лекарствах из Гьянцзе правительство ответило молчанием, и губернаторы отказались принять свидетельство доктора о нашем здоровье. Видимо, в Тибете состояние здоровья не принимается в расчет!

1 марта. Серый день. С утра временами идёт мокрая крупа, которая тут же тает. Среди дня сильный южный ветер, гонящий тучи пыли с нагчуских улиц. Получено сведение, что наши яки вышли из Чунаргена вчера и ожидают в Нагчу 3-го числа.

2 марта. Утром губернаторы вызвали нас и сообщили, что яки прибывают сегодня и что завтра мы можем выходить. Стоимость яка до Намру 3 норсанга*, лошади – 7 норсангов. Весь день занят сведением счетов. Доньеры скрыли около 100 норсангов из полученной суммы. Всё выяснилось после сверения счетов. Гражданский сам считал на палочках и каких-то косточках. Затем произошёл номер с патронами от нагана, вместо 68 патронов дали губернатору 44.

Вечером были у духовного губернатора. Задали ему целый ряд вопросов, он ответил, что во всём виноват генерал и что если бы не он, то правительство прислало бы представителя для переговоров с нами.

3 марта. Сегодня с утра прибыли яки из Цземара. Утром двор наполнился многочисленной толпой старшин, погонщиков и солдат. При страшной сутолоке и криках распределили вещи по хошунам** – Цземар и Чангрива (*chang-ri-ba*).

Сегодня не удалось выйти. Выходим завтра рано утром.

* норсанг то же, что и нгусанг

** хошун – монгольская территориальная административная единица, также – отряд воинов из определённого хошуна

4 марта. Вышли из Нагчу в 8.30. Перейдя реку, поднялись на взгорье к западу от местечка. По южной стороне холмов снега мало, но на северном склоне лошади ещё проваливаются. Общее направление пути – на запад. Путь следует вдоль долины, окаймлённой холмами, несколько раз поднимались на взгорье. К 2-м часам дня остановились около группы палаток. Здесь нам сообщили, что наши яки идут по северной дороге. Пришлось проехать туда и выяснить, что каравана там нет. Калмык Очир приехал сообщить, что верблюды прибыли, но что яки ещё далеко. Пришлось вернуться к аилам и стать лагерем. Яки подошли поздно, последние пришли около 8 часов вечера.

5 марта. Парта. Встали рано утром, в 6 часов утра. Лучи восходящего солнца золотили снежные Трансгималаи. Вышли в западном направлении, поднявшись на снежный бугор, – путь до реки Цангпо следует вдоль долины. Редкие палатки. Через два часа хода достигли реки, на берегу которой старшины приготовили нам приём, поставив белую палатку с чёрно-красной каймой.

Мы решаем идти далее, до Парта. Пересекаем снежную равнину. Ещё месяц тому назад здесь лежал большой снег – теперь он значительно осел и местами проглядывает жёсткая трава-игла Тибетского северного нагорья. На ЮЗ высится гряда снежных гор – видимо, отроги Трансгималаев. Поднимаемся снова на бугор, затем на другой, дует сильный западный ветер, гонящий тяжёлые серые облака. К часу дня достигаем кочевья Парта, где нас ждут. Приготовлены палатка и аргал. Толпа северян (*byang-pa*) помогает при постановке лагеря. С трудом ставим палатки – ветер временами переходит в ураган. Приехали представители нагчуских губернаторов – они только с трудом достали себе лошадей – говорят, что яки из Цземаара плохо идут, предлагают завтра сделать только половинный переход.

6 марта. Выходим в 6 часов утра. Ветер, дувший всю ночь, не утихает и наутро. Подымаемся на снежный бугор к западу от лагеря и выходим на широкую нагорную равнину. На юге виднеется небольшое озеро Нам-Мар (*gnam-dmar-phun-tshogs*). Сильный ЮЗ ветер. Снега меньше. По равнине раскинуты кочевья. Местами почва солончаксовая. Приходится обходить один из заливов озера. На берегу ряд гейзеров с отложениями глауберовой соли. К 1.30 приходим на стоянку, где нас встречают старшины Парта. Только 20 яков дошли до стоянки, остальные заночевали около озера. Пытаемся добыть свежих яков. К вечеру приходит человек и сообщает, что яки придут только завтра.

К вечеру ветер стихает.

7 марта. Парта. Стоим на месте. Солнечный день. С утра ветра нет. К 11.30 подошли наши яки – выясняется причина вчерашней остановки. Решаем нанять свежих яков из местных кочевий. Вершина на ЮЗ равнины носит название Чжунг.

8 марта. Выступаем в 8.10 утра. Ветра нет. Следуем по высокой нагорной равнине с постепенным подъёмом на запад. Останавливаемся в 11.30 у нескольких палаток, расположенных у подножия вершины Чжунг. Всё кочевье Парта представляет высокую нагорную равнину, окаймлённую горами, – на севере и востоке невысокие холмы (гранит), на юге более высокие хребты (параллельные), принадлежащие системе Снежных гор к югу от Тенгри-Нора и проходящие к югу от Нагчу.

Вчера, 7-го, наблюдали лёт первых гусей, направляющихся на юго-запад.

9 марта. Выходим в 8 часов утра. Холодный западный ветер. Постепенный подъём пути к западу. Проходим мимо вершины Чжунг. Переходим горный проход Ламси – дорога поворачивает на ЮЮЗ.

В 6 км на запад от прохода виднеется озеро Ньяшинг (*nya-shing-mtsho*), названное на английской карте Bum tso. Останавливаемся по ЮЗ сторону вершины Чжунг. За день прошли 4 часа, или около 18 км. Дорога трудная – увалами, местами глубокие полосы снега. На юге в западном направлении тянется невысокая гряда холмов. На западном берегу озера Ньяшинг также невысокая гряда.

10 марта. Чокор (*chos-'khor*). Вышли в 8 часов утра. Поднялись на снежный бугор к ЮЗ от стоянки и стали спускаться в бесснежную долину, идущую с В на ЮЗ. Обходим озеро Ньяшинг с юга. Озеро солёное, из него местные жители добывают соль. Жители передают, что в озере водятся водяные коровы. Почва вдоль пути песчаная, поросшая редкой низкорослой травой. К часам 10 утра стал дуть сильный западный ветер. Переходим небольшую речку, впадающую в озеро Ньяшинг. Поднимаемся по течению реки, дорога поворачивает круто на юг.

Останавливаемся у группы палаток. Кочевье уже не принадлежит к округу Нагчука, а находится в ведении монастыря Сера и называется Чокор. Оказывается, что повестка о нашем проезде прошла кочевье и вернулась обратно. Ничего для нашего приезда не приготовлено. Крестьяне знать не хотят распоряжения губернаторов Нагчу. После некоторого словопрения и порки виновника непосылки повестки, доньярам из Нагчу удалось послать вновь повестку и добыть аргала. В пути пристала лошадь Николая Константиновича, стараемся довести её до стоянки и дать ле-

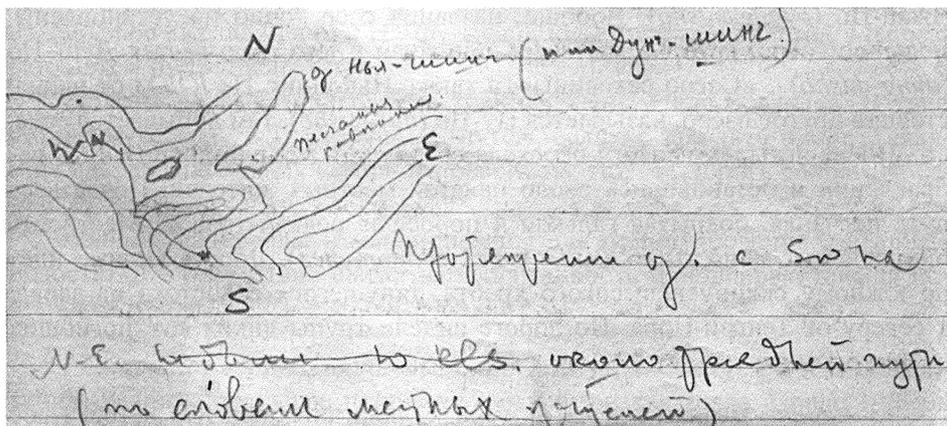

Рисунок из дневника Ю.Н.Рериха

карства. Весь день сильный западный ветер, рвущий палатки. Виновные возвращения повестки были связаны. Завтра их передадут местным старшинам для производства соответствующего внушения. Лошадь Николая Константиновича пришлось оставить.

11 марта. Чокор. Вышли в 8 часов утра. Ветра нет. Погода мягкая. Переваляли бугор в ЮЗ направлении и стали спускаться в равнину к юго-западу от озера Ньяшинг. Почва песчаная, покрытая мелкой травой (щёткой), хорошо сохранившейся под снегом. Через два часа достигли одного из рукавов озера, около которого местные жители устроили нам встречу. Мы решили продвинуться далее по долине. Обогнули с СЗ небольшое озеро, расположенное к ЮЗ от озера Ньяшинг. Озеро это в периоды дождей разливается и заполняет сухое русло. Почва равнины песчаная. Окружающие равнину холмы – песчаные, со следами выветривания.

Останавливаемся на запад от озера среди холмов. По соседству с лагерем небольшой ключ. С 11.30 начинает дуть сильный западный ветер, рвущий палатки. Среди дня ветер стихает. Направление озера Ньяшинг с СВ на ЮЗ. По словам местных жителей, в озере водятся «водяные коровы», сильно ревущие в летнее время, – по всей вероятности, выдры, присутствие которых мы уже заметили в Чунаргене.

12 марта. Область Сакья (*sa-skya*). Выступили, как всегда, в 8 часов утра. Небо ясное, лёгкий ЮЗ ветер. Выходим на вчерашнюю равнину и идём в западном направлении. Ветер крепчает. Вступаем на широкое плато, огибая с севера озеро Чаг-Цо (*lcags-mtsho*), другое название озера –

Чжан-Цо (*byang-mtsho*). Вообще, названия озёр точно не установлены. Большое озеро, которое мы вчера обогнули с юга, называется Дунг-Цо (*dung-mtsho*) – «Озеро раковины», а также Нья-шинг. На ЮЮЗ от нашей стоянки другое озеро, называется Пу-Цо (*bul-mtsho*), там добывается сода.

После четырёхчасового перехода свернули в горную долину в СЗ направлении и остановились около палаток местных жителей. Почва весь путь песчаная, покрытая галькой и поросшая редкой травой. Местность принадлежит монастырю Сакья (*sa-skya-dgon-chen*). Дорога видимо идёт по южному склону невысокого хребта, тянущегося с востока на запад, к северу от Тенгри-Нора. По дороге видели трупы диких коз, погибших от бескормицы.

13 марта. Вышли в 8 часов утра. С ночи сильный ЮЗ ветер. Небо слегка облачное. Идём в западном направлении через ряд песчаных увалов – отроги невысокой гряды, ограничивающей с севера долину озера Пу-Цо. По южному краю долины также невысокая гряда холмов, тянущаяся с востока на запад. За ней в южном направлении видны снежные вершины Трансгималаев к югу от Тенгри-Нора. После 4-х часов перехода останавливаемся у ряда аилов среди холмов. По долине течёт небольшой ручей несколькими рукавами. Весь день почва песчаная, покрытая местами щебнем.

Местность ещё принадлежит монастырю Сакья. Завтра достигаем района Намру. Приходится менять каждый день проводников, ибо местные жители дальше своего района дороги не знают. Холодные ветра делают путь трудным.

В ночь у Николая Константиновича было замечательное явление. При прикосновении к различным предметам в палатке вспыхивал голубоватый огонь. Вспоминается аналогичное явление в Ладаке у Елены Ивановны.

14 марта. Намру. Выступили в 7.20 утра. Поднялись на холм к западу от стоянки, спустились в широкую равнину озера Пу-Цо. Почва песчаная, поросшая мелкой травой, местами щебень. Направление пути на ЮЗ. К 12 часам дня подходим к группе аилов, где и останавливаемся. Последняя часть пути трудна из-за кочек. За день наблюдали куланов. Куланы северного Тибетского нагорья имеют более тёмную окраску, чем куланы Цайдама и Западной Монголии.

Тип населения несколько изменился. Всё чаще попадаетесь монголоидный тип лица с круглой головой, широкими скулами и небольшим приплюснутым носом. Наши возчики хоры резко выделяются прямыми носами и высокими узкими черепами. Как и у хоров, заметно цинготное состояние дёсен и общее слабое физическое развитие. Одежда та же. Один

из доньеров выехал прямо в Намру-Цзонг, куда прибывает завтра. Мы считываем быть послезавтра.

Сегодня первый тёплый безветренный день. Небо облачное. В тени в 6 часов вечера $+5.3^{\circ}$ С. Лучшим путём, если не заходить в аилы, является направление вдоль северного берега Пу-Цо, эта дорога сократила бы весь путь на один день.

Лошади малорослы и малопригодны для ремонта*. Главные недостатки – отсутствие шага, неповоротливость на аллюрах, плохая постановка головы.

15 марта. Кебра-Шэтра. Вышли в 7.15 утра. Следуем в ЮЗ направлении. Равнина песчаная, покрытая галькой, редкая трава. После 3 часов 45 минут перехода входим в горное ущелье и останавливаемся у группы аилов. Среди дня холодный западный ветер и мокрый снег. Говорят, что Намру-Цзонг, или Чжанглинг-Кхар, основан всего три года тому назад. Местные жители почти ничего не знают об окружающей местности. Даже отрицают существование Тенгри-Нора. Завтра прибываем в Чжанглинг-Кхар (*byang-gling-mkhar*).

16 марта. Чаглунг-Кхар (*lcags-lung-mkhar*).** Вышли в 8 часов утра. Поднялись на бугор на СЗ от стоянки и спустились в широкую равнину. На СЗ гряда высоких холмов, снеговая туча, прошедшая перед нами, покрыла их снегом. Всё тот же песок, покрытый травой. Холмы несут сильные следы выветривания – обнажённые гранитные утёсы (развеиваемые скалы гранита). На склонах гор моренные отложения камней-валунов. Поворачиваем круто на юг, затем на ЮВ, переваливаем небольшой горный проход, отмеченный обо. Чжанглинг-Кхар стоит на равнине – протяжение с севера на юг. На юге высокая горная гряда. Кругом песчаные холмы. Около цзонга небольшая речка, текущая несколькими рукавами. На правом берегу реки пологие песчаные холмы, спускающиеся к реке террасами, местами эрозионные ущелья. Цзонг состоит из одного дома и ряда палаток. Во дворе цзонга склад шерсти и дров.

Правитель цзонга молодой чиновник из духовных (*rtse-mgron*). Весь день ведутся утомительные переговоры. Паспорт от лхасского правительства не прибыл. Повестка из Нагчу прибыла после нашего приезда. После долгих словопрений с крестьянами установили плату за яка – 5 норсангов, за лошадь – 8,5 норсангов до Шенцза-Цзонга, с обязательством доставки в 12 дней. В разговорах указываем, что если один из членов

* ремонт в коннице – закупка лошадей, пополнение табуна по мере надобности

** Здесь Ю.Н.Рерих использует другой вариант названия места Чжанглинг-Кхар.

Миссии заболит или скончается в дороге, то это будет для Тибета источником ряда чрезвычайных осложнений. На что чиновник возразил, что в Китае неоднократно убивали американцев, и он хотел бы знать, как поступило американское правительство. Я возразил ему, что ответом на это было снесение европейцами нескольких городов. Чиновник сообщил, что местные кочевники плохо подчиняются и что до основания цзонга были случаи убийства приезжавших из Лхасы чиновников.

Выходим послезавтра.

17 марта. Стоим на месте. С утра отпустили яков и погонщиков. Характерно, что получившие большую награду точили свои мечи – местные жители плохо доверяют друг другу. Затем произвели расчёт за караван, уплатив мексиканскими долларами по расчёту 18 шо* за 1 мексиканский доллар вместо 20 шо. Подарили губернатору бинокль «Цейс», после чего он сделался любезнее, продав нам 20 мешков зерна по 16 норсангов и несколько баранов. По общему уверению, мы завтра выходим.

Чиновник живёт в небольшой комнате, у одной стены небольшое возвышение, на котором сидит чиновник, вдоль окон сидение для посетителей. В углу несколько изображений Ямантаки, Авалокитешвары. Противоположная стена вся увешана оружием, тут пистолет маузер и несколько наганов, несколько русских винтовок, драгунок и пехотинок, одна японская пехотная винтовка арисака, несколько тибетских мечей, носимых за поясом, и более длинных и тяжёлых, носимых за спиной, а также тибетская сабля (толанг). Губернатор говорит, что у него лично до 30 русских винтовок! К чему такое количество?

Большинство населения Намру находится к северу. Тенгри-Нор лежит в двух днях пути верхом на ЮВ от цзонга. Лхаса в 12 днях пути на яках. Шигацзе в 15 днях.

Чжанглинг-Кхар был основан после бегства Таши-ламы на север в 1923-м с целью охраны пути мимо Тенгри-Нора.

18 марта. С утра день обещает быть солнечным, и мы спешим перейти горный хребет к западу от Чжанглинг-Кхара до начала ежедневного полуденного ветра. Яки собираются чрезвычайно медленно. По всей долине разъезжают конные и сгоняют небольшими кучками грузовых яков. Из-за бескормицы зимою большинство яков угнано далеко на север, и вокруг стойбищ остались только дойные самки. После обычных словопрений и распределения грузов караван выступает в 11.30 утра.

* 10 шо составляют 1 норсанг

Выходим в СЗ направлении, затем поворачиваем на запад. Дорога ведёт по узкому горному ущелью с довольно резким подъёмом к перевалу Тамаркер-Ла (около 16700 ф.). Местами в ложбинах лежит снег. Сам перевал крут, подъём совершается вдоль расселины. Спуск незначительный в нагорную долину, со всех сторон окружённую горами. С перевала открывается вид на широкую равнину к северу, на которой лежит небольшое солёное озеро Намка-Цо (1484 ф.).

Разбиваем лагерь около полуразрушенного каменного строения – дома местного старшины. На расчищенной каменистой площадке поставлены две чёрные палатки, по приказу губернатора Намру. Местный старшина – седой старик, с вечно трясущейся головой и подёргивающимся лицом, встречает караван экспедиции. Приходится менять яков и лошадей, но благодаря расторопности нового проводника из Намру всё улаживается сравнительно быстро. Эти проводники – довольно любопытные типы. Главный у них – тибетец из Гьянцзе, малый бывалый, недавно сопровождавший экспедицию д-ра Фильхнера из Намру до Шенцза. В красном тюрбане, навороченном поверх меховой шапки, в широком тёмно-лиловом кафтане и с длинным кхамским мечом – он резко выделяется на фоне серой толпы северян. Его помощник с официальным титулом *мисер-тхуми*, или представитель крестьян, – необычайно набожный старик, вечно крутящий своё молитвенное колесо и предпочитающий ездить верхом на яке, на котором достигает необычайной скорости.

Благодаря закрытой со всех сторон долине, мы проводим безветренный спокойный день. За день прошли не более 8 миль.

19 марта. Лагерь поднимается в 5 часов утра, и после долгой возни с распределением грузов новым возчиком выходим в западном направлении. Дорога ведёт по каменистому ущелью, затем переходит через небольшую горную речку, текущую в равнину на севере. В падах заметны зимние стойбища местных кочевников. Скота чрезвычайно мало, особенно лошадей. Постепенный подъём на перевал Наптра-Ла (16900 ф.). Дорога указывает рядом мендонгов, сложенных из крупных каменных плит с надписью «Ом мани падме хум», ибо мы следуем по пути паломников к священному Кайласу.

С перевала открывается неожиданный по красочности вид. Привыкшие к однообразному ландшафту Северо-Тибетского нагорья, с его тёмными травянистыми холмами и бесконечными болотистыми пространствами, все были поражены открывшимся перед нами видом на широкую песчаную равнину. На юге подымался высокий скалистый хребет, тянущийся с востока на запад, со средней высотой в 17000 ф. Впереди – отроги песчаных

холмов, как бы отороченных слоями красной глины, переходящих в покрытую лесом и щебнем равнину. В лучах утреннего солнца пустыня горела всеми оттенками фиолетовых, красных и жёлтых тонов. В памяти невольно вставали берега Аравии в Красном море и богатые солнечные эффекты в горячих пустынях Китайского Туркестана.

Посреди долины протекает небольшая речка Чавар-Цангпо, впадающая в Пангонг-Цо-Ча, большое солёное озеро, лежащее на равнине в ССЗ направлении. (На карте это озеро, видимо, называется Чудун-Цо). Спуск с перевала по руслу небольшой речки, впадающей в Чавар-Цангпо, среди выветренных песчаных холмов, увенчанных гранитными скалами.

После двух часов перехода останавливаемся в небольшой долине, закрытой со всех сторон песчаными грядами. Несколько бедных аилов ютятся по берегу небольшого замёрзшего ручья. Переходы делаются необычайно короткими, и мы неоднократно возмущались этому. Все расчёты пути делаются бараными переходами, ибо большинство транспорта перевозится на баранах. Ячий переход от 10 до 15 миль считается за два бараньих перехода. На пути неоднократно приходилось встречать караваны баранов, гружённые солью, каждый баран несёт небольшой мешочек, около 8-10 фунтов, крепко привязанный на спине. Мешок не снимается в дороге, и баран пасётся гружёный. Ячьи караваны употребляются редко, только в особых случаях, и потому большинство животных дико, они плохо носят грузы, часто сбрасывая их.

День был тёплый, но ночью наступило неожиданное похолодание и термометр упал до -12° С. Здесь наблюдали первый лёт уток на север.

20 марта. Вышли в 8.15. Направление на запад. Спустились по пологому спуску в широкую долину, открытую на север. Пересекли небольшую речку, впадающую в озеро Пангонг-Цо-Ча. Почва – галька, местами редкая трава. После двухчасового перехода остановились у группы аилов. Аилы расположены у подножия глинистого холма. Причина краткости перехода – смена животных. Район принадлежит монастырю Ташилунпо и называется Шодэ-Намоче (*zho-sde-na-mo-che*). Проводник обещает довести до Шенцза-Цзонга в 7 дней. Начальник цзонга в настоящее время находится в Лхасе, в цзонге остался только его заместитель. Фильхнеру пришлось идти от Намру до Нагцанга 13 дней. Настоящее название Намру-Цзонга – Чжанглинг-Кхар.

На озерах по соседству наблюдали стаю турпанов (*Casarca rutila*). Дует холодный западный ветер. Снег лежит только в ложбинах.

21 марта. Вышли в 8.15 утра. На этот раз каждый из нас получил хорошую бойкую лошадку, несколько отвыкшую за зиму от езды и седла.

Хозяева, передавая лошадей, предупреждают держать туго узду, ибо лошади имеют привычку сбрасывать седоков. Действительно, при седлании испытываем некоторые трудности – кони боятся наших сёдел и взвиваются на дыбы, но в конце концов всё обходится благополучно. Огибаем песчаную гряду к западу от лагеря и углубляемся в южном направлении в песчаные горы. Направление пути сначала на запад, затем на юг и снова на юго-запад на перевал Чиангку-Ла. По дороге отложения красной глины, развеиваемые породы гранита, сланцы. Многочисленные мендонги – этой дорогой пользуются северяне во время паломничеств к Кангри-ринпоче (*gangs-ri-rin-po-che*)* (Кайлас), озеру Манасаровар (*mtsho-mi-pham*)*, к Эвересту и в Непал, на место чортена Намдаг (*mchod-rten-rnam-dag*)*, где, по преданию, Будда обрезал свои волосы.

Подъём на перевал вдоль русла ручья. По левую руку тянется невысокий хребет. Пересекаем ряд увалов, с последнего открывается вид на долину, тянущуюся с севера. Спуск на место стоянок вдоль глубоко прорытых в глинистой почве потоков – следы обильных летних дождей. Останавливаемся после 4 часов 25 минут перехода у группы аилов на берегу небольшой речки, текущей в равнину, лежащую на севере. Местные кочевники приготовили две палатки. Радует, что не придётся снова менять яков, которые идут с нами до следующей станции. Местность, благодаря отложениям красной глины, называется Лунгмар (*lung-dmar*). Завтра перевалим небольшой горный проход по имени Лунгмар-Ла (*lung-dmar-la*), находящийся на ЮЗ от стоянки.

За день наблюдали несколько диких коз. Западный ветер.

22 марта. Вышли в 8 часов утра. Сильный холодный западный ветер, термометр показывает -13° С. Перевалив горный проход Лунгмар-Ла, спустились в долину, лежащую на ЮЗ от прохода. Следуем вдоль долины в ЮЗ направлении. Кругом песчаные горы, по гребням развеиваемые породы гранита и песчаника. Поворачиваем почти круто на юг и входим в узкую долину, тянущуюся в ЮЮЗ направлении.

Местные проводники указывают высокую тёмную скалу на западе от дороги через долину – мимо неё проезжал Таши-лама во время своего бегства на север в 1923 году.

Останавливаемся после четырёхчасового перехода в урочище Доринг (*rdo-ring*)**. Местность так названа по своеобразному мегалитическому памятнику, находящемуся в урочище. Недалеко от дороги стоят 5 камней,

* соответственно: Великая снежная гора, озеро Непобедимое, Ступа наивысшей чистоты (тиб.)

** доринг (тиб.) – длинный камень

напоминающих оленные камни Южной Сибири. Расположение камней с запада на восток. На западном конце круг из камней, и в нём расположены пять стоящих камней: 1) Ноздреватый гранит. На верхушке камня следы обработки, как будто старались придать камню форму. Высота 1,25 м. Носит следы недавнего обливания маслом. На основании камня шнур, к которому когда-то была привешена ладанка. Сохранилось верёвочное кольцо. Перед камнем ряд сложенных камней в виде стола для приношений – позднейшее дополнение. 2) Остроконечный гранит. Также носит следы обливания маслом. Перед камнем также стол для приношений. 3) Ноздреватый гранит. Носит следы обработки. 4) Гранит. 5) Остроконечный камень. Перед камнем стол для приношений.

К востоку от круга 12 рядов небольших камней. Всё сооружение имеет 51 шаг в длину. Нечто похожее на лабиринт. На конце остатки старой поперечной кладки. На восточном углу – выложенная из камней фигура странной формы, напоминающая стрелу. У основания фигуры квадрат. Из расспросов старшин и местных жителей выяснилось, что народ не сохранил в памяти значения этого сооружения. В память обычая далёкого прошлого местные жители обливают камень маслом, веря, что божество, обитающее в камне, помогает в болезни и в дороге. Других камней в округе жители не знают. Насколько мне известно, это первый памятник такого рода, встреченный на Тибетском нагорье. Конечно, происхождение этого памятника представляет из себя загадку.

Меняем яков и лошадей. Осталось пять дней до Нагцанга. Местные старшины упорно спрашивают о Панчен-ламе. Округ принадлежит Таши-лунпо.

23 марта. Вышли в 8 часов утра. Направление на ЮЗ. Постепенный подъём по ущелью. Кругом по гребням холмов сильно выветренные скалы гранита. Переваливаем невысокий горный увал. Спускаемся в равнину, покрытую травой. Несколько палаток. Кругом песчаные холмы с сильным влиянием денудационных процессов. Снова входим в ряд песчаных холмов. Слева от дороги находим три менгира, заключённых в четырёхугольник из камней. Следов от обливаний на камнях не заметно. Продолжаем идти вдоль небольшого ручья. Дорога указывается рядом мендонгов.

Останавливаемся у группы палаток, расположенных в пади среди песчаных гор. Западный ветер обнажил гранитную структуру холмов, ЮЗ склон весь покрыт гранитными глыбами, носящими характерные следы движения ледников. Около стоянки нашли характерную для энеолитической эпохи в Азии могилу – четырёхугольник, обложенный камнями, на восточной стороне – большой камень, видимо, голова погребения. Око-

ло – две полуразрушенные могилы аналогичного типа. Николай Константинович очень заинтересован этими останками, но, конечно, сейчас невозможно определить возраст этих могил, а также народ, которому они принадлежат. Могилы и менгиры, видимо, принадлежат одной эпохе. Местное население не сохранило в памяти значения памятников.

Характерны склады местного населения – конические постройки, сложенные из камня. Сверху они покрыты шкурами. Характерен убор головы местных женщин, нечто вроде кокошника, усеянного раковинами, серебряными монетами и кораллами, также носимые здесь пелерины из серого домотканого сукна, собранные в складки на спине.

Кочевье называется Ратри. Осталось 4 дня до Нагцанг-Цзонга.

24 марта. Из-за смены яков и лошадей вышли позднее, в 9.30 утра. По ущелью среди песчаных холмов спустились в широкую долину, в которой лежит солёное озеро Гоманг-Цо (*mgo-mang-mtsho*). По берегам озера песчаные отмели и отложения соли. С окрестных холмов стекают в озеро ручьи, частью пресные, частью солёные. Дорога лежит вдоль северного берега озера. Местами дюнные пески, галька. Направление пути на ЮЗ, входим в широкую долину среди песчаных холмов. Редкая трава. После четырёхчасового перехода останавливаемся около группы палаток. Кочевье называется Ченкар.

У проводника купили бронзовый наконечник стрелы – характерный для эпохи V-VII вв. по Р.Х. Видимо, наконечник, добытый в земле, ровесник менгирам и могилам в районе Доринга и Ратри. По местному поверью, эти наконечники находят на месте падения молнии, которая через 10-12 лет превращается в стрелу. (Сравни громовые стрелы в России.)

За день наблюдали стадо куланов около озера и несколько диких коз. Дует холодный западный ветер.

25 марта. Из-за смены каравана вышли в 8.35 утра. Направление на ЮЗЗ. Идём нагорной равниной. Песок, галька. Окружающие холмы носят следы выветривания. Проходим мимо дома местного старшины – тибетская одноэтажная постройка, окружённая стеной. Местность сильно пересечённая, на западе тянется в направлении с юга на север высокий хребет (около 18000 или 19000 ф.). Спускаемся в широкую равнину и останавливаемся у подножия невысокого выветренного утёса (гранит, песчаник, сланец).

Равнина своё название Лугтанг-Тракна (*lug-thang-brag-na*)* получила от этой скалы. В третичный период равнина представляла из себя дно

* Лугтанг-Тракна (тиб.) – каменный нос овечьей долины

водного бассейна – многочисленны окаменелости морских губок. Нашли также окаменелый кусок ила с моллюсками.

Утром Елена Ивановна на головном уборе местной женщины нашла фибулу, изображающую двуглавого орла в круге (бронза), напоминающую аналогичные фибулы, находимые на Кубани. Всё это указывает на проникновение среднеазиатских мотивов в Тибет. Вспоминается, что в 170-м до Р.Х. часть индо-скифов, называемых *да-юечжи*, бежала от нашествия *сюнну-хуннов* в горы к югу от Ганьсу и присоединилась к племенам *цзян* (тибетцы). Во всяком случае, область распространения «звериного стиля» необычайно расширяется.

Дует сильный западный ветер. Прошли 4 часа 45 минут.

26 марта. Вышли в 8.30 утра. Направление на ЮЮЗ. Пересекаем равнину Лугтанг и входим в ущелье. Затем поворачиваем на запад и следуем по ущелью. Пологий спуск между песчаными холмами в широкую равнину, по которой протекает небольшая река Юнгдрунг-Цангпо (*gyung-drung-gtsang-po*). Снова поворачиваем на ЮЗ, переваливаем невысокий горный проход и по пологому спуску спускаемся к реке Юнгдрунг. Вдоль пути скалы (утёсы) гнейса. Следуем в южном направлении вдоль реки Юнгдрунг. Почва – песок, галька. Переходим реку вброд, вода по стремя лошади. Останавливаемся у аила на левом берегу реки. На юге тянется хребет, около 17000 ф. Река Юнгдрунг берёт своё начало в озере Мукхью-Цо (*smu-khyu-mtsho*) (Mokiu tso английской карты) и впадает в озеро Кьеркьюнг-Цо (*gyer-khyung-mtsho*) на СЗ. Имеется ещё другая дорога вдоль северного берега озера. Местность называется Юнгдрунг-Конгма (*gyung-drung-gong-ma*).

За день прошли около 20 вёрст за 4 часа 40 минут. У местного населения купили ещё два аналогичных бронзовых наконечника стрел.

27 марта. Вышли в 8.30 утра. Пересекли равнину Юнгдрунг-Конгма в южном направлении. Долина эта также представляет дно водного бассейна – многочисленны окаменелости. На восходе солнца горы к югу зажглись разнообразными тонами – красным, малиновым, пурпуровым, сверкали пески, глубокой синевой оттенялись тени и дальние массивы. Поднявшись на невысокий горный проход, спустились в широкую равнину, тянущуюся с востока на запад. Долина эта также является дном водного бассейна. Здесь встретили большой караван яков, направляющийся из провинции Цанг в кочевья севера. Пересекли равнину (галька), вышли в ущелье на юге. Среди сильно выветренных скал, утёсов и холмов течёт небольшая река. Путь лежит по левому берегу, по песчаному склону гор.

Необычайно разнообразны по своим краскам горы, склоны некоторых холмов покрыты точно драгоценным ковром. Тёплые красноватые тона чередуются с глубиной холодных сине-фиолетовых тонов. Вот высокий утес гнейса, застывший в гигантских складках, – свидетельствующий о произошедших когда-то гигантских сдвигах земной коры.

После 4 часов 20 минут перехода останавливаемся на широкой равнине. Дует сильный СЗ ветер, переходящий в буран. Дальние холмы покрываются песчаной дымкой. Во время пути Каду загрыз козла, пришлось заплатить за козла. Завтра прибываем в Шенцза-Цзонг.

Ночь была тёплая, около -2° С.

28 марта. Шенцза-Цзонг. Вышли в 8 часов утра. Следуем по ущелью на юг от стоянки. Поднимаемся на перевал, подъём короткий и чрезвычайно лёгкий, спуск крутой, вдоль песчаного склона. С перевала открывается красивый вид на равнину, в которой расположен Шенцза-Цзонг. К югу от цзонга высится снежная вершина Шенцза-Чже-Канг, на СЗ озеро Чжаринг-Цо.

Выяснилось, что паспорт от лхасского правительства прибыл, в нём указана следующая дорога: *sa-dga'-shel-dgar - gam-pha-rdzong - 'bras-ljongs* (Сага-Шекар-Кампа-Цзонг-Сикким). Завтра выступаем. Идём до Чжогчу (*phyogs-bcu*), откуда направимся на Сага-Цзонг (*sa-dga'-rdzong*).

Шенцза представляет из себя небольшое местечко – около 60 домов-лачуг, грубо сложенных из камня, окрашенных в белый цвет с красной полосой вдоль крыши. Среди построек высится двухэтажное здание, окрашенное в жёлтый цвет, – это цзонг. Как всегда, грязно, на улицах громадные кучи отбросов. Кругом беднота. С трудом собрали 11 мешков гороха и зерна, а также 4 фунта масла и один кусок ячменного сахара. Масла нет. В цзонге обычно два чиновника, один духовный, другой светский. В настоящее время оба чиновника уехали в Лхасу на местное моление (*lha-sa-smon-lam*). На их месте двое заместителей из местных старшин.

29 марта. Вышли в 8.45 утра. С нами идёт 139 яков. Дорога лежит на запад. Огибаем массив Шенцза-Чже-Канг и следуем по песчаной равнине, покрытой мелкой галькой. Вступаем в ряд холмов к югу от озера Чжаринг-Цо. По словам местных жителей, озеро составляет часть системы девяти озёр, тянущихся на север. Местность к югу от озера сильно пересечённая – горы круто подходят к озеру. Переваливаем горный увал (около 16200 ф.), называющийся Лапце-Нагри. С перевала открывается чудный вид на озеро. Синяя поверхность глубоких тонов, окаймлённая красно-фиолетовыми песками окружающих гор. Постепенный спуск в равнину к ЮЗ от озера.

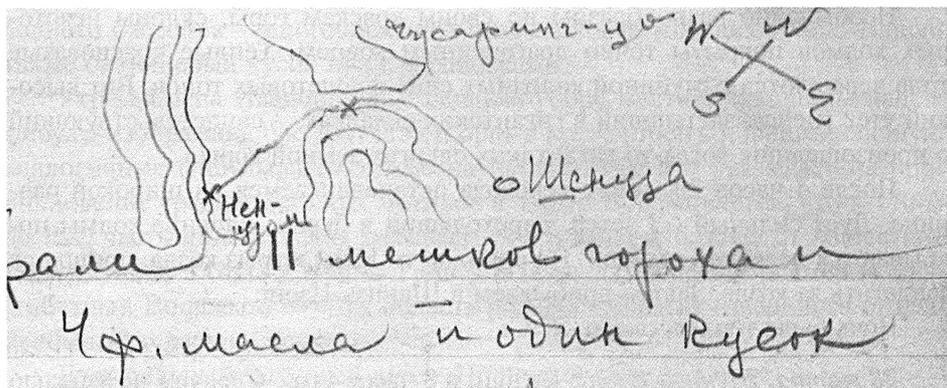

Рисунок из дневника Ю.Н.Периха

Останавливаемся после пятичасового перехода у нескольких палаток. Местность называется Нэн-Цзом. Среди дня поднялся сильный ЮЗ ветер, местами переходящий в ураган. За день видели нескольких куланов.

30 марта. Вышли в 8.15 утра. Поднявшись на песчаный увал к западу от стоянки, спустились в долину, в которой стоят несколько палаток, затем поднялись на перевал Цаг-Ла и, следуя по гребню холмов, спустились к небольшому озерку Сера-Цо. Перевал находится на ЮЗ от долины. Путь лежит вдоль северного берега озера – общее направление пути СЗЗ. Пройдя широким ущельем, спустились в широкую равнину с многочисленными палатками.

Остановились после 4 часов 45 минут перехода на равнине. Гонец, проскакавший вперёд, сообщил населению, что нам необходимо 8 палаток, 20 лошадей и 260 яков, каковое количество и было приготовлено! Местность называется Карцанг.

Вечером приходили местные *ачжиламо* – мужчина, играющий на своего рода *виге*, поющая женщина и танцующая девочка.

31 марта. Вышли в 8.30 утра. С утра тёплый день без ветра. Пересекаем равнину в З направлении. У подножия холмов пересекаем небольшую речку, которая, по-видимому, впадает в озеро Чжаринг. Затем поднимаемся в СЗЗ направлении вдоль русла реки на перевал Ламлунг (*lam-rlung-la*). Вершина перевала обозначена несколькими обо. На спуске с перевала начал дуть сильный З ветер, временами переходящий в ураган. Холмы песчаные, местами лёсс, поросший травой.

Днем +4,5° С. Наблюдали тибетских антилоп. После 4 часов 50 минут перехода останавливаемся у приготовленных для нас палаток. Местность называется Чутрари. Завтра предстоит длинный переход.

1 апреля. Вышли в 8 часов утра. Пересекаем равнину в ЮЗ направлении. Местами песок и гравий. Затем идём вдоль хребта, ограничивающего равнину с юга, в западном направлении. После 4 часов 30 минут перехода сменяем яков и лошадей. Путь продолжает идти на ЮЗ через ряд песчаных увалов. На севере тянется высокий хребет с несколькими снежными вершинами, не отмеченный на карте. На СЗ также высокий хребет со снежными вершинами. Сворачиваем на запад и останавливаемся у берега озера Пугпа-Цо в местности Мурчен. Около стоянки несколько аилов. Яки здесь крупнее, чем у хоров. Лошади также лучше. Почти безветренный день способствовал переходу. К ночи дует западный ветер. Завтра достигнем озера Нганце-Цо. За день наблюдали тибетских газелей и диких курочек.

2 апреля. Вышли в 8 часов утра. Пересекаем равнину в ЮЗЗ направлении. Галька, песок. Переваливаем через песчаный увал и продолжаем подыматься в ЮЗ направлении, затем спускаемся в нагорную долину и меняем лошадей и яков в кочевье Понгчен. Дует холодный западный ветер, и идёт мокрый косой снег, больно режущий лицо. Из Понгчена подымаемся на перевал Понгчен-Ла (Шарка Pass английской карты), высота 17470 ф. С вершины перевала видно озеро Нганце-Цо и к югу несколько снежных вершин северных отрогов Трансгималаев. К северу от кочевья Понгчен лежит озеро, называемое Марчжя, или Дару (Daru tso английской карты). Интересно отметить, что хребет, указанный снежным на карте к югу от Дару-Цо, не является снежным.

Постепенный спуск в равнину в направлении озера. Снова западный ветер и холодный мокрый снег. Останавливаемся у подножия песчаного холма. Около стоянки дом из камня с высокой оградой, принадлежащий местному старшине. Местность носит название Чибукдэн. За день наблюдали диких коз, куланов и горных куропаток.

3 апреля. Вышли в 8 часов 17 минут. Направление пути за день ЮЗЗ. Путь пролегает по равнине. Мелкая галька, песок. Местами полынь. Останавливаемся после 5 часов перехода к югу от озера Нганце-Цо у группы аилов, называемых Нгатамчен. К югу от равнины гористая местность. За день наблюдали большое стадо куланов и диких коз. Видели также турпанов. Местные жители по-прежнему мало что знают об окружающей местности. Их кругозор кончается Нагцангом на востоке и Чжогчу на западе. Чрезвычайно интересуются нашими верблюдами.

День тёплый, в тени среди дня +11° С. Слабый ветер с запада.

4 апреля. Вышли в 8 часов утра. Утро тёплое, $+1,5^{\circ}$ С. Туман повис над озером и окружающими горами. Идём в ЮЗЗ направлении через ряд песчаных увалов – отроги хребта к югу от озера Нганце-Цо. По северную сторону стоянки тянется долина. Подымаемся и переходим невысокий горный проход, отмеченный мендонгом и обо. С вершины прохода открывается чудный вид на высокий снежный хребет – северный отрог Трансгималаев, свыше 20000 ф. высоты.

Спускаемся в долину озера Данграюм-Цо, виднеющегося на ЮЗ. Спускаемся в южном направлении в долину и останавливаемся у группы аилов, называющихся Лоангомо. Здесь живёт местный старшина, пославший немедленно гонца в Чжогчу с сообщением о нашем скором прибытии. С ним выехал один из доньеров. До Чжогчу остаётся 3 перехода. Снежный хребет носит местное название Таркё. Долина песчаная.

За день наблюдали куланов, диких гусей и чирков. День тёплый, среди дня $+13^{\circ}$ С. Прошли около 35 км за 7 часов.

5 апреля. Выступаем в 8 часов утра. Направление на запад, вдоль южного берега Данграюм-Цо. Почва – песок. Переходим вброд реку Таркё-Цангпо. Река вскрылась, вода достигает стремени. Река впадает в озеро Дангра. На левом берегу реки встретилась первая древесная растительность, кусты урулги, и многочисленные зайцы. Останавливаемся у подножия хребта Таркё на берегу озера Дангра. Место носит название Мьючу Лапцзе. Прошли 4 часа. Днём на солнце $+28^{\circ}$ С, при безветрии.

Замечательно красивый вид на берега озера. Синие и лиловые тона гор. Тёмно-синяя поверхность озера, окаймлённая по берегам льдом и отложениями соды. Вода с примесью соды. Водится рыба.

6 апреля. Вышли в 8 часов утра. Небо тучное. Следуем вдоль западного берега озера Дангра в СЗЗ направлении. Дорога идёт карнизом по склону скал, круто спускающихся в озеро. Затем следуем предгорьем хребта Таркё, который тянется по левую руку. Пройдя четыре часа, входим в ущелье, окаймлённое пологими песчаными холмами. Начинает дуть сильный западный ветер, вершины хребта Таркё окутываются облаками. Порывами идёт мокрая крупа. После 6 часов 30 минут перехода останавливаемся у приготовленных палаток. Местность носит название Чумго-Марпо (*chu-mgo-dmar-po*). При входе в ущелье видели небольшое озерко.

Одним из главных факторов, являющих деятельность атмосферы на северном Тибетском нагорье, являются юго-западные и западные ветры, дующие почти круглый год. Они развеивают склоны гор, создавая нынешний ландшафт нагорья, приносят осадки, летом дождь, ранней зимой снег, а ранней весной уносят снег, принося тепло.

7 апреля. Вышли в 8 часов утра. Небо пасмурное. Западный ветер. Песчаными увалами идём в СЗ направлении. Затем спускаемся в песчаную равнину, на которой приготовлена у небольшого озера стоянка. Район принадлежит Чжогчу. Оказывается, по получении предварительной посылки местные старшины приготовили всё до Нгари-Цзонга, считая, что мы следуем до Ладака. Теперь им пришлось спешно посылать гонцов на юг, в Сага-Цзонг. Местные старшины сопровождают нас до Таркё-Лха-Чжяб, где находится *карпён (mkhar-dpon)**, который отправит нас далее до Сага-Цзонга. Район Чжогчу подведомствен Сага-Цзонгу. Прошли 4 часа.

От Чжогчу до Таркё за 100 яков – 22 норсанга 5 шо, за 10 лошадей – 3 норсанга.

8 апреля. *Гангру (sgang-ru)*. Вышли в 8.30 утра. Пересекли в южном направлении равнину и неожиданно были остановлены после двух часов ходу посланцами от карпёна. Оказывается, что карпён сам направляется к нам. Пришлось остановиться. Местность носит название Гангру, принадлежит лабрангу** Ташилунпо. По прибытии карпёна выяснилось, что из Нагцанга до Сага имеется ещё южная дорога (*lho-lam*). Теперь нам придётся идти через перевал Сангмо, отмеченный на карте. Расстояние до Сага считается 9-10 дней.

9 апреля. Вышли в 8.35 утра. Утро туманное, по горам мокрый снег. Следуем вдоль равнины в ЮЗ направлении и, перевалив невысокую песчаную гряду, входим в горную страну, отделяющую долину Цангпо от бассейна больших озёр и Северного нагорья. Переваливаем невысокий перевал и спускаемся в горную долину в ЮЮЗ направлении. Переходим вброд неглубокую речку, на которой тронулся лёд. Затем поворачиваем почти круто на юг и следуем вдоль долины, называемой Угпа. Выше по долине кочевье Намчен (*gnam-chen*), где и останавливаемся после 5 часов 20 минут перехода. Местность снова принадлежит Нагцангу, хотя местный старшина и отказался принять в расчёт письмо из Нагцанга. Выясняется, что существует две дороги на Сага-Цзонг. Одна южная, идущая от Лоангмо через хребет Таркё на Таркё-Лха-Чжяб, откуда через перевалы Пенданг-Ла и Нагпо-Кондро-Ла (главный хребет Трансгималаев) на Сага. И более западная, идущая от Чжогчу на Намчен, откуда через перевалы Донгчен-Ла (*'brong-cen-la*) и Сангмё-Ла (главный хребет Трансгималаев) на Сага. Пославши нас на Чжогчу, власти Нагцанга удлиннили наш путь

* карпён (тиб.) – представитель администрации монастыря в его владениях

** лабранг (тиб.) – монастырь

на три дня! Народ становится ещё диче, с трудом понимают друг друга. Заметна сильная дегенерация.

За день наблюдали куланов и диких коз. Говорят, что в районе Сангмё-Ла водятся многочисленные дикие яки (*'brong*).

10 апреля. Вышли в 9 часов утра. Утром -20° С. Яки и лошади, только восемь, прибыли лишь утром. Поднявшись на невысокий перевал Маритранг, спустились по песчаному ущелью в песчаную равнину и стали огибать с юга озеро Тингрилам-Цо (Терим-Цо английской карты). Озеро солёное, его следует отнести несколько южнее. На равнине к ЮВ от озера пустой водоём. Озеро, видимо, занимало прежде больший участок. Кругом озера выветренные утёсы базальта. На южном рукаве озера наблюдали стаи турпанов, серых гусей и чаек.

Остановились на равнине на СВ от перевала Дронгчен (Dongchen английской карты). На СЗ от озера имеется большой монастырь Мендонг-Гомпа, принадлежащий секте Кармапа. На север от озера видна большая снежная вершина. Выяснилось, что гонец с да-игом достиг настоящего места только сегодня утром, проночевав в дороге, из-за этого нам придётся сделать короткий переход, пройдя только до подножия перевала Дронгчен. Местные жители, никогда не выдавшие верблюдов, просят дать им несколько волосков верблюжьей шерсти, ибо они считают, что волос столь диковинного животного может быть отличным талисманом от болезней.

Днём на солнце $+32^{\circ}$ С. Большая суточная амплитуда температуры изнашивает скалы и облегчает работу ветра. За день ветра нет.

11 апреля. *Нгамоданг-Кханг* (*snga-mo-dwang-khang*). Вышли в 9 часов утра. Все яки и лошади ещё не подошли. Пришлось выйти на своих лошадях. Направление пути через каменную равнину на ЮЮЗ. После двух часов хода заходим в ущелье, ведущее к перевалу Дронгчен. Остановились после 3 часов 25 минут перехода около аила у подножия перевала. Население бедно. С трудом достаём мешок зерна для наших животных.

Утром -13° С. Днём в 2 часа $+40^{\circ}$ С. До Сага остаётся 6 дней.

12 апреля. Вышли в 8.30 утра. Постепенный подъём на перевал Дронгчен. Затем спуск в ЮЗ направлении вдоль сильно выветренных скал в долину реки Сун-Цанпо (Soma-tsang-po на карте). Остановка на берегу реки после 3 часов 25 минут перехода. Местность носит название Лэйкар (*las-dkar*). Местный старшина не имел времени приготовить яков, и ему пришлось нанять наших старых. За последние два дня от Нгамоданг-Кханга до Лэйкара яки (83) стоили 37 норсангов 3 шо, 10 лошадей – 6 норсангов.

День несколько облачный, но тёплый, $+14^{\circ}$ С днём. На *СВ* видны снежные отроги Трансгималаев. Сегодня наблюдали первый лёт журавлей. До Сага 5 небольших переходов, из-за чересполосицы невозможно удвоить переходы.

13 апреля. Вышли в 8 часов утра. Чудное солнечное утро, -5° С. Пересекаем равнину в *ЮЮЗ* направлении и переваливаем невысокий песчаный увал. Продолжаем по песчаной равнине в южном направлении. Затем заходим в ущелье, останавливаемся у бедной палатки после 5 часов перехода. Местность носит название Сангмо-Нгадум. Кругом песчаные холмы. К югу высится основная цепь Трансгималаев с несколькими снежными вершинами. Местный старшина не прибыл, и потому ничего не было приготовлено, ни яков, ни палаток. Всё явилось только в 5 часов дня. Завтра подойдем к перевалу Сангмо.

День тёплый, среди дня несколько тучное небо. Сегодня годовщина нашего выезда из Урги. За 84 яка пришлось уплатить 18 норсангов 9 шо, за 10 лошадей – 3 норсанга. Стоянка носит название Сангмо-Бертик.

14 апреля. Вышли в 8.30 утра. Путь следует в *Ю* и *ЮЮЗ* направлении вверх по ущелью к перевалу Сангмо. Песчаные горы сменяются отвесами базальта. Останавливаемся у разлившегося ручья на высоте 17500 ф. Завтра предстоит перевал.

День тёплый, *ЮЗ* ветер. Прошли 5 часов 40 минут. За день наблюдали многочисленных куланов. Показания местных людей совершенно не сходятся, некоторые говорят, что снега на перевале много, другие – мало. Придется самим проверять.

15 апреля. Выходим в 8 часов утра. Постепенный подъем к перевалу Сангмо. Местами полосы снега. Вершина перевала (расстояние от стоянки 3 часа ходу) каменистая, также и спуск. С трудом находим путь среди камней и снега, скрывающего предательские ямы. По южную сторону перевала наблюдали большое стадо диких яков. Постепенный спуск по ущелью в *ЮЗ* направлении. После 7 часов перехода достигаем долины кочевьев Бумпа (*'bum-pa*). На западе и *ЮЗ* величественный горный хребет со многими снежными вершинами. Местность несколько повышается на *СЗ*. Несмотря на то что письмо о нашем проезде прошло дня 4 тому назад, старшины не явились и не приготовили яков и лошадей. Поразительно халатное отношение к распоряжениям Правительства. Зерно продают бараньими грузами, что составляет от 15 до 20 фунтов.

До Сага остаётся три дня ходу. Предстоит ещё один перевал. Днём тепло. Вечером красивый закат, гамма золотистых и лиловых тонов. Свежий

воздух, несколько напоённый весенним запахом трав. Ждём старшин, за которыми послано.

16 апреля. Принуждены стоять на месте. Старшины не прибыли. Местное население продолжает утверждать, что повестка к ним не дошла. Задерживаем вчерашних яков и лошадей, рассылаем людей собирать новых яков. Посылаем ряд гонцов к старшине, ю-пёну (*yul-dpon*). Местность называется Лапсару и принадлежит к району Бумпа-Чжангра (*'bum-pa-byang-ra*).

День солнечный, среди дня западный ветер. Надеемся завтра выйти. До Сага осталось 3 дня перехода.

17 апреля. Из-за длительных переговоров вышли в 9.30 утра. Часть яков сменили, частью пошли старые. Выбрали также 6 лошадей до Сага по невероятной цене в 2 мексиканских доллара за лошадь. Путь лежит в ЮЮВ направлении по песчано-каменистой равнине. Кругом высятся снежные вершины Трансгималаев. Огибаем ЮВ угол озера Лапчунг и поворачиваем в южном направлении вдоль южного берега озера. Наблюдали крупных антилоп (*sha-ba*), рога их ценятся высоко, когда весною они налиты кровью. Поворачиваем снова в ЮЮВ направлении и следуем через равнину к подножию хребта, где и останавливаемся на берегу небольшой речки, текущей с запада на восток. Отсюда на Сага две дороги: одна, более короткая, через перевал Луг-Ла (*lug-la*), и другая, более длинная, но без перевала. Идём второй, ибо первая непроходима, из-за снега, для верблюдов.

Старшина, или ю-пён, наконец, появился. У него также нет яков, ибо повестка не прошла. Пришлось остановить местный караван с солью, идущий в Сага, и подрядить яков. Пришлось также послать гонца в Сага и самим написать повестку.

Днём видели волка.

18 апреля. Выходим в 9 утра. Перевалив песчаный бугор к ЮВ от стоянки Ронгсэ, постепенно поднимаемся по нагорной равнине в ЮЮЗ направлении. Огибаем западный берег небольшого озера. Проходим мимо ряда горячих ключей, почва солончаковая. После 3 часов 30 минут перехода достигаем вершины перевала Кьгонг-Ла (около 18000 ф.). С высоты перевала открывается величественный вид на море гор и хребтов, сверкающих снежными пиками, образующих трансгималайскую горную страну. Крутой песчаный спуск по ущелью. Местами идём по льду замёрзшего потока. Ущелье то сужается, то расширяется. Теснины базальтовых скал сменяются холмами с редкой травой. По ущелью бежит поток, протекающий местами под глыбами льда. Останавливаемся после семи часов перехода несколько в стороне от дороги в местности Цугчунг (*tshugs-chung*).

Вечером произошёл очередной характерный случай. Староста из Бумпа-Чжангра отказался явиться на переговоры со старшиной Цугчунга и дать внаймы своих яков. Дело принимало серьёзный оборот. Я отправил Кончога, Павла Константиновича, Голубина и местного старшину силой захватить старшину. Когда П.К. и Г. явились в лагерь старшины, то погонщики пробовали его защищать и даже схватились за мечи. После чего П.К. и Г. разогнали их револьвером и винтовкой и привели старшину в лагерь. Все собрались в палатке тибетцев, и я предложил старшине сдать своих яков, в противном случае он будет арестован и доставлен в Сага. Старшина наотрез отказался дать своих яков, после чего я приказал калмыкам связать его, что и было немедленно исполнено. Связанный старшина и присутствующие люди стали просить отпустить его, обещая предоставить яков. Мы разрешили его отпустить и развязать руки с тем только условием, что он останется в лагере до погрузки яков. На всякий случай ставим вооружённый караул.

19 апреля. Выходим в 8.25 утра. Следуем в ЮЗ направлении по долине. Постепенный подъём к перевалу. Сам перевал крутой. Перевал называется Цугчунг-Ла. С вершины открывается вид на долины Цугчунг и Сага. Крутой спуск по песчаному склону. Затем по долине в равнину Сага-Цзонга. Цзонг из себя представляет скопище грязных лачуг. Несмотря на получение цзонгом специального письма из Лхасы, яки не приготовлены. Ждём приезда нирвы цзонга. Выдал расписку на 70+74 яка от Сангмо-Нгадума до Лапсару – 32 норсанга 4 шо, за лошадей – 5 норсангов 1 шо.

На перевале пал один из наших верблюдов и одна лошадь пристала.

20 апреля. Сага-Цзонг. Стоим. Выясняется, можем идти только послезавтра. В местном районе из-за снега все уртонные яки пали, и приходится собирать животных из окрестных районов. Сегодня составляли да-иг (*mda'-yig*), который снабдили печатью цзонга и нашей. Переправляться через Цангпо будем в местности Янчжу, видимо, мы будем следовать дорогой, которой прошли Райдер и Бейли* в 1904-м из Лхарцзе-Цзонга. Тщетно пытались разъяснить местным властям, что каждый день нашего насильственного задержания будет стоить им чрезвычайно дорого, но местные нотабли заявили, что взять с них нечего и они готовы дать нам письмо, свидетельствующее о нашем задержании.

Интересно отметить, что в районе Лапсару и Цугчунга видели каменные мольбища, направление мольбищ восток–запад.

* В кн. Ю.Н.Рериха «По тропам Срединной Азии» (Самара, 1994) на стр. 415, в записи от 20 апреля 1928 приводятся имена британских капитанов Райдера и Роулинга.

Видимо, наш маршрут пройдёт *sa-dga' – yan-rding – gting-ri-la-rdzong – shel-dgar – gam-pa-rding – 'bras-ljongs*. (Сага–Яндинг [Янчжу]–Тингри–Ла–Шекар–Кампадинг–Сикким).

21 апреля. *Сага-Цзонг.* Снова солнечный прохладный день. Лёгкий ЮЗ ветер. Сага-Цзонг представляет из себя скопище десятка грязных одноэтажных лачуг, грубо сложенных из камня. Местечко расположено на косе, в равнине, открытой на запад и восток, вдоль большой южной дороги Лхаса (*lha-sa*) – Нгари (*mnga-ris-rdzong*). В Сага, как и в большинстве тибетских цзонгов, два цзонг-пёна, которые в настоящее время находятся в Лхасе. В цзонге 27 человек солдат с унтер-офицером (*zhal-ngo*) – человеком потрясающей грязи, знаками достоинства у которого являются европейская фетровая шляпа и английские солдатские сапоги. В местечке имеется здание, в котором помещается большое молитвенное колесо. Около мендонга – кучи отбросов, дохлые собаки и человеческие испражнения – так чтутся памятники религии в Тибете, считающем себя духовным наставником Китая и Монголии, не говоря о гималайских княжествах!

Сага служит этапным пунктом на дороге Лхаса – Нгари, а также пунктом для сбора годовой подати с населения, которое съезжается в 9-м тибетском месяце. В этом году из-за снежных завалов существующие уртоны прекратили своё существование – большинство уртонных лошадей и яков подохло. Жители Сага остались без провианта – многие уже давно не ели цампы, питаюсь падалью. Хорошо правительство, не заботящееся о населении страны, которое вымирает в пяти днях от хлебных районов!

Яков обещают пригнать 23 апреля. Появилась свежая трава.

22 апреля. Снова солнечный день. Легкий ЮЗ ветер. День прошёл без происшествий. Положительно обещают пригнать яков и лошадей завтра. В зерне, которое нам продают, масса мелких камней, говорят, что тибетские крестьяне подсыпают их, продавая зерно кочевникам севера, тем утяжеляя мешок. Богатство Тибета, конечно, не в земледельческих районах, а именно в кочевнических районах севера, откуда идут шерсть, масло и соль, почти единственные предметы вывоза из Тибета.

23 апреля. Снова солнечный день. Среди дня сильный юго-западный ветер. За день подошли яки и лошади. Завтра выходим. Настоящий караван везёт нас до Янчжу, т.е. до переправы через Цангпо. С трудом достаём зерно для лошадей, а также мясо для членов экспедиции.

24 апреля. Вышли в 9 часов утра. Пройдя 3 часа по долине вдоль Чарта-Цангпо, остановились на стоянку. Несмотря на все доводы делать

большие переходы, погонщиков яков не удалось уговорить. Все ссылаются на слабость животных.

По выходе из Сага-Цзонга видели характерный менгир – окружённый столбиками сложенных белых кварцев. Оказывается, этот памятник, имеющий на себе следы обильных обливаний маслом, посвящён Палдэн Лхамо (*dpal-ldan-lha-mo*) и является покровителем местности, которая считается замечательной в религиозном отношении и поэтому называется Сага*. Культ установлен самим Правительством. Так сочетаются в Тибете примитивные верования дикарей с высоким учением буддизма. Примитивный шаманизм везде является фоном, по которому вышиты узоры довольно поверхностных буддийских наслоений. Это положение дела собираюсь описать в особом труде «Чёрная вера Тибета, или религия бон».

Посланный с нами доньер, видимо, побаивается местного населения. С трудом уговариваем его и погонщиков сократить путь до перевоза на 1-2 дня. Местность по-прежнему бесплодная – галька, каменистая пустыня. На восток от стоянки высится снежная вершина Сага-Чжово-Чунг (*sa-dga'-jo-bo-chung*)**.

По мере приближения к земледельческому району трудности с фуражом увеличиваются. С трудом добываем мешок зерна – ячмень, смешанный с горохом и мелкой галькой, которую приходится выбирать. За такой мешок (47 кружек – фунтовых) заплатили 12 норсангов. Вечером в лагерь зашли паломники, возвращающиеся из Лхасы к себе на равнину к Кангри (*gangs-ri*) – дикая толпа мужчин, женщин и подростков. Украли попону с моей лошади.

25 апреля. Выходим в 9 часов утра. Подымаемся на перевал Джа-Ла (*rgya-la*) (15140 ф.). Перевал невысокий – пологий спуск, который становится круче к концу. На юге среди заволакивающих туч видны снежные вершины северных отрогов Гималаев. Склоны холмов поросли низкорослой туей. Спустившись с перевала, встретили большой торговый караван с чаем, на яках. Впереди ехал сам цзонг-пён в сопровождении нескольких слуг, все имели красные тюрбаны и русские и немецкие карабины маузер. Из расспросов выяснилось, что идут они из Ташилунпо и направляются в Ньима, в область Нгари-Корсум***.

* сага (тиб.) – счастливое место

** Сага-Чжово-Чунг (тиб.) – Властитель Саги

*** Нгари-Корсум (тиб.) – объединённое название провинций, составляющих Западный Тибет

Проходим небольшое озерко. Много водяной птицы – турпаны, дикие гуси, утки. Местность – песок и лёсс. Первая хорошая трава, сохранившаяся из-за отсутствия аилов. Одни стада куланов. Почва – солончак. Дорога следует по довольно глубокому песку в ЮВ направлении. Переходим невысокий горный проход и начинаем постепенный спуск в долину реки Цангпо, которая блестит в отдалении. Путь местами лежит по эрозионному ущелью. Останавливаемся на берегу Яру-Цангпо (*yaru-tsang-po*) после 6 часов перехода. Местность называется Гья-Гья (*sgya-sgya*). Недалеко от стоянки имеется перевоз на кожаных лодках. Местные жители никогда не видели верблюдов и с любопытством их осматривают. Расспрашивают, велико ли озеро Нам (Тенгри-Нор) и что из себя представляет Шенцза-Цзонг. Местный говор уже близок говору Центрального Тибета.

Среди дня довольно сильный ЮЗ ветер, гонящий облака. Отдыхаем от вечного аргала и жжём пахучий смолистый кустарник. Появилась мошкара. Около ручьёв пробивается трава. Днём тепло, и все постепенно сбрасывают шубы.

26 апреля. Прошли 5 часов. Дорога следует вдоль самого берега Яру-Цангпо. Местами приходится обходить скалы по воде. Цангпо течёт несколькими рукавами, которые, видимо, сливаются в одно русло в период разлива. Вода несколько мутная, дно илистое, местами водовороты. По реке наблюдали турпанов и цапель. Направление дороги на ЮВ. После трёх часов повернули в ущелье в восточном направлении. Следовать до Янчжу вдоль реки невозможно для гружёных яков, дорога проходима только верховому либо пешему. Караванам приходится огибать горный массив.

Местность становится богаче красками, насыщенные скалы базальта, осыпи красной и малиновой глины, по которым яркими пятнами разбросаны кусты туи. Подымаемся вверх по небольшому притоку Цангпо. После ещё двух часов хода останавливаемся в местности Пур.

Местные крестьяне упорно отказываются поставлять зерно и аргал. Грозим, но без видимых результатов. Местное население, привыкшее к обирательским поездкам чиновников, мало обращает внимания на паспорта из Лхасы. Местные жители определённо высказались, что они не желают служить пелингам*.

Завтра собираемся достичь Янчжу-Дангкара и перевоза. В ущелье около стоянки наблюдали диких куропадок.

* пелинги (тиб.) – иностранцы

27 апреля. Вышли в 8 часов утра. Прохладное утро, около -5° С. Речка подёрнулась тонкой корой льда. Идем в В направлении – постепенный подъём (около 40 минут) по горной долине к перевалу Уранг-Ла. Собаки то и дело вспугивают стаи горных куропаток, которые с криком поднимаются. Подъём на перевал крут, хотя абсолютная высота его невелика. С высоты открывается грандиозный по своим масштабам вид на северные отроги Гималаев – целая снежная цепь с одной величественной вершиной, окружённой как бы зубчатой стеной.

Спуск с перевала постепенный, в узкую горную долину. Затем снова подъём на невысокий перевал. Спуск оказывается каменистый и крутой. Спускаемся в широкую равнину в ЮВ направлении и постепенно поворачиваем на юг. Попадаются развалины каких-то строений, напоминающие китайские сторожевые башни. Проходим по глубоко вырытым водою каньонам в лёссовой почве и достигаем Яру-Цангпо, которая течёт по широкому руслу песка. В полноводье река значительно разливается, следы таких разливов являются песчаные образования, которым работа воды придаёт порой формы строений, слегка напоминающих храмы древней Индии. По берегам Цангпо – дюны.

Сворачиваем в боковую долину и приближаемся к монастырю Чату. Типичный тибетский ландшафт – слева у горного кряжа красношапочный монастырь – ветхие здания соборных храмов (дукангов), окружённые лачугами, сложенными из камней. Далее – небольшое селение, в котором живёт старшина района, а также два монастыря бон-по.

Останавливаемся недалеко от селения, на берегу небольшого притока Цангпо. Вдоль речки небольшие площадки – сеют исключительно ячмень. Довольно рваная и грязная толпа обывателей, монахов, женщин и детей толпится вокруг нашей стоянки. Наши верблюды вызывают общее удивление – это первые верблюды, прошедшие по этому пути. Все просят дать им немного верблюжьей шерсти, которую они положат в свои ладанки. В лагерь приходит непальский торговец – невар из Део-Патана. Хорошо говорит по-тибетски. Караван его идёт из Катманду через Чиронг-Цзонг и Чжонка, но ещё не прибыл. До Катманду считается 20 дней ходу на яках. Одет торговец в тибетский халат и сапоги. Носит также ладанку.

Отправляем да-иг в Шекар (*shel-dgar*). Завтра стоим. Вечером кормим лошадей сеном и соломой – первое сено с октября месяца!

Сага-Янчжу: 24 апреля – 76 яков и 10 лошадей; 25-го – 73 и 8; 26-го – 73 и 9; 27-го – 73 и 8. Яки – 66 норсангов 4 шо, лошади – 10 норсангов 5 шо.

28 апреля. Чату-Гомпа. С утра солнечный день. Горы по южную сторону реки подёрнуты лёгкой дымкой. Совершаем прогулку в красношапочный

монастырь. Монастырь посетить нельзя, ибо настоятель заперся в созерцании в главном храме (монахи обычно запираются в созерцании и постятся в конце 3-го и 4-го месяца тибетского года).

Обходим дуканг – из окон торчит солома, всюду следы запустения. Странный контраст по сравнению с двумя монастырями бон-по, которые белеют чисто выбеленными стенами. На полях начинается работа – пахут сохой, запряжённой двумя быками, удобряют навозом, золою и прочими нечистотами, которые постоянно возят ослы, гремящие на ходу громадными бубенцами. Сеют исключительно ячмень и горох. Овощи не вызревают. Имеющийся лук и чеснок привозят из-за Цангпо.

Приводили продавать конгпоского мула, но запросили чудовищную цену в 200 мексиканских долларов. Заходил тибетец, бывавший в Гьянцзе. По его мнению, главное преимущество иностранцев заключается в том, что они не врут, тогда как его соотечественники обязательно врут. Население плохо принимает мексиканские доллары, знают только рупии, которые ходят по 4 транка или 6 шо. 6 шо медяков за одну серебряную рупию! Истинно, в Тибете не знают соотношения металла. Удивительно назойливы монахи, бесстыдно требующие бакшиша, уподобляясь нищим и мальчишкам, наполняющим базары ближнего Востока и Индии. Особенно надоела одна нищенка, уроженка границ Непала, с большим «дамару» (бубном), эту духовную особу только с трудом удалось прогнать.

Завтра переходим Цангпо и направляемся на Тингри-Цзонг, до которого считают пять больших переходов.

29 апреля. Подымаемся рано. Обычная возня с караваном здесь ещё длительнее. Возчики делят вещи, бросают кости. Караван состоит частью из яков, частью же из ослов и быков. Лошадей приводят ниже критики, две так и не были в силах покинуть лагерь.

Дорога идёт вдоль левого берега Цангпо. Проходим мимо посевов. По правому берегу ряд селений с монастырями, живописно расположенными по крутым отвесам скал. Старые постройки из камня отличаются романтикой расположения. Новые – какие-то убогие квадраты из глины, плохо оштукатуренные снаружи. Как будто старый Тибет ещё имел взлёты духовных исканий, заставлявших строить кельи отшельников на почти не доступных береговых скалах и ставить чортены в высоко расположенных пещерах. Тибетские местечки живописны издали и даже напоминают небольшие городки Италии, но вблизи – грязь и мерзость запустения.

После 5 часов 40 минут перехода останавливаемся около небольшого посёлка Лая против перевоза. С трудом достаём зерна и соломы для лошадей. Хотели было остановиться на чистом месте, огороженном каменной

оградой, но местные крестьяне воспротивились этому на том основании, что место это посвящено местному божеству, лха (*lha*), которое имеет чрезвычайно капризный характер. Пришлось выбрать другую площадку. Приехал Павел Константинович и сообщил, что Очир, напившийся пьяным ещё вчера, снова напился и не в состоянии ехать – опух. К вечеру прибыл тибетец, сообщивший, что Очиру плохо – сердце едва справляется, и что тот просит своего брата Дорджи приехать. Пришлось отпустить Дорджи на свежей лошади. Чиновнику из Сага-Цзонга было строго заявлено, чтобы он зорко смотрел за спиртными напитками в лагере.

Собираемся просить начальника гарнизона в Тингри дать нам двух солдат до Кампа-Цзонга. Местное население – такая же рвань. Настоящие дикари. Женщины носят головные уборы, свойственные провинции Цанг. На груди серебряные украшения, изображающие павлина, – видимо, непальской работы.

К вечеру западный ветер, моросит мелкий дождь.

30 апреля. Вышли в 9 часов утра. За ночь выпал мелкий снег, запошивший горы. Дорога следует по карнизу вдоль левого берега Цангпо. Многочисленные мендонги. Собаки вспугивают многочисленных куропадок. Часто попадаются развалины глинобитных фортов, построенных китайцами после Непальской войны 1791-92 гг. После 1 часа 20 минут хода достигаем парома, расположенного под песчаным обрывом, на котором стоит небольшой красношапочный монастырь. Паром управляется восемью монахами. На носу изображение головы лошади, увешанное хадаками. Перевозят лошадей и верблюдов по два – первые верблюды, переходящие Цангпо! Затем следуем ещё 20 минут до селения Шару – небольшая деревушка, построенная на развалинах старых укреплений, сложенных из камня – относящихся, быть может, ко времени цангских владетелей XVII в. Яки приходят с перевоза очень поздно. Половину яков меняем в Шару.

С Павлом Константиновичем чуть было не случилось несчастье – лошадь его спотыкнулась и свалилась под откос, П.К. едва успел соскочить. Местные люди пробовали утверждать, что П.К. убил лошадь ружьём, но отказались от своих слов, когда я потребовал привезти труп животного на стоянку.

В Шару имеем первые овощи – редьку. Скот становится всё хуже – яки мелкие и низкорослые быки. Лошади также скверные. Завтра предстоит перевалить перевал. Говорят, что в Тингри придём на четвёртый день.

1 мая. Вышли в 7.45 утра. Тёплое утро. Идём в ЮЮВ направлении, постепенно подымаясь по ущелью к перевалу. Кочки и камень. После 3 часов 30 минут перехода достигаем вершины перевала Шару-Ла (17600 ф.).

С вершины открывается грандиозный вид на главный гималайский хребет – сплошная стена снежных пиков. На ЮЮВ на миг показалась высочайшая вершина Эвереста (*jo-mo-gangs-dkar*)*.

Спускаемся по пологому спуску в долину. На западе показывается снежная вершина Цанг-Ла. Проводник, уроженец Лхасы, начинает петь и приплясывать. Поёт про какого-то английского сааба, который едет в Лхасу и говорит «good morning» (доброе утро). С нами идёт ещё солдат, долго служивший на границе в Кампа-Цзонге. Они оба жалуются на подати, собираемые лхасским правительством после отъезда Таши-ламы, которого ждут.

После 5 часов 40 минут перехода останавливаемся у подножия спуска в местности, называемой Панглунг (*spang-lung*). За день пал один верблюд, пришлось посылать мулов подобрать груз. Доньер из Сага-Цзонга и Кончог, напившись пьяными, устроили скандал и угрожали Павлу Константиновичу отрубить ему голову, а также возбуждали толпу. Всё дело опять произошло из-за лошадей. Доньер даже хотел задержать яков и бросить наш багаж. Догнавши нас на дороге, он изложил мне дело, грозя обратиться в Лхасу. Я посоветовал ему быть осторожнее, ибо всякий подобный поступок прежде всего отзовется на нём самом. Достигнув стоянки, этот дикарь-чиновник успокоился и старался вступить в разговор.

Завтра снова меняем яков и лошадей. Эта необходимость смены только задерживает путь, заставляя делать трёхчасовые переходы. Тибетская нелепица начинает надоедать, пора перевалить Гималаи.

2 мая. Вышли в 8 часов 25 минут утра. Чудный вид на Гималаи, синюющие на безоблачном небе восхода. Следуем по долине в южном направлении. Постоянный спуск. Справа протекает поток небольшой речки. По левую руку развалины укреплений времён Непальской войны 1792 г. Огибаем песчаный мыс и выходим на широкую равнину, на которой ещё сохранились остатки стен с зубцами, пересекавших всю долину. По долине разбросаны хутора. Останавливаемся после 4 часов 10 минут перехода у группы хуторов, называемых Карчунг (*dkar-chung*). Здесь меняем яков и лошадей, выдаём расписку на яков и лошадей от Янчжу до Карчунга, за яков – 62 норсанга 1 шо, за лошадей – 5 норсангов и 1 шо. Осталось два перехода до Тингри. Среди дня начинается сильный западный ветер, вздымающий тучи песка. К вечеру накрапывает мелкий дождь.

* Владычица белых снегов (тиб.)

3 мая. Вышли в 8.30 утра. Солнечное прохладное утро, по горизонту лёгкие облачка, отражающиеся тенями по снежным Гималаям. Вершина Эвереста не видна – вся покрыта облаками. Идём в южном направлении по левому берегу реки. Галечная равнина, покрытая редкой травой, напоминает ландшафт центральной Гоби. У подножия хребта ряд хуторов. Встречаем куланов. После 1 часа 30 минут хода проходим деревню, где нам приготовили стоянку, но мы идём дальше. Переходим вброд реку – вода по брюхо лошади. По правому берегу реки – солончаки, местами топкие. Многочисленные стада баранов. По правому берегу реки многочисленные развалины укреплений. После 6-ти часов перехода достигаем местечка Дагчой (*bdag-chos*) – несколько домов, посреди деревни старая развалившаяся башня. Видим первого петуха. Деревня принадлежит красношапочному толку, что явствует из красной, белой и синей вертикальных полос на стенах домов.

Население по-прежнему бедно – сеет ячмень, орошая поля арыками. Встретили правительственный караван на мулах с грузом чая.

Здесь снова меняем лошадей и яков. Настоящих яков уже мало, большей частью дают цзо* и бычков. От Карчунга до Дагчоя 64 яка стояли 14 норсангов и 4 шо, и 9 лошадей – 2 норсанга 7 шо.

Вечером в лагерь приходят местные музыканты со струнными инструментами и поют песни; также монашески, отправляющиеся на озеро Манасаровар, бесконечно нараспев читают вечное «*Ом мани падме хум*». Завтра достигаем Тингри.

4 мая. Выходим в 8 часов утра. Направление – южное. Проходим ряд развалившихся сторожевых башен. Затем около небольшого местечка сворачиваем в ЮВ направлении и пересекаем обширную равнину – местами топкая почва, местами солончаки. На юге виднеется Эверест. На небольшом холме у подножия хребта, ограничивающего равнину с востока, видны стены Тингри. После 4-х часов перехода достигаем местечка и останавливаемся на равнине около городка. На вершине холма – полуразвалившиеся зубчатые каменные стены, построенные китайцами. Стратегическая ценность крепости равняется нулю.

Большая толпа народа с любопытством осматривает нас и верблюдов. Среди толпы несколько грязных косматых оборванцев, одетых в засаленные мундиры английского покроя, – представители пятисотенного гарнизона, являющегося третьим по величине гарнизоном в Тибете (Лхаса, Гьянцзе, Тингри). Вряд ли все 500 человек налицо, по всей вероятности, согласно доброму китайскому обычаю, их всего 100. Все они ходят

* цзо (тиб.) – помесь коровы и яка

в тибетских халатах – полевая форма защитного цвета служит у них только парадной одеждой.

Тингри защищает подступы в Тибет со стороны Непала, Гьянцзе – запирает долину Чумби. Счастливы люди, верующие в неприступность глинобитных укреплений.

Сам полковник (*mda'-dpon*) находится сейчас в Лхасе, его замещает майор (*ru-dpon*). В этом году торговцы из Непала ещё не прибыли, ибо перевал, ведущий на Катманду (Камбу-шяр-ганг-ли), ещё забит снегами.

Любопытные сведения сообщил мне лама из монастыря Ташилунпо по дороге в Тингри. После бегства Панчен-ламы много монахов покинуло монастырь. Бывшими владениями Таши-ламы заведует теперь специальный чиновник, лабранг-ша-пе (*la-brang-zhags-pad*), назначенный из Лхасы. Чрезвычайно повышены налоги – часто одной семье приходится платить до 15-20 норсангов в месяц! Эти сведения подтверждаются другими местными крестьянами и свидетельствуют об упадке Тибета.

Местное население продало нам 100 штук яиц, картошку, репу, лук и порам. Особенно бойко торговал китаец – бывший начальник крепости Тингри, а теперь простой обыватель.

От Дагчоя до Тингри-Ла за 57 яков уплатили 12 норсангов 8 шо, и за 10 лошадей – 3 норсанга.

Завтра выходим на Шекар, куда придём на второй день. Если верить местным людям, до Сиккима остаётся 9 дней. Сегодня первый жаркий день, градусник наш не выдержал и лопнул. Среди дня довольно сильный западный ветер умерил жар.

Вечером Кончоги и Очир вновь пьяны – национальный бич Тибета и Монголии.

5 мая. Встали рано. Ни яков, ни лошадей не пришло. Пришлось идти самому к старшине, изрядно его ругать, а затем с ним вместе обходить дворы посёлка и выгонять силой быков и лошадей.

К 10 часам утра с трудом собрали 50 грузовых животных. Выходим – путь следует по равнине в В направлении вдоль правого берега реки. Песок, галька – типичный гобийский ландшафт. После 4-х часов перехода достигаем деревушки Мемо (Memang английской карты).

Разыгрывается безобразная сцена с Кончогом. Елена Ивановна указывает ему на то, что он пьян, он грубо возражает и начинает кричать крестьянам, что мы плохие люди и что служить нам не следует. После чего те убегают, оставляя нас без сена, аргала и других необходимых вещей. Я вступаю с ним в перебранку, затем двое местных людей берут его за руки и уводят в людскую палатку, откуда он продолжает ругаться и отка-

зывается служить. Убеждаю местного старшину не принимать его в расчёт. Через час всё налаживается.

Беседую с одним ламой из Ташилунпо. Тот жалуется, что монахи принуждены бросать свой монастырь из-за поборов правительства. Население разоряется, будучи не в силах платить подать. Он также сообщил любопытное сведение, что недавно прошла повестка о мобилизации. 250 человек будут отправлены из Тингри. Части гарнизона в Шигацзе уже вышли. Причиной мобилизации является восстание в Каме, в Помбу, где восставшее население убило губернатора и вырезало 500 человек солдат. Неизвестно, замешаны ли в этом китайцы или нет.

Выдал расписку в 13 норсангов 3 шо за яков и 3 норсанга за 10 лошадей от Тингри до Мемо.

6 мая. Выходим рано, в 8 часов утра. Крестьяне рано собрали животных. Дорога в восточном направлении по равнине. Проходим небольшое селение, где берём людей, чтобы перейти речку вброд. Река глубокая, у левого берега местами выше брюха лошади. Входим в сильно пересечённую местность – много отложений железной руды и мощные сбросы, свидетельствующие о сильной вулканической деятельности в прошлом. Проходим два горных прохода и спускаемся в равнину, тянущуюся с запада на восток, по которой разбросаны отдельные хутора. Снова поднимаемся на небольшой горный проход и спускаемся в небольшую котловину, в которой расположен Шекар.

Местечко расположено у подножия скалы, на вершине которой полуразвалившийся цзонг со стенами, которые уступами спускаются вниз. По сторонам скалы лепятся несколько желтошапочных монастырей. Начальник цзонга живёт в невзрачном доме у подножия скалы. Посещаем его – гражданский чиновник уехал в Лхасу, и в Шекаре остаётся его заместитель. Духовный губернатор – молодой монах, видимо, обладающий минимумом умственных способностей. Беседу ведут его секретари, а также таможенный чиновник из Лхасы. Выясняется, что существует две дороги из Шекара на Кампа-Цзонг, одна через Тингкье, другая через Добтра. Мы настаиваем на северной через Добтра. Вечером окончательно рассчитываем Кончога.

Любопытно отметить, что приказ о наборе и предоставлении частям транспорта возится на наших ослах! Приказ – стрела с намотанной красной тряпкой.

Выдана расписка на 13 норсангов 7 шо за яков, и за 8 лошадей – 2 норсанга 4 шо. Мемо–Шекар.

7 мая. Шекар. С раннего утра пытаемся добыть провиант для себя и животных. Покупаем по дорогой цене масло, яйца, горох и сено. По-прежнему

докучливая толпа монахов и мирян толкается около лагеря. Ни мы, ни специально приставленные люди не в состоянии разогнать толпу. Разгоните, она снова собирается. Выясняется, что и завтра придётся стоять. Животных могут собрать только завтра. Местный начальник – беспомощное существо, главную роль играют таможенный чиновник, бывший раньше губернатором в Нагчу, и секретарь цзонга. Готовимся выйти послезавтра. Придётся, видимо, идти через Тингкье.

Характерны для растления Тибета пристающие мальчишки, требующие: «Горло пересохло, дайте на водку». Около Шекара – первый сад с насаженными тополями. Таможенный чиновник посещает нас. Узнаю о проезде Норбу-Дондупа и Потамду – сотрудников полковника Бейли в Британской Пограничной Компании.

8 мая. Солнечный день. Та же докучливая толпа разнузданных монахов. Через 16 дней ожидают проход роты солдат на Лхасу для дальнейшего следования в Поюл на место восстания. Завтра выступаем. День тёплый. Отправили добавочного гонца в Кампа-Цзонг. Сообщают об обвале на дороге в Лачен (*la-chen*).

9 мая. Бесконечные разговоры с властями. Чиновники цзонга, старшины, ламы, крестьяне – всё это толпится вокруг нашего багажа. С трудом собираются караванные животные. В 10 часов утра выходим с партией грузовых лошадей. Следуем вдоль притока реки Арун. Направление ЮВ. Проходим ряд небольших селений. Трава зеленеет, и воздух полон весенними испарениями. Проходим деревню Цона, где должны были стоять, но местные крестьяне говорят, что стоянка несколько дальше. Идём дальше по широкому песчаному плато и только после 9-ти часов перехода (около 35 верст) останавливаемся у постоянного двора, построенного китайцами. Напротив, через реку, большое селение с несколькими монастырями. Ночуем без палаток, ибо караван прибыл только в 2 часа ночи.

10 мая. Выходим в 11 часов утра, ибо приходится распределять грузы. Дорога сначала следует в ЮВ направлении вдоль притока реки Арун, затем сворачивает на восток, пересекает песчаную равнину и рукав реки. Дно песчаное, русло широкое, на берегу дюны. Снова входим в ущелье по притоку реки Арун. Переваливаем несколько увалов и проходим к селению Чундю. В селении красношапочный монастырь, отделение монастыря Сакья. Один большой полуразрушенный чортен. Останавливаемся на площадке за селением. Ослы с палатками прибыли только в 10 часов вечера.

11 мая. Выходим в 10 часов утра. Большая часть каравана достигла Чундю только к 12 часам ночи и остановилась за рекою. Путь следует

в восточном направлении, огибая горный массив. Из Чундю существует две дороги: одна, более короткая, через перевал Па-Ла, другая по равнине, к югу от массива. Ряд селений с насаженными садами чахлых тополей и ив. Перевал с постепенным спуском и подъёмом. Спуск в равнину. После 6-ти часов хода достигаем селения Ташиганг (*bkra-shis-sgang*), где должны сменить яков. В селении много говорящих на хиндустани. Завтра собираемся достичь Тингкье-Цзонга (*ging-skyel-rdzong*), где снова меняем животных.

12 мая. Утром встаём рано. На окрестных горах повис туман. Лёгкий дождик. Выясняется, что старшина, вопреки распоряжениям из Шекара, отказался поставлять животных. Приходится идти на старых до Тингкье. Выходим и поднимаемся на крутой перевал Гулунг-Ла. Верблюды и ослы с трудом берут его. Спуск пологий, по дну песчаного эрозионного ущелья, затем песчаная равнина, проходим по западному берегу Цомотретрунг-Цо, переваливаем невысокий перевал и постепенно спускаемся в равнину Тингкье-Цзонга. На юге подымается снежный водораздельный хребет, отделяющий Тибет от Сиккима. Около цзонга – озеро, останавливаемся на противоположном от цзонга берегу. Навешаем цзонг-пёна – молодой тибетец, обещает отправить нас послезавтра. Цзонг – типичное тибетское строение – раньше чем попасть в жилые помещения, вы проходите хлев и конюшню. Павел Константинович приезжает только поздно ночью. Ослы заночевали, перевалив первый перевал.

13 мая. Тингкье-Цзонг. Утром тучи, лёгкий град. Отправляюсь к цзонг-пёну – уславливаемся со старшинами о животных. Стоимость лошади до Кампа-Цзонга 3 норсанга, или 20 транок, одного яка – 1 норсанг 5 шо, или 10 транок. Всего нам дают 10 лошадей и 80 грузовых при трёх доньярах. Расстояние от Тингкье до Кампа пройдем в два дня.

Посещаем монастырь Таши-Чёмбю, расположенный на склоне горы. У подножия горы деревня, где живут крепостные монастыря, и роща тополей, в которой происходят религиозные диспуты в 4-м месяце тибетского года, продолжающиеся 10 дней. Посещаем дуканг – монастырь. Тёмное помещение с грубой живописью. Скульптурные изображения Готамы Будды и Цзонхавы. Знакомимся с настоятелем (*mkhan-rin-po-che*)* – невзрачным монахом из Депунга. В монастыре сейчас не более ста лам. На дворе встретился лама, который весьма интересовался, преподнесём ли мы монастырю манча (*tang-ja*)** и в какой валюте – в норсангах или в рупиях.

* настоятель с эпитетом «Драгоценный» (тиб.)

** манча (тиб.) – чай для религиозного собрания

Ослы пришли в первом часу дня. Выдаю расписку от Шекара до Тингкье за 60 животных – 54 норсанга. За 12 лошадей – 14 норсангов 4 шо. Монастырь – отделение Депунга.

14 мая. Выходим в 8.30 утра. Я остаюсь следить за отправкою экспедиционного груза. По горизонту тучи, редкий град и далёкий гром. Путь лежит по широкой равнине – местами барханы песка, местами топкие солончаки. Проходим по северному берегу небольшого озера Чанг-Цо. Дорога идёт по подножию гор, ограждающих равнину с севера. После четырёхчасового перехода достигаем деревушки Линкар. На юг от местечка высится снежная вершина Чомо-Юм-Мо. Местный старшина рассказывает о больших снежных завалах в феврале и марте по лаченской дороге. Многие потеряли жизнь. Теперь перевал свободен от снега. Завтра достигаем Кампа-Цзонга.

15 мая. Вышли в 8 часов утра. Чудный солнечный день. Грандиозный вид на снежные Гималаи.

Следуем в восточном направлении по обширной равнине. Проходим небольшую деревушку Менде, расположенную около небольшой реки. После 5-ти часов ходу достигли Кампа-Цзонга, который расположен в ущелье. Старый цзонг на скале, новый – у подножия скалы. Начальник цзонга приходит нас встречать. Завтра придётся стоять, ибо животные пойдут только завтра. Сегодня потерялся Каду*.

16 мая. Кампа-Цзонг. Солнечный день. Утром ходили смотреть на старый цзонг, расположенный на вершине каменного массива. По гребню скалы подымается зубчатая ступенчатая стена. Нынешний цзонг-пён живёт в доме у подножия скалы. На ЮВ от цзонга высоко под скалою небольшой монастырь, называемый Кампа-Ритод**. В нем живёт всего 8 монахов, которые известны строгостью своих нравов. Днём приходит снова начальник цзонга – принимают багаж экспедиции.

К вечеру приходят яки, идущие до Тангу в долине реки Лачен. Выдаю расписку на 21 лошадь по 9 норсангов – всего 189 норсангов, и 54 яка по 4 норсанга 5 шо – всего 243 норсанга. С нами идёт тибетский торговец Дордже, часто бывавший в Индии и хорошо говорящий на хиндустани.

Утром посылаю письмо лаченскому старшине и полковнику Бейли. Завтра рано выходим до местечка Кьеру. Послезавтра переваливаем Сепо-Ла и доходим до Тангу.

* Каду – тибетский волкодав, собака, подаренная Ю.Н.Периху «гражданским губернатором» в дни празднования тибетского Нового года в феврале 1928 г.

** Кампа-Ритод (тиб.) – дом для затворничества

17 мая. Переход от Кампа-Цзонга до Кьеру 2 часа 15 минут.

18 мая. Выходим в 7 часов утра. Холодное утро. Постепенный подъём на перевал Сепо-Ла. После 1 часа 15 минут достигаем вершины пологого перевала, и начинается постепенный спуск в долину реки Лачен мимо снежной вершины Чомо-Юм-Мо. После 5 часов 30 минут ходу достигаем первого леса. Сначала сильно пахучий низкорослый кустарник «балу», потом заросли рододендронов и низкорослая хвоя. После 7 часов 30 минут ходу достигаем первого бунгало.

19 мая. Тангу. Стоим. Прохладный день. Прибыл старшина из Лачена. Наняли 58 мулов по 10 рупий до Гангтока и 6 верховых лошадей по 18 рупий. Завтра выходим.

20 мая. Лачен. Визит к шведской миссионерше.

21 мая. Цёнтанг. Высота 5000 футов*.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Портнягин, Павел Константинович (1903-1977) – преподаватель, переводчик; путешествуя по Китаю, в октябре 1926 оказался в Урге, где лично познакомился с Н.К.Рерихом и получил приглашение принять участие в предстоящей экспедиции в Тибет; в экспедиции заведовал транспортом. Во время путешествия вёл дневник. См.: *Портнягин П.К.* Современный Тибет // Ариаварта. 1998. № 2. С. 11-106; о нём: *Пеикова Л.В.* Павел Константинович Портнягин // Там же. С. 107-114.

2. Кордашевский, Николай Викторович (1877-1945) – полковник, писатель; после Октябрьской революции как офицер Белой армии сражался в Сибири с большевиками. В 1919 скитался по Монголии и Китаю. В 1923, добравшись до Парижа, познакомился с Н.К.Рерихом и избрал его своим Учителем. В октябре 1926, когда Рерихи находились уже в Монголии, в Урге, получил официальное приглашение принять участие в их тибетском путешествии в качестве начальника вооружённой охраны. Часть пути через Китай Кордашевский должен был пройти самостоятельно. К экспедиционному каравану он присоединился на Шарголе 28 июля 1927. См.: Н. Декроа. С экспедицией Н.К.Рериха по Центральной Азии; *Росов В.А.* Многоликий Чахембула // Н. Декроа. Тибетские странствия полковника Кордашевского. СПб., 1999; 2000.

* Через три дня экспедиционный караван прибыл в Гангток, столицу княжества Сикким. Тибетская экспедиция завершилась 24 мая 1928 г.

3. Голубин, Александр Алексеевич (род. ок. 1892) – служащий англо-китайской фирмы в Тяньцзине, занимавшейся покупкой пушнины. В мае-июле 1927 сопровождал полковника Н.В. Кордашевского во время его путешествия по Китаю, до Сучжоу – в качестве наёмного помощника и переводчика, далее – по собственной инициативе. После встречи с Н.К. Рерихом на Шараголе поступил на службу в экспедицию завхозом.

4. Рерих, Елена Ивановна. См. наст. том: «Рерихи. Биографическая справка». С. 277.

5. Рябинин, Константин Николаевич (1877-1955) – врач широкого профиля; с Н.К. Рерихом познакомился в 1898 в Санкт-Петербурге во время учёбы в зубо-врачебной школе. В 1927-1928 по приглашению Н.К. Рериха принял участие в Тибетской экспедиции. В круг его обязанностей, кроме медицинского обслуживания, входило также ведение экспедиционного дневника. См.: *Рябинин К.Н.* Развенчанный Тибет. Магнитогорск, 1996; о нём: *Топчиев А.Г., Росов В.А.* Доктор К.Н. Рябинин – участник Центральноазиатской экспедиции Н.К. Рериха // *Ариаварта*. 1997. № 1. С. 165-179.

6. Фильхнер, Вильгельм (Filchner, Wilhelm) (1877-1957) – немецкий геофизик. В 1926-1940 руководил экспедициями в Центральную Азию для измерения земного магнетизма. Рерихи встречались с Фильхнером в мае 1926 в Урумчи. В октябре 1927 экспедиция Фильхнера была задержана в Цомра, недалеко от Нагчу, в ожидании разрешения проследовать в Лхасу. Разрешение получено не было, и из Нагчу Фильхнер направился в Ладак через Намру.

7. Рокхилл, Уильям Вудвилл (Rockhill, William Woodville) (1854-1914) – американский дипломат; специалист по Дальнему Востоку, знал санскрит, тибетский и китайский языки, в начале 1880-х предпринял две экспедиции по Западному Китаю, Монголии, Тибету. Лично встретился с Далай-ламой XIII (1908) и переписывался с ним до конца своих дней. Посол США в России (1910-1911).

8. Бейли, Фредерик Маршман (Bailey, Frederick Marshman) (1882-1967) – полковник, в 1922-1924 – английский резидент (Political officer) в Сиккиме. Именно его донесения сыграли немалую роль в том, что американская экспедиция Рериха в Тибет 1927/28 была на пять зимних месяцев задержана тибетскими властями, считалась пропавшей и едва не погибла.

9. Интересно отметить, что в альбом-монографию «Гималаи» (*Roerich Nicholas. Himalaya. A Monograph. New York: Brentano's Publ., 1926*), о которой идёт речь, были включены две небольшие картины этюдного характера с одинаковым названием «Святыни» (1924). На одной изображена центральная часть дворца Потала, на другой – западный вход в Лхасу.

ДНЕВНИК
МАНЬЧЖУРСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
(1934-1935)

1934

24 ноября – Отъезд из Харбина. *25 ноября* – Дайрен. *26 ноября* – Таку, Тяньцзинь. *1 декабря* – Пейпин (Пекин). *9 декабря* – Георгиевский праздник. Знаменательный разговор с Э.Очировым. *13 декабря* – Начал занятия языком. Посещение г-на Муто¹. *14 декабря* – Посещение Лобзанг Цультима. Первая телеграмма из Харбина². Получение ассигнований из Америки.

1935

Выехали из Пекина в 2.30 пополудни *20 марта*. Приехали в Калган в 11 часов вечера в тот же день. (Типичный пейзаж «бэдленда» – бесплодных земель вдоль железной дороги). После Нанькоу начинается Стена.

21 марта. Посещение МИДа. Остановились у преподобного Сёдербома³.

26 марта. Чан-Пей-ксиен (Хара-Балга-сун).

Пай-Чен-Це (Цаган-Балга-сун).

Хара-Усу-гол и Хара-Усу – деревня.

Суру-нор (деревни и возделанные земли). Дорога в целом хорошая. Приехали около семи вечера в Джапсер. Задержались на 4 часа при въезде в Калган. Добрались до Чан-Пей-ксиена около 3-х часов пополудни. Выехали из Чан-Пей-ксиена около 4-х часов. Дорога в целом прекрасная. Деревянный

Публикуемый дневник в основном касается второго этапа Маньчжурской экспедиции Н.К.Рериха – поездки во Внутреннюю Монголию (1935). Текст подготовлен по рукописи с минимальной редакторской правкой. Имена и географические названия приведены в авторской орфографии. Рукопись – на русском языке, часть текста (с 20 марта по 10 апреля) – на английском. – *Здесь и далее прим. ред.*

мост через реку Хара-Усу. Река свободна ото льда. Местность представляет собой типичное пастбищное угодье (цао-ти). Вплоть до Джапсера дорога тщательно охраняется китайскими патрулями. Последняя китайская застава, полицейский участок и центр местной администрации (хсиен) в Джапсере. После Джапсера – разбросанные деревни чахарских монголов, которые занимаются возделыванием земли. Среди них есть китайские поселенцы. Местные чахары одеваются по-китайски. Места неолитических стоянок в Дойон Хайнхане в Гулицаганском [округе] Чахара. Каменные артефакты находят среди песчаных дюн неподалеку от Дойона. Бронзы чаще всего пастухи находят в песках, там, где ветер и эрозия случайно обнажают древние захоронения. Колодцы могил в целом очень глубокие. Провели ночь на китайском постоялом дворе. Наши две машины провели ночь в пути.

27 марта. Выехали из Джапсера в 7 часов утра. Дорога на протяжении почти 12 миль идёт вдоль тракта Калган–Урга, затем ответвляется в направлении к Хатан-сумэ, к аванпосту Шведской миссии. По пути встретили большой караван верблюдов, гружённых кирпичным чаем, направлявшийся в Ургу. Товары обычно доставляются караванами в Дзанин-Удэ на границе Внешней Монголии. Оттуда они переправляются в Ургу другим караваном. Торговля с Внешней Монголией целиком находится в руках Оствага, советско-германской компании. Дорога на Хатан-сумэ идёт в СЗ направлении от Калган-Ургинского тракта, мимо чахарской деревни Оргёт. Типичный район лугов и пастбищ. Мало монголов.

Приехали в 9.45 утра к д-ру Эриксону⁴. Тёплая встреча. Добрались до фермы Ларсена⁵ (Цаган-сумэ) в 11.30. К нам присоединились две машины.

28 марта. Выехали из Цаган-сумэ в 11 часов утра в ставку князя Тё (Тё-ван)⁶. От Цаган-сумэ до Улан-нора 3 мили. Сунитская застава расположена за низким хребтом на Калганском тракте. На протяжении 6 миль дорога идёт вдоль Калган-Ургинского тракта, затем ответвляется в западном направлении. Солончаковая степь, обширные песчаные пространства, поросшие дерисуном (*Lasiagrostis splendens*). Множество дзеренов. Приехали в 1.30 пополудни в княжеский дворец. Провели весь день в ожидании князя, который, по слухам, уехал в Батухалку.

29 марта. Князь не приехал, и мы вернулись в Цаган-сумэ, выехав из ставки князя в 11.30 и приехав в Цаган-сумэ в 2 часа дня. Обратились другой дорогой, в объезд заставы, и выехали на прежнюю дорогу в Цаган Куре. Ясный, но ветреный день. В 9.30 вечера приехал Тилопагеген с новостями, что Тё-ван вернулся во дворец и приглашает нас к себе. Остался у нас на ночь.

30 марта, суббота. Тилопа-геген отправился в Калган. Ясный ветренный день. Утренняя температура в тени -2° С (9 утра).

В час дня отправились на двух машинах в ставку князя Тё. Расстояние 39 миль. Приехали в 3 часа пополудни. Поселились во дворце вана. Беседа с князем. Посетили Барун Сунид-сумэ. Год назад власти открыли при монастыре Цаннидскую школу. Князь наблюдал за метафизическим диспутом. Посетили недавно построенный дворец Таши-ламы.

31 марта, воскресенье. Беседа с князем. Дворец построен в китайском стиле. Большая чистота. Навестили Номчи-хамбо. Нынешний Номчи-хамбо приехал сюда из Хайлара около 8 месяцев тому назад. Молодой человек, которому под 30. Донир, находившийся в Тё-ван-орд (в ставке князя – *ред.*) переведён в Мукден.

Приблизительно в полдень выехали в Билют-сумэ. Хорошая дорога. Небольшой песчаный участок при въезде в горную долину, где расположен монастырь. Расстояние 10 миль. Славный монастырь, несколько лам. Отправились через хребет в Цаган-сумэ. Тяжёлая поездка по дороге. Задержались на 2 часа из-за поломки машины. Дорожная застава Хорог-сумэ. Выехали на Калганский тракт двумя милями западнее Уланнорской заставы. Возле Улан-нора встретили два японских автомобиля, ехавших из Долон-нора.

1 апреля, понедельник. Ясный тёплый день. В 10.30 утра $+7^{\circ}$ С в тени. Работали весь день над отчётом (март) и занимались ботанической работой.

2 апреля, вторник. Ясный, но ветренный день. ЮЗ ветер. Семья д-ра Эриксона навестила нас и привезла почту (из Наггара телеграмма). По мнению д-ра Эриксона, последние события вызвали значительные перемены настроения у местных монголов. Рост милитаризма.

3 апреля, среда. Ясный тёплый день. Лёгкий туман. Утром прибыл гонец от вана. Новый лагерь будет готов через 4 или 5 дней, тогда отправят нового гонца, чтобы уведомить нас. Весь день занимались ботаникой.

4 апреля, четверг. Ясный ветренный день. СЗ ветры, как кажется, преобладают в этом районе.

5 апреля, пятница. Ясный день. Лёгкий ветерок с СЗ. По-прежнему никаких следов наших шестерых бурят с лошадьми. Стоимость одной лошади здесь колеблется от 50-75 до 1000 мексиканских долларов (M\$) за хорошего иноходца.

Занимались ботаническими сборами. Местный холм порос артемизией и фестукой. В горах встречается камнеломка (*Saxifraga*). Известно о существовании двух видов эфедры (один из них эфедра эквистина, *Ephedra equistina*).

6 апреля, суббота. Ясный день. По склонам холмов начинает появляться трава. Около 6 вечера приехал г-н Ларсен с монгольским пассажиром. Привёз письма из Индии (8 марта), Парижа, Пекина и Харбина.

7 апреля, воскресенье. Г-н Ларсен отправился в Гулицаган в 6.15 утра. Ясный день. Ветер с З и СЗ. Грамматчиков, Чувствин, Моисеев⁷ отправились к горному хребту через равнину. Нашли несколько старых древесных стволов вдоль высохшего русла реки. Это говорит о том, что местность была покрыта лесом в предшествующие эпохи. Кусты ивы растут вдоль течения рек. Заметили первую зелёную поросль лапчатки (*Potentilla*).

По-прежнему никаких следов наших шестерых людей и их лошадей. Ларсен вернулся вечером.

8 апреля, понедельник. Ветреный день. Сильный З ветер. Видели первых диких гусей, летевших над равниной.

Отправлен чек в банк (чек № 908, 137 от 27 февраля 1935). Первый чек за первую половину февраля получен. Утром Ларсен отправился в Батухалку. Наш человек Чампа поехал вместе с ним во дворец князя.

Днём – первый дождь с сильным Ю-ЮЗ ветром.

9 апреля, вторник. Ясный день. Слабый З ветер. Отправили почту в Индию и Америку. Грамматчиков и Чувствин пошли в горы напротив Цаган Куре, чтобы получить образцы старых древесных стволов. Граница между Барун-Сунитом и Адочином проходит вдоль низкого хребта в середине равнины между Цаган Куре и Хатан-сумэ.

Около двух часов дня приехал ван из Барун-Сунита. Он сообщил, что в нашем лагере ещё ничего не готово. Готовы только три старые юрты, и это всё. Ван ожидал приезда губернатора Калгана, генерала Сунь Чи-ина, который, по слухам, находится в пути, с 800-ми солдатами.

10 апреля, среда. Холодный ясный день. Устойчивый С-СЗ ветер. Весь день дует сильный северный ветер. Вечером в 8.30 неожиданно прибыла эстафета и привезла почту из Пекина, Харбина, а также телеграмму из Нью-Йорка, что подписывать Пакт будет сам президент⁸.

Приехавший монгол сообщил, что губернатор проехал вчера в ставку. Видел в машине. Всё ещё нет сведений о наших бурятах. Гонец из Удзумчина берёт два дня по уртонам.

11 апреля, четверг. Холодная, морозная ночь. Ясный день. СЗ ветер. Приобрёл предметы каменного века и бронзы за М\$ 7. (Место происхождения: Чахарский Гум-Хуху и хошун Абага-засак).

12 апреля, пятница. Тёплый ясный день. 3 ветер. Утром ездил в Хатан-сумэ. Получили газеты от 2, 3, 4, 5 апреля. Днём работал по специальности. Вечером совершили прогулку. 11-го через Хатан-сумэ проехало два японских грузовика по направлению в ставку.

13 апреля, суббота. Тёплый день. Несколько тучно. Утром ездили в Хатан-сумэ. Затем сменная езда. Днём занимался языком. Вечером пришло известие, что калганский генерал-губернатор вернулся в Калган, простояв в ставке неполный день. Всего с ними шло 11 машин, из них 6 грузовых с солдатами конвоя.

Вечером Шура с Чампой ездили за лошадьми в ближний аул.

14 апреля, воскресенье. Рано утром две японские машины из ставки прошли в долоннорском направлении (одна грузовая и одна легковая). В 8.30 утра Чампа уехал в ставку узнать о судьбе наших лошадей.

Тёплый безветренный день. Появился первый угод. Вечером в 6 часов приехал Эриксон с двумя молодыми людьми (один американец). Говорил, что последние деревья вяза (карагача) срезаны лет семь тому назад монголами.

15 апреля, понедельник. День Пакта⁹. Тёплый тучный день. В юрте +15° С. С утра занимался языком. Днём писал письма.

Купил каменный век из Алашани (M\$ 6) и каменные орудия из Хишиктена (M\$ 7).

16 апреля, вторник. Тёплый свежий день. Утром приехал монгол, продал за 3 доллара стремя. Говорил, что Латтимор¹⁰ проехал в ставку. Вечером вернулся Чампа. Послано письмо бурятскому Гальде с запросом о конях. Князь ожидается скоро в ставку.

17 апреля, среда. Тёплый безветренный день. Утром ходил с Колей и Мишей на экскурсию. Нашли первый расцветший Iris sp. (растёт на южных склонах оврагов). Скаты холмов прорезаны многочисленными оврагами – результаты деятельности дождевой воды в периоды летних дождей. Горные породы: известняки, глинистые сланцы, обнажения гранита, кварцы, песчаник. Заметно зеленеют дерновник, ирис, кинза. Появились первые примулы и лапчатки.

Днём пришла почта. Два письма из Индии от 13 и 22 марта.

18 апреля, четверг. Тёплый ясный день. 3 ветер. M\$ 4 уплатили за горох для лошадей, M\$ 2 – за фигурку из бронзы. К вечеру пришло известие, что 15 числа к югу от Батухалки произошло столкновение между китайскими войсками и монгольской конницей. Исход столкновения неизвестен.

19 апреля, пятница. С утра отправились в экскурсию. Нашли одну камнеломку. Видели зайцев и куропаток. Затем в течение полутора часов занимался сменной ездой. День тёплый и ясный. Легкий СЗ ветер.

20 апреля, суббота. Ночью сильный СЗ ветер. Утро ясное, прохладное. С ветер. Поступило сведение, что на эцинголских торгутов напали несколько тысяч мусульманских разбойников (цаган-малагай, кит. chan-t'о). Неизвестно – дунгане (остатки войск Ма Чжунь-ина) или киргизы-казахи из района Барколя. Вчера сообщалось, что в 50 верстах отсюда появилась шайка в 60-70 всадников, пришедшая из района Эрх-Таохо. Главарь шайки Сю Мэ-лунг.

21 апреля, воскресенье. Вербное воскресенье. Утром ездили к Эрик-сону, никаких новостей. На обратном пути разыгрался сильный буран.

22 апреля, понедельник. Тёплый безветренный день. Утром ездили к Эриксону лечить зубы. После завтрака Коля и Шура пошли на охоту.

23 апреля, вторник. С утра пасмурно. Сильный С ветер. Утром захал Эриксон, и мы отправили Чампу в ставку для выяснения положения. Написал письмо Козлову¹¹.

24 апреля, среда. С утра сильный ветер. Ясно, но в воздухе стоит песок. Сегодня ожидаем почту. Вспоминали Индию.

Сообщения о стычке в районе Батухалки подтвердились. Стычка произошла не с китайскими войсками, а с отрядами разбойников, которые проникли в район между землями Урат и Алашань. Состав этих шаяк неизвестен. Некоторые думают, что это дунгане.

Утром у полковника¹² случился припадок грудной жабы. Болел весь день. К вечеру приехал Эриксон, измерил давление (170). Вернулся ван, сообщил, что насчёт юрт ещё ничего не сделано. Удивительная медлительность. Вечером пришла почта. Письма из Пекина, Америки и Харбина. Из Индии писем не было.

Весь день ветер.

25 апреля, четверг. С утра сильный З ветер. Временами дождь. Полковнику лучше. Послали человека в ставку сообщить насчёт юрт. Заезжал Эриксон, подтвердил вчерашний диагноз. Вечером у полковника 115. Весь день сильный буран. Около 10.35 вечера во время моего дежурства началась метель, продолжавшаяся до 3-х утра.

26 апреля, пятница. Утром в 7 часов -10° R (-8° C). Горы покрыты снегом. Сильный СЗ ветер. Появившаяся трава замёрзла. У полковника с утра 120!

Купил на М\$ 2 каменных орудий (неолит). Вечером приехал Ларсен. Говорил, что Дэ-ван⁶ скоро едет в Удзумчин на съезд.

Весь день сильный ветер.

27 апреля, суббота. Утром в 7 часов -5° С. Сильный СЗ ветер. Утром приезжал Эриксон, осматривал полковника, у которого нашёл пульс 120. Советовал осторожность.

Пытаюсь купить машину для обслуживания экспедиции.

Вечером устроили разговление.

28 апреля. Пасхальное Воскресенье. Тёплый день. Беседовал с Ларсеном. Говорил, что территория Дариганга принадлежит Внутренней Монголии и что в случае занятия Внутренней Монголии неминуемо столкновение.

Ожидается приход большой японской экспедиции, которая пробудет в районе несколько месяцев и, возможно, посетит Эцзин-гол.

29 апреля, понедельник. Тёплый ясный день. Утром сменная езда. Днём писал письма, заплатил М\$ 6 за печатьку.

30 апреля, вторник. Ясный день. В ветер. Утром сменная езда с Мишей.

Ларсен рассказывал, что в горах против Цаган Куре лежит место, где 180 монгольских всадников разбили в 1911-м десятитысячный китайский отряд. Поход из Урги был совершён о-двуконь. Всего около 1000 всадников. Каждый всадник вёз на себе свой запас боеприпасов. Достигнув Лан-Цзяна, отряд разделился: 500 всадников пошло на Долон-нор, 300 на юг, а 180 были выдвинуты на калганское направление. Они-то и столкнулись с китайским отрядом, идущим на Ургу. Монголы, спешившись, заняли высоты, отрезали тыл отряда и открыли губительный огонь. Не прошло и часа, как китайский отряд бежал, оставив победителям всю артиллерию, пулемёты и обозы.

1 мая, среда. Утром занимались пристрелкой винтовок. Виктор Иванович – 1-й, я – 2-й, Миша – 3-й, Коля, Шура. Тёплый ясный день. Два часа занимался языком с монголом.

Вечером приехал автомобиль Ларсена, который и купили за 2200 долларов. Шофёр передавал, что сунитский Ванг всё ещё находится в Бату-халке и что Очиров¹³ всё ещё находится в Тяньцзине. Отправили почту в Индию.

2 мая, четверг. Тёплый, безветренный пасмурный день. Утром сменная езда, затем пристрелка из револьверов. Ларсен утром уехал в Калган.

3 мая, пятница. Тёплый безветренный день. С утра тучи и туман. Влажный воздух. Утром сменная езда с Мишей, затем пристрелка из винтовок с руки, выпустили по 5 патронов. Первый Виктор Иванович (одно попадание в центр мишени, три в щит). Второй я (три попадания в круг и одно в щит). Ожидаем почту. В 2 часа беседовали с чахаром.

Вечером пришла почта. В 5 часов ходил с Колей и Мишей ботанизировать. Собрали лишь несколько ирисов. Очень радовались, читая письма из Наггара.

4 мая, суббота. Тёплый день, В ветер. Тучи. Утром Шура уехал с Эриксоном охотиться. Послали вана в ставку наладить юрты. Утром сменная езда с Колей. Получили газеты от 27 апреля. Землетрясение в Японии. Япония пытается переселить в Маньчжурию калмыков. Вечером вернулся Шура с охоты. Убил четырёх дзеренов.

5 мая, воскресенье. Ясный день, лёгкий СЗ ветер. Утром сменная езда с Мишей. Ванг рассказывал, что скончался мэйрэн* в ставке князя. В своё время (в предыдущем году) этот мэйрэн ездил в Японию.

Наше дело с юртами всё ещё в воздухе. Без князя ничего не делается. Съезд в Батухалке продолжается. Ещё, видимо, некоторое время. О бурятах ни слуху ни духу. Хотя последние сведения были, что Очиров всё ещё находился в Тяньцзине.

6 мая, понедельник. Сильный 3-СЗ ветер. Ожидаем сегодня возвращения машины из Калгана. Начали собирать монгольские кличи.

Среди дня начался сильный ураган, продолжавшийся весь день. К вечеру в направлении на Сунитскую ставку прошли 4 японских грузовика, следовавшие по долоннорской дороге. Ожидания нашей машины оказались тщетны.

7 мая, вторник. Ясный день. Сильный СЗ ветер продолжается. Утром 4 японских грузовика прошли в обратном направлении. Пишем письма. В 6 часов приехала миссис Ларсен. Привезла письма из Индии от 5 апреля, из Харбина, Пекина и Америки.

8 мая, среда. Хорошее тихое утро. Слегка тучно. Чиним и чистим машину. Утром ездил к Эриксону. Рассказывал о съезде князей в Удзумчине.

9 мая, четверг. 4600 футов. 14890 миль (по спидометру – ред.). Выехали в 8.20 утра.

* мэйрэн – помощник князя

1 миля, аил по левую сторону дороги. 1.91 м., поворот на *СЗ*. Затем на *С*. Налево от дороги Улан-нор (14896.95). 1 м. поворот на *СВ*. Выехали на ургинскую дорогу. 14897.47 м., налево ларсеновская заимка (скот). 14904.04 – Хоток-сумэ по левую руку. Азимут с точки на дороге 250.1°, 4300 футов. 14913.12 м. сухое русло реки. 14913.13, колодец по левую руку. Пески, дорога вдоль сухого русла реки.

14914.75 (почти 14915). Остановка.

9.45 утра. Налево от дороги у подошвы холма Даянчи-хит азимут с точки на дороге 180°. 4100 футов (25 миль от Цаган Куре).

9.55 утра. Тронулись. Направление на *СЗ*. 14915 м. В сухом русле реки вода. 14917. Пески. 14918, дорога пересекает сухое русло реки, песок. Сарин-гол. По левую руку от подошвы горы аил. 14926, колодец.

14927. Ставка. 4000 футов.

14943 м. Стояли. Высота 4100 футов. 14954 м. Наливали бензин. 4350 футов. 14956 м. Выехали на большую дорогу. 14960 м. Поворот на восток.

14967 [Ставка]. Вернулись. В ставке виделись с новым мэйрэном, который обещал наладить с юртами. Любопытный разговор с представителем Таши-ламы. Предлагает дом Его Святейшества.

Жаркий, безветренный день. 14927 – 14890 = 37.

10 мая, пятница. Получили почту из Индии от 12 апреля, Харбина, Пекина. Среди дня заезжал Эриксон. Днём в тени +26° С. Весь день тёплый северный ветер. Вечером монгол говорил, что местные монголы говорят, что Ванг запрашивает японцев.

11 мая, суббота. Ночью дождь. Утром в 7.30 +4° С. Дальние горы на юге покрыты снегом.

Днём ездили к Эриксону лечить зубы.

12 мая, воскресенье. Тёплый день. +11° С в тени. Пишем письма.

Утром прошли два японских грузовика с людьми. Оказалось, что это партия топографов, занимается съёмкой и переписью населения и скота. Всего около 15-20 человек, при двух переводчиках монголах (хорчинцы). Направляются в ставку.

Выясняется, что между местными князьями существует деление: оба уд-зумчинских князя, князя Абаганар и князя [Хонит], а также князь [Дзун]-Сунита составляют одну группу; другая группа князей состоит из Барун-Сунита, Абага Та-вана и Абага-засака, к ним же примыкает и [Дурбет].

Говорят, что в марте князя посетили четыре японских чиновника и привезли ему титул полковника маньчжоугоской армии. В январе месяце 30 мальчиков из Барун-Сунита были отправлены в Японию для обучения.

Экспедиция послана Сельскохозяйственным институтом SMR в Дайрене. Во главе – мистер Такао Токияма, агроном, геолог, журналист, всего 20 человек. Пробудут месяца два.

К вечеру похолодание. Тучи. Возможен снег. Купил за M\$ 11 фигурку бонпоского божества.

13 мая, понедельник. Ночью и утром снежная выюга с С ветром. В 8 утра + 1° С. Чертил маршрут на ставку Барун-Сунит. Прошли обратно 4 японских грузовика.

14 мая, вторник. Ясный день. Лёгкий СЗ ветер. Утром ходили ботанизировать. Днём занимался монгольским языком. Чампа ходил к Демшик-ламе. Тот удивлялся обстоятельствам и уверял, что амбань цзакирагчи (Санрот) является другом японцев.

Ставка Барун-Сунит называется Байин-обо.

(Дондук-тусалагчи, Бондай Церичин-цзакирагчи).

15 мая, среда. Ясный день. СЗ ветер. Утром Виктор Иванович, Миша, Шура и Чампа отправились в ставку справиться о приезде князя и о юртах.

У Н.К.* обнаружилась температура. В 11.30 утра 38.3, затем в 12 – 37.4, а в 1.15 дня опять 38. Уложили в постель. Видимо, простуда. Хотя насморка и нет. В 4 дня – 37.4, в 5.30 – 36.8. В 8 вечера – 37.

4 японских грузовика прошли на ставку.

16 мая, четверг. Ясный тёплый день. Н.К. лучше. Утром в 8 часов 35.9. Сидит в юрте.

У Н.К. весь день нормальная температура.

К вечеру Миша привёз почту. Письма из Пекина и Харбина.

17 мая, пятница. Ночью дождь. Утром ясно, легкий СЗ ветер. Утром объезжал коня. Днём работал над языком. У Николая Константиновича температура нормальная: утром в 7.30 – 36.1; в 12 часов – 36.3.

Среди дня из Батухалки приехали майор-констебль и Латтимор. Рассказывали, что дорога до Батухалки хорошая, но что лучше ехать по новой дороге, которая объезжает пески.

18 мая, суббота. Утром в 7 часов майор-констебль и Латтимор выехали в Калган. Коля, Миша и Чампа уехали в ставку отправить радио и справиться о юртах. Вечером приехал Ларсен с д-ром Хассельманом. Чиним машину.

* Н.К. – Николай Константинович Рерих

19 мая, воскресенье. Чиним машину. Собираемся в Батухалку. Ясный день. СЗ ветер. Утром тренировал коня.

20 мая, понедельник. Летний безветренный день. Утром ездил верхом, затем скакал с монголом, обогнал на полтора корпуса лошади. Чиним машину. Беседа с д-ром Хассельманом, который осмотрел горло Николая Константиновича, нашёл раздражение гланд, вероятно, вызванное пылью и сухостью воздуха.

21 мая, вторник. Ясный день, но сильный З ветер. Продолжаем чинить машину. Ларсен и доктор уехали в 6 часов утра в Батухалку. Приезжал монгол, побывавший в Долон-норе. Говорил, что там хоть и большой порядок, но предметы первой необходимости и продукты сильно вздорожали. Так на М\$ 1 дают всего 8 катти белой китайской муки (1 катти = 1,5 фунта), тогда как в Чахаре на китайской территории дают 23 катти. За товары платят исключительно кпо-рi, который не имеет хождения на китайской территории. Курс серебряного доллара высокий.

В Пак-Цзяне появился китайский пост. Говорят, предполагается постройка бараков. Провинциальные власти стремятся продвинуть колонизацию. Быстро застраивается Джапсер, являющийся центром нового уезда.

Весь день сильный жаркий ЮЗ ветер. Шура ходил на экскурсию.

22 мая, среда. За ночь ветер изменил направление и с утра дует с СВ. Пасмурно, небо покрыто песчаными тучами. Видимо на СВ был сильный буран.

Продолжаем чинить машину. Чампа поехал в Сербен за маслом.

23 мая, четверг. Всё ещё чиним машину. День пасмурный с СВ ветром. Прохладно. Утром пришла почта из Индии от 20 и 26 апреля. Вечером пришла машина фольксваген (шофёр Петрищев).

24 мая, пятница. Весь день дождь. Вернулся Ларсен с доктором. Князь ожидается в ставке через 3-5 дней.

Закончили машину.

25 мая, суббота. Всю ночь и утром дождь. Дороги скользкие. (Агнес Смэдли – друг Латтимора). Снаружи стоит лагерь ларсеновских ковбоев.

26 мая, воскресенье. В 6 часов выехали в [монастырь] Пейланг.

46 м. колодец. 59 м. колодец слева. Горы на левую руку. 86.5 миль. Песок.

Шара Мурен, 4000 футов. 121 м. колодец. 135 – монастырь. Перед монастырём сухое русло.

Дорога в общем хороша. Пески около Болтай-сумэ и около Шара Мурена. Живописный монастырь Шара Мурен резиденция воплощенца Чу-Чжи Стен ринпоче. Почва по дороге – песок. Хорошие травы – многочисленные ирисы. Большие стада дзеренов, много дроф, лисиц. Не доехали до Батухалки 40 миль. Встретили князя и Пао Йечинга. Вернулись в ставку в 10 часов.

27 мая. День в ставке. Переговоры. В 5.30 вернулись в Цаган Куре.

28 мая. Ясный тёплый день. Утром ездили верхом. Пришла почта. Письма из Индии от 3 мая.

29 мая, среда. Утром ездили верхом. Приехал с визитом Сайн-Баир с китайским полковником и секретарём [Совета в Батухалке] Максаром (Махшир). Хорошая беседа. (Унинг-Батор в Батухалке).

30 мая, четверг. Ясный день. ЮЗ ветер. Утром сменная езда. Осматривали машину Сёдербома.

31 мая, пятница. Ясный день. Южный ветер. Утром пришла почта. Письма из Харбина. Прошли два японских грузовика. Весь день занимались разбором вещей для предстоящей поездки.

1 июня, суббота. С утра пасмурно. ЮВ ветер. Температура воздуха в 7.30 утра +12° С. Утром сменная езда. Продолжаем разбор припасов.

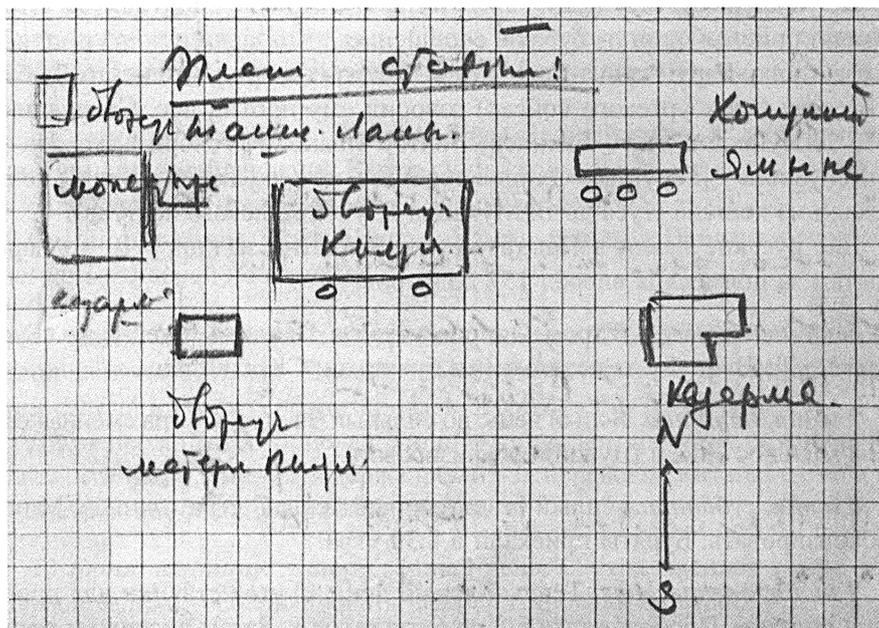
Днём ездили на экскурсию, проехали 25 миль. В Улан-норе воды не оказалось. Растительность кругом озера крайне бедная. Проехали также на восток от Цаган Куре. Собрали *Iris sp.*, *Saragana*, *Pigmae*, *Potentilla*.

Вернулись к 4 часам вечера. Пошёл дождь, продолжавшийся весь вечер с перерывами.

2 июня, воскресенье. Холодный день с С ветром. В 7 часов утра +4° С. Дождь со снегом.

Убежал чалый конь. Чампа поехал за ним. Коня нашли у Улан-нора. Весь день идёт дождь и крупа. Постоянный СВ ветер. К вечеру ветер стих и дождь прекратился. Горы на юге от Цаган Куре покрыты снегом.

3 июня, понедельник. Снова холодный день с сильным С ветром. В 7 утра +5° С. (Абага Ундур-бейсе, Абага Ундур-бейле, Абага Та-ван, Абага-засак). 30% ЮЗ части княжества Дурбет уже заселено китайцами. Утром занимался языком. Повсюду замечается исчезновение религиозности. Молодёжь придерживается религиозного синкретизма. (Шилин-гол – оплот старого кочевнического уклада и феодальной традиции; Чахар ~ Джакхар – «жители пограничной области»; 70% исконной территории Чахара колонизировано китайцами).

План ставки. Рисунок из дневника Ю.Н.Рериха

Монгольские князья это настоящие феодалы. Княжества – уделы. Во многих отношениях это большие помещики. Простолюдины или хамжлага – княжеские крепостные, платящие в княжескую казну известный оброк. Ставка Барун-сунитского князя – единственная ставка, имеющая каменные постройки, построенные его предшественником.

Года три тому назад князь начал постройку дворца для Таши-ламы – большое помещение в китайском стиле. До сих пор не закончен и принят ташиламским казначейством. Находящийся при ставке донир [Чцимто] был недавно переведён в Мукден, на место умершего там донира. В настоящее время при ставке живёт Номчи-хамбо, который в прошлом году находился в Хайларе.

4 июня, вторник. Ясный тёплый день. С утра сменная езда. Затем днём пришла неожиданно почта с д-ром Эриксоном. Письма из Харбина и Пекина. Начал занятия с чахаром-монголом.

5 июня, среда. Ясный облачный день. С утра С ветер. Подготавливаемся перебросить лагерь на запад. В 5 часов вечера неожиданно прибыл Очиров с семьёй. Много интересного, но всё ещё много туманного.

Не успел выехать в дальнейший путь, как вернулся, ибо как раз к тому времени приехал один из бурят с сообщением, что люди и лошади прибывают в ставку Барун-сунитского князя. Очиров говорил, что некто Любушкин (есаул Оренбургского войска) говорил ему против нас. Сотрудником этого Любушкина некто Ганцлер. Виктор Иванович говорит, что оба эти типа служили у [Гарунца]. Очиров сообщил, что его людей трижды не выпускали из хошуна (тусалагчи Муханда Дзун-Абагаского хошуна).

Две русские лавки в Пандита-сумэ. Заплатил за книгу 10 долларов. Бурятам за полмесяца вперёд 157 долларов.

6 июня, четверг. Утром Очиров уехал в Пандита Геген-сумэ. Бурят выехал в То-Ванг Фу за остальными бурятами. Свежий день.

7 июня, пятница. Ясный день, но сильный 3 ветер. С утра сменная езда, затем ходили с Н.К. и Шурой гербаризировать.

8 июня, суббота. Тёплый безветренный день. С утра ходили с Мишей гербаризировать. Буряты приехали в 8.30 утра.

9 июня, воскресенье. Тёплый ясный день. С утра ставили для просушки палатки. Пробовали коней, из 6 взяли двух. Затем чистили и приводили в порядок коней.

10 июня, понедельник. С утра ясный тёплый день. Становится жарко в юрте, +32° С. Утром сменная езда. Затем поехали гербаризировать на машине. В двух милях в горах нашли карагач с многочисленной порослью. Затем нашли у подножья скал каменные могилы. У восточного конца молитвенный большой камень.

Вечером в 7 часов наша машина привезла Максара. Вечер провёл в беседе с Максаром.

11 июня, вторник. Жаркий день. Утром машина отвезла Максара в ставку Дэ-вана. Утром же сменная езда.

12 июня, среда. Пасмурный день. Дождь. Утром сменная езда. Два японских грузовика по направлению к Долон-нору. Вечером ещё одна машина.

13 июня, четверг. М\$ 2 за пугы. М\$ 1 за веник и ковш. Утром заезжал Эриксон с гостями. Едут в Хухэ-хото. Затем пришёл Ларсен. М\$ 1 за камни.

14 июня, пятница. Местное население продолжает волноваться слухами о продвижении японских войск. Ларсен говорил, что на днях в Калган проехала машина с чиновниками из Урги.

Тёплый день. 3 ветер. С утра сменная езда с Мишей. Почта из Индии.

15 июня, суббота. Ясный день. С утра сменная езда. Миша с Колей осматривали машину Сёдербома. Снова слухи о предстоящих столкновениях. Наша машина так и не пришла из Калгана.

16 июня, воскресенье. Тёплый безветренный день. С утра сменная езда. Прошли в направлении Барун-сунитской ставки две японские машины: одна грузовая, другая легковая военная.

Среди дня Миша, Коля, Шура и Чампа ездили в Пейланг отправлять телеграмму Ларсену о машине.

17 июня, понедельник. Ветренный, но ясный день. Утром ходили за ботаническими сборами. Посетили месторасположение каменных могил. Затем ездили в степь гербаризировать. Вернулись в 12 часов.

Днём неожиданно приехал Тилопа-геген. Интересный разговор. Сообщил, что наша машина задержалась из-за перевозки китайских войск.

Застрелили бешеную собаку на юге.

18 июня, вторник. Ясный тёплый день. С утра сменная езда. Миша с Шурой ездили гербаризировать. Гербаризировали на степи.

Тилопа-геген уехал в ставку в 8 часов утра. Во время его пребывания съехалось много народу в живописных праздничных нарядах. Удивительно, как быстро распространяются сведения по окрестным аилам. Тилопа-геген сообщил, что Лобзанг-Кемпо выехал из Пекина в Гумбум.

19 июня, среда. С вечера ещё пошёл дождь. Продолжался с перерывами всю ночь. С утра прохладный дождливый день с С ветром. К вечеру разяснило. Местность наполняется слухами в связи с событиями. Ночью в 12.30 приехала наша машина с Ларсеном, м-р и миссис Трассей и миссис Оливер, жена рейтеровского корреспондента, которая оказалась русской.

20 июня, четверг. Дождливый день. Утром ездили к Эриксону, который вернулся из Хухэ-хото. Днём готовились к выступлению.

21 июня, пятница. Ясный день. С утра туман. Полная мобилизация. Вечером в 11.30 приехали два гонца с письмом от Тилопы-гегена. Сообщает, что юрты поставлены.

22 июня, суббота. Ясный день. Выступают наши буряты.

Продолжаем укладку вещей и погрузку. Случайно исправилась машина Серата и берёт остающуюся часть наших вещей. Ездили прощаться с Эриксоном.

23 июня, воскресенье. Выступили в 6 часов утра. До Хухэ Чулу-гола шли благополучно, но там обе машины – грузовики сели в песок и пришлось откапывать. Провозились час. Затем заезжали в Барун-сунитский ямынь, где совершенно неожиданно получили наши ящики из Пекина. Около Болтай-сумэ снова сели. Ещё провозились с час. Вдоль всей дороги по обе стороны Болтай-сумэ тянется старый пограничный вал. В 8 часов вечера достигли Шара Мурена и стали лагерем на противоположном берегу от монастыря. Прошли 13 часов и сделали 115 миль. За день видели дроф и дзеренов. Тёплый и ясный день.

24 июня, понедельник. Ясный день. Осматривали монастырь. Были приняты гегеном. Монастырь основан в царствование Цзян-Луна. Бросается в глаза обилие изображений Шамбалинской мандалы, которая изображается на стенах притвора каждого храма наряду с изображениями четырёх махарадж. Внутри храмов много танок работы китайских художников по тибетским образцам. На камнях многочисленны изображения трёх жемчужин. Утром ходили с Н.К., ботанизировали. Склоны скалистых гор (граниты) густо поросли эфедрой (*Ephedra* sp.). За день собрали много ценных добавлений к нашему гербарию.

25 июня, вторник. Выехали в 7 часов утра. Дорога до Халтын-гол-сумэ идёт степью, местами распаханную китайцами. То и дело попадаются китайские деревни и заимки. Несмотря на сухую погоду, всходы хороши. Видели многочисленных дзеренов. После Халтын-гол-сумэ дорога идёт сильно пересечённой местностью. Перед самой Батухалкой дорога идёт по песчаному руслу реки. В 2 часа прибыли в Батухалку. Остановились около юрты преподобного Ганзелло, который встретил нас чрезвычайно любезно. В 5 часов ездили к Тё-вану. Приняли нас чрезвычайно любезно. Познакомились с Мерген-баторм, представителем Удзумчина. Говорят, что кроме Мерген-батора имеется ещё военный инструктор халхасец Дондук. Вечером заходил преп. Ганзелло.

Баран в Шара Мурене – М\$ 8.

26 июня, среда. С утра ездили с Мишей на конях искать новое место для стоянки. Нашли чудесное место, поросшее лесом, в четырёх верстах от Батухалки. Видели четырёх архаров. Днём заезжал Иг-Пьен Доржи, халхинский зайсан, родом из Гурбан-Сайхана.

27 июня, четверг. С утра двинулись на новую стоянку. Перевозка вещей продолжалась до 9 часов вечера через несколько сухих русел, в которых застревали машины. Прекрасная стоянка. Много куропаток.

Аргал (4 мешка) – М\$ 4.

28 июня, пятница. Утром сменная езда. Затем устройство лагеря. Среди дня лагерь посетили Бокенкампф и преподобный Ганзелло. Передавали новости о Синьцзяне и положении в Северном Китае. Вечером гербаризировали среди окрестных гор.

29 июня, суббота. Ясный чудесный день. С утра поднялись с Н.К. на Наран-обо. Прекрасный вид на окрестные горы. Вдали на западе виднелась Ширету-обо-ула. Коля с Шурой уехали в Батухалку. Утром приезжал монгол, который рассказывал о Чимиста-ула, у которой находятся развалины укрепления, называемого Богдо-Чингисхайн-Херелеч. Приезжал зайсан Иг-Пьен. Купил лошадь за 90 долларов.

30 июня, воскресенье. С утра тучи, накрапывал дождь. Ездили с В.И.Грибановским искать ключ, указанный монголом. Не удалось найти. Затем с Таши отправился в Батухалку. Завтракал с преподобным Ганзелло, у которого были Максар и два других чиновника-монгола. Уроженцы Восточной Монголии (Чжеримский сейм). Видимо, среди молодёжи много имеющих устремление к коммунизму. Замечается падение ламазма, на место которого приходит религиозный индифферентизм. Среди дня лагерь посетили два монгольских полицейский чина с обычными вопросами.

Бичеч Дамби и больной Гомбо выехали обратно в хошун. В 6 часов вечера дождь.

1 июля, понедельник. С утра ездил с В.И.Грибановским по дороге в ставку Дархан-бейле. Путь лежит между холмов. Видели четырёх архаров. Проезжали зимники. На лето монголы перекочёвывают в латитудную долину к реке. Затем разбирали гербарий. В 5 часов отправились с Н.К. и Шурой в лес карагача по ту сторону долины. Старые большие вязы. Купили серого коня за М\$ 55.

2 июля, вторник. С утра сменная езда. Днём ходил гербаризировать с Н.К. Нашли колодец. Вечером приехал халхасец Самбу с бараном.

3 июля, среда. Снова жаркий день. С утра ездил с В.И.Грибановским смотреть дорогу на старый город. Дорога вполне удовлетворительна. Вернулись в 10.30 утра, отправились в горы гербаризировать с Н.К. и Шурой. Во время завтрака к нам в лагерь забрела самка архара с детёнышами.

4 июля, четверг. Утром сменная езда. Днём пришла почта (первая). Письмо из банка от 27 июня и одно письмо от Мориса Лихтмана от 27 мая, также газета от 26 июня. Днём ходили с Н.К. и Шурой гербаризировать. Дошли до истока реки (сухой), у которой стоит лагерь. Недалеко

от водораздела колодец в русле. Вдоль по руслу встречаются: чий, ковыль, вострец, полынь.

5 июля, пятница. Ночью начался сильный С ветер. С утра ветер и дождь. Уплатил Чампе М\$ 91/32 жалованья и расходов согласно записке.

6 июля, суббота. Почта за три недели. Всю ночь дождь. Утром лагерь посетили д-р Эриксон, м-р Кассиа, второй секретарь британского посольства в Пейпине, представитель компании «Шелл» в Маниле и ещё один капитан из британского посольства. Рассказывали о восстании в Пейпине. Днём снова дождь. Также ночью.

7 июля, воскресенье. Пасмурное утро. Весь день провёл за писанием писем.

8 июля, понедельник. Поездка в ставку Юн-вана. По долине реки Бату-халки на С-СВ. Дорога идёт вдоль подножия холмов, обрамляющих долину с юга, затем отклоняется к северу, на 9-й миле переезд через реку. Пески. Затем всхолмленная степь, вострец и ковыль. Полосы песка, поросшие чием.

Ставка князя (расстояние от места нашей стоянки – 22 мили) расположена в котловине. Налево от дороги помещается хошунный ямынь, в центре дворец, направо на скале форт. Снаружи стены монголы катали войлок. Князь – старик 66 лет. Очень набожен и начитан. Прекрасный домашний храм, содержащийся в большой чистоте. В храме хранится полный Ганчжур Чжонийского изделия. В храме помещается трон Таши-ламы. При входе на стене большая фреска, изображающая мандалу Шамбалы и священную войну. Имели дружественную беседу с князем. Обменялись подарками. Затем посетили развалины старого города Олун-сумэ. Место интересное. Видимо, развалины несторианского храма, судя по каменным основаниям колонн. Несколько каменных надгробных плит с типичными несторианскими крестами и надписью сирийско-уйгурскими письменами. Имеется мраморная белая стела с надписью по-китайски. Ясно сохранилось имя – Йе-Ли-Хо. Собрали интересную керамику.

Вернулись по размокшей затопленной дороге. Прошёл сильный ливень с грозой. В наше отсутствие приезжали Ганзелло и Бокенкампф. Привезли почту от 12 июня из Индии. Трудно всё уяснить себе.

9 июля, вторник. Ясный день. С утра, в 6.30, сменная езда с В.И. Грибановским и Мишей. Затем письма. В 12 часов приехал с визитом Юн-ван в сопровождении своего хошунного тусалагчи. Хорошая беседа. В 5 часов дня неожиданно приехали Тё-ван и наш старый знакомый Кианг-Канг-Ху. Дружественная беседа. Приглашение в ставку князя. Дождь.

10 июля, среда. Несмотря на дождь, поехали в Батухалку. Собрание монгольских чиновников. Д-р Кианг говорил речь. Затем слово сказал Н.К., также Тё-ван. Завтрак у Тё-вана. Заезжали к преподобному Ганзелло.

Пришла телеграмма из министерства земледелия от 5 июля о переводе экспедиции в Суй-Юань. Пришлось снова съездить в Батухалку и отказаться от приглашения в ставку Барун-Сунит.

11 июля, четверг. Ясный день. Сменная езда с Мишей. В 6 часов вечера приехал князь в сопровождении нескольких секретарей. Дружественная беседа.

12 июля, пятница. Ясный день. С утра сменная езда с Мишей. Затем гербаризировали в горах до 12 часов. Днём снова с Николаем Константиновичем ходили собирать.

13 июля, суббота. Утром поехали в старый город Олун-сумэ. Сняли план. К удивлению, одна из стел с китайскими иероглифами исчезла. Видимо, кто-то увёз. На обломках других стел ясно стоят слова (китайские иероглифы), видимо, несторианского содержания. Часть камней взята была из несторианского кладбища.

Днём сильный дождь. Сильно размыл дорогу. Приехали буряты с письмом от Очирова.

14 июля, воскресенье. С утра пробовали новых коней. Сменная езда с Мишей. Днём пришла почта. Письмо из Индии от 20 июня.

Весь день писал письма. Пришлось сидеть дома, ибо вчера натёр сильно ногу, осматривая город. Снова носятся слухи о военных приготовлениях Китая против Японии. Ждём ботаников.

15 июля, понедельник. С утра в 6 часов выехали на машине в Батухалку на круговращение Майдари. Церемония началась только в 11 часов с приездом князя, который любезно усадил нас около себя. Нарядная толпа заполнила двор монастыря. После выноса изображения Майдари и приношения мандалы Будде Будущего, процессия тронулась вокруг монастыря, останавливаясь у четырёх стран света и у субурганов, где служили краткую литию. Вернулись около 12 часов.

Днём сидел и читал, ибо натрудил ногу на одной из экскурсий.

16 июля, вторник. С утра ездили в монастырь. Сидели с князем. Монастырский цам очень красочен. Хорошие облачения. Во время танца обращал на себя внимание старик-скоморох, веселивший зрителей

своими выходками. Бросались в глаза яркие наряды женщин – тугей и халхасок, ордосок и чахарок. Вообще много халхасцев. Осматривали монастырскую библиотеку – монгольский Ганчжур Пекинского изделия (Красный) и тибетский Нартанский Ганчжур и Данчжур. Цам кончился в 4 часа дня. Днём дождь, продолжавшийся до 2 часов ночи.

17 июля, среда. Ясное утро. Сменная езда. Днём сильный дождь.

18 июля, четверг. Пасмурный день. Сменная езда. Один из приведённых коней (бурой масти) оказался с пороком. 10 раз пытался меня сбросить. Днём приехали халхасцы. Интересная и поучительная беседа. Письма из Америки.

19 июля, пятница. Ясное утро. Утром становится значительно прохладнее. Сменная езда. Затем весь день писал письма в Вашингтон и Индию.

20 июля, суббота. Днём визит преподобного Ганзелло и шведских миссионеров.

21 июля, воскресенье. Утром в 7 часов выехали в Халхаское стойбище. В течение 20 миль дорога идёт по Синьцзянской автомобильной дороге. Путь хороший. Затем сворачивает на ЮЗ-З и через 1,5 мили достигает стойбища халхасцев – всего юрт 20. Стойбище представляет кочевой монастырь. Дуканг помещается в двух юртах. В одной на алтаре изображение Цзонхавы, в другой – Майтрейи. Изображения старые, так же как и ящики. Все привезены с собою из Халхи. Лам всего 30-40 человек. Радушно нас приняли. Много беседовали о Калачакре. Затем взбирались на Ширету-обо (5300 ф.), с которого хороший вид на Ю и ЮЗ. Видел город Шинди-хото и китайские караулы. Район вообще неблагополучен в смысле разбойников, и прошлой зимой халхасцам пришлось вести бой.

Вернулись в 2.30 в лагерь и нашли д-ра Кенга¹⁴, м-ра Сёдербома, Бокенкампа и Аберга, приехавших из Гуй-Хуа. Коллектор – студент Янг¹⁵ остался на время в Гуй-Хуа по болезни.

Долгая беседа.

22 июля, понедельник. После ветреной и грозовой ночи – ясное утро. Д-р Кенг и Шура отправились в горы. Сменная езда. Затем разбирал бумаги. Днём работал над гербарием. Днём дождь.

23 июля, вторник. Утром сменная езда. Д-р Кенг и Шура отправились гербаризировать. Писал письма. Днём работал с д-ром Кенгом над гербарием. Дождь.

24 июля, среда. Письмо из Индии от 27 июня. Утром сменная езда. Затем ездили в Батухалку. Днём работал с д-ром Кенгом над гербарием.

25 июля, четверг. Ясный день. Утром езда. Д-р Кенг с Шурой ушли гербаризировать. Весь день провёл, работая с д-ром Кенгом над гербарием.

26 июля, пятница. Ночью в 2 часа началась сильная гроза с ветром. Дождь и гроза продолжались всё утро. Днём стало ясно, но сильные испарения.

27 июля, суббота. Ясный день. Утром сменная езда. Д-р Кенг уехал гербаризировать. Днём дождь. Письма из Индии от 27 июня и 3 июля.

28 июля, воскресенье. Утром сменная езда. Д-р Кенг ушёл гербаризировать по скалам. Весь день писал письма, ответ по поводу статей, появившихся в «Чикаго Трибьюн»¹⁶. Днём приехали Жорж Сёдербом, Аберг и две барышни американки, одна из Детройта, другая из Санта-Фе. Едут в Гуй-Хуа.

29 июля, понедельник. Утром сменная езда. Затем ходили с Н.К. гербаризировать. Д-р Кенг уехал в степь на машине. Ясный день после прохладной ночи. Легковая машина застряла в 6 милях от лагеря, и пришлось посылать грузовик. Вернулись лишь к 8 часам вечера.

30 июля, вторник. Ясный и прохладный день. Утром устанавливали юрту. Д-р Кенг ходил на экскурсию.

31 июля, среда. Ясный день. С утра Н.К., д-р Кенг, Шура, Миша, Чампа и я выехали на легковой машине в Олун-сумэ. Ехали новой дорогой, ведущей по левому берегу реки Батухалкин-гол. Приехав в город, Кенг и я списали надпись со стелы. Содержит генеалогическую таблицу княжеского рода, затем поучение чиновникам исполнять свой долг и сыновьям слушать отцов. Встречаются следующие монгольские имена: Темур-Буху, Бату-Темур, Арья-Бало и т.д. Нашли ещё вторую черепаху, черепахи, видимо, служили основанием стел. Затем ботанизировали вдоль реки. Проехали за три мили за город по направлению к ставке тусалагчи-бейсе. Пещерный монастырь, разрушенный дунганами. Сохранились следы кирпичной кладки и многочисленные ца-ца* в пещерах. Вернулись в 7 часов вечера. Вечером, в 8 часов, приехал мистер Янг на машине Сёдербома.

* ца-ца – предметы, сделанные из смеси глины и пепла с вытесненными на них священными мантрами или изображениями божеств

1 августа, четверг. Утром сменная езда. Затем письма. Получили телеграмму из Индии от 26 июля. Приехал Очиров.

2 августа, пятница. С утра мелкий дождь. Пришлось отказаться от поездки в Чимиста-ула. Серый прохладный день. Днём д-р Кенг и Янг ходили на экскурсию. Миша и я ездили по дороге в Батухалку смотреть дорогу. Вечером почта. Газеты от 28 июля.

3 августа, суббота. С утра ясный день. На горах туман после прохладной ночи. Д-р Кенг, Янг, Коля, Шура и Самбу уехали в Чимиста-ула. Послали машину за Очировым. Час ездил верхом. Днём был Очиров с ламой-доктором. Провели время в дружественной беседе. Днём, когда они уезжали, прискакала группа монголов, причём один свалился с коня и сломал себе ногу. Пришлось отправить его на нашей машине.

4 августа, воскресенье. Утром ездил в Батухалку к Очирову и преподобному Ганзелло. Днём все ходили гербаризировать и собирать семена в Булугир-ама. Вечером (вернулись в 7.15 вечера) пришла почта (письма из Харбина).

5 августа, понедельник. Ясный день. Д-р Кенг, Янг и Миша отправились на машине в горы ЮЗ Батухалки. Ожидаю Качен-ламу. Весь день до 4-х часов провёл с Качен-ламой, просматривая гербарий. Вечером приехали сэр Чарльз Билл, леди Билл, мисс Билл и капитан Скотт. Говорили о проникновении на север Внутренней Монголии, о захвате английского корреспондента (Гаррет Джонс)¹⁷ между Долон-нором и Калганом 29 июля, о сосредоточении вокруг Долон-нора.

6 августа, вторник. Жаркий день. Ездил с д-ром Кенгом в Ширету-обо, а также в степь по Синьцзянской дороге. Растительность Ширету-обо – *Artemisia*, *Cruciferae*, *Elymus*, *Agropyron*, растущий среди *Ephedra*, *Poa*, *Clematis*.

7 августа, среда. Работал в лагере. Днём собирали семена.

8 августа, четверг. Утром ездил в Батухалку. Встретил сэра Ч. Билла. Днём собирал семена. Жаркий день. Ночью гроза (в отдалении).

9 августа, пятница. Жаркий день. Ездили с Кенгом в Баин-обо. Посетили бейсе-тусалагчи.

10 августа, суббота. Днём сменная езда и письма. Кенг ездил в Модом-ама. Днём собирал семена. Вечером лагерь посетили князь (Дэ-ван) и Очиров.

11 августа, воскресенье. Ездили в Батухалку. Видели князя и Ганзелло.

12 августа, понедельник. Утром в 9.15 над лагерем пролетел японский аэроплан, спустившийся в Батухалке и сбросивший объявление на монгольском языке, что едут друзья и не следует разбегаться.

Продолжаем сбор семян.

13 августа, вторник. Жаркий ясный день. Утром сменная езда, затем ходили собирать семена. Днём работал над счетами.

14 августа, среда. Утром д-р Кенг, Янг, Коля и Шура уехали на грузовике в Шара Мурен. Днём приезжали В.Дей, м-р Аберг и ещё одна американка. Говорили, что газетчики сильно заинтересованы нами. Дей сообщил, что в Калган приезжал м-р Стил, представитель «Ассошиэйтед Пресс», и говорил ему, что мнения относительно экспедиции разделились. Одни под влиянием ботаников¹⁸ настроены против (они оставили за собой дурной след), другие – за.

Жаркий день.

15 августа, четверг. Днём лагерь посетили Очиров и Чок-батор. Жаркий день.

16 августа, пятница. Утром сменная езда. В 8.30 пошёл дождь. Вторично пролетел аэроплан и спустился в Батухалке. Вечером вернулись китайские ботаники из Шара Мурена.

17 августа, суббота. Ясный день. Река Батухалка неожиданно разлилась, и на машине оказались меж рукавов, не в состоянии проехать. (От Батухалки до Шара Мурена 63 мили. Деревня Хаба в 4-х милях от Батухалки на ЮВ от дороги).

Бейсе-тусалагчи из Дархан-вана является также министром внутренних дел монгольского правительственного совета (хурала) в Пай-Синг-Мяо. Полномочный представитель хошуна. Его резиденция расположена в 23-х милях вниз по течению Батухалкин-гола.

Днём приехали Очиров и Качен-лама. Хорошая беседа на духовные темы. По мнению Качен-ламы, «Чжуд-ши» является не переводом с санскрита, а сочинением знаменитого Ютог Па. Качен-лама рассказывал, что в 20-х годах прошлого столетия Керуленский и Селенгинский районы были посещены несколькими отшельниками из Тибета, которых знали под названием *азар тангут*. Сам лама знал ещё людей из поколения, видевшего этих отшельников.

18 августа, воскресенье. С утра дождь. С вечера вода в реке ещё была, и машину так и не удалось довести до лагеря экспедиции.

Говорят, Уздумчин славится иноходцами. Лошадь крупнее других монгольских пород – возможно, примесь тунгусской крови. Лучшие лошади по Керулену. Особенно славятся бегунцы и скаковые из хошуна Санг-бейсе.

Аэроплан прилетал из Тунглина около Мукдена.

В Мунгульчине большой монастырь Цаган-Даянчи-хит – самый большой из монастырей Восточной Монголии. Халхасцы расселены по всей южной границе Халхи, начиная с Ма-Цзунг Шаня, в Алашани, Урате, Дархан-ване и Дурбете.

В горных долинах встречаются ирис, *Elymus*, *Agropyron*, ковыль. Также попадаются разные виды *Artemisia*, *Astragalus*, *Melilotus*; по оврагам встречаются *Astragalus*, *Melilotus*, *Poa*. По склонам холмов *Agropyron*, *Poa*, *Koeleria*, *Artemisia*. По берегам рек и других дождевых водоёмов *Puccinellia* (имеется и другой вид, встречающийся на степи), *Hordeum*, *Elymus*, *Agropyron*, *Agrostis*. На степи – *Agropyron*, *Astragalus*, *Artemisia*, *Caragana*, *Stipa*, *Cruciferae*, *Nitraria*.

Говорят, что в местном правительстве вопросы проходят 64 инстанции?!

В скалах разнообразный кустарник *Ribes*, шиповник, *Rumex*, *Prunus*. Преобладают пустынно-степные травы, служащие как бы звеном между чернозёмными и каштановыми почвами северной части Внутренней Монголии и песками Алашани и Средней Гоби.

19 августа, понедельник. С утра пасмурно, но без дождя. К полудню разъяснено. Днём ходили собирать семена, но попали под ливень и порядком вымокли. Ночь ясная.

20 августа, вторник. С утра ясно. Сильная роса. Утром в 7 часов +9° С. Разбираем семена *Agropyron*. Кенг пишет отчёт. Коля, Шура и Миша пошли собирать семена.

21 августа, среда. С утра ясный день. Приехал Серат, но отказался везти китайских ботаников завтра, ибо, говорит, получил спешный вызов из Гуй-Хуа. Слух о больших шайках хунхузов подтверждается. Монгольские власти усилили охрану пограничных районов. Днём гроза и град.

22 августа, четверг. Ясный день. Сильная роса. Ждём машины для китайских ботаников. Очиров наконец уехал на машине правительства. К завтраку приехали итальянский лейтенант Ди Ватулли с Бариновым. Привезли сведения, что [английский корреспондент] Джонс убит.

Продали итальянцу юрту. Днём ходили на экскурсию собирать семена.

23 августа, пятница. Ясный день. Сильная роса. Ждём машину для китайских ботаников. Днём ходили на гербаризацию. Приехал Ганзелло. Привёз телеграмму из министерства с советом передвинуться в Синин.

24 августа, суббота. Утром ездил в Батухалку отправлять радиограмму. Выяснилось, что наша радиограмма была послана исключительно 21-го в полночь вместо 19-го. Днём собирали семена.

25 августа, воскресенье. Утром возился с семенами. Днём гербаризировал. Приехал Серат. Наблюдал стаи журавлей на юге.

26 августа, понедельник. С утра дождь. Ботаники всё же поехали в Батухалку. В 10 приехал князь с секретарями и купил наш грузовик за M\$ 2500. Днём ездил в Батухалку получить деньги и передать грузовик. Правительством посылается несколько грузовиков с солдатами на запад. Переброска эта, видимо, стоит в связи с усиливающейся деятельностью красных и других банд к западу в районе Бао-Тоу.

В Батухалке встретил капитана Филатова.

27 августа, вторник. Утром Коля и Миша уехали в степь Му-Усу собирать агропирон. Ходил с Н.К. гербаризировать по Хара Хайру. Днём пасмурно. Разбирал переписку. К вечеру вернулись Коля и Миша. Хорошие результаты. Согласно официальному [подсчёту] в Дархан-ване всего 1400 семей, т.е. около 5600 душ. Из них большое число падает на китайцев. На Алашани главным образом разводят верблюдов.

28 августа, среда. Утром разбирал семена. Днём ходили собирать семена. Вечером почта.

29 августа, четверг. Утром приехал Сёдербом. Долго беседовали о транспорте и сборе семян. Проданный нами грузовик отправлен на запад в кочевья Уранг Донду Гуна. Сёдербом рассказывал, что в Эцзин-голе лошадей и скот кормят тростником (хулусу). Коля и Миша поехали на Чимиста-ула собирать семена. Экспедиция С[вена] Г[едина]¹⁹.

30 августа, пятница. Днём ходили собирать семена.

31 августа, суббота. Утром заезжал Тилопа-геген. Хорошая беседа. Затем приехали: г-н Рао, Макшири и Базаров.

1 сентября, воскресенье. Утром пролетел аэроплан. Днём работал над счетоводством.

2 сентября, понедельник. Ясный день. Коля, Миша, Шура уехали на сборы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Муто – секретарь японского представительства в Пекине. В середине ноября 1934 три русскоязычные газеты, существовавшие в Маньчжурии на японские концессии («Харбинское Время», «Возрождение Азии», «Наш Путь»), одновременно опубликовали клеветнические статьи, направленные против Н.К.Рериха. 13 декабря 1934 г-н Муто приезжал к Рерихам и передал сожаление о случившемся.

2. Вместо ожидаемого Рерихами сообщения о действиях, направленных на пресечение клеветы, телеграмма из Харбина содержала только запрос об их здоровье.

3. Сёдербом, Карл Георг (Söderbom, Carl Georg) – швед, глава Протестантской миссии методистов в Калгане, Северный Китай. Его сын Карл Георг Сёдербом (1904-1973) принимал участие в экспедициях знаменитого шведского путешественника и учёного Свена Гедина по Центральной Азии (1927-1935).

4. Эриксон (Ericson) – глава шведской Миссии во Внутренней Монголии, врач.

5. Ларсон, Франц Август (Larson, Frans August) (1870-1957) – шведский протестантский миссионер, дипломат, коммерсант, посвятивший Монголии более сорока лет своей жизни. В юности переменял множество профессий. С 1923 возглавлял в Монголии торговую фирму «Ф.А.Ларсон и Ко», имевшую представительства в Калгане и Урге. Возглавлял научные экспедиции – палеонтологическую Р.Ч.Эндрюса (1923) и совместную со Свенном Гединым в Синьцзян и Внутреннюю Монголию (1927-1928). Почётный сотрудник Американского Музея естественной истории (Нью-Йорк). Им опубликована автобиографическая книга «Duke of Mongolia» (Boston, 1930).

6. Тё-ван (Дэ-ван), Дэмчигдонров (The Wang) (1902-1966) – монгольский князь Западного сунита Силингольского сейма во Внутренней Монголии, чингизид, крупный землевладелец; предводитель национально-освободительного движения монголов. В 1935 стал правителем образованного японской военной администрацией Мэнцзяна, марионеточного государства в центральной части Внутренней Монголии (провинции Чахар, Жэхэ, Суй-юань) со столицей в Калгане. Провозгласил независимость Внутренней Монголии (1935) и сформировал правительство Монгольской автономной федерации (1937).

7. Грамматчиков, Николай Васильевич (1908-1988) – в экспедиции шофёр, сын В.Н. Грамматчикова (1865-1938), горного инженера, харбинского друга Н.К.Рериха; Чувствин, Михаил Николаевич, шофёр; Моисеев, Александр Яковлевич, коллектор ботанических образцов; все трое – участники второго этапа Маньчжурской экспедиции Н.К.Рериха (март – сентябрь 1935).

8. Речь идёт о намеченном на 15 апреля 1935 подписании в Вашингтоне документов международной конвенции, посвящённой Пакту Рериха о защите культурных ценностей и охране памятников культуры во время вооружённых конфликтов.

9. Акт подписания Пакта Рериха состоялся 15 апреля 1935 в Вашингтоне в присутствии президента США Ф.Д.Рузвельта. Подпись под документом поставили министр земледелия и агрикультуры Соединенных Штатов Г.Э.Уоллес и представители 20 государств Северной и Южной Америки.

10. Латтимор, Оуэн (Lattimore, Owen) (1900-1989) – американский синолог, монголовед, исследователь Центральной Азии, Китая и Монголии. Жил в Китае (1919-1937). Один из учредителей Института Тихоокеанских сношений (Institute of Pacific Relations) и редактор журнала «Пасифик Аффэйрс» («Pacific Affairs»). По рекомендации президента США Ф.Д.Рузвельта был политическим советником Чан Кайши (1941-1942); специальный советник миссии США в Японии (1945). Состоял профессором университета в Лидсе (Великобритания), руководил отделом китаеведения (1963-1970). В последние десятилетия жизни принимал активное участие в деятельности Международной Ассоциации монголоведов (с центром в Улан-Баторе). На момент встречи с Рерихами в 1935 Латтимор занимался полевыми исследованиями во Внутренней Монголии (по 1937). К этому периоду относятся его труды, посвященные Маньчжурии и Монголии, напр., «Manchuria Cradle of Conflict» (1932, 1935) и «The Mongols of Manchuria» (1934).

11. Козлов, Иннокентий Валерианович (1898-1984) – ботаник. Эмигрировал в Маньчжурию (1922). Член-учредитель Клуба естествознания и географии при Христианском Союзе молодых людей в Харбине. Сотрудник музея Hoangho Paiho (Тяньцзинь) и музея Heude (Шанхай). Автор многих работ о природе Маньчжурии и США. Занимался описанием и оформлением гербария, собранного экспедицией Н.К.Рериха в Северной Маньчжурии.

12. Грибановский, Виктор Иванович (1887-1938) – профессиональный военный, полковник Русской армии. Сын полковника Сибирского казачьего войска. Военную карьеру начал как офицер 2-го Сибирского казачьего полка. С 1918 в Добровольческой армии, командующий 1-м Карачаевским конным полком (1919), командир Хоперского полка восставших на Кубани (1920). В Русской армии находился до эвакуации из Крыма. Галлиполиец. Эмигрировал в Болгарию в составе Алексеевского полка (1925), затем в Париж (1926). Из Франции перебрался в Маньчжурию, обосновался в Харбине (1930). В 1935 – участник Маньчжурской экспедиции Н.К.Рериха (начальник охраны).

13. Очиров, Ренчино – глава бурятского хошуна, коммерсант. Окончил Петербургский университет. Проживал в Тяньцзине, где занимался молочной торговлей на бывшей русской концессии. В марте 1935 Н.К.Рерих заключил с Очировым соглашение о найме в экспедицию шести бурят в качестве слуг, покупке для них лошадей и об обмене бумажных мексиканских долларов на местное серебро. Сроки выполнения соглашения неоправданно затянулись, и Очиров, вместо положенных полутора недель, прибыл на экспедиционную стоянку через два с половиной месяца.

14. Кенг (Кэн) – китайский учёный-ботаник, сотрудник из Academia Sinica (Нанкин). В июле и августе 1935 работал в экспедиции Н.К.Рериха по найму. Им было собрано 50 видов трав, из которых 6 видов ранее не были описаны наукой. Результаты ботанических изысканий изложены в статье: Keng Y.L. New grasses from Pelling Miao, Suiyuan Province, China // Journal of the Washington Academy of Sciences. Vol. 28. № 7. July 15, 1938. В 1930-х проф. Кенг состоял членом-корреспондентом Института Гималайских исследований «Урусвати».

15. Янг (Ян), Вальтер – китайский ботаник, сотрудник Биологического института в Нанкине, работал в экспедиции Н.К.Рериха по найму.

16. Речь идёт о статье пекинского журналиста Джона Пауэлла «Японцы выдвоят экспедицию, посланную министром Уоллесом», появившейся в газете «Чикаго

Трибьюн». См.: Powell John. Japanese Expel Explorers Sent by Sec. Wallace. Suspect Activities of Russian Leaders // Chicago Tribune. June 24, 1935.

17. Джонс, Гаррет (Jones, Garrett) (1905-1935) – британский журналист; окончил Кембридж; советник по внешней политике бывшего премьер-министра Великобритании Ллойд Джорджа. Неоднократно бывал в Советской России. В 1935 погиб в Маньчжурии при загадочных обстоятельствах.

18. Имеются в виду прикомандированные к экспедиции Н.К. Рериха два ботаника, сотрудники Департамента земледелия и сельского хозяйства США доктор Макмиллан (H.G. MacMillan) и м-р Стивенс (J.L. Stevens). В результате конфликта с руководителем экспедиции летом 1934 они были отозваны Департаментом обратно в Америку по указанию министра Г.Э. Уоллеса. См.: *Росов В.А.* Николай Рерих: Вестник Звенигорода. Экспедиции Н.К. Рериха по окраинам пустыни Гоби. Кн. II: Новая Страна. М., 2004. С. 161-168.

19. Ю.Н. Рерих упоминает в записи экспедицию шведского путешественника Свена Гедина (1865-1952) в связи с приездом в лагерь бывшего участника этой экспедиции К.Г. Сёдербома (см. прим. 3). В дневнике Ю.Н. Рерих называет его Жоржем (см. запись от 28 июля 1935).

ОТЧЁТЫ

ОТЧЁТЫ ДИРЕКТОРА ИНСТИТУТА ГИМАЛАЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ «УРУСВАТИ» (1929-1935)

1929-1930

Институт Гималайских исследований, основанный 12 июля 1928 года, завершил в 1930 году первый творческий этап своей научной деятельности. Начало 1930 года заняли насущные вопросы организации и подготовки к полевым программам. Фундаментальные цели Института были изложены автором настоящего отчёта в двух брошюрах¹, напечатанных по заказу попечителей музея Рериха в Нью-Йорке.

Организация Института является непосредственным итогом экспедиции в Центральную Азию, проведённой под руководством профессора Николая Рериха². Его основатели осознали острую необходимость учреждения Института для постоянных научных исследований Гималаев, этого наиболее интересного района Азии. С постоянно возрастающей специализацией одному человеку стало не под силу охватить обширную область исследований и решать многочисленные возникающие проблемы. Уже давно назрела необходимость организации экспедиций нового типа, отвечающих требованиям современной науки. Новый тип экспедиций должен представлять собой группу специалистов, работающих каждый по своему научному направлению. Далее этот принцип необходимо расширить до организации передвижных научно-исследовательских станций, иными словами – групп учёных, проводящих значительное время в одном регионе и создающих научные базы в различных его точках. Такой тип экспедиции облегчает накопление точных знаний о стране и предоставляет специалистам уникальную возможность верифицировать свои результаты на месте. С целью реализации указанного подхода к научным исследованиям в Азии музей Рериха основал Институт Гималайских исследований, планирующий начать проведение научных изысканий в странах Средней

Азии, которые по сей день остаются для специалистов неисследованным регионом планеты.

Исследование Центральной Азии является основной задачей Института, при этом можно с уверенностью сказать, что «границами постижений станут географические пределы Азии, внутри которых будет изучаться всё совершенное человеком и явленное природой» – многозначительные слова, произнесённые сэром Уильямом Джонсом³ при основании Азиатского общества Бенгалии в 1784 году. Под термином «Срединная Азия» понимаются Индия и вся пустынная и горная часть Азии, простирающаяся от Иранского плато на западе до границ Китая на востоке, включая Китайский и Русский Туркестан, Монголию и Тибет. Конечно, большая часть этой обширной территории сейчас закрыта для исследователей, однако надеемся, что в «Сердце Азии» наступит более просвещённое время и появятся новые возможности для научной деятельности.

Существующая штаб-квартира Института находится в индийском селении Наггар, расположенном в долине Кулу, в Западных Гималаях, на земле, подаренной для задач Института проф. Николаем Рерихом. Институт финансируется ежегодным взносом из музея Рериха в Нью-Йорке и частными пожертвованиями.

Институт Гималайских исследований имеет следующие отделы: 1) археология, смежные науки и искусства; 2) естественные науки и прикладные исследования; 3) научная библиотека; 4) музей, в котором хранятся коллекции Института.

Далее дадим описание различных направлений деятельности Института, согласно разделению на отделы.

ОТДЕЛ АРХЕОЛОГИИ, СМЕЖНЫХ НАУК И ИСКУССТВ

Зимой 1930 года в США директор Института Ю.Н.Рерих прочитал курс лекций об экспедиции Рериха в Центральную Азию, о Тибете и Монголии. Тогда же были предприняты интенсивные усилия по активизации работы Института. Одновременно с празднованием сорокалетия творческой деятельности проф. Н.К.Рериха на ниве искусства и культуры и при участии Международного Центра искусств музея Рериха, 17 октября 1929 года открылась выставка Тибетских коллекций, привезённых из азиатской экспедиции. Издан каталог выставки, предисловие для которого написал д-р Христиан Бринтон⁴, а вступление – директор Института. Выставка работала в течение двух месяцев, ноября и декабря. Директор в это время прочитал несколько лекций о тибетском искусстве.

Значительное продвижение работы достигнуто после заключения соглашения о взаимной поддержке археологических усилий в регионе Среднего Востока между американским Археологическим институтом (Вашингтон), в лице его президента д-ра Ральфа Магоффина⁵, и Институтом Гималайских исследований. Проф. Н.К.Рерих был избран вице-президентом Археологического института, а д-р Магоффин – почётным консультантом музея Рериха по вопросам науки. Проведены многочисленные встречи в Школе американской археологии, директор которой д-р Эдгар Хьюит является вице-президентом Института Гималайских исследований и почётным консультантом музея Рериха. Надеемся, что научная кооперация недавно основанной Школы тихоокеанских исследований и нашего Института откроет новые возможности для научной работы.

29 марта 1930 года состоялся прощальный приём, на котором выступили профессор Н.К.Рерих, д-р Ральф Магоффин и мисс Фрэнсис Грант⁶. После произнесения речей собравшимся был показан фильм «Серебряная долина», снятый С.Н.Рерихом⁷ во время его посещения долины Кулу в 1929 году.

4 апреля проф. Н.К.Рерих и директор Института прибыли в Европу для встречи с представителями правительств и известными специалистами. К сожалению, переговоры с британскими властями продолжались гораздо дольше, чем было запланировано, что весьма сократило работу отдела в текущем году. На протяжении всего времени переговоров представители Института получали всестороннюю помощь со стороны зарубежных отделений и представительств музея Рериха, действовавших от лица Института. Детальный и полный отчёт о проведённых переговорах находится в настоящее время в распоряжении Совета попечителей музея Рериха.

В Европе проф. Н.К.Рерих и директор получили полную поддержку со стороны правительства Франции и научных учреждений страны; состоялись многочисленные важные встречи. Такое просвещённое отношение французского правительства и научных кругов, без всякого сомнения, в будущем послужит взаимному плодотворному сотрудничеству и реализации намеченных планов.

Находясь в Париже, проф. Н.К.Рерих и директор Ю.Н.Рерих, а также д-р Георгий Шклявер⁸, европейский секретарь музея Рериха и генеральный секретарь Французского общества имени Рериха, удостоились высокой чести быть принятыми Его Превосходительством президентом Франции⁹. Во время этой знаменательной беседы проф. Н.К.Рерих имел возможность изложить Президенту программу научных исследований Института на Востоке. Его Превосходительство любезно высказал заинтересованность научной работой Института и выразил проф. Рериху свою

добрую волю. В беседах на предмет установления взаимодействия с французскими колониальными научными учреждениями принимали также участие министр общественной инфраструктуры и искусств Пьер Марро и министр колоний Франсуа Пьетри. Его Превосходительство министр колоний выразил свою полную поддержку предполагаемой научной деятельности Института и предложил расширить её на Французский Индокитай и прилегающие территории.

Профессор Н.К. Рерих был избран почётным членом югославской Академии Наук и Искусств. Академия выразила готовность сотрудничать с учреждениями музея Рериха. Проф. Рерих стал также почётным президентом Высшей школы востоковедения (Париж), президентом которой является барон М.А. Таубе¹⁰, член совета Института международного права.

11 октября 1930-го проф. Н.К. Рерих в сопровождении д-ра Ю.Н. Рериха и д-ра К.К. Лозины¹¹, медицинского советника Института Гималайских исследований, выехали в Индию и прибыли туда 4 ноября. С целью облегчить пребывание представителей Института в колонии, министр колоний и министр общественной инфраструктуры и искусств заблаговременно оповестили правительство Французской Индии об их приезде. В Пондишери во время этого визита со стороны профессора Жуве-Дюбрейля (Jouveau-Dubreuil), автора многих замечательных работ по истории и археологии южной Индии, и известного археолога Фоше (Rev. Faucheux) была оказана воодушевляющая помощь и поддержка; оба учёных присоединились к деятельности Института Гималайских исследований в качестве членов-корреспондентов. Директор Института и Жуве-Дюбрейль наметили в общих чертах планы археологического изучения доисторических поселений южной Индии. Господин Фоше весьма любезно сопровождал и направлял представителей Института в обследовании некоторых доисторических кладбищ и полей погребальных урн, обнаруженных в окрестностях Пондишери. Богатые поля погребальных урн около Пондишери были тщательно, по-научному, вскрыты и обследованы Фоше и полковником Лафиттом (Lafitte), сотрудником Французской медицинской службы в Пондишери. Было раскопано несколько тысяч урн и глиняных гробниц; для более детального изучения богатая коллекция изделий из железа, керамика и останки человеческих скелетов отосланы в Париж. Право публикаций принадлежит полковнику Лафитту и Фоше, поэтому мы ограничимся здесь лишь кратким описанием проведённых раскопок.

Первое место раскопок находится на дороге к Мадрасу, около Паккамодимпета, в шести милях от Пондишери. Оно представляет собой плато из глинистого песчаника, рассечённое несколькими небольшими каньонами, обязанными своим происхождением частым наводнениям вследствие

обильных осадков. Водостоки обнажили многочисленные урны, что указывает на поле погребальных урн. Находки представляют собой керамику, необработанные каменные кельты, каменные молотки, топоры и кремни со следами сколов. Большая часть каменных орудий найдена на дне водостоков, они были принесены водой с полей погребальных урн, расположенных выше. Место тщательно обследовал Фоше, владелец хорошей коллекции каменных орудий и керамики.

Следующее исследование проведено на большом поле погребальных урн, находящемся в восьми милях от Пондишери по дороге на Гранд Этанг. Поле, хранящее как сами урны, так и глиняные гробницы, тщательно раскопано полковником Лафиттом и Фоше. Находясь в Пондишери, проф. Н.К.Рерих и директор Ю.Н.Рерих посетили это важное место, где была вскрыта нетронутая погребальная урна. Во время раскопок найдены хорошо сохранившиеся образцы глиняной посуды, фрагменты кинжалов, а также в хорошем состоянии лезвие меча, лежавшее рядом с урной. Кроме перечисленных находок, при обследовании глинистого песка, находившегося в урне, были обнаружены фрагменты человеческого черепа, хорошо сохранившиеся коренные зубы и части бедра. Весь ход раскопок тщательно зафиксирован. В настоящее время находки хранятся в Кулу, в музее штаб-квартиры Института.

Помимо описанных раскопок были вскрыты гробницы, в которых обнаружены некоторые фрагменты керамики, а также плоский железный кельт, находившийся около гробницы. В различных местах северного и южного Аркота найдены аналогичные поля погребальных урн и глиняных гробниц. В настоящий момент затруднительно датировать эти обнаруженные в Пондишери находки. Местное население до сравнительно недавнего времени продолжало хоронить умерших в земле, однако характер найденных в Пондишери полей погребальных урн и наличие каменных орудий позволяет отнести возраст этих находок к более ранним эпохам. Изучение коллекции полковника Лаффита, без сомнения, устранит теперешние трудности с датировкой данных находок. Директор выражает благодарность Фоше за любезное разрешение ознакомиться с его коллекцией и богатым фотографическим материалом раскопок.

11 декабря проф. Н.К.Рерих, д-р К.К.Лозина и директор Ю.Н.Рерих прибыли в Наггар, Кулу. Во время отсутствия директора административное управление Институтом любезно осуществляли почётный президент-основатель мадам Елена Рерих¹² и член совета попечителей музея Рериха мисс Эстер Лихтман¹³. К сожалению, серьёзная болезнь не позволила мадам Рерих принять более активное участие в этой работе. Выражаем им обоим нашу искреннюю признательность.

В декабре 1930 года в состав Института был введён полковник А.Е. Мэхон, кавалер английского ордена «За безупречную боевую службу»¹⁴.

ОТДЕЛ ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Руководитель секции биологии и ботаники отдела д-р Вальтер Норман Кёльц (Koelz)¹⁵ из Мичиганского университета прибыл в штаб-квартиру 28 мая 1930 года и сразу же приступил к обследованию альпийской флоры долины Кулу. 10 июля д-р Кёльц через перевал Ротанг выступил на Лахул. В следующем кратком отчёте приведено описание его исследований:

«В середине июля за перевалом Ротанг в Лахуле начался сбор коллекций, который продолжался на протяжении всего лета. Район Лахула был обследован от Джупы до реки Чамба и перевала Ротанг. Исследования проводились не только в долинах рек, но также на склонах гор до границы вечных снегов. К настоящему моменту коллекция насчитывает почти 10000 экземпляров, представляющих свыше 1300 видов. Можно предполагать, что около 90% флоры Лахула представлено в этой коллекции. Области распространения известных видов, без сомнения, выяснятся после проведения анализа собранного материала, и, по всей видимости, будут открыты новые виды.

Образцы составляют основу для исследования этноботаники данного региона. Там, где было возможно, собиралась информация о народном применении растений; причём они удивительно широко применяются в пищу, а также как ароматические вещества, в медицине и для украшений. Особое значение придавалось приобретению не только гербариев лекарственных растений (известных лишь под тибетскими наименованиями), но и образцов для дальнейшего экспериментального исследования. По большей части, информация о лекарственных растениях находится в распоряжении нескольких посвящённых лам. Многое и с большим успехом было сделано, чтобы установить с ними сотрудничество на поприще изучения тибетской медицины. Полученные от них названия местных растений совершенно необходимы. Проведено несколько независимых опросов, сравнивалась информация, поступившая из различных источников.

Помимо растений составлена хорошая коллекция местных птиц, насчитывающая в настоящее время около 300 экземпляров. Как мы ожидаем, их число увеличится в этом году до одной тысячи. Собрание включает в себя множество редких видов и несколько совершенно неизвестных. Созданы также небольшие коллекции млекопитающих, рептилий и на-

секомых. Имеется возможность направить в зарубежные институты, по меньшей мере, три полных набора гербариев. Мы располагаем также несколькими незавершёнными комплектами, которые могут использоваться на подарки или для обмена. Кроме того, имеется в наличии значительное количество экземпляров из зоологической коллекции. Также следует отметить, что семена альпийских растений будут разосланы заинтересованным зарубежным коллекционерам. Семена некоторых видов определённо станут значительным дополнением к культивируемым ныне цветочным растениям.

Изучение использования растений в медицине является одним из важнейших направлений нашей работы. В следующем году предполагается провести сбор коллекций в Спити и Ладаке.

Исследование растительного мира в различных областях – экологии, фитогеографии, этноботаники – откроет исключительные возможности. Таким образом, мы надеемся, что не только продолжатся начатые исследования, но также расширится их спектр».

Ботанические коллекции разосланы по следующим адресам:

1. Университетский гербарий Мичиганского университета получил около 3000 экземпляров, представляющих приблизительно 1500 видов, а также энтомологическую коллекцию.

2. Ботанический сад Нью-Йорка получил около 3000 экземпляров, представляющих приблизительно 1500 видов, а также коллекцию семян.

3. Национальный музей естественной истории в Париже получил около 2000 растений, представляющих приблизительно 1200 видов, а также коллекцию семян.

4. Бюро внедрений иностранных семян и растений Департамента сельского хозяйства в Вашингтоне получило коллекцию семян.

Директор-распорядитель Нью-йоркского ботанического сада доктор Э.Д.Меррил (Merrill)¹⁶ весьма любезно согласился лично наблюдать за идентификацией полученных коллекций растений.

Коллекцию, подаренную гербарии Мичиганского университета, будет идентифицировать профессор Х.Х.Бартлетт (Bartlett).

Полный гербарий местной флоры помещён в штаб-квартиру.

По возвращении из Лахула 1 октября 1930-го д-р Кёльц продолжил свои исследования в долине Кулу на высоте 8000-12000 футов, а 5 ноября он отбыл в длительное путешествие до 31 декабря в Рампур Башахр и верховья реки Сатледж.

Приведём отчёт д-ра Кёльца о биологических исследованиях долины Сатледж в Рампур Башахре:

«В Рампур Башахре собиратель ботанических и биологических коллекций пробыл с 5 ноября по 31 декабря. Целью экспедиции являлось исследование долины Сатледж на предмет сбора биологических коллекций в будущем, а также добыча экземпляров некоторых крупных животных, виды которых достаточно часто встречаются в этой долине. Поскольку Рампур Башахр граничит с одной стороны с областями Кулу и Спити, а с другой – с Тибетом и Гархвалом, имея выход на равнины Пенджаба, предполагалось, что будут обнаружены интересные особенности флоры и фауны. Экспедиция отправилась на Сатледж из города Рампур, который расположен на расстоянии одного дневного перехода от перевалов, ведущих на Тибетское нагорье, поэтапно останавливаясь для сбора коллекций в Сарахане, Таранде, Урни, Панги, Канаме, Пу, Липе, Шасу и Ропаке. Экспедиция возвращалась из Сарахана другим путём, через перевал Даругхат с выходом на Сатледж ниже Рампура. Для сбора коллекций останавливались в Даругхате, Джогри, Даркали и Ногри. В этой местности обнаружены наиболее интересные и разнообразные зоны обитания животных и растений. От полузасушливых предгорий ниже 5000 футов, прежде чем выйти к беслесному плато на границе с Тибетом, можно последовательно встретить леса жёлтой сосны, пихты, дуба остролистного и сосны кедровидной. В это время года большинство растений находится в состоянии покоя, однако цветение некоторых кустарников и деревьев, растущих на высоте около 8000 футов, наступает незадолго до первых снегопадов. Два вида, имеющие розовые цветы, особенно привлекали внимание своей пышностью: вишнёвое дерево высотой 30 футов и благоухающие густые кусты калины, достигающие высоты 20 футов.

Долина известна своей небольшой, растущей на высокогорьях сосной и кедровым орехом, не отличимым по запаху и внешнему виду от американского; срубленный сосновый лес перевозят в корзинах (по 82 фунта) на быках до Рампура (100 миль), откуда отправляют в другие индийские города. Орехи старательно собирают вручную. Стоит упомянуть, что абрикос в долине растёт особенно хорошо, причём с увеличением высоты плоды становятся слаще. Выше Джанги плоды настолько сладки, что в сушёном виде заменяют сахар для местного населения; в данном районе сушёные фрукты являются важной составляющей питания. Съедобны также семена некоторых сладких сортов. Яблоки и груши, произрастающие в высокогорных областях, обладают повышенной сладостью и ароматом.

Животный мир Рампур Башахра богат и разнообразен. В ходе экспедиции особое внимание уделялось птицам. Была составлена коллекция, насчитывающая свыше 300 экземпляров, среди них около 60 видов, которых не было ранее в собрании Института. Многие виды, распространённые к вос-

току, имеют здесь западную границу своего ареала обитания. Таким образом, изучение коллекции, без сомнения, покажет расширение известных ареалов обитания некоторых видов. Среди некоторых видов наблюдалась также изменчивость по мере увеличения высоты обитания. Данное обстоятельство является весьма перспективным для дальнейших исследований.

Одной из основных задач нашей экспедиции являлась добыча нескольких экземпляров напо (*Ovis nahir*), тибетского горного барана, проникающего из Тибета в Индию в этом регионе. Наряду с напо были также добыты экземпляры горного козла с громадными рогами длиной около трёх футов, гималайского и бурого медведей, а также горала. Таким образом, количество крупных животных составило восемь экземпляров. Было добыто также восемь экземпляров более мелких зверей, среди которых лисица, куница, шакал и др.

Для этнографа в долине также имеется обильное поле для исследований. Здесь соприкасаются индийский и тибетский народы, в результате в данном регионе сформировалась своеобразная культура. Языки, фольклор и обычаи носят особый характер не только в этой долине, но отличаются и от соседних долин тибетско-индийского приграничья. На территории от Рампура до Пу, аванпоста тибетского языка, говорят на шести диалектах. Приблизительно их можно расположить следующим образом: 1) нижняя часть долины и Сарахан; 2) от Сарахана до Таранды; 3) от Таранды до Канама; 4) от Канама до Ропака; 5) от Ропака до Пу; 6) диалект «чёрных кузнецов».

Совершенно необходимо продолжить исследования в верхней долине Сатледж. Результаты будут не только в высшей степени богаты и интересны, но также при сопоставлении и сравнении дополняют интенсивные исследования, уже проводимые в соседних областях».

Вышеперечисленные обширные исследования д-ру Вальтеру Кёльцу помогла осуществить необычайная щедрость миссис Иттлесон, председателя Попечительского комитета, мисс Теодоры Палмер, мисс Вирджинии Палмер, миссис Шинази и миссис Франклин Терри. Всем друзьям Института мы выражаем свою искреннюю признательность. Летом 1931 года д-р Кёльц планирует провести интенсивные ботанические и зоологические исследования в Ладаке; от властей уже получено разрешение на проведение такой экспедиции. Её задачей будет изучение флоры и фауны Западного Тибета и его высокогорных плато.

Во время своего пребывания зимой 1929-30 годов в Нью-Йорке директор Института имел встречи с видными учёными и представителями научных организаций США. Цель этих встреч заключалась в создании нью-йоркского отделения и развитии его деятельности. Магистр гуманитарных наук В.А.Перцов¹⁷, член-корреспондент Института Гималайских

исследований, и директор детально обсуждали планы по строительству и оснащению Биохимической лаборатории в Кулу¹⁸. Лаборатория должна стать центром медицинских исследований.

Задачей Института является сбор и изучение стремительно исчезающих медицинских знаний среди местных целителей, проведение экспериментов с лекарственными травами, для чего в долине Кулу имеются большие возможности. Особое внимание будет уделено тибетской фармакопее. Планируется также издание переводов тибетских медицинских трактатов с необходимыми комментариями. В настоящее время это направление работы возглавляет д-р К.К. Лозина, медицинский советник Института. Обширная коллекция лекарственных растений, собранная д-ром Кёльцем в Лахуле, сейчас изучается и обогащается усилиями д-ра Лозины с помощью местных жителей. Вся полученная информация тщательно каталогизирована, и есть надежда на создание полноценного описания местных фармакологических знаний.

Мичиганский университет предложил использовать свою клинику в Энн Арбор для экспериментов и применения результатов медицинских исследований, проведенных в штаб-квартире Института в Кулу. Экстракты, приготовленные из собранных лекарственных растений секретарём Института В.А. Шибяевым¹⁹, были отосланы для экспериментов д-ру Феликсу Лукину²⁰ и д-ру В.А. Перцову, членам-корреспондентам Института Гималайских исследований.

Исключительные возможности для человечества и огромное значение, которое имеет данное направление деятельности Института, ясно видны всем, кто может оценить бескрайнее поле исследований, предоставляемое гималайскими высокогорьями. Институт планирует также предпринять исследования болезни рака, и в этой обширной малоизученной сфере мы имеем основание надеяться на получение новых сильных препаратов. Наиважнейшей задачей в настоящее время является строительство Биохимической лаборатории, и сотрудники Института приложат все свои силы, чтобы довести этот проект до реализации.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

Задачей первой необходимости являлось оснащение Института обширной библиотекой, её созданию с самого начала уделялось особое внимание. В библиотеке собираются книги, брошюры и манускрипты по различным областям искусства, науки, а в будущем будут выходить ежемесячные каталоги индийских и западных научных публикаций. Попол-

нять библиотеку предполагается за счёт книжных грантов, книгообмена с ведущими мировыми научными учреждениями и издательствами.

За 1929-30 годы библиотеке Института передали в дар книги: Институт Карнеги из Вашингтона; проф. Николай Рерих; д-р Феликс Лукин; директор Института Павлова при санатории в Батл-Крик (штат Мичиган) д-р В.Н. Болдырев; Фонд Рокфеллера (через д-ра Гомера Свифта); майор К.Ж.Кове; проф. Х.Х.Бартлет из Мичиганского университета и д-р Юрий Рерих.

За истекший период Институт осуществлял обмен публикациями со следующими учреждениями:

– в США: институт Карнеги, Вашингтон; Смитсоновский институт, Вашингтон; Гарвардский университет; Йельский университет; Айова университет; Мичиганский университет; Питтсбургский университет; университет Индианы; университет Миннесоты; университет Орегона; Музей естественной истории им. М.Филда, Чикаго; Чикагский Восточный институт; Метрополитен музей; Американское географическое общество; Ассоциация природы, Вашингтон;

– в Европе: Музей естественной истории, Париж; Школа восточных языков, Лондон.

Деятельность Института находит отражение в ежегодном журнале, в котором каждому отделу отведена своя специальная глава²¹. Время от времени наряду с журналом Институт будет издавать значительные труды своих почётных консультантов и членов и объёмные статьи в виде отдельных монографий. Тибетские исследования Института объединяются в серию «Тибетика», посвящённую изучению тибетской истории и связанных с ней проблем. В настоящее время готовится к выходу первый том этой серии. В силу особого интереса, вызываемого археологическими исследованиями, и значимости научных методов при проведении раскопок, решено публиковать в журнале статьи видных учёных об археологических методах, а также ежегодные обзоры археологических раскопок, отражающие различные аспекты археологии в странах Востока. В первом номере журнала содержатся статьи д-ра Ральфа Магоффина, президента Американского Археологического института, и графа дю Мениля дю Бюиссона о методах, использовавшихся при археологических раскопках в Сирии.

Во время пребывания в Нью-Йорке директор Института создал Тибетскую библиотеку и поместил в неё полное собрание «Данчжура» и «Ганчжура» издания Нартанг, привезённое из экспедиции проф. Н.К. Рериха в Центральную Азию. Это первая Тибетская библиотека за пределами Тибета, и в настоящее время она открыта для обозрения в Восточном зале в музее Николая Рериха. Выставляемая тибетская коллекция образует отдел библиотеки Института.

По результатам деятельности Института были подготовлены следующие публикации:

M.M. Lichtmann. Nicholas Roerich and Science. (Статья в вашингтонском журнале «Art and Archaeology», Washington; май 1930);

Georges de Roerich. Les Seize Arhats, Protecteurs de la Loi. (Статья в парижском журнале «Revue des Arts Asiatiques», май 1930)²²;

Georges de Roerich. Trails to Inmost Asia. (Подробное описание экспедиции Рериха в Центральную Азию), опубликована издательством Йельского университета в США. Французский перевод данной работы осуществляется в настоящее время президентом Французского общества Рериха и членом Этнографического общества Парижа госпожой де Во Фаллиппо и будет опубликован в течение 1931 года²³;

Юрий Рерих. Звериный стиль у кочевников Северного Тибета. Прага: Seminarium Kondakovianum, 1931²⁴;

Georges de Roerich. Modern Tibetan Phonology. Journal of the Asiatic Society of Bengal, Calcutta (в печати);

Georges de Roerich. Tibetan Tonames. Sir George Grierson Commemorative Volume, Indian Linguistic Society, Lahore (в печати).

Готовится к печати:

Georges de Roerich. Comparative Grammar of Colloquial Tibetan. Этот труд будет опубликован в качестве первого тома серии «Тибетика», посвящённой вопросам тибетской истории и сопутствующим проблемам.

МУЗЕЙ

В настоящее время музей в Наггаре хорошо оснащён необходимым оборудованием, используемым для хранения обширной орнитологической коллекции, собранной д-ром Кёльцем во время его путешествий по Лахулу, долинам Кулу и Сатледж, а также для гербариев и собрания лекарственных растений. О соответствующих стеклянных витринах и гербариях позаботился секретарь Института В.А. Шибаев. Начата работа с геологическими и археологическими коллекциями. Все перечисленные коллекции непрерывно пополняются. Считаю необходимым выразить свою признательность миссис Нетти Хорш²⁵, мисс Эстер Лихтман и В.А. Шибаеву за их подарок (кинопроектор и экран), а также В.А. Шибаеву за стеклянные витрины.

Нью-йоркская коллекция музея Института обогатилась собранием тибетских танок и скульптур, привезённых из экспедиции проф. Рериха по Центральной Азии, а также энтомологической и минералогической коллекциями.

Для офиса Института в Нью-Йорке В.А.Шибаетов подготовил и представил набор из 36 слайдов, рассказывающих о долине Кулу и деятельности Института. Также в нью-йоркских помещениях Института будет развернута представительная выставка гималайской флоры и фауны. Надеемся, что этот проект сможет осуществиться в текущем году.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В НЬЮ-ЙОРКЕ

Деятельностью Института в Нью-Йорке с момента отъезда директора руководили м-р Луис Хорш²⁶, президент музея Николая Рериха, а также З.Г.Лихтман²⁷, вице-президент Мастер Института объединённых искусств при музее Рериха. Офис находился под опекой мисс Катрин Линден²⁸.

Кроме того, Луис Хорш весьма любезно согласился курировать финансовую кампанию в поддержку Института.

Институт Гималайских исследований пригласил профессора Надежду Завадскую²⁹ из лаборатории Пастера Института Кюри (Париж) прочитать лекцию на тему «Биологические основы новой концепции жизни»¹⁸. Лекция состоялась 15 октября 1930 года.

15 декабря президент Общества Рериха Нетти Хорш выступила с лекцией «Долина Богов». Лекция сопровождалась показом фильма и слайдов. Миссис Хорш недавно вернулась из долины Кулу, где находилась длительное время. В настоящий момент проводится интенсивная работа по подготовке Института к реализации планов в наступающем 1931 году.

*Journal of Urusvati Himalayan Research Institute.
New York. 1931. Vol. 1*

1931

1931 год стал периодом неуклонного развития Института. Научно-исследовательские программы отделов проводились по плану, были собраны значительные коллекции, получены ценные научные результаты, что вселяет надежду на успешное продолжение дальнейшей деятельности учреждения. Институт упрочил связи с многочисленными научными организациями, которые активно взаимодействуют с Институтом в различных областях исследований.

С радостью отмечаем, что к работе Института присоединилось несколько крупных учёных. В состав почётных научных советников музея Рериха вошли директор Нью-йоркского Ботанического сада д-р Э.Д. Меррил, сэр К.В. Раман³⁰, проф. С.И. Метальников³¹ из Института Пастера (Париж) и профессор, барон Михаил Таубе, член совета Института международного права. Членами-корреспондентами Института стали граф дю Мениль дю Бюиссон, руководитель археологических раскопок в Катне (Сирия), и лектор Эколь де Лувр, а также профессор Джузеппе Туччи³², академик Королевской Академии Италии.

Мы считаем приятной обязанностью выразить здесь искреннюю благодарность от имени сотрудников Института нашим основателям, мадам Елене Рерих и проф. Рериху, и членам Совета попечителей музея Рериха за их непрерывную помощь и содействие в осуществлении планов Института.

ОТДЕЛ АРХЕОЛОГИИ, СМЕЖНЫХ НАУК И ИСКУССТВ

В прошедшем году Отдел осуществлял деятельность по следующим направлениям:

- 1) лингвистические, этнографические и археологические исследования Лахула (северо-западные Гималаи), средства на которые были выделены профессором Рерихом;
- 2) работа над Большим тибетско-английским словарем, который собирается издать Институт;
- 3) подготовка первых томов серии «Тибетика».

В июне 1931 года в число сотрудников Института вошёл лама Лобзанг Мингюр Дордже³³, известный тибетский учёный, автор нескольких публикаций по тибетской грамматике.

1. Экспедиция Института покинула штаб-квартиру, расположенную в Наггаре, 10 июля 1931 года и после быстрого перехода через перевал Ротанг разбила базовый лагерь в Кейланге (Лахул), откуда и совершались многочисленные выходы в интересовавшие исследователей районы.

Лингвистические исследования. Работа в этой области ограничивалась тибетским диалектом Лахула и не касалась других гималайских диалектов, распространённых в горных долинах рек Бхага, Чандра и Чандрабхага. Собранный материал представляет собой грамматику лахульского диалекта, словарь, тексты песен и описание обрядов и церемоний. Было установлено, что лахульский диалект имеет два субдиалекта: диалект Ко-

лонга, находящегося в верховьях долины реки Бхага, и диалект Коксара, который расположен в верховьях долины Чандра. Субдиалекты имеют различные системы тоном, что ранее не было зафиксировано.

Этнографическая коллекция. Было сделано всё возможное, чтобы собрать полную коллекцию характерных предметов, дающих представление о повседневной жизни лахульских горцев. Результатом летней экспедиции стало интересное собрание тибетских деревянных резных изделий, орнаменты которых странным образом напоминают резьбу северной Европы.

Археологические исследования. Началась работа по археологическим исследованиям данного региона. Уже давно известно о существовании многочисленных захоронений на территории Лахула, обозначаемых в народе местным наименованием чивэй (в разговорной речи чивэро-кханг). Покойный д-р А.Г.Франке в своей работе «История Западного Тибета» (Лондон, 1907), а также «Окружной географический справочник Кангры (Кулу, Лахул, Спити)», выпущенный в Лахоре в 1917 году, упоминают о существовании древних захоронений, оставленных, по их мнению, некими завоевателями, пришедшими с севера. Никаких попыток обследовать, раскопать эти захоронения или классифицировать их относительно друг друга не предпринималось. Учитывая важность древних захоронений для изучения ранней истории Тибета, директор Ю.Н.Рерих предпринял краткое обследование этих могильников. Данная рекогносцировка, проведённая в долинах рек Бхага и Чандра, убедила его в существовании, по меньшей мере, трёх типов захоронений. По-прежнему не представляется возможным их точно датировать, ибо для этого необходимо провести непосредственные раскопки, а не просто обозрение могил, вскрытых местными жителями. Исследованные захоронения можно отнести к трём различным типам:

а) Могилы, представляющие собой ямы глубиной 2-3 фута, заваленные массивными каменными плитами. Средняя длина такой могильной плиты составляет приблизительно 5 футов при ширине около 3 футов. Ориентация захоронений весьма неопределённая, большинство из обнаруженных могил имеют расположение с севера на юг. На поверхности этих камней нет ничего, что говорило бы об их происхождении. Как правило, могилы находили при полевых работах, при закладке фундаментов домов и строительстве дорог. Могилы этого типа обнаружены в окрестностях деревни Кейланг. Их содержимое чрезвычайно бедно. Большинство железных орудий, находившихся в этих могилах, разрушилось до неузнаваемости. Человеческие останки превратились в пыль, обычно можно было найти только несколько несущественных фрагментов. Второе подобное захоронение обнаружено у слияния рек Чандра и Бхага. Здесь могилы увенчаны небольшими

курганами со средней высотой 1-2 фута, длиной 7 футов при ширине 4 фута. Народное предание гласит, что эти могилы были оставлены завоевателями из Гуге³⁴;

б) Второй тип – редко встречающиеся и, вероятно, наиболее древние захоронения из обнаруженных в Лахуле к настоящему времени. Насколько мне известно, была найдена лишь одна могила этого типа, недалеко от дороги, ведущей от Кейланга к деревне Гумранг (на расстоянии около двух миль от Кейланга). Захоронение представляет собой круглую яму, выложенную большими плоскими камнями. Форма могилы имеет поразительное сходство с погребальной урной. Могилу раскопали местные жители и, по их словам, не нашли в ней ничего, кроме полусгнивших фрагментов человеческих костей и нескольких кусочков керамики. Крайняя степень разложения человеческих останков и почти полное отсутствие утвари могут указывать на то, что перед нами могилы, в которых человеческое тело было разделено на части, а плоть отделена от костей – обычный тип древних тибетских захоронений добуддийского периода. Этот тип захоронений следует поставить в один ряд с ладакскими могилами, обнаруженными моравскими миссионерами в Тэу-сер-по (Teu-ser-po) в окрестностях Леха. Дальнейшие исследования, без сомнения, приведут к открытию других могил подобного типа и помогут разрешить загадку этих погребений. Костные останки лехских могил относятся к долихоцефальной расе (длинноголовых), близкой кочевым племенам Тибета;

в) Третий тип захоронений представлен группой больших курганов, оставленных, по преданию, отрядом монголо-тибетских войск, совершивших набеги в долины рек Бхага и Чандра во время похода на Ладак в царствование короля Делегс-Намчжала (bDe-legs nam-rgyal) (около 1640-1680). Народное предание (насколько мне известно, письменных памятников о походе на Лахул не существует) повествует, что отряд монголо-тибетских войск вторгся в Лахул через перевал Баралача и оставался в этом крае в течение нескольких лет, или, как говорит устная традиция, «столько времени, сколько необходимо, чтобы абрикос, посаженный завоевателем, превратился в молодое дерево». Согласно той же устной традиции, у слияния рек Бхага и Чандра монголо-тибетские войска построили укрепленный лагерь на высоком речном уступе, напротив древнего буддийского монастыря Гхандхола. Это место по-прежнему называется Карга (mKhar-ga), и характеризуется оно останками древнего форта. Остаётся неясным, относится ли этот форт к указанному периоду (XVII век) или он был построен лахульцами. Ещё одно место, связанное с монголами, находится в двух милях от Коксара, недалеко от перевала Ротанг. По преданию, монголы были вынуждены оставить своё укрепление в Коксаре из-за какой-то болезни, от которой умерло около

1000 человек. Говорят, что в каждом из больших курганов, обнаруженных в окрестностях Коксара, находится от 5 до 10 тел умерших воинов. Также говорят, что местные жители во время монголо-тибетского похода были вынуждены оставить свои деревни и искать себе убежища в пещерах и урочищах высоко в горах. Современные жители Лахула знают в верховьях долины реки Бхага несколько таких мест, сохранивших следы длительного пребывания людей.

В долине Бхаги был собран интересный материал по истории буддийских монастырей, состоящий, по большей части, из исторических хроник и биографий, т.е. намтаров (nam-thar) их основателей. Этот материал проливает новый свет на приход буддизма в Лахул и в сопредельные области Западного Тибета. В настоящее время библиотека Института Гималайских исследований располагает хорошей коллекцией тибетских ксилографий, иллюстрирующих жития первых учителей секты Дугпа Кагью ('Brug-pa bKa'-rgyud).

2. Хороший тибетско-английский словарь, включающий результаты последних исследований в области тибетской лингвистики и филологии, давно является насущной необходимостью. Такой словарь в настоящее время составляется сотрудниками Института. Лама Лобзанг Мингюр Дордже и директор Ю.Н.Рерих отвечают за решение этой задачи. Новый словарь, помимо материалов, опубликованных в ныне существующих тибетско-английских словарях, будет включать в себя большой объём слов из санскритско-тибетских и тибетско-санскритских словарей, изданных в Тибете, монгольско-тибетских словарей, изданных в Монголии и в Забайкалье, а также некоторых важных многоязычных словарей, изданных в Китае. Кроме того, составители включают в словарь обширный новый материал, собранный ими в ходе исследований. Словарь будет содержать санскритские эквиваленты философских понятий, заимствованные слова с указанием, по возможности, источника их происхождения и обширный материал из разговорной речи и различных живых диалектов Тибета. Работа над словарём началась в июне 1931 года и, будем надеяться, закончится к началу 1934 года.

3. В первом томе серии «Тибетика», посвящённой изучению тибетской истории и смежных проблем, выйдет работа директора Ю.Н.Рериха о тибетском диалекте Лахула. Его труд будет сопровождён собранием фонетически транскрибированных лахульских текстов и лахульско-английским словарём. Этот том должен быть издан в течение 1932 года.

Готовятся к изданию два следующих тома:

а) Кэнпо Чим Тамчэ-кьенпа (mKhan-po mchims thams-cad mkhyen-pa). Жизнь Атиши.

б) Падма Карпо (Padma dkar-po). История буддизма (chos-'byung). Этот важный текст будет издан на тибетском языке с переводом и обширными комментариями.

Мы выражаем нашу искреннюю благодарность профессору Рериху, основавшему эту серию и выделившему личные денежные средства на начальном этапе её издания.

Отделом археологии были подготовлены и выпущены следующие публикации: *Мэхон А.Е.* Последние археологические находки в Индии. (Статья напечатана в настоящем выпуске журнала); *Рерих Ю.* По тропам Срединной Азии. 1931 (готовятся французское и немецкое издания этой работы)²³; *Рерих Ю.* Заметки по этнографии Тибета; *Рерих Ю.* Изучение Калачакры³⁵.

Институт принимал участие в работе нескольких значительных научных конгрессов, проводившихся в этом году. Мадам де Во Фалипо представляла Институт на XV Международном конгрессе антропологов в Париже в сентябре и прочитала два научных доклада, подготовленных директором Ю.Н.Рерихом: «Проблемы этнографии Тибета: племена голоков» и «Этническое происхождение и состав кочевых племён Центральной Азии». На этом же конгрессе известный учёный д-р Башмаков прочитал лекцию о недавнем открытии мегалитических монументов в Тибете во время экспедиции Н.К.Рериха в Центральную Азию. На XVIII Международном конгрессе ориенталистов д-р Радер, профессор Лейденского университета, прочитал лекцию под названием: «Деятельность Гималайского исследовательского института музея Рериха».

ОТДЕЛ ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Работа секции биологии и ботаники этого отдела за прошедший год описана в следующем отчёте д-ра Вальтера Кёльца:

«Биологические исследования в течение 1931 года осуществлялись в основном при проведении трёх экспедиций: первая исследовала долину Кангра с последующим выходом на Великие индийские равнины; вторая проводилась в Западном Тибете; третья – во владениях раджи Рампур Башахра. Кроме того, также было обследовано несколько долин, примыкающих к долине реки Беас.

Первая экспедиция проходила с 18 января по 15 марта. У селения Негрога в долине Кангра, на болотистых равнинах Гурдаспура в окрестностях

Лахора и в Сирсе на границе с Раджпутаной были собраны обширные коллекции птиц и растений, а также добыто несколько млекопитающих. Растения равнин не имеют ничего общего с горной флорой, среди них встречается много лекарственных, применяемых знаменитыми целителями Индии; их изучение не менее интересно, чем исследование альпийских растений тибетской фармакопеи. Этот регион не богат крупными животными, однако удалось добыть великолепные экземпляры красного индийского оленя и чёрного козла. Настоящая удача! В зимний сезон пернатые представляют здесь особенный интерес. Перелётные птицы из Персии, Афганистана, Сибири, Тибета и всех высокогорных регионов смешиваются с оседлыми обитателями. Виды, которые обычно можно наблюдать поодиночке или отдельными парами в гнёздах, здесь собираются в стаи. Так, огромные голубые журавли из восточной Сибири могут буквально заполнить собой площадь в пять акров; великолепные песчаные рябки из Персии тысячами посещают свои водные убежища; ястребы, одно из наиболее редких семейств в коллекциях, исключительно разнообразны (из 1000 полученных в коллекцию экземпляров 10% – из этой группы); утки, гуси и кулики многих видов и другие бесчисленные семейства обитают здесь до тех пор, пока весна не призовет их к своим гнёздам в Сибирь и Тибет. Среди равнинных птиц наиболее интересную часть коллекции составили ибисы, колпицы, цапли, выпи, ансты, журавли, попугаи, бородачки, дрофы и куропатки.

Экспедиция в Западный Тибет отбыла из штаб-квартиры 7 июня и возвратилась 8 октября, преодолев одну тысячу миль, в основном в провинциях Рупшу, Ладак и Занскар. Она собрала более 1000 видов растений, что в целом составило 10000 экземпляров, свыше 1000 птичьих чучел (оперений) и 25 голов крупных животных. Коллекция представляет всех крупных млекопитающих этого региона: тибетского горного барана (*Ovis ammon*), горного козла шапу (*Shapu*), голубого барана (*Nabo*), горного козла (*Ibex*), тибетскую антилопу (*Tibetan gazelle*), тибетского кулана (*Kyang*) и т.д.

Как отмечают все исследователи Тибета, величина растительного покрова здесь феноменальна. Он поднимается до 20000 футов и выше. Необычность состоит в том, что представители флоры на линии снегов, такие как, например, стелющаяся камнеломка (*Saxifraga flagellaris*), распространённая по всему северу, вплоть до областей, примыкающих к Северному полюсу, за пределами Большого Гималайского хребта практически не встречаются на равнинах. В отличие от большинства высокогорных растений, эта растительность зачастую не является низкорослой и худосочной. Назовём лишь несколько самых замечательных родов растений, представители которых на высотах от 15 до 18 тысяч футов ярки, крепки и зачастую очень ароматны: лапчатка (*Potentilla*), лютиковые (*Ranunculus*), мытник (*Pedicularis*), первоцвет (*Primula*), роза (*Rosa*),

ломонос (*Clematis*), астра (*Aster*), горечавка (*Gentiana*). Коллекция птиц представляет значительный научный интерес, достаточно упомянуть лишь об открытии нового для Индии вида – гигантского жаворонка (*Melanocorypha maxima*), добытого в Ханле вместе с кладкой. Отчёт о маршруте экспедиции публикуется в этом номере журнала под названием “Дневник экспедиции 1931 года в Западный Тибет”, а детальный отчёт с научными результатами будет опубликован после обработки собранных коллекций.

С 4 ноября по 7 декабря работа велась в долине реки Сатледж в Рампур Башахре. Была собрана коллекция из 165 видов растений в количестве 2000 экземпляров, 5 шкур больших животных и свыше 600 птичьих оперений. Среди птиц следует отметить семейства рябковых и фазановых, обитающих в этом регионе, а также многочисленных представителей других семейств, распространённых в основном к востоку и имеющих крайней границей своего обитания долину Сатледж. Найдено множество цветущих растений, среди них любопытные сорта бамбука и различных трав, а также очень красивые благоухающие цветущие кустарники. Также обнаружено несколько интересных видов овощей, среди которых отметим разновидность тыквы, достигающей 40 фунтов веса, ареал которой ограничен небольшой холодной долиной. Семена этих растений собраны для рассылки».

По просьбам различных учреждений в этом году за границу разосланы следующие материалы:

- в Музей Рериха – орнитологическая коллекция и 7 шкур больших животных;
- в Ботанический сад Нью-Йорка – коллекция, состоящая из 700 видов растений (всего 3000 экземпляров), и 35 пакетов с семенами;
- в Департамент сельского хозяйства США – 45 пакетов с семенами;
- в музей сравнительной зоологии Гарвардского университета – орнитологическая коллекция;
- в отдел естественной истории Британского музея – одно птичье оперение;
- в Парижский ботанический сад – 35 пакетов с семенами.

На протяжении этого года нью-йоркский Ботанический сад продолжал сотрудничать с Институтом Гималайских исследований в изучении и классификации ботанических коллекций последнего. Эксперименты с семенами, посланными в Нью-Йорк, дали очень хорошие результаты, и директор Ботанического сада д-р Э.Д. Меррил написал в своём письме от 9 июня 1931 года следующее:

«Наш главный садовник сообщает, что он получает превосходные результаты с семенами, присланными Вами; подавляющее большинство

дало ростки, и мы специально высадим этим летом молодые растения в открытый грунт, для того чтобы проверить, как вечнозелёные виды перенесут условия нашей зимы. Излишне говорить, что мы были бы очень рады и в дальнейшем получать семена растений со средних и больших высот Гималаев и Тибета. Я совершенно убеждён, что многие из этих видов благополучно приживутся в наших климатических условиях».

10 марта 1931 года ботаническая коллекция, посланная Институтом Гималайских исследований «Урусвати», была вручена Парижскому ботаническому саду. Делегация Французской ассоциации друзей Музея Рериха во главе с маркизом д'Андинье, членом и прежним президентом муниципального совета Парижа, представила коллекцию Луи Манжену, члену Французской Академии наук, директору Национального музея естественной истории. Другими участниками этого события стали мадам де Во Фалипо, президент Европейского центра музея Рериха в Нью-Йорке, и д-р Георгий Шклявер, генеральный секретарь Европейского центра музея Рериха, отметивший важность работ, проводимых в Институте Гималайских исследований. Господин Луи Манжен выразил благодарность от имени французских учёных «за бесценный вклад, который представляет собой коллекция, подаренная Институтом Гималайских исследований».

БИОХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ

Одной из задач Института является проведение исследований в сфере местной фармакопеи. Мы совершенно убеждены, что древние медицинские достижения Тибета, Китая и Индии, олицетворяющие не нарушаемые веками традиции, сохранили много поучительного для нас и по некоторым направлениям откроют новые данные, которые позволят по-новому взглянуть на проблемы фармакологии. Эта область практически ещё не затрагивалась учёными, и важность исследований такого рода признаётся ведущими специалистами. Однако и трудности этого пути многообразны. Необходимо завоевать доверие местных лекарей, терпеливо прорабатывать тысячи страниц рукописных текстов, зачастую сталкиваясь с исключительно трудной специальной лексикой, проникнуть в психологию местного населения и, в довершение ко всему, сохранять к нему непредвзятое отношение. Ибо для получения точных данных необходимо также исследовать богатый фольклорный материал, в котором познания народа зачастую соседствуют с фантастическими легендами примитивных религиозных верований, проникшими в медицинские трактаты местных целителей. Во многих случаях на это медицинское знание наложено своего рода табу,

учитель посвящает в него ученика только на пороге своей смерти. Часто медицинской подготовке предшествует строгое исполнение тайных религиозных обрядов, которые, в свою очередь, сами требуют исследований.

В существующих медицинских учебных заведениях студенты должны пройти через особую систему обучения, внешняя сложность которой скрывает её подлинный смысл. Сами учебники можно понять лишь с помощью опытных наставников из местного населения, хорошо знакомых со всеми тонкостями этого предмета. Каждый такой учебник принадлежит к особой системе медицинского знания, и последователю необходимо знать фундаментальные принципы этой системы ещё до того, как он начнёт работать с текстом. Эти принципы часто преподаются устно или в форме сутр, представляющих краткие утверждения чрезвычайно лаконичного стиля, непонятные без комментариев.

Для успешного выполнения поставленной задачи и составления исчерпывающего обзора по данной теме Институт Гималайских исследований разработал научную программу, осуществляемую ныне в штаб-квартире Института в Наггаре. Работа предполагает два направления: сбор материала и изучение этого материала в лабораториях Института.

В настоящее время Институт уже обладает: гербарием из лекарственных растений местного применения; коллекцией местных медицинских препаратов с пояснениями местных лекарей; собранием местных трудов по медицине и фармакопее. Для участия в исследовательской работе и помощи в классификации и интерпретации собранного материала были приглашены местные лекари. Вряд ли можно найти хорошего лекаря за пределами его собственной страны и практически невозможно убедить такого человека совершить путешествие за границу. Следовательно, необходимо создать научный центр в самом регионе и оборудовать его современными средствами для научных исследований. Гималаи и высокогорные плато Тибета веками притягивали лекарей из Китая и Индии. Весьма значительная часть китайских медицинских препаратов готовится из растений тибетских высокогорий. То же самое относится и к индийской фармакопее.

Институт Гималайских исследований удачно расположен для сбора сведений и изучения этих древних традиций. Наступление современной цивилизации вынуждает носителей древних знаний уходить всё глубже в горы, в результате чего местные традиции быстро исчезают. То, что можно сделать сегодня, будет невозможно через несколько лет. И это необходимо постоянно иметь в виду. В ближайшем будущем Институт начнёт публикацию серии монографий, описывающих результаты проведённой исследовательской работы, и переводов тибетских медицинских трактатов с комментариями. Детальное изучение собранного материала в свете со-

временной науки планируется осуществлять в следующих лабораториях Института, которые, надеемся, будут готовы к весне 1932 года:

- а) общая биохимическая лаборатория;
- б) лаборатории органическая и фармакологическая;
- в) физическая лаборатория.

Особый отдел будет заниматься исследованиями рака, так как мы уже обладаем интересными данными, обосновывающими проведение исследований именно в этой части планеты, где раковые заболевания встречаются весьма редко. Изучение местной диеты может привести к важным открытиям.

Вышеназванные лаборатории создадут нашим сотрудникам возможности для проверки древних медицинских достижений современными научными методами и, вероятно, помогут найти новые ответы на требующие неотложного решения вопросы, которые ставит Наука жизни.

Во время путешествия 1931 года в Лахул директор Ю.Н. Рерих и лама Лобзанг Мингюр Дордже собрали значительное число ценных тибетских текстов по народной медицине и фармакопее, включая «Чжуд-ши» (rGyud-bsi), «Вайдурья Обо» (Vaidurya snon-po), биографии известных тибетских врачей, комментарии к Чжуд-ши, а также несколько интересных терма (gterma), или «тайных» книг по медицине. В настоящее время все эти труды хранятся в исследовательской библиотеке Института.

Коллекция лекарственных средств и препаратов (числом 195) была также приготовлена с помощью местных тибетских докторов-лам.

Д-р К.К. Лозина, медицинский советник Института, возглавлявший данное направление, был вынужден прервать работу из-за семейных обстоятельств. Он покинул штаб-квартиру в марте 1931 года.

За истекший период времени этот отдел Института был представлен на Международном конгрессе по фармакологии, проводившемся в Париже летом 1931 года. Д-р Н.А. Добровольская-Завадская²⁹ ознакомила участников Международного радиологического конгресса в Париже с результатами деятельности Института Гималайских исследований.

Институт с удовлетворением отмечает, что в прошедшем году биохимический отдел получил благотворительную помощь. Один из друзей Института пожертвовал \$9200 на сооружение в штаб-квартире Биохимической лаборатории, а другая сумма, в размере \$2500, была внесена миссис Флорентиной Сутро в фонд Института на исследования по проблеме раковых заболеваний.

Строительство биохимической лаборатории идёт быстрыми темпами, закончить его мы надеемся до периода муссонов. За ходом строительства наблюдает В.А. Шибаяев, секретарь Института. Непредвиденная задержка в два месяца была вызвана трудностями с приобретением достаточного количества лесоматериалов. Теперь они имеются, и строительство может

продолжаться без задержек. Разработаны планы по сооружению гидроэлектростанции на участке, купленном с разрешения правительства. Проф. Н.К. Рерих весьма любезно передал этот участок в пользование Института. В связи со строительством Биохимической лаборатории мадам Е.И. Рерих также пожертвовала свой участок земли.

В прошедшем году полковник А.Е. Мэхон в качестве официального представителя Института провёл различные встречи с правительственными чиновниками, и мы, пользуясь случаем, выражаем ему искреннюю благодарность.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

В прошедшем году за счёт грантов и книгообмена библиотека Института существенно расширилась. Мы рады случаю выразить свою признательность за полученные книжные гранты: институту Карнеги, Вашингтон; парижскому Этнографическому обществу; проф. Н.К. Рериху; д-ру Рабиндранату Тагору; майору К. Дж. Кове; полковнику А.Е. Мэхону; проф. Перро; д-ру Бернарду Риду из пекинского Медицинского колледжа; д-ру Добровольской-Завадской; г-ну Т.Е. Маккулегу и Юрию Рериху.

В июле 1931 года в нью-йоркском издательстве музея Рериха вышел первый выпуск журнала «Урусвати», подготовленный директором. В него вошли статьи президента американского Археологического института д-ра Ральфа Магоффина; графа дю Мениль дю Бюиссона, руководителя раскопок в Катне в Сирии; В.А. Перцова из Гарвардского университета; д-ра К.К. Лозины; д-ра Меррилла, генерального директора нью-йоркского Ботанического сада; В.А. Шibaева и директора института «Урусвати» Ю.Н. Рериха. Этот первый выпуск посвящён видному индологу проф. Чарльзу Ланману³⁶.

В прошедшем году Институт обменивался публикациями с отделами ботаники, зоологии, биохимии, медицины, фармакологии и археологии целого ряда университетов США, научных учреждений и музеев.

В обмене публикациями принимают участие также научные учреждения во Франции и в Индии.

МУЗЕЙ

За прошедший период естественнонаучные коллекции Института значительно пополнились. К дому была пристроена вторая комната для зоологических коллекций. Начато создание этнографической коллекции, и

мы с благодарностью приняли в подарок от профессора Рериха несколько предметов. Основная часть коллекции музея была отправлена в нью-йоркские помещения Института Гималайских исследований. В настоящее время создаются две галереи: одна – для размещения коллекции тибетского искусства (собранной в ходе экспедиции Н.К.Рериха в Центральную Азию) и вторая – для ботанической и зоологической коллекций, собранных биологом Института д-ром Вальтером Кёльцем.

В прошедшем году филиал Института в Нью-Йорке получил в дар несколько значительных пожертвований, и мы искренне выражаем свою благодарность:

- Святославу Рериху за коллекцию бабочек из Сиккима (808 экземпляров) и за минералогическую коллекцию;
- Джону Влисмасу за минералогическую коллекцию;
- музею Патерсона (Нью-Джерси) за минералогическую коллекцию;
- мисс Эстер Лихтман за тибетскую танцевальную маску.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В НЬЮ-ЙОРКЕ

Деятельностью в Нью-Йорке в истекший период руководили президент музея Рериха м-р Луис Хорш и миссис З.Г.Лихтман. Офис находился под началом мисс Катрин Линден. 10 ноября, после длительного пребывания в штаб-квартире Института, мисс Эстер Лихтман прибыла в Нью-Йорк и возглавила там деятельность филиала Института. Во время своего пребывания в Индии мисс Лихтман принимала активное участие в работе Института в Наггаре (Кулу) и Лахуле, и её возвращение в Нью-Йорк, без всякого сомнения, поможет осуществлению будущих планов научных исследований. Пользуемся случаем выразить здесь искреннюю благодарность миссис З.Г.Лихтман за её преданную заботу в течение этого времени.

При содействии Института Гималайских исследований за прошедший период в Нью-Йорке был организован ряд лекций. 23 апреля д-р Меррил прочитал лекцию «Двадцать два года на Филиппинах» об исторических и этнографических аспектах, а также о растительности этих островов. Лекция д-ра Клайда Фишера, хранителя американского Музея естественной истории, прочитанная им 23 ноября, называлась «С Джоном Берроусом в его излюбленных местах» и проходила при совместном участии Института Гималайских исследований и Мастер Института музея Рериха. Президент Общества Рериха миссис Нетти Хорш, чья лекция, посвящённая долине Кулу и работе Института Гималайских исследований, прозвучала на последнем заседании, в этом году выступила

24 марта в Женском клубе на Манхэттене, в микрорайоне Вашингтон-Хайтс, и 18 мая – в Книжном клубе при церкви на Риверсайд в Нью-Йорке.

В целях продвижения и ускорения обширных программ Института Гималайских исследований, осенью 1931 года были созданы следующие фонды:

1. Фонд для биохимической лаборатории и исследований рака;
2. Фонд Института Гималайских исследований «Урусвати».

В рамках этой кампании профессор Рерих любезно подарил свою картину «Св. Пантелеймон-целитель», а также передал тиражи почтовых открыток с репродукциями этой картины и другой – «Агни-йога», и тираж своей новой книги «Держава Света». Выручка от продажи вышеназванных вещей поступит в распоряжение фондов.

Специальную брошюру для Комитета по сбору средств в фонд Биохимической лаборатории написал его председатель мистер Фелпс-Стокс.

Быстрый рост Института порождает необходимость дальнейших усилий по осуществлению всех его разнообразных программ. После двух успешных лет полевых работ Институт уверенно вступает в третий год своей исследовательской деятельности.

В заключение этого отчёта разрешите мне процитировать слова президента-основателя, произнесённые по случаю годовщины основания Института Гималайских исследований «Урусвати»:

«Итак, мы вступаем в следующий год полные сознания, что работа наша неотложно нужна, что поле деятельности выбрано правильно и сочувствие друзей и широких культурных слоёв обещает мощное развитие общепользных построений. Там же, где общая польза, мы не отступим и сохраним энтузиазм, обращающий препятствия в светлые возможности».

*Journal of Urusvati Himalayan Research Institute.
Calcutta, 1932. Vol. II*

1932

Анализируя прошедший год, отметим, что он был периодом непрерывного развития. Институт не только выполнил свою научную программу, но также значительно расширил помещения своей штаб-квартиры. Осуществлены новые и значимые контакты с научными учреждениями. Институт был представлен на второй Ассамблее международного союза Пакта Рериха, проходившей 8 августа 1932 года в Брюгге, в Бельгии. Руководство Института с удовлетворением выражает свою поддержку

важной работе, осуществляемой выдающимся президентом Ассамблеи М.К.Тюльпинком³⁷.

ОТДЕЛ АРХЕОЛОГИИ, СМЕЖНЫХ НАУК И ИСКУССТВ

В прошедшем году работа отдела проходила по следующим направлениям:

- 1) Этнографические и лингвистические исследования Лахула. (Расходы на путешествие вновь были оплачены профессором Рерихом.)
- 2) Подготовка к выпуску нового Большого тибетско-английского словаря.
- 3) Завершение работы над первым томом серии «Тибетика» и подготовка второго и третьего томов.

1. Экспедиция вышла из штаб-квартиры Института в Наггаре 25 июля и разбила свой базовый лагерь на летней стоянке выше Кейланга. Работа этого года состояла, главным образом, в продолжении лингвистических исследований, начатых ранее. Был собран новый интересный материал по местному фольклору, а коллекция лахульских песен значительно пополнилась.

Директор Института Ю.Н.Рерих завершил своё исследование тибетского диалекта Лахула. Его монография публикуется в качестве первого тома серии «Тибетика». Предполагается выпустить ряд монографий, посвящённых различным разговорным диалектам Тибета. Они войдут в серию «Тибетика» и составят лингвистическую карту Тибета. В процессе подготовки находится монография, посвящённая диалекту Занскара, работу над которой планируется завершить в течение следующего полевого сезона. Каждая такая монография будет включать в себя описание фонетической и морфологической структуры диалекта, песни и тексты, напечатанные тибетским шрифтом, фонетическую транскрипцию и словари. Каждое слово будет представлено в литературной и диалектной формах, а также в форме, использующейся в центрально-тибетском диалекте, который быстро становится общепринятым разговорным языком Тибета. Другие монографии этой серии сейчас находятся в стадии подготовки, и они будут включать исследования диалектов Спити, Нгари-Корсума (nga-gi-kor-sum) и западного Хора (nub-hor). Во время пребывания в Лахуле директор Ю.Н.Рерих и лама Лобзанг Мингюр Дордже продолжили собирание тибетских ксилографов. Лама Лобзанг Мингюр Дордже был занят также поиском для Института путеводителей (gnas-yig) по святым местам Тибета и Гималаев. Эти тексты

зачастую содержат полезные сведения по истории буддизма и его распространению к северу от Гималаев. Многие из этих мест паломничества являются средоточием древних добуддийских религиозных культов, их изучение важно для установления религиозных взаимовлияний.

Этнографическая коллекция Института существенно пополнилась, и мы пользуемся возможностью выразить нашу благодарность профессору Рериху за его неоднократные пожертвования.

2. Работа над Большим тибетско-английским словарём, осуществляемая силами сотрудников Института, в этом году значительно продвинулась. Через выпуск специального буклета была объявлена подписка на словарь, что дало обнадеживающие результаты. В буклете приведён пробный образец страницы словаря. Для завершения работы к началу 1934 года директор Ю.Н.Рерих и лама Лобзанг Мингюр Дордже прилагают все усилия. Особое внимание уделено разговорному тибетскому языку, который в последнее время породил много неологизмов. Общепринятым является тот факт, что тибетский язык обладает устойчивой тенденцией на основе имеющейся у него базы создавать новые слова, и, следовательно, количество заимствованных слов не столь велико, как можно было ожидать в стране, получившей свою культуру из Индии и Китая. Особый класс составляют выражения и слова, передающие почтительное отношение. Этот класс, к сожалению, практически отсутствует в других словарях тибетского языка, несмотря на то что почтительный язык страны являет исключительную важность для правильного понимания разговорного языка и даже его литературной формы. Готовящийся словарь будет включать в себя слова и выражения почтительного обращения, как в литературной, так и в разговорной форме.

3. Первый том серии «Тибетика»³⁸ готов к печати и появится в свет в начале 1933 года. Два других выпуска находятся в процессе подготовки, их планируется опубликовать в течение 1933-1934 годов.

Как и ранее, Европейский центр музея Рериха в Париже представлял Институт в Европе, и мы, пользуясь возможностью, выражаем нашу искреннюю благодарность мадам де Во Фалипо и д-ру Георгию Шкляверу.

9 января мадам де Во Фалипо в Этнографическом обществе Парижа выступила с докладом о деятельности Института. На той же встрече был прочитан доклад директора Ю.Н.Рериха об обряде разбивания камня³⁹.

Сообщение директора «Проблемы тибетской этнологии: голоки, их этнический характер» для 15-го Международного конгресса антропологии, состоявшегося в Париже в сентябре 1931 года, опубликовано в журнале «Ethnographie», Nouvelle Serie (№ 23, 1931; P. 139).

В Париже, при Европейском центре музея Рериха, создано Общество осетинских исследований. Задача Общества заключается в изучении и сборе данных об осетинском языке, фольклоре и истории. На первом собрании председатель Общества капитан Дзамбулат Дзанти прочитал доклад об осетинском языке и исторической роли алано-осетин. Докладчик подчеркнул важность изучения осетинского языка и народа – последнего представителя великой и могущественной нации, владения которой некогда простирались на широких пространствах евразийских степей. Хорошо известно, что множество рек и местностей Южной России до сих пор имеют названия, истоки которых восходят ко времени первых ирано-язычных поселенцев, то есть к языку древних сарматов, предков аланов. Будем надеяться, что на основе тщательного исследования всех имеющихся источников и с помощью строгого метода изучения древнего осетинского языка станет доступной новая информация о языке скифов и сарматов.

Осетинский фольклор чрезвычайно богат, его героический эпос заслуживает сохранения и тщательного изучения. Многочисленные археологические останки, разбросанные по осетинским высокогорьям, всё ещё ожидают своих исследователей, здесь перед нами подлинная сокровищница. Общество рассчитывает построить Центр осетинских исследований, где студенты могли бы изучать столь славное и колоритное прошлое. Институт Гималайских исследований приветствует эту новую инициативу и выражает надежду, что Общество даст новый стимул к изучению Кавказа и евроазиатской степной зоны, её древностей и культурного наследия. Общество осетинских исследований и его энергичный председатель капитан Дзамбулат Дзанти начали достойное и полезное дело.

Профессор Рерих подарил Американскому Археологическому институту две из своих последних работ: «Три меча» (на которой запечатлено наскальное изображение, обнаруженное во время экспедиции в Лахул) и «Менгиры в Гималаях». Обе работы направлены в Археологический институт.

ОТДЕЛ ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В марте 1932 года часть ботанических и зоологических коллекций, собранных Институтом в ходе нескольких экспедиций 1931-1932 годов, была отправлена в музей Рериха в Нью-Йорке для проведения надлежащих исследований. Ботаническая коллекция, собранная в Рупшу, Ладаке и Занскаре, передана д-ру Э.Д.Меррилу, директору нью-йоркского Ботанического сада. Идентификация этой коллекции проводилась под его

личным наблюдением. Среди образцов, посланных в Ботанический сад, обнаружено три новых вида мхов, которым д-р Меррил дал следующие названия: *Blindia Roerichii*, *Lindbergia Koelzii*, *Mielichhoferia labulensis*. Институт выражает д-ру Меррилу глубокую признательность за замечательное сотрудничество. Зоологическая коллекция будет выставлена в будущем в музее Института в Нью-Йорке.

Национальный музей естественной истории в Париже продолжает изучать ботаническую коллекцию, посланную ему в марте 1931 года. Семена гималайских растений были высажены в экспериментальном саду при музее, и большинство из них взошло. Эта работа проводится под наблюдением проф. П. Лемуана, директора Национального музея естественной истории.

Институт организовал обмен ботаническими образцами с Национальным музеем США (Вашингтон, округ Колумбия), и мы получили 147 явнотрачных китайских растений, собранных Дж.Ф.Роком, Дорсеттом и Чингом в тибето-китайском пограничье. В обмен будет отправлен материал со средних и больших высот гималайского региона. Организован также обмен ботаническим материалом с Институтом биологии им. Фана в Пекине.

Во время экспедиции 1932 года в Лахул С.Н.Перих собрал богатую минералогическую коллекцию. Эта коллекция будет выставлена в музее основной штаб-квартиры Института. Положено начало палеонтологической коллекции (в настоящее время она содержит материал, найденный в Спити и Занкаре). Предполагается развить это направление работы Института.

Д-р Кёльц более не является сотрудником Института Гималайских исследований.

БИОХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ

В течение 1932 года Институт завершил строительство биохимической лаборатории. Описание здания дано ниже в данном выпуске журнала В.А.Шибачевым⁴⁰, посвятившим этому строительству много времени и энергии, и мы выражаем ему нашу искреннюю признательность.

Проведена съёмка места, предполагаемого для строительства гидроэлектрической установки Института, и ведутся переговоры с правительством о получении прав на использование водных ресурсов.

Научная деятельность отдела состояла, главным образом, в собирании коллекции тибетских лекарственных средств. С этой целью с февраля 1932 года в штат Института был включён местный лекарь. В данном направлении планируется вести работу по принципам, блестяще развитым д-ром

Бернардом Ридом из Пекинского медицинского колледжа в его исследованиях, посвящённых древней китайской фармакопее. Институтская коллекция местных лекарственных средств вместе с данными, предоставленными местными лекарями, каталогизирована и послужит основой дальнейшего изучения собранного материала в лабораториях Института. Помимо этой коллекции, в Институте имеется «Опись лекарственных растений», где перечислены различные способы применения лекарственных растений согласно тибетской фармакопее. В связи с упомянутой работой директор Института подготовил перевод «Нуйпа кьянгсел» (Nus-pa kyang-sel), тибетской работы по фармакологии, содержащей список тибетских лекарственных средств согласно «Чжуд-ши» и «Вайдурья Онбо». Мы надеемся опубликовать этот перевод как один из будущих томов серии «Тибетика».

Лама Лобзанг Мингюр Дордже разыскивал медицинские тексты для библиотеки Института, а также собирал информацию для «Описи лекарственных растений».

Мы надеемся, что оборудование для институтских лабораторий скоро будет укомплектовано, и это даст возможность сотрудникам Института продолжить работу в столь важной области.

Полковник А.Е.Мэхон в качестве официального представителя продолжал вести переговоры с властями и посетил Дели по делам Института. Мы пользуемся возможностью выразить ему нашу искреннюю признательность за постоянную поддержку в разрешении сложных проблем, встающих перед Институтом. Во время прошлого летнего полевого сезона полковник Мэхон с супругой посетил институтский лагерь в Лахуле.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

В течение последнего года библиотека Института значительно выросла за счёт даров и книгообмена. Дары были получены от целого ряда лиц и учреждений, которым Институт выражает признательность. В их числе: фонд Карнеги (Вашингтон), профессор Н.К.Рерих, д-р Бернард Рид (Пекинский медицинский колледж), полковник А.Е.Мэхон, д-р Ф.Л.Хофман, д-р Л.Шерман, д-р С.Ф.Михальский-Ивенский, проф. Ш.Р.Кашьяп, д-р Ю.Н.Рерих и В.А.Шибав.

Второй том журнала Института Гималайских исследований «Урусвати» опубликован в марте 1932 года и содержит статьи: полковника А.Е.Мэхона; зам. директора лаборатории экспериментальной фонетики Коллеж де Франс д-ра Э.Шрамека; д-ра В.А.Перцова и М.Эйснера; д-ра Вальтера Кёльца;

В.А.Шибалева и директора Института Ю.Н.Рериха. Этот том посвящён памяти всемирно известного физика проф. Альберта А.Майкельсона⁴¹.

Александр Кирилов прислал интересную статью «Проблемы вибраций (космические лучи)», в которой подчёркивает необходимость дальнейшего исследования этой проблемы путём наблюдений в различных местностях и на разных высотах. В статье автор касается интересного вопроса о возможном влиянии этих лучей на живые организмы и его важности для биологических и медицинских наук. Дальнейшие усилия по исследованиям в данной области будут приветствоваться.

В прошлом году в обмене публикациями с Институтом принимало участие 181 научное учреждение США, 13 институтов и музеев Европы и 14 – Индии.

МУЗЕЙ

За отчётный период к естественноисторическим коллекциям музея добавились новые материалы. Для гербария изготовлена специальная мебель, позволяющая разместить быстро растущие коллекции и материалы, полученные благодаря обмену.

Помещение Института в музее Рериха в Нью-Йорке привлекает многочисленных посетителей. В январе-феврале в нью-йоркском Ботаническом саду работала временная выставка, на 60 листах были представлены ботанические образцы, присланные Институтом в 1931 году. Затем выставка в течение месяца демонстрировалась в музее науки в Буффало, где в экспозицию были также включены этнографические и ботанические образцы из местного музея. Мисс Эстер Лихтман подарила Институту обширную коллекцию слайдов с видами долины Кулу и Лахула.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В НЬЮ-ЙОРКЕ

1932 год отмечен расширением деятельности Института в Нью-Йорке. Этой деятельностью руководила мисс Эстер Лихтман, которая в течение продолжительного пребывания в штаб-квартире Института в Нагаре на месте приобрела опыт работы и получила представление об условиях, в которых она проводится. Мы выражаем ей искреннюю признательность за тесное сотрудничество. Офис Института в Нью-Йорке оставался на попечении его секретаря мисс Катрин Линден.

В течение года под эгидой Института были прочитаны следующие лекции, за помощь в организации которых мы пользуемся случаем поблагодарить Общество Рериха и его президента миссис Нетти Хорш: д-р Э.Д.Меррил, директор нью-йоркского Ботанического сада – «Зерновые культуры и цивилизация» (11 января); капитан Джон Ноэль, член экспедиции на Эверест – «Кашмир и экспедиция на Эверест», с иллюстрациями (24 января); д-р Ральф Магоффин, декан факультета классической филологии Нью-йоркского университета – «Археологическое величие прошлого» (25 января); мисс Эстер Лихтман – «Долина Кулу – обитель 360 богов» (24 февраля); капитан Джон Ноэль – «Страна лам» (18 мая); д-р Н.Завадская из Радиевого института (Париж) – «Наследственная предрасположенность к раку» (6 октября).

Осенью 1932 года Институт спонсировал богато иллюстрированный лекционный курс д-ра Ральфа Магоффина по искусству и археологии стран Средиземноморья. Этот курс, поддержанный отделом образования Нью-Йорка, выделившим для него кредит, состоял из следующих лекций: «Археологическая экскурсия по древнему Ближнему Востоку» (17 октября); «Египет, Месопотамия, Палестина, Сирия, Крит и страна хеттов с исторической и археологической точек зрения» (24 октября); «Искусство и история Этрурии в иллюстрациях. Сфинкс античности» (31 октября); «Искусство, археология и история минойской и микенской эпох в иллюстрациях» (7 ноября); «Женщины Древней Греции и Рима» (14 ноября); «Искусство греков» (21 ноября); «Повседневная жизнь в Афинах» (28 ноября); «Помпеи и Геркуланум вчера и сегодня» (5 декабря); «Мир императорского Рима» (12 декабря); «Картины римских нравов и обычаев» (19 декабря); «Римляне и их досуг» (26 декабря). Цикл лекций д-ра Магоффина прошёл с большим успехом.

Ряд мероприятий был организован при поддержке Комитета по организации Биохимической лаборатории (Нью-Йорк), созданного для строительства и оснащения этой лаборатории в индийской штаб-квартире Института. Началась коллективная подписка для приобретения полотна «Св. Пантелеймон-целитель», любезно предоставленного проф. Н.К.Рерихом вместе с доходами от продажи его книги «Держава Света» для этого фонда. Мы выражаем глубокую благодарность Комитету и его председателю майору Д.О.Фелпс-Стоксу за усилия и благородную помощь, дающую возможность проведения научных исследований на благо человечества. Институт хотел бы также выразить благодарность капитану Джону Ноэлю, равно как и Колумбийскому обществу музея Рериха и мадам Лючии Гарио, потрудившейся на благо этого фонда.

Мы рады сообщить, что д-р Фредерик Хофман, известный авторитет в области изучения рака, стал почётным членом Института.

Американская пресса широко комментировала программу Института по изучению рака, а «Американское общество по изучению рака» опубликовало в своём «Бюллетене» за февраль 1932 года статью мисс Эстер Лихтман о работе Института Гималайских исследований. Статьи об Институте появились также в Бюллетене Ассоциации американских медицинских колледжей, Журнале медицинской ассоциации штата Миссури и Бюллетене нью-йоркского Ботанического сада.

Нашим основателям, профессору Рериху и мадам Рерих, а также президенту и Совету директоров музея Рериха мы выражаем искреннюю благодарность за постоянное руководство и содействие в осуществлении планов Института.

*Journal of Urusvati Himalayan Research Institute.
Calcutta, 1933. Vol. III*

1933

В течение прошедшего года Институт продолжал деятельность по основным направлениям своей научной программы, несмотря на мировой экономический кризис, сильно осложнивший научные исследования по всему миру.

ОТДЕЛ АРХЕОЛОГИИ, СМЕЖНЫХ НАУК И ИСКУССТВ

Усилия этого отдела полностью сосредоточены на составлении Большого тибетско-английского словаря, создаваемого Институтом. Директор Ю.Н.Рерих и лама Мингюр Дордже завершили сбор материала для словаря. Ко времени написания этого отчёта более половины словаря будет переписано в рукописи, и, как мы надеемся, он будет скопирован в течение нескольких месяцев. Была распространена подписка, и мы рады констатировать, что получено значительное количество заказов.

Монография директора Ю.Н.Рериха о диалекте Лахула опубликована отдельным изданием, представляющим первый выпуск в серии монографий, посвящённых живым диалектам Тибета³⁸. В течение года директор собрал новый материал, а также систематизировал материал, собранный им во время экспедиции Рериха в Центральную Азию (1924-1928) по диа-

лекту голоков. Мы надеемся, что результаты этой работы будут опубликованы в виде монографии в институтской серии по диалектам Тибета.

Мы также рады сообщить, что Институт в своей серии «Тибетика» намерен публиковать важные исследования известного итальянского учёного Джузеппе Туччи, недавно вернувшегося из плодотворной экспедиции в Западный Тибет и Непал, посвящённые «Голубым анналам» Гойлоцзавы Шоннупала.

Этнографическая коллекция института обогатилась несколькими экспонатами, готовится её каталог.

Как и прежде, Европейский центр Рериха в Париже действовал как представитель Института в Европе, и мы продолжаем активно сотрудничать с мадам де Во Фалипо, президентом Французской Ассоциации общества друзей музея Рериха, и д-ром Георгием Шклявером, генеральным директором Центра.

4 марта мадам де Во Фалипо прочитала доклад профессора Н.К. Рериха «Наскальные рисунки в Лахуле» в парижском Этнографическом обществе. На этом же заседании был прочитан доклад директора Ю.Н. Рериха о лекарствах Тибета⁴². Книга директора «По тропам Срединной Азии» переведена на французский язык мадам де Во Фалипо и появилась в издательстве Гейтнера под заглавием «Sur les Pistes de l'Asie Central».

Сообщение директора о племенах голоков в Северо-Восточном Тибете, прочитанное на Международном конгрессе антропологии и доисторической археологии, было опубликовано в специальном томе, выпущенном Международным институтом антропологии⁴³.

ОТДЕЛ ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Ботанические образцы, собранные экспедицией института в Западном Тибете, были идентифицированы д-ром Меррилом, директором нью-йоркского Ботанического сада, готовящим важную монографию по этой коллекции для публикации в V томе журнала Института. Д-р А.С. Хичкок⁴⁴ опубликовал интересную статью о некоторых травах, собранных Институтом, в журнале Вашингтонской Академии наук.

БИОХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ

Институт получил разрешение от правительства приобрести участок земли на реке Чхаки для строительства гидроэлектростанции. Проведены переговоры с различными фирмами о приобретении подходящего

оборудования и его установке. По завершении этой работы Институт сможет обеспечить оборудованием лабораторное здание и проводить важную научную работу по запланированной программе.

Директор завершил сбор коллекции местных тибетских лекарственных средств, при участии ламы Лобзанг Мингюр Дордже и Лаба Данцина, местного лекаря, сотрудничающего с Институтом. Также начаты переводы лхантабов, важных медицинских текстов. В течение этого года Институт посетило много исследователей аюрведы, что показывает значительный интерес, вызванный работой Института. Полковник А.Е. Мэхон, как и раньше, действовал в качестве официального представителя Института, и мы пользуемся возможностью выразить ему искреннюю признательность за прилагаемые им неустанные усилия.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

Библиотека продолжала расти, получая дары и осуществляя книгообмен. Книги подарили следующие лица, которым институт выражает признательность: проф. Н.К. Рерих, г-н Маккалег, капитан Бенон, д-р Арнольд Хайм, д-р Мохан и Ю.Н. Рерих.

Третий том журнала «Урусвати» был опубликован в марте. Он содержит статьи полковника А.Е. Мэхона, проф. Н.Д. Миронова, д-ра В.А. Перцова, проф. Кашьяпа, графа дю Мениль дю Бюиссона, проф. С.И. Метальникова, В.А. Шibaева, д-ра Ю.Н. Рериха. Этот том посвящён д-ру Свену Гедину⁴⁵. Четвертый том журнала подготовлен и будет включать статьи директора Института Ю.Н. Рериха, д-ра Фредерика Хофмана, полковника А.Е. Мэхона, д-ра В.А. Перцова, г-на де Хевеши и др. Секретарь Института В.А. Шibaев ввёл новую систему параллельной публикации отдельных оттисков всех статей, публикуемых в журнале. Эта инициатива оказалась очень успешной, значительное число оттисков было полностью распродано в течение этого года.

МУЗЕЙ

Классификация орнитологической коллекции Института была принята д-ром Чарльзом Роджерсом, хранителем зоологического музея Принстонского университета. Мы пользуемся возможностью выразить нашу искреннюю благодарность С.Н. Рериху за заботу об орнитологической коллекции в штаб-квартире Института.

Господа А. Ситроен и А. Дюбрейль были избраны почётными членами Ассоциации Общества друзей музея Рериха в Париже.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В НЬЮ-ЙОРКЕ

Деятельность Института в Нью-Йорке осуществлялась под руководством мисс Эстер Лихтман, и мы рады выразить ей нашу искреннюю признательность за активное участие в этой работе.

В течение года под эгидой Института и Общества Рериха (президент которого миссис Нетти Хорш оказывала ценную помощь Институту в течение года) были прочитаны следующие лекции:

Д-р Ральф Магоффин: «Мир императорского Рима» (9 января); «Картины римских нравов и обычаев» (16 января); «Римляне в часы досуга» (23 января); «Важный труд о греческой и римской жизни» (30 января).

Мисс Эстер Лихтман: «Долина Кулу и работа Института Гималайских исследований» (30 января); лекция была организована в галерее «Сеарс Роброк» для Вашингтонского общества Рериха.

Д-р Фрэнк Ли: «Культура Китая» (19 апреля).

Н. Фудзимура: «Японское искусство, культура и обычаи» (17 мая); лекция организована совместно Институтом и Японским обществом Рериха.

Г.Х. Пэлиан: «Относительность и реальность» (3 июля); «Относительность и новая наука» (9 ноября).

Как упоминалось в разделе «Музей», полную классификацию и опись орнитологической коллекции сделал д-р Чарльз Роджерс, хранитель зоологического музея Принстонского университета, и Институт выражает свою глубокую признательность д-ру Роджерсу за это замечательное сотрудничество. Образцы коллекций отправлены в зоологический музей Принстонского университета, в Смитсоновский институт и в коллекцию Х.Б. Коновера при Музее естественной истории им. М. Филда. Институт также выражает благодарность директору музея Рериха за активное участие в подготовке публикаций Института.

Нашим основателям Н.К. Рериху, Е.И. Рерих и президенту Совета директоров музея Рериха мы приносим искреннюю благодарность за их постоянное руководство и поддержку исследовательской работы Института.

Отчёт Института Гималайских исследований «Урусвати». 1933.

Рукопись. Музей Николая Рериха, Нью-Йорк

1934 – 1935*

Институт вёл свою деятельность, всё ещё находясь под прессом общего экономического упадка.

ОТДЕЛ АРХЕОЛОГИИ, СМЕЖНЫХ НАУК И ИСКУССТВ

Работа над Тибетско-английским словарём, начавшаяся в течение последних лет, сейчас практически завершена, и ожидается возвращение директора из экспедиции в Центральную Азию для того, чтобы опубликовать этот труд. Постоянно поступают заказы на словарь, что говорит о возрастающем интересе к данной работе.

Директор Института д-р Юрий Рерих прочитал в Токио и Харбине серию лекций, посвящённых первой экспедиции в Центральную Азию и Институту Гималайских исследований «Урусвати».

Президент Института профессор Н.К. Рерих сделал доклад «Рельефы мечей на скалах Кейланга и Карга», а директор Юрий Рерих – доклад «Медицина в Тибете и ламы-знахари» в Этнографическом обществе Парижа (прочитаны мадам де Во Фалипо), тексты опубликованы в «Полугодовом бюллетене» Общества.

Этнографические коллекции были пополнены интересными экземплярами местного народного искусства. Получено несколько образцов тибетского «звериного стиля», и палеонтологическая коллекция Института увеличилась за счёт новых находок из Спити, Лахула, Тибета и долины Кулу. Ранее мы не имели экспонатов из долины Кулу.

Превосходные рецензии на монографию директора Института «Тибетский диалект Лахула» появились в течение года в журнале Королевского Азиатского Общества (Калькутта), в «Orientalische Literaturzeitung», «Artibus Asiae», «Anthropos» и других научных периодических изданиях, выходящих во Франции.

По просьбе проф. Монтеля (Montell) из Стокгольма, который готовит монографию, посвящённую ткачеству в Азии, были отправлены восемь фотографий с образцами Гималайских ремёсел, отснятых нашим секретарём Владимиром Шibaевым.

* Отчёт относится к периоду с 1 июня 1934 по 1 июня 1935. – *Ред.*

ОТДЕЛ ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Д-р Меррил, директор Нью-йоркского Ботанического сада, предоставил нам описание ботанических коллекций (частично), посланных Институтом «Урусвати» в Ботанический сад. Институт отправлял д-ру Мериллу некоторые ботанические образцы вида *Saus-surea* для сравнительного изучения.

Несколько экспедиций по сбору материала снаряжались в прошлом году под руководством Святослава Рериха, в результате чего исследовано обширное поле верхнего альпийского региона.

Все папки с гербариями Института «Урусвати» были пронумерованы и классифицированы Святославом Рерихом и Владимиром Шибяевым. В течение года многие посетители посмотрели коллекцию Института.

ОТДЕЛ МЕДИЦИНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Святослав Рерих, принявший на себя руководство Институтом с момента отъезда директора, работал с местным практикующим врачом *Zlaba-Tan-dzinom* и ламой Мингюром Дордже. В результате были собраны и идентифицированы 76 субстанций, упомянутых, но не получивших ранее идентификацию в тибетской «*Materia Medica*», которую описывал проф. Позднеев⁴⁶. В дальнейшем начато выращивание лечебных растений и, таким образом, некоторые радующие результаты получены в области изучения высокогорных альпийских растений.

Святослав Рерих подготовил статью о медицинских исследованиях Института «Урусвати»⁴⁷ для Этнографического общества в Париже. Эта статья была направлена мадам де Во Фалипо (*De Vaux Phalipau*) в Сорбонну.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

В течение года постоянно происходил обмен материалами. Через директора Института были установлены новые связи с основными университетскими библиотеками и институтами на Дальнем Востоке, также организован обмен книгами и изданиями с научными институтами в Индии. Отправлены полные комплекты журналов Института.

Институт сожалеет о смерти двух его членов-корреспондентов, это доктор Феликс Лукин в Риге и профессор Шив Рама Кашьяп (Shiv Ram Kashyap) в Пенджабском университете в Лахоре.

Институт отправил приветствия Панамериканскому Союзу по случаю подписания Пакта Рериха о защите культурных ценностей.

Секретарь Владимир Шибаев предпринял четырёхдневную экспедицию в верхний альпийский регион для того, чтобы получить метеорологические показания и фотографии глетчеров для будущей статьи.

Глава об Институте и его деятельности, проиллюстрированная фотографиями, вошла в монографию на латышском языке, написанную Рихардом Рудзитисом⁴⁸ в Латвии.

Отчёт Института Гималайских исследований «Урусвати». 1934 – 1935. Рукопись. Музей Николая Рериха, Нью-Йорк

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Roerich George. A New Outpost of Science. [1929].* (Перевод на русск. яз. см.: Рерих Ю.Н. Вершина современной науки // Ариаварта. Нач. вып. СПб., 1996. С. 116-122); [*Roerich George*]. *Urusvati Himalayan Research Institute of Roerich Museum. New York, [1929]. 8 p.*

2. Рерих, Николай Константинович – см. наст. том: «Рерихи. Биографическая справка». С. 276-277.

3. Джонс, Уильям (Jones, William, Sir) (1746-1794) – английский востоковед и юрист, много лет жил в Индии, своей деятельностью способствовал усилению интереса к изучению Востока на Западе.

4. Бринтон, Христиан (Brinton, Christian) (1870-1942) – известный американский искусствовед. Автор вступительной статьи к каталогу первой выставки Н.К.Рериха, проходившей в Нью-Йорке, в Кингор-галерее (18.12.1920 – 15.01.1921), и других публикаций о художнике. Почётный советник музея Рериха.

5. Магоффин, Ральф (Magoffin, Ralph Van Deman) (1874-1942) – профессор классической истории и преподаватель археологии в университете Джонса Хопкинса; руководитель классических исследований в Американской академии в Риме; в 1920-1921 и 1923-1930 заведовал кафедрой классики университета в Нью-Йорке; президент Американского Археологического института (Вашингтон), почётный советник Института Гималайских исследований «Урусвати». Автор книг и учебников по истории и археологии.

6. Грант, Фрэнсис Рут (Grant, Frances Ruth) (1896-1993) – журналистка, американская сотрудница Н.К.Рериха; вице-президент музея Рериха в Нью-Йорке, возглавляла «Новый Синдикат» («New Syndicate»), в задачи которого входило инфор-

мационное обеспечение деятельности созданных Н.К.Рерихом культурных учреждений; директор издательства «Roerich Museum Press». В период подготовки и проведения Маньчжурской экспедиции (первая половина 1930-х) осуществляла связь между Н.К.Рерихом и Генри Уоллесом, министром сельского хозяйства США. См. о ней: *Росов В.А.* Николай Рерих: Вестник Звенигорода. Экспедиции Н.К.Рериха по окраинам пустыни Гоби. Кн. II: Новая Страна (М., 2004).

7. Рерих, Святослав Николаевич – см. наст. том: «Рерихи. Биографическая справка». С. 278.

8. Шклявер, Георгий Гаврилович (ок.1902-1970) – юрист, профессор международного права Парижского университета. Секретарь Общества Николая Рериха во Франции и председатель Французской Ассоциации друзей музея Рериха, с 1929 – генеральный секретарь Европейского центра при музее Рериха в Нью-Йорке, генеральный секретарь Комитета Пакта Рериха в Париже. Как юрист принимал участие в разработке документов Пакта Рериха. См.: *Шклявер Георгий.* Пакт Рериха // Знамя Мира. Харбин, 1934. С. 7-10.

9. Думерг, Гастон (Doumergue, Gaston) (1863-1937) – президент Франции в 1924-1931.

10. Таубе, Михаил Александрович (1869-1961), барон, – российский юрист-международник, доктор международного права, историк, государственный деятель, дипломат; с 1917 – в эмиграции, сначала в Финляндии, затем в Швеции и в Германии, с 1928 обосновался в Париже, занимался преподавательской и научной деятельностью. Президент Высшей школы востоковедения. Президент французского Комитета Пакта Рериха.

11. Лозина-Лозинский, Константин Константинович (1894-1986) – русский учёный, врач, философ; окончил Военно-медицинскую академию в Санкт-Петербурге. В 1920 эвакуировался с армией генерала Е.К.Миллера. В Италии окончил медицинский факультет Флорентийского университета. В 1924 уехал в Торонто (Канада), в 1928 переехал в Колумбию. С 1930 жил во Франции, в Медоне. Работал врачом. Медицинский советник института «Урусвати», с декабря 1930 по март 1931 находился в Наггаре (Кулу, Индия). С 1940 жил в Риме, сотрудник санитарного управления Рима.

12. Рерих, Елена Ивановна – см. наст. том: «Рерихи. Биографическая справка». С. 277.

13. Лихтман, Эстер Дж. (1892-1990) – родилась в г. Каменец-Подольский, эмигрировала из России в 1913, получила американское гражданство (1926). Журналистка, до 1935 – близкая сотрудница Рерихов. Преподаватель Мастер Института объединённых искусств, сотрудник Центра искусств «Корона Мунди», вице-президент Общества друзей музея Рериха, член правления музея Рериха в Нью-Йорке, президент Женского союза при Нью-Йоркском обществе Рериха. Неоднократно посещала Рерихов в Кулу (Индия). Автор книги «Рерих» (1932), изданной под псевдонимом Жан Дювернуа (J.Duvernois) на русск. и англ. яз.

14. Мэхон А.Е. (Mahon A.E.) (ум. после 1945) – британский чиновник, бывший военный (полковник в отставке), проживал в Индии, в долине Кулу (Манали); кавалер английского ордена «За безупречную боевую службу», сотрудник Института Гималайских исследований «Урусвати», официальный представитель Института на переговорах с правительственными чиновниками. Автор публикаций о

Пакте Рериха и Н.К.Рерихе (1933-1941) в индийской и английской периодике, а также статей в журнале Института.

15. Кёльц, Вальтер Норман (Koelz, Walter Norman) (1895-1989) – американский зоолог, путешественник. Вместе с родителями эмигрировал из Германии в США. Профессор Мичиганского университета (США), руководитель секции биологии и ботаники Отдела естественных наук и прикладных исследований Института «Урусвати» (1930-1931). С 1933 провёл ряд исследовательских экспедиций в Малый Тибет. С 1936 собирал коллекцию растений по Индии. С 1939 путешествовал по Персии, Непалу и индийскому Ассаму. Собранные им коллекции для зоологического музея Мичиганского университета составляют около 30 тысяч птиц и 30 тысяч растений из Индии и Тибета.

16. Меррил, Элмер Дрю (Merrill, Elmer Drew) (1876-1956) – ботаник, специалист по флоре Азиатско-Тихоокеанского региона. В 1902-1923 как представитель Департамента сельского хозяйства США работал на Филиппинах, затем вернулся в США; с 1929 жил в Нью-Йорке, профессор Колумбийского университета, директор Нью-йоркского ботанического сада (1929-1935), директор древесного питомника «Арнольд-арборетум» и заведующий ботанической коллекцией Гарвардского университета в Бостоне (1935-1946). Почётный научный советник музея Рериха в Нью-Йорке.

17. Перцов, Владимир Александрович (1898-1976) – друг и соученик Ю.Н.Рериха по Гарвардскому университету (США); по окончании учёбы в 1920-х работал в лаборатории физиологии в Гарвардской медицинской школе (Бостон). В студенческие годы принимал участие в деятельности Русской студенческой христианской организации (RSCA). В 1933 переехал во Францию (Монпелье), позже возвратился в Америку. Член-корреспондент Института Гималайских исследований «Урусвати». См.: «Цветы Мории всё цветут в душе моей». Из писем В.А.Перцова к Ю.Н.Рериху / Публ. В.А.Росова // Ариаварта. 1998. Вып. 2. С. 197-218.

18. См.: Росов В.А. Биохимическая лаборатория в Гималаях // Ариаварта. 1998. Вып. 2. С. 171-196.

19. Шибает, Владимир Анатольевич (1898-1975) – близкий сотрудник Н.К.Рериха, впервые встретился с ним в Лондоне в 1919. В 1928 поселился в Индии, стал личным секретарём Н.К.Рериха, вёл дела Института Гималайских исследований «Урусвати». С 1939 жил в Дели, с 1959 – в Великобритании, профессор университетов в Дели и в Кардиффе. См.: Шибает В.А. Институт Гималайских исследований «Урусвати» // Ариаварта. 1998. № 2. С. 168-169. О нём: Росов В.А. Николай Рерих: Вестник Звенигорода. Экспедиции Н.К.Рериха по окраинам пустыни Гоби. Кн. I: Великий План (СПб.; М., 2002); Анненко А.Н. Владимир Шибает, секретарь Рериха // Дельфис. 2008. № 4 (56). С.19-26.

20. Лукин, Феликс Денисович (1875-1934) – врач, инициатор создания и первый руководитель Общества имени Рериха в Риге (Латвия), сформированного в 1927 и официально зарегистрированного в 1930.

21. Имеется в виду журнал Института Гималайских исследований «Урусвати» – Journal of Urusvati Himalayan Research Institute. Состоялось три выпуска журнала (на англ. яз.): I – 1931 (Нью-Йорк); II – 1932 и III – 1933 (Калькутта).

22. На русск. яз. см.: Рерих Ю.Н. Будда и шестнадцать великих Архатов // Рерих Ю.Н. Тибетская живопись. Самара: Агни, 2000.

23. *Roerich George*. Trails to Inmost Asia. Five Years of Exploration with the Roerich Central Asian Expedition. New Haven – London: Yale Univ. Press – Oxford Univ. Press, 1931. На фр. яз. книга увидела свет только в 1933 году (*Sur les pistes de l'Asie centrale*. Paris, 1933). На русском яз. см.: *Перих Ю.Н.* По тропам Срединной Азии. Хабаровск, 1982; Самара: Агни, 1994.

24. *Roerich George*. The Animal Style among the Nomad Tribes of Northern Tibet, Seminarium Kondakovianum. Prague, 1930 (книга вышла в 1931, с текстом на русск. и англ. языках). Переиздано: Звериный стиль у кочевников Северного Тибета // Ю.Перих. Тибет и Центральная Азия. Самара: Агни, 1999.

25. Хорш, Нетти (Horch, Nettie) (1896-1991) – президент американского Общества друзей музея Рериха в Нью-Йорке, организатор ряда крупных культурных акций от имени музея; жена Луиса Хорша, президента музея Рериха.

26. Хорш, Луис Леви (Horch, Louis Levy) (1888-1979) – американский бизнесмен, президент музея Николая Рериха в Нью-Йорке (1923-1936). В 1920-е и до середины 1930-х финансировал деятельность Музея и других культурных учреждений, созданных Н.К.Рерихом в США, в том числе первую экспедицию Рериха в Центральную Азию (1925-1928). Автор публицистических статей о художественной деятельности Н.К.Рериха.

27. Лихтман (урожд. Шафран, с 1939 – Фосдик), Зинаида Григорьевна (1889-1983) – пианистка, ближайшая сотрудница Рерихов. Родилась в Одессе, в 1912 эмигрировала в Америку. Открыла фортепианную школу (вместе с мужем М.М. Лихтманом). В 1921 школа Лихтманов волилась в Школу объединённых искусств (Master School of United Arts), основанную Н.К.Рерихом в Нью-Йорке. Директор Мастер Института объединённых искусств, вице-президент музея Рериха в Нью-Йорке и вице-президент Института Гималайских исследований «Урусвати». См.: *Фосдик З.Г.* Мои учителя. (Встречи с Рерихами. По страницам дневника: 1922-1934). М., 1998.

28. Линден (Linden), Катрин – секретарь нью-йоркского отделения Института «Урусвати».

29. Добровольская-Завадская, Надежда Алексеевна (1878-1954) – высшее образование получила в Санкт-Петербурге, в Воронежском университете стала первой в России женщиной, возглавившей кафедру хирургии. В 1920 эмигрировала в Египет, затем обосновалась во Франции, в Париже, руководила лабораторией в Институте Кюри. Специалист в области экспериментальной онкологии. В октябре 1930, находясь в США, прочитала лекцию «Биологические основы новой концепции жизни» в нью-йоркском филиале Института «Урусвати», а в октябре 1932 темой её лекции стала «Наследственная предрасположенность к раку».

30. Раман, сэр Чандрасекхара Венката (1888-1970) – индийский физик, член Лондонского королевского общества (1924), лауреат Нобелевской премии по физике (1930). С 1933 директор Индийского научно-исследовательского института в Бангалоре. В 1948 возглавил Рамановский научно-исследовательский институт, построенный Индийской Академией Наук на средства, выделенные правительством Майсура. Почётный научный советник музея Рериха в Нью-Йорке.

31. Метальников, Сергей Иванович (1870-1946) – учёный-зоолог, иммунолог, директор Биологической лаборатории имени П.Ф.Лесгафта в Санкт-Петербурге (с 1909). В 1918 в связи с организацией университета в Симферополе оказался

в Крыму и был отрезан от Советской России фронтом гражданской войны. В 1919 получил приглашение на работу в Институт Пастера в Париже. Почётный научный советник музея Рериха в Нью-Йорке.

32. Туччи, Джузеппе (Tucci, Giuseppe) (1894-1984) – крупнейший итальянский учёный-востоковед, путешественник, исследователь Гималаев и Тибета, специалист по истории буддизма. С 1947 по 1978 президент Итальянского института Среднего и Дальнего Востока, издатель ряда периодических востоковедных изданий, основатель серии публикаций, включая издание «*Seria Orientalia Roma*», в XVIII томе которого в 1958 было опубликовано на фр. яз. монографическое исследование Ю.Н.Рериха об амдоском наречии тибетского языка.

33. Лобзанг Мингюр Дордже (Lobzang Mingyur Dorje) (1875 – после 1938) – лама, известный знаток тибетской литературы, учитель многих европейских тибетологов своего времени. В течение 30-ти лет занимал пост директора государственной школы в Дарджилинге. В 1924 принимал участие в путешествии Рерихов по Сиккиму. В 1931-1935 – сотрудник института «Урусвати», помогал Ю.Н.Рериху в составлении тибетско-английского словаря, разыскивал медицинские тексты для библиотеки Института, а также собирал информацию для «Описи лекарственных растений». С августа 1935 – преподаватель тибетского отделения Калькуттского университета.

34. Гуге – историческая область Западного Тибета, расположенная в верховьях реки Сатледж.

35. *Roerich George. Studies in the Kalachakra // Journal of Urusvati Himalayan Research Institute. 1932. Vol. II. P.11-22; Рерих Ю.Н. Избранные труды. М., 1967. С. 153-164 (на англ. яз.); на русск. яз. см.: Рерих Ю.Н. К изучению Калачакры // Рерих Ю.Н. К изучению Калачакры. Паралокасиддхи (пер. и комм. Н.Н.Шабанова). Харьков, 1990. С. 8-46.*

36. Ланман, Чарльз Рокуэлл (Lanman, Charles Rockwell) (1850-1941) – американский санскритолог, профессор Гарвардского университета (1903-1926), учитель Ю.Н.Рериха. С 1891 редактор Гарвардской Восточной серии (Harvard Oriental Series), в которой публиковались древние ведические тексты. Вице-президент Института Гималайских исследований «Урусвати». См.: Профессор Чарльз Рокуэлл Ланман и его труды в области индологии // Ю.Рерих. Тибет и Центральная Азия. Самара, 1999. С. 230-235.

37. Тюльпинк, Камилл (Tulpinck, Camille) (1861-1946) – бельгийский искусствовед, археолог, председатель Королевского общества охраны памятников в Бельгии, член бельгийской Королевской археологической академии. Основатель и президент Международного союза за Пакт Рериха; инициатор и организатор первых двух международных конференций в поддержку Пакта и Знамени Мира (1931, 1932; Брюгге, Бельгия).

38. *The Tibetan Dialect of Lahul. By G. de Roerich. Series Tibetica. 1933. Vol. I.*

39. Текст доклада опубликован: *Roerich G. The Ceremony of Breaking the Stone // Journal of Urusvati Himalayan Research Institute. 1932. Vol. II. P. 25-51. Русск. перевод: Обряд разбивания камня // Ю. Рерих. Тибет и Центральная Азия. Самара, 1999. С. 96-111.*

40. *Shibayev V.A. The Institutes New Building for Medical Research at Naggar // Journal of Urusvati Himalayan Research Institute. 1933. Vol. III. P. 211-217.*

41. Майкельсон, Альберт Абрахам (Michelson, Albert Abraham, 1852-1931) – американский физик, лауреат Нобелевской премии (1907), автор экспериментов по определению скорости света. Иностраннный член-корреспондент (1924), почётный член АН СССР (1926). Почётный советник Института Гималайских исследований «Урусвати».

42. См.: Лекари в Тибете // Ю.Рерих. Тибет и Центральная Азия. Самара, 1999. С. 205-210.

43. *Georges de Roerich*. Les Goloks et leur caracture ethnique // XV Congrès international d'anthropologie et d'archéologie préhistoriques. Paris, 1932. P. 736-741.

44. Хичкок, Альберт Спейр (Hitchcock, Albert Spear) (1865-1935) – ботаник. С 1924 главный ботаник, ответственный за систематизацию трав в департаменте Сельского хозяйства США.

45. Гедин, Свен (Gedin, Sven) (1865-1952) – знаменитый шведский путешественник, исследователь Центральной Азии; почётный советник Института Гималайских исследований «Урусвати». См.: Свен Гедин // Ю.Рерих. Тибет и Центральная Азия. 1999. С. 211-226.

46. Позднеев, Алексей Матвеевич (1851-1920) – российский востоковед, монголовед, доктор монгольской и калмыцкой словесности, профессор. Исследователь памятников монгольской письменности и буддизма. В 1908 опубликовал в Санкт-Петербурге «Учебник тибетской медицины», представляющий собой перевод двух первых частей знаменитого тибетского трактата «Чжуд-ши».

47. См.: Рерих С.Н. Медицинские исследования в Институте «Урусвати» // Ариаварта. Нач. вып. 1996. С. 122-127.

48. *Rudzitis R. Nikolas Rerichs: Kulturas celvedis*. Riga, 1935. На русск. яз.: *Рудзитис Рихард*. Николай Рерих: Мир через Культуру. Минск, 2002.

**ОТЧЕТЫ О РАБОТЕ
В ИНСТИТУТЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АН СССР
(1957-1959)**

**ОТЧЁТ О ПОЕЗДКЕ
В МОНГОЛЬСКУЮ НАРОДНУЮ РЕСПУБЛИКУ ***

20 ИЮЛЯ – 2 АВГУСТА 1958

За время пребывания в столице Монгольской Народной республики – г. Улан-Баторе нижеподписавшийся имел возможность ознакомиться с монгольскими и тибетскими фондами библиотек монгольской столицы. Тибетский фонд (рукописи и ксилографы) Государственной библиотеки (Улсын Номын Сан) в г. Улан-Баторе представляет собой богатейшее и исключительное по своему значению собрание тибетской литературы (свыше 100000 томов). Это собрание, имеющее мировое значение, включает как оригинальные тибетские произведения, так и философские и исторические сочинения монгольских учёных на тибетском языке. Среди рукописей имеются уникальные, снабжённые миниатюрами высокой художественной работы, которые следовало бы издать как памятник монгольского живописного искусства. Совершенно необходимо издание каталога рукописей и ксилографов тибетского фонда Государственной библиотеки, причём желательно опубликование двух каталогов – каталога произведений монгольских учёных на тибетском языке (философия и история) и общего каталога всего тибетского фонда Государственной библиотеки. Такие издания будут иметь исключительное значение для тибетоведения и для смежных востоковедных специальностей, индологии, китаеведения и монголоведения. Тибетский фонд Государственной библиотеки быстро пополняется материалом, привезённым экспедициями, организованными администрацией библиотеки.

* Отчёт опубликован в Бюллетене Общества монголоведов РАН. (М., 1993. С. 90-96). Публикация, предисловие и примечания А.О.Тамaziшвили.

За время пребывания в Улан-Баторе было также осмотрено собрание тибетской литературы в Ганданском монастыре. Это собрание по своему богатству также имеет исключительное значение для науки. Необходим каталог, чтобы сделать его доступным для научных работников.

Было также осмотрено небольшое собрание тибетских книг в библиотеке Государственного университета.

Издание каталогов не может представить затруднений. Частично такая работа уже начата работниками тибетского фонда Государственной библиотеки. Было бы желательно опубликовать каталоги к предстоящему Съезду востоковедов в Ленинграде¹ в 1960 г.

В настоящее время быстро развивается отделение тибетского языка при Государственном университете. Желательно ввести в программу университета занятия по санскритскому языку и вводный курс по индологии. Во время пребывания в Улан-Баторе нижеподписавшийся проводил по вечерам занятия по фонетике тибетского языка с работниками тибетского отделения университета.

В настоящее время Улан-Батор имеет необходимую научную и материальную базу, чтобы стать научно-культурным центром и успешно сотрудничать с соседними культурными и научными центрами в Пекине, Хуху-Хото (где имеется Монгольский университет) и в Лхасе (Тибет). Эта работа будет иметь исключительное значение в деле дальнейшего укрепления культурных связей с народным Китаем и Индией, где в настоящее время обращено большое внимание на изучение буддийской культуры в странах Центральной Азии и Дальнего Востока. О расширении востоковедной работы в Государственном университете нижеподписавшийся имел беседы с тов. Авардздом², зам. председателя Совета министров МНР, и тов. Д.Цэвэгмидом³.

За время пребывания в столице Монгольской Народной республики нижеподписавшийся подробно ознакомился с коллекциями Государственного музея. При наличии довольно богатого археологического материала, постоянно пополняемого ежегодными раскопками, следовало бы расширить экспозицию, относящуюся к эпохе образования кочевых государств.

1. XXV Международный конгресс востоковедов прошёл в Москве с 9 по 16 августа 1960 года. (В публикации использованы примечания А.О.Тамашивили с небольшой редакторской правкой. – *Ред.*)

2. Авардзэд Д. (1916 – ?) – в 1958 совмещал должности министра иностранных дел и зам. председателя Совмина МНР.

3. Цэвэгмид Дондогийн (р.1915) – монгольский учёный-биолог, дипломат, государственный и политический деятель, поэт и писатель. В 1951-1959 ректор Монгольского государственного университета. Автор повестей «Ученик Ганбат» (1940), «Встреча с детством» (1969) и очерков «В Заалтайской Гоби» (1963), романа «Первый учитель» (1982).

в Центральной и Восточной Азии и монгольского раннефеодального государства и империи. Также следовало бы значительно расширить экспозицию в отделе народного искусства Монголии (резьба по дереву и кости, чеканка и проч.).

На очереди стоит вопрос реставрации национальных памятников, пришедших в ветхость. Следовало бы обратить внимание на ценнейший памятник национальной и китайской архитектуры – монастырь Амар-Баяс-галант-хийд на р. Ивэн-голе. Этот исключительный архитектурный ансамбль может быть спасён от разрушения и не потребует больших затрат.

Нижеподписавшийся был принят тов. Цеденбалом⁴, председателем Совета министров Монгольской Народной республики, и тов. Томор-Очи-ром⁵, секретарём ЦК МНРП. Во время беседы был затронут вопрос издания новой трёхтомной «Истории Монголии», причём представители Партии и Правительства подчеркнули значение, придаваемое ими участию советских монголоведов в этой работе⁶.

Из повторных бесед с профессором Ц.Дамдинсурэном⁷, Б.Ринчином⁸ и Ш.Лувсанванданом⁹ у нижеподписавшегося сложилось впечатление, что судьбы монголоведения в Советском Союзе их живо интересуют. Указывали на желательность продолжения работ по описанию монгольского фонда Института востоковедения Академии наук СССР, начатых Л.С. Пучковским¹⁰, а также на желательность продолжения работ над «Большим монголо-русским словарём»¹¹, над которым группа сотрудников Института востоковедения работала перед Второй мировой войной.

4. Цеденбал, Юмжагийн (1916-1991) – Председатель Совета министров МНР (1952-1959), в 1958-1984 – первый, затем генеральный секретарь ЦК МНРП.

5. Очир Томор, в 1958 секретарь ЦКМНРП, ведал вопросами идеологии.

6. Имеется в виду рассматривавшийся в 1950-х проект подготовки трёхтомной «Истории Монголии» совместными усилиями учёных МНР, СССР и КНР. Этот проект реализован не был. Монголоведами МНР и СССР была создана однотомная «Истории Монгольской Народной республики» (1954), третье издание которой, переработанное и дополненное, вышло в 1983.

7. Дамдинсурэн, Цендийн (1908-1986) – монгольский лингвист, писатель, литературовед.

8. Бямбын Ринчин (1905-1977) – монгольский писатель и учёный (лингвист и историк). В 1958 руководитель исследовательского центра языка и литературы Комитета наук и высшего образования МНР.

9. Лувсанвандан Шаравын (1910-1983) – ведущий монгольский лингвист, профессор Монгольского государственного университета.

10. Пучковский, Леонид Сергеевич (1899-1970) – монголовед, сотрудник Ленинградского отделения ИВ АН СССР, автор работ: Собрание монгольских рукописей и ксилографов ИВ АН СССР (Учёные записки ИВ АН СССР, т. IX. М., 1954); Монгольские, бурят-монгольские и ойратские рукописи и ксилографы Института востоковедения. I (М.-Л., 1957).

11. Большой монголо-русский словарь в 4-х томах вышел в 2001 в изд-ве Academia.

Большое значение придаётся предстоящему съезду монголоведов, который намечается на июль 1959 г. в Улан-Баторе¹². В настоящее время проверяются списки зарубежных монголоведов. По мнению нижеподписавшегося, не следует делать съезд слишком многолюдным.

Из всех бесед нижеподписавшийся вынес определённое впечатление о наличии в Улан-Баторе прочной базы для дальнейшей научно-исследовательской работы. Столица Монгольской Народной республики, несомненно, является крупным культурным центром, и его дальнейшему росту следует оказать всемерное содействие.

Ю. Перух,

ст. научный сотрудник ИВ АН СССР

Москва, 11 августа 1958

* * *

В добавление к своему отчёту о поездке в Монгольскую Народную республику, мне бы хотелось добавить некоторые впечатления, полученные во время разговоров с деятелями науки. У меня создалось впечатление, что судьбы советского монголоведения вызывают некоторое беспокойство как в кругах партии, так и среди учёных. Мне указывали, что в связи с развитием монголоведения на Западе, в Западной Европе (Западная Германия и Англия) и в особенности в США, где за последние годы появилось много крупных работ по монголоведению, необходимо принять меры, чтобы сохранить первенствующее положение советского монголоведения. В беседах мне постоянно указывали на необходимость филологических работ и изданий текстов в духе традиций двадцатых и тридцатых годов (школа академика Б.Я. Владимирцова). Монголоведение в Улан-Баторе развивалось в тесном контакте с советским монголоведением, и большинство учёных-монголоведов получили подготовку в Ленинграде. Естественно, что их беспокоит рост монголоведения на Западе, где принимаются меры к развитию этой отрасли знания, как в чисто научных целях, так и в целях политических, под прямым руководством антисоветских кругов в католическом университете (Сиаттль), где в настоящее время работает Н.Н. Поппе¹³.

12. Первый Международный конгресс монголоведов-филологов прошёл в Улан-Баторе 1-8 сентября 1959.

13. Поппе, Николай Николаевич (1897-1991) – советский лингвист, этнограф, автор исследований по монгольскому и бурятскому языкам. Во время Второй мировой войны выехал с семьёй в Германию, работал в информационных учреждениях. В 1949 эмигрировал в США, профессор университета штата Вашингтон (г. Сиэтл).

После разгрома школы международных отношений в Балтиморе, силы монгольского отделения, группировавшиеся вокруг О.Латтимора¹⁴ (Гомбоджаб Хангин и Ургунгэ)¹⁵ были переведены в Вашингтон. В связи с этим указывалось на необходимость создания монголоведческих кадров, способных вести филологическую работу по изданию первоисточников, и на необходимость расширить монголоведческую работу в стенах Государственного университета в Улан-Баторе. В настоящее время успешно развивается университет в Хуху-Хото (Внутренняя Монголия, КНР) как центр монголоведения на основе старой письменности. Там ведётся большая работа по изданию произведений монгольской литературы и имеются довольно многочисленные национально-монгольские учёные кадры. Учитывая всё это, учёные Улан-Батора опасаются отрыва от культурных центров в Южной Монголии. Нижеподписавшийся считает желательным печатание некоторых изданий в целях экспорта, как новым письмом, так и старым. Некоторое соревнование между этими двумя центрами монголоведения и монгольской культуры неизбежно и может даже иметь полезные последствия, но при условии сохранения Улан-Батором своих позиций. Большое значение придаётся предстоящему съезду монголоведов в Улан-Баторе (июль, 1959 г.). При составлении списков иностранных монголоведов выяснилось, что самой многочисленной делегацией на съезде была бы делегация США. Чтобы избежать этого, не следовало бы посылать приглашения лицам, принадлежащим к окружению Н.Н. Поппе (например Роберт А. Рупен¹⁶) и О.Латтимора. Следовало бы ограничить приглашение лиц, связанных с бывшей школой международных отношений в Балтиморе, и ограничиться приглашением таких учёных как А.Мостэрт¹⁷ и профессор Клийвс¹⁸ (Гарвард). В Западной Германии монголоведческие силы

14. Латтимор, Оуэн (Lattimore, Owen) (1900-1989) – англо-американский востоковед, специалист по Китаю и Монголии (подробнее см. прим. 9 на с. 190). В 1950-х подозревался в шпионаже в пользу СССР, однако сумел добиться снятия обвинений.

15. Гомбоджаб, Хангин (1924-1989) и Ургунгэ, Онон (р. 1923) – выходцы из Внутренней Монголии. В 1947-1948 эмигрировали в США, по приглашению и содействию О.Латтимора, для занятий научной работой. Впоследствии видные американские монголоведы.

16. Рупен, Роберт Артур (Rupen, Robert Arthur) (р. 1922) – известный американский востоковед, специалист по новой и новейшей истории Монголии; ученик Н.Н. Поппе. В 1959 принимал участие в работе Первого Международного конгресса монголоведов-филологов в Улан-Баторе.

17. Мостэрт, Антуан (Mostaert, Antoine) (1881-1971) – французский католический священник, миссионер, известный монголовед, исследователь «Сокровенного сказания монголов». Часть жизни прожил в США, где сотрудничал с Гарвард-Яньцзинским институтом при Гарвардском университете.

18. Клийвс, Фрэнсис Вудмен (Cleaves, Fransis Woodman) (1911-1995) – американский востоковед, профессор кафедры дальневосточных языков Гарвардского университета, преподавал китайский и монгольский языки. Соавтор А.Мостэрта по публикациям монгольских летописей, осуществляемым Гарвард-Яньцзинским институтом.

сосредоточены в Геттингене, которыми руководит В.Хейссиг¹⁹. В виду его прошлого в национал-социалистическом движении в Германии следовало бы проявить большую осторожность с приглашением лиц, с ним связанных.

Из всех бесед выяснилось, что монгольские учёные предвидят попытку Запада вырвать первенство, что имело бы крайне нежелательные последствия политического характера, и готовятся встретить этот вызов.

Нижеподписавшийся получил приглашение от Комитета наук МНР принять участие в Съезде востоковедов (июль, 1959). После окончания съезда предполагал по договорённости с Комитетом пробыть в МНР ещё два месяца для продолжения научных работ и осмотра книжных фондов в стране.

Ю. Перих

27 августа 1958

ОТЧЁТ

ОКТАБРЬ 1957 – МАРТ 1958

1. Подготовка рукописи первого выпуска «Тибетско-санскритско-русско-английского словаря». В связи с этой работой было проведено два совещания по выработке русской фонетической транскрипции тибетского языка.

2. Подготовка научных кадров. Занятия с аспирантами: 6 часов в неделю лекции по тибетскому языку и чтение исторической хроники Сумпа кхэнпо; в течение месяца два часа в неделю дополнительных занятий тибетским языком с начинающим слушателем; 2 часа в неделю лекции по древнеиндийскому языку (ведийский санскрит).

В течение марта месяца занятия по фонетике тибетского языка с М.И.Воробьёвой-Десятковской (Ленинградское отделение ИВ АН).

3. За полугодие прочитаны следующие доклады. В декабре 1957 и феврале 1958 гг. прочитаны два доклада из серии «Монголо-тибетские отношения»: декабрь 1957 – доклад «Монголо-тибетские отношения XIII-XIV вв.»; февраль 1958 – доклад «Монголо-тибетские отношения XVI в.».

19. Хейссиг Вальтер (Heissig Walther) (1913-2005) – немецкий востоковед, в 1941 получил докторскую степень, путешествовал по Китаю, работал в Фу Джен (католическом) университете в Пекине, посетил Внутреннюю Монголию. В середине 1940-х был вынужден покинуть Китай из-за обвинения в шпионаже в пользу Германии. В 1951 реабилитирован, с 1957 – сотрудник университета в Бонне (ФРГ).

Первый доклад печатается в сборнике памяти академика Б.Я. Владимирцова¹. Второй доклад готовится к печати в сборнике института².

Доклад «Задачи тибетского языкознания» (прочитан в секторе филологии ИВ АН, будет напечатан в «Советском востоковедении»)³.

4. Статьи. За полугодие были написаны и сданы в печать следующие статьи и рецензии: «Упоминание бунчука в Ригведе» (сборник в честь академика В.В. Струве)⁴; «Титул Джа-гамбу керейтского» (сборник кратких сообщений ИВ АН)⁵; «Народы Гималаев» (сборник «Народы Индии», вне плана); Рецензия на книгу «Hoffmann. Die Religionen Tibets. 1956» (печатается в журнале «Советское востоковедение»)⁶; «Вмещение противоположностей (антиномий) в буддизме» (для сборника Института философии АН СССР).

5. Рецензировал следующие работы: Ю.Д. Лебедев «Монументальное искусство Средневековой Камбоджи» (Советское востоковедение, 1957, № 6); К.А. Антонова «Английское завоевание Индии, 1744-1799»; Е.С. Семяка «Древнеиндийские рабы по законам Нарады»; М.И. Воробьева-Десятковская «Краткий словарь современной тибетской прессы» (сборник «Народы Индии»); Бурдийон «Поездка к Шарпа» (на англ. яз.); В.М. Жирмунский «Вокруг Азии»; Rajasunha «Buddhism» (Colombo, 1957).

Ю. Перих,

старший научный сотрудник ИВ АН

31 марта 1958

1. Перих Ю.Н. Монголо-тибетские отношения в XIII и XIV вв. // Филология и история монгольских народов: Памяти акад. Б.Я. Владимирцова. М., 1958. С. 333-346. Переопубл.: Ю. Перих. Тибет и Центральная Азия. Самара, 1999. – *Здесь и далее прим. ред.*

2. Перих Ю.Н. Монголо-тибетские отношения в XVI и начале XVII вв. // Учёные Записки Института востоковедения АН СССР. Т. 24. М., 1959. С. 188-199. Переопубл.: Ю. Перих. Тибет и Центральная Азия (1999).

3. Перих Ю.Н. Основные проблемы тибетского языкознания // Советское востоковедение. 1958. № 4. С. 102-112.

4. Перих Ю.Н. Упоминание о Бунчуке в «Ригведе» (Т. 32) // Древний мир. – М., 1962. С. 440-441. См. наст. том, с. 61-63.

5. Перих Ю.Н. Тангутский титул Джа Гамбу Керейтского // Краткие сообщения Ин-та народов Азии. 1961. № 4. С. 41-44.

6. Rev.: Hoffmann H. Die Religionen Tibets. München, 1956. 214 p. // Советское востоковедение. 1958. № 2. С. 186-187.

ОТЧЁТ ЗА 1958 ГОД

1. Подготовка печатных работ: подготовка рукописи первого выпуска «Тибетско-санскритско-русско-английского словаря». В работе принимал участие К.М. Черемисов (Институт китаеведения АН СССР); подготовка рукописи монографии «Тибетский язык» (около 100 печ стр.). В «Восточной серии» института ISMEO (Рим) вышла монография «Амдоское наречие» (200 стр.)¹. Закончено чтение корректур «Хождения Ч'анлоцавы в Индию» (Введение. Тибетский текст. Перевод с комментариями. Статья проф. А.С. Альтекара о значении издаваемого текста для индологии). Книга выходит в серии изданий института имени К.Джаясвала в Патне².

2. Статьи за год: «Основные проблемы тибетского языкознания» (Советское востоковедение, 1958, № 4); «Монголо-тибетские отношения XIII-XIV вв.» (сборник памяти академика Б.Я.Владимирцова, 1958); «Монголо-тибетские отношения XVI в.» (Монгольский сборник ИВ АН СССР); «Бунчук в Ригведе» (сборник в честь академика В.В.Струве); «О некоторых терминах Монгольского сокровенного сказания» (Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР); «Память о тохарах в Тибете» (сборник памяти Е.Э.Бертельса, 10 стр.)³; «Народы Гималаев» (сборник «Народы Индии», 32 стр.)⁴; «Буддизм», «Буддийская философия» (Большая советская энциклопедия, 12 стр.); «Буддизм в Тибете» (БСЭ, 4 стр.); «Причастно-именные обороты в тибетском языке» (сборник «Языки Юго-Восточной Азии», 10 печ. стр.).

3. Рецензирование: Ю.Д.Лебедев «Искусство Камбоджи»; К.А.Антонова «Английское завоевание Индии в XVIII в.» (М., 1958); Е.С.Семека «Древнеиндийские рабы по законам Нараты»; М.И.Воробьёва-Десятовская «Словарь современной тибетской прессы»; Бурдийон «Поездка к Шарпа»;

1. *Le Parle de l'Amdo. Etude d'un dialecte archaïque du Tibet*. Roma: ISMEO, 1958. 159 p., 1 carte. (Inst. Italiano il Milano ed Estremo Oriente. Ser. Orientale, 18.)

2. *Biography of Dharmasvamin: (Chang lo tsa-ba Chos-rje-dpal): A Tibetan Monk Pilgrim / Histor. and critical introd. By A.S.Altekar*. Patna: K.P.Jajaswal Res. Inst., 1959. 119 p.

3. *Рерих Ю.Н.* Память о тохарах в Тибете // Сборник памяти Е.Э.Бертельса. Краткие сообщения Института народов Азии. 1964. № 65. С. 140-143. Переопубл.: Ю.Рерих. Тибет и Центральная Азия (1999).

4. В 1963 г. в серии «Народы мира. Этнографические очерки» вышла книга «Народы Южной Азии». Автором статьи «Народы Сиккима и Бутана» в ней назван Ю.И.Журавлёв. А в предисловии (с.7) говорится: «В главах о народах Сиккима и Бутана использованы материалы, предоставленные в своё время редколлегии тома известным исследователем истории и культуры Индии Ю.Н.Рерихом».

В.Г.Эпштейн «Этапы развития бирманской классической литературы»; *Ю.Д.Лебедев* «К изучению истории культуры Камбоджи»; *О.С.Прокофьев* «Древнеиндийское искусство», 300 стр.; *Г.Гоффманн* «Религии Тибета» (напечатана в «Советском востоковедении», 1958, № 2).

Редактировал: статьи для Большой советской энциклопедии: «Вайб-хашики», «Буддизм в Китае». Для «Буддийской энциклопедии» (Цейлон) редактировал статьи (около 150 стр.) по китайскому буддизму. Для той же энциклопедии перевёл с монгольского на английский несколько статей (всего 8 печ. стр.). Редактировал: *Г.Ф.Ким* «Звуковой состав корейского языка»; *В.А.Богословский* «Некоторые вопросы налоговой системы в Тибете VII-IX вв.» (26 стр.); *М.В.Софронов* «Сложные глаголы в языке романа Шуйхучжуань»; сборник «Народы Индии» (600 стр.).

4. Подготовка кадров. Руководил группой тибетского языка и группой, занимавшейся древнеиндийским языком (5 час. в неделю).

5. Июль, 1958 – командировка в МНР. Представил в дирекцию института два отчёта о командировке.

6. С 15 августа по 29 сентября находился в отпуске. Во время пребывания в Ленинграде с 29 августа по 2 сентября осматривал собрание тибетских рукописей и ксилографов в библиотеке Ленинградского отделения Института востоковедения. Результаты этого осмотра сообщены учёному секретарю института Ю.П.Насенко.

7. Октябрь-ноябрь, 1958 – организация сектора философии и истории религий при отделе Индии Института востоковедения АН СССР. В настоящее время при секторе работают следующие языковые группы: санскритская (начальная) – руководитель О.Ф.Волкова; санскритская (второй год) – руководитель О.Ф.Волкова; санскритская (для тибетологов) – руководитель Ю.Н.Рерих (2 часа); тибетская – руководитель Ю.Н.Рерих (2 часа); ведийский санскрит – руководитель Ю.Н.Рерих (2 часа в неделю). Начнёт работать группа по изучению буддийской философии (2 часа).

Ю. Рерих,
зав. сектором философии и истории религий,
доктор филологических наук

9 декабря 1958

ОТЧЁТ ЗА 1959 ГОД

1. Подготовка печатных трудов. Заканчивается совместно с К.М. Черемисовым (ИК АН СССР) работа над первым выпуском «Тибетско-санскритско-русско-английского словаря». Закончил «Очерк тибетского языка» (5 печ. лист.) для серии «Языки зарубежного Востока»¹. В серии «Serie Orientale, Roma, XVIII» вышло на французском языке монографическое исследование об амдоском наречии тибетского языка (Фонетика–Морфология–Тексты–Словарь). Написана статья «Память о тохарах в Тибете» для сборника памяти Е.Э.Бертельса (6 печ. стр.). Написана статья для БСЭ о тибетской литературе (7 печ. стр.). Написана статья для Педагогической энциклопедии о школах в буддизме (6 печ. стр.).

Написан доклад на тему «Монгольские заимствования в тибетском языке»² для предстоящего Съезда монголоведов в г. Улан-Баторе, МНР (10 печ. стр.).

Написана заметка «Памяти В.В. Голубева» (напечатана в «Проблемах востоковедения», № 3)³.

2. Руководил занятиями в следующих группах при секторе философии и истории религий: а) группа санскрита для тибетологов, 2 часа в неделю. Закончили изучение первой книги учебника Бхандаркара; б) группа буддийского санскрита, 2 часа в неделю. Читали и разбирали санскритские тексты «Махавасту» и «Лалитавистара»; в) группа тибетского языка, 2 часа в неделю: чтение и разбор тибетской исторической хроники «Сумпа кхэн-по».

3. Руководил заседаниями сектора. За год сотрудниками сектора было прочитано 11 докладов. Прочёл доклад на тему «Введение в буддийскую философию».

4. Командировки. 1) Январь, 1959 – Ленинград. Цель командировки – просмотр архивов акад. В.П. Васильева, Е.Е. Обермиллера и М.И. Тубянского. Провёл консультацию по тибетскому языку со студентами восточного факультета Ленинградского университета. Прочёл доклад «Кочевые

1. Рерих Ю.Н. Тибетский язык / АН СССР. Институт народов Азии. Языки зарубежного Востока и Африки. М., 1961.

2. Рерих Ю.Н. Монгольские заимствования в тибетском языке // Олон улсын монгол хэл бичгийн эрдэмтний анхдугаар их хурал. 2. Улан-Батор, 1961. С. 278-286. (Параллельный текст на монг. яз.).

3. Вамтилов Б.Н., Рерих Ю.Н. Виктор Викторович Голубев // Проблемы востоковедения. 1959. № 3. С. 214-215. Переизд.: Ю.Рерих. Тибет и Центральная Азия (1999).

племена Тибета» в Географическом обществе. 2) Апрель, 1959 – Ленинград. Провёл 6 занятий (по 2 часа) по тибетскому языку на Восточном факультете. Прочёл две публичные лекции на Восточном факультете: «Исторический обзор буддизма», «Буддийская философия». 3) Август-сентябрь, 1959 – на Первый Международный съезд монголоведов-филологов в Улан-Баторе. Написана статья для журнала «Проблемы востоковедения» – «Первый Международный съезд монголоведов-филологов в Улан-Баторе», 11 стр.⁴

По поручению дирекции ИВ вёл переговоры о создании комиссии по изучению кушанской эпохи. Проект послан на утверждение в Президиум АН СССР.

5. Продолжал работу по Буддийской энциклопедии, издаваемой на Цейлоне.

6. Рецензировал следующие работы: *С.И.Тюляев* «Основные этапы развития индийского искусства» (344 стр.)⁵; *Р.М.Штейн* «Индия и Китай» (300 печ. стр.); *С.Пурэвжав* «Ламаитский монастырь Гандан-Дзун-Хурэ»; *В.В.Иванов, В.Н.Топоров* «Очерк санскрита» (160 стр.); *Е.И.Кычанов* «Государство Си-ся» (278 стр.); *А.С.Пучковский* «Монгольская хроника Гангайн урусхал»; *В.Н.Топоров* «Дхаммапада» (160 стр.)⁶; *Б.В.Семичев, Б.Д.Данадарон* «Тибето-русский словарь политических терминов» (на 12 тыс. слов); *Д.Цэдэв* «Положение аратов-шабинаров ургинских хутухт в дореволюционной Монголии» (250 стр.); *Т.Я.Елизаренкова* «Система аориста в ведийском языке» (6 а.л.); *А.М.Пятигорский* «Тамильская религиозная философская литература» (12 а.л.); *А.П.Баранников, О.Ф.Волкова* «Джатакамала» (20 а.л.); *А.И.Востриков* «Историческая тибетская литература» (380 стр.)⁷; *А.П.Сердюченко* «Чжуанский язык» (5 а.л.).

7. Закончено редактирование рукописи «Мокшадхарма»⁸ академика АН Туркменской ССР Б.Л.Смирнова.

4. *Перих Ю.Н.* Первый Международный съезд монголоведов-филологов // Проблемы востоковедения. 1960. № 1. С. 237-240. См. наст. том, с. 64-69.

5. *Тюляев С.И.* Искусство Индии. М.: Искусство, 1988.

6. Дхаммапада / Перевод с пали, введение и комментарии В.Н.Топорова. Отв. ред. Ю.Н.Перих. Bibliotheca Buddhica. Вып. XXXI. М.: Издательство восточной литературы, 1960. С начала 1990-х годов книга выдержала около десяти различных переизданий.

7. *Востриков А.И.* Тибетская историческая литература. Bibliotheca Buddhica. Выпуск XXXII. М.: Издательство восточной литературы, 1962.

8. Мокшадхарма (Махабхарата, V, часть I) / Перевод с санскрита, предисловие, примечания и толковый словарь академика АН Туркменской ССР Б.Л.Смирнова. Ашхабад: издательство АН ТССР, 1961.

* * *

Для Совинформбюро написаны статьи «Буддизм в СССР» (13 стр.), «Буддизм» (10 стр.), «Тибетская литература» (5 стр.).

Совместно с Н.П.Шастиной написана статья «Грамота Петра I Алтынхану монгольскому»⁹.

Вышла статья «Монголо-тибетские отношения в XVI – начале XVII вв.» (Монгольский сборник ИВ АН СССР. М., 1959).

* * *

К XXV Международному конгрессу востоковедов написан и обсуждён доклад «Сказание о Раме в Тибете» (11 стр.)¹⁰.

*Ю. Рерих,
зав. сектором философии отдела Индии ИВ АН СССР,
доктор филологических наук*

8 декабря 1959

9. *Рерих Ю.Н., Шастина Н.П.* Грамота царя Петра I к Лубсан-Тайджи и её составитель // Проблемы востоковедения. 1960. № 4. С. 140-150. См. наст. том, с. 48-60.

10. *Рерих Ю.Н.* Сказание о Рама в Тибете. М., 1960. (XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР.) Переопубл.: Ю.Рерих. Тибет и Центральная Азия (1999).

ЗАМЕЧАНИЯ К ПРОЕКТУ
ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕЗИДИУМА АКАДЕМИИ НАУК СССР

Предметом изучения советской науки должно явиться не только изучение западноевропейской философии с её приматом греко-римской традиции, но и философия Востока, в особенности же философия мысли Индии и Китая.

Такое изучение должно служить не только чисто научным целям, но и явиться началом объединяющим, служить культурному взаимодействию между народами Советского Союза и народами стран Востока.

На данном этапе особенное значение приобретает максимальное освоение письменных источников. Необходимы адекватные переводы творений классиков философской мысли Индии и Китая с комментариями.

Очень остро стоит вопрос кадров – специалистов, филологов и философов. Считаем, что подготовка высококвалифицированных специалистов является главной задачей на данном этапе.

В дальнейшем следует обсудить подготовку отдельных монографий о религиозных движениях в Индии и Китае, вскрыв их социальные и политические корни.

Ю.Н. Перих

Архив Института востоковедения РАН

ПУБЛИЦИСТИКА

ЭКСПЕДИЦИЯ АКАДЕМИКА Н.К.РЕРИХА В ГЛУБИНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

В ПОИСКАХ ТАИНСТВЕННОЙ КРЕПОСТИ ДАМБЕЙ-ДЖАЛЦАНА

Под усеянным звёздами небом караван верблюдов проникает в сердце чёрной Монголии – Гоби – в поисках таинственной крепости Дамбей-джалцана.

В пустынных просторах Центральной Азии наблюдается порой появление необыкновенных личностей, оказывающих глубокое влияние на окружающее. Дамбей-джалцан – «Знамя Учения» – был одним из таких людей. Его жизнь полна тайн, никто точно не знает, откуда он пришёл, какую цель преследовал.

Вся Азия служила ему полем деятельности, от Астрахани на юге России до Пекина, от Монголии до далекого Тибета. Эта выдающаяся личность, деяния которой приводят в замешательство наблюдателей современной истории Монголии, была открыта западному миру книгой Оссендовского «И звери, и люди, и боги»*, в которой она фигурирует под именем Тушегун-ламы, человека, обладающего загадочным могуществом, предводителя отважнейшего отряда.

На фоне монгольской революции 1911-1912 годов фигура Дамбей-джалцана, «Карающего ламы», выделяется наиболее рельефно. В будущей книге, посвящённой экспедиции Рериха, я расскажу о его жизни во всех подробностях**, но здесь мне бы хотелось описать его замок, расположенный в сердце Монгольской Гоби. Дамбей-джалцан провёл последние годы своей жизни в пустыне. Мы были первыми иностранцами, посетившими его заброшенный замок.

* *Осендовский Фердишанд. И звери, и люди, и боги.* Пер. с англ. В.Бернацкой. М., 1994. – Здесь и далее прим. ред.

** См.: *Рерих Ю.Н. По тропам Срединной Азии.* Самара, 1994. Гл. XI.

После долгих дней пути караван экспедиции пересёк бесплодную Монголию в районе Гоби – царство песка, этих песчаных барханов, протянувшихся на юг сколько хватает глаз.

На горизонте тёмная линия – огромная равнина Гоби, покрытая щебнем. На чёрной поверхности каменистой пустыни лежат тёмно-опаловые отблески. В знойном воздухе дрожат миражи – озёра, острова, покрытые пышной растительностью.

У нас в перспективе три дня передвижения по пустыне без воды. Люди и животные с трудом следуют по едва различимой тропинке. Во время этих долгих переходов через иссохшие пространства глава каравана должен, прежде всего, беречь силы верблюдов.

Мы пересекли тесное ущелье, загромождённое камнями круглой формы. По обеим сторонам тропы поднимаются высокие гранитные скалы с острыми гранями, чередующиеся с черноватыми базальтовыми массами. Вершины гор увенчаны утёсами, которым разрушения времени придали фантастический вид недоступных замков или крепостей, охраняющих караванный путь.

ЧЁРНЫЙ ЩЕБЕНЬ ГОБИ

Снова каменистая пустыня – чёрные камни Гоби. Верблюды продвигаются вперёд своим мерным шагом, крутя головами с важным видом, словно в поисках конца-края этой пустыни, ранившей подошвы их ног своим острым щебнем. Надо идти вперёд во что бы то ни стало.

Как величественны рассветы и закаты в пустыне!

Заходящее солнце внезапно закрывается тёмно-пурпурными молниями, огромная равнина окутывается красноватыми отблесками. Несколько минут громового треска, затем краски меркнут и бескрайняя пустыня погружается в фиолетовую тень. На поразительно тёмном небе Центральной Азии появляются звёзды; благодаря исключительной сухости атмосферы, они сверкают бесподобным блеском. Караван продолжает свой путь, восходит луна, и её нежный синеватый свет озаряет пустыню, это сердце Азии, дремлющее под тяжким покрывалом из чёрных камней.

Вся область несёт на себе следы разбойничьих действий.

Впереди каравана наши разведчики верхом на верблюдах осматривают равнину и ущелья; они подают нам знаки, свободна ли дорога. Большинство наших невооружённых людей несут палаточные копыя в чехлах для ружей, так что, даже вблизи, весь караван кажется вооружённым до зубов. И день за днём мы пересекаем знойную пустыню.

ЭКСПЕДИЦИЯ ДОСТИГАЕТ ЗАМКА
ДАМБЕЙ-ДЖАЛЦАНА

Во время ночного перехода наши проводники привели нас к замку Дамбей-джалцана; но ночь была так темна, что они не могли определить точного местоположения, и мы осознали, где мы находимся, только на заре. Не было и речи о том, чтобы разбить лагерь, прежде чем мы займём замок, потому что, если бы там стоял гарнизон разбойников, они быстро атаковали бы наши палатки. С рассветом руководитель экспедиции решил обследовать крепость, и караван получил приказ оставаться в полной готовности, чтобы в любой момент продолжить путь. Люди, обычно очень дисциплинированные, категорически отказались следовать за нами. Они заявили, что готовы сражаться с китайцами, тибетцами, монголами, но не хотят вступать в замок Дамбей-джалцана, тем более бороться против его людей. Самые убедительные доводы не могли поколебать их решения. Мы* должны были действовать одни. Договорились, что с верхушки сторожевой башни дадим знак ружьями, если крепость окажется незанятой. В случае сопротивления выстрелы предупредили бы караван.

Мы быстро доехали до первой сторожевой башни, откуда легко могли обозревать крепость; она казалась совершенно пустой, по крайней мере, внутри мы ничего не видели. Тогда мы проникли в первый двор, всё время держась настороже. Тишина была полной, ни собак, ни людей, только груды обломков, оставленных последними оккупантами. Многочисленные очаги обнаруживали свежие следы огня; крепость была покинута не так давно.

Замок, построенный на невысоком холме, прислонялся к низкому гребню, составляя единое целое с массивом Бага-мацушан. Внутренние дворы, окружённые высокими кирпичными стенами, вели к главному зданию – старой резиденции Дамбей-джалцана. Это было четырёхугольное строение, снабжённое широкой дверью и покрытое плоской крышей, с башенками по всем углам. На первом этаже находился большой зал, центр которого образовывал очаг. Маленькая каменная лестница позволяла достичь второго этажа, где находились личные апартаменты главы разбойников. Многочисленные концентрические ограждения защищали крепость. Сторожевые башни, которые, без сомнения, имели каждая свой гарнизон, венчали близлежащие холмы и скалы, нависавшие над замком.

* На разведку Ю.Н.Рерих отправился с участия экспедиции П.К.Портнягиным. См.: *Рерих Ю.Н.* По тропам Срединной Азии. Самара, 1994. С. 202.

Большое количество очагов под крепостными стенами, сложенными из камня, доказывали, что в эпоху Дамбей-джалцана крепость окружал кочевой город из многих тысяч палаток. В самом центре чернокаменной пустыни этот монгольский предводитель разбил укрепленный лагерь, который и поныне наполняет страхом сердца монголов и тибетцев.

МИРНЫЙ ВИЗИТ РАЗБОЙНИКОВ

Мы нашли замок пустым. Несомненно, те, кто его занимал, покинули замок за несколько дней до нашего прибытия, чтобы рассеяться по окрестным холмам. К вечеру несколько человек принялись кружить вокруг нашего лагеря, не решаясь атаковать нас или угнать наших верблюдов. Все носили плащи из грубой шерсти; на одних были меховые шапки, у других вокруг головы повязаны синие платки. Все верхом на хороших лошадях. Совершив короткий осмотр, они исчезли в облаке пыли.

Среди кочевников Монголии память о Дамбей-джалцане остаётся великой и священной. В караване экспедиции был торгоут Этсин-гол, много лет проведший в центре провинции Мацушан. Однажды я слышал, как он пел о подвигах Дамбей-джалцана. Я попросил его повторить слова песни, но он отказался, говоря, что не знает никаких песен о великом предводителе. Все наши настойчивые просьбы были напрасны, человек только смеялся; поскольку подошла его очередь сторожить транспортных животных, я должен был отпустить его. Он вскочил в седло и помчался по степи к табуну лошадей, щипавших траву. Вдруг раздался его голос: он пел ту же песню, прославляющую Дамбей-джалцана. Я различал мелодию, не в силах разобрать слов. Человек отказался петь в нашем присутствии, но сейчас, посреди степи, он повторял старую разбойничью песню о Дамбей-джалцане, воздвигшем крепость в центре чёрной пустыни. Песнь принадлежала пустыне; кочевнический кодекс не позволял исполнять её для чужеземцев.

ТАИНСТВЕННЫЙ ВСАДНИК ОХРАНЯЕТ ЭКСПЕДИЦИЮ В ТИБЕТЕ

Заходящее солнце окутало густой лиловой дымкой широкую долину Шарагола, между тем как на другом берегу реки светилась стена гор с зубчатыми вершинами, резко контрастируя с тенью долины. Это был яркий пример закатов на высоких плато Центральной Азии, вызывающих неизменное восхищение путешественников богатством оттенков. Песча-

ная долина, расстилавшаяся, насколько хватало глаз, перед палатками экспедиции, была безлюдна, монгольские стада ушли, возвращаясь на свои стойбища.

Неожиданно вдалеке показался одинокий всадник. Он быстро приближался, и на его верховом животном, великолепном экземпляре монгольской породы лошадей, можно было разглядеть признаки усталости; по-видимому, он проделал большой путь. На территории лагеря всадник спешился и сказал, что хочет поговорить с главой экспедиции под покровом закрытой палатки. На вопрос часового он не пожелал открыть ни своего имени, ни цели своего приезда. Таинственный чужак в роскошном одеянии из шёлка и золотой парчи был молодым ламой или тибетским монахом. Мы никогда больше не видели столь великолепно одетого человека: он казался сошедшим с одной из тех старинных тибетских картин, на которых цари подносят Будде свои дары.

В наши дни в глубинах Азии надо быть осторожным. Человек мог оказаться атаманом разбойничьей шайки, приехавшим разведать силы экспедиции. Бандиты этих мест используют иногда подобные трюки. Мы всё же решили позволить гостю поговорить с руководителем экспедиции и провели его в палатку.

Войдя в палатку, он сразу принялся говорить очень быстро, с беспокойным видом. По его словам, предстоявшая нам дорога была полна опасностей и 70 хорошо вооружённых всадников готовились напасть на экспедицию в горах на юге от болот Цайдама. «До Элису-дабана дорога вам открыта, – сказал человек, – но опасность подстерегает вас на перевале». Он исчез, прежде чем мы успели отдать себе в этом отчёт. Неожиданное появление загадочного незнакомца взволновало всех наших монголов, но никто не мог сказать, кто это был и откуда он приехал. Его предупреждение, если это была правда, имело большое значение, нам нужно было принять чрезвычайные меры предосторожности.

ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ СОЛЯНУЮ ПУСТЫНЮ

Несколько дней спустя экспедиция начала своё продвижение по району Цайдама, соляные болота которого представляют собой самую унылую область Центральной Азии. Мы намеревались пересечь соляную пустыню в её центральной части, восточнее или западнее солёного озера Дабасун нор. Простая тропинка позволяет продвигаться между соляными топями. Летом дорога непроходима для караванов по причине большой жары и полного отсутствия свежей воды. Единственный способ пересечь эти

болота – за один перегон. Это был изнуряющий переход. По краям тропинки лежат огромные глыбы соли, разделённые глубокими впадинами. Неверный шаг лошади, и всадник свалится в одну из трясин, окаймляющих дорожку. Только на следующий день, после 36 часов пути, мы достигли пастбищ Тейджинера.

Эти земли постоянно разоряются бандами грабителей-тибетцев, принадлежащих к воинственным племенам. Их летние и осенние набеги и карательные экспедиции, которые монголы предпринимают против грабителей, глубоко изменили нравы монгольских племён. Когда вы приближаетесь к местности, где непрерывно ведутся межплеменные войны, где люди никогда не спят спокойно, поскольку им всё время чудятся пронзительные крики тибетских горцев, у вас у самих складывается впечатление, что вы вдыхаете опасность вместе с воздухом. Внешний вид лагеря кочевников изобличает постоянную неуверенность, в которой живут эти люди: лошади спутаны, сторожа стад вооружены и верхом на лошадях, конные отряды патрулируют подступы к горам.

Соседние монголы сообщают нам о несомненной активности грабителей-горцев; чтобы избежать столкновения с ними, они собирают свои палатки и отгоняют стада к северу. По их словам, долина Нейджи, по которой проходит дорога на Лхасу, особенно опасна.

На входе в узкое ущелье мы встретили последний монгольский пост; за ним начиналась «ничейная земля» (no-man's land*). В течение нескольких часов экспедиция пересекала область, буквально опустошённую бандитами.

Караван нужно было охранять днём, во время перехода, и ночью, на стоянке. Почти ежедневно мы обнаруживали следы вражеских патрулей, шедших впереди нас, следивших за нашими действиями. Было беспокойно; наши монголы не сомневались, что предсказание таинственного незнакомца сбудется.

13 сентября 1927-го было мрачным днём, плотные серые тучи нависали над горами. Караванный путь шёл по правому берегу реки Нейджи. Сквозь стремительные облака, туман и высокие вершины гор временами можно было различить снежные пики и ледники хребта Марко Поло.

Едва мы достигли южного склона Элису-дабана, места, указанного неизвестным шарагольским ламой, как увидели отряд всадников, быстро пересекавших дорогу и направлявшихся к плато, расположенному слева от нашего пути. Времени на размышления не было. Они неслись на нас во весь опор; ссохшаяся почва плато эхом отдавалась под копытами лошадей;

* термин, обозначающий территорию, которая никому не принадлежит

все люди были вооружены. «На расстоянии трёхсот метров стреляем», – крикнул командующий, полковник Кордашевский, и каждый приготовился действовать по сигналу.

Но вражеские всадники, похоже, были в нерешительности. Они резко остановились плотной группой; мы увидели, как они вложили сабли в ножны; многие спешили и совещались между собой. Наши решительные действия смутили их; они сочли за лучшее послать парламентёров. Когда те приблизились, наши всадники в целях предосторожности окружили отряд разбойников. Одно только превосходство нашего огнестрельного оружия произвело большое впечатление на готовивших на нас засаду и заставило их отказаться от атаки.

После короткой остановки мы продолжили свой путь.

Один из наших людей узнал, болтая с кем-то из разбойников, что они ждали на следующий день значительное подкрепление, но панаги не вернулись и ночь прошла спокойно.

Часто я спрашиваю себя: кто был этот таинственный чужеземец, покровительствовавший нам? Благодаря ему, мы приняли все необходимые меры предосторожности и благополучно миновали опасную территорию.

НА ВЫСОКОГОРНЫХ ПЛАТО ТИБЕТА ЭКСПЕДИЦИЯ ВСТРЕЧАЕТ СТАДА ДИКИХ ЯКОВ

Высокогорный Тибет – земля уныния. Насколько хватает глаз – волны холмов, разделённых заболоченными равнинами. Днём жгучее солнце сдирает с путников кожу. Ночью сильный холод покрывает тонкой коркой льда поверхности озёр и ручьёв. Порой неистовый ветер выметает плато и вздымает тучи пыли, смешанной с мелкими камешками, которые так жестоко бьют в лицо, что через несколько минут человека не узнать.

Редко встречаются на обширных просторах высокогорного Тибета животные. Горный край, простирающийся между горами Дунгхудра и хребтом Гурбун Нейджи, является родиной диких яков. Эти огромные животные с грубой шерстью свободно проходят по широким равнинам, пролегающим между склонами гор. Прекрасные стада, насчитывающие до двухсот голов, бродят по «ничейной земле» Тибета.

Во время нашего путешествия по южным тибетским плато мы нередко встречали большие чёрные стада этих животных. Часто, желая разбить лагерь на берегу ручья, стекающего с гор, мы внезапно слышали ужасный стук падающих камней, как при обвале. Шум камней сопровождался треском и глухим звуком сотен копыт, топчущих землю. Яки, образуя огромную

сумрачную массу, спускались с покатого склона горы, и в течение нескольких секунд берега ручья были черны от них. Эти великолепные животные щиплют прибрежную траву и пьют свежую воду, стекающую с гор. Большие быки, стражи и вожаки стада, держатся настороже, опустив рога, готовые стремительно атаковать.

Охота на яков очень занимает кочевников Тибета. В конце осени и зимой многочисленные группы охотников отправляются на высокогорье. Целыми днями преследуют они стада яков, следя за их движениями, пытаясь окружить одинокое животное, на мгновение оторвавшееся от других. В ходе этих вылазок туземным охотникам, зачастую застигаемым снежными бурями, приходится много претерпевать. Они редко берут с собой палатки и проводят ночи на открытом воздухе вокруг походного костра; что касается топлива, его находят поблизости. Во время этих походов охотники питаются сырым мясом и маленькими порциями цампы, или жареной ячменной муки, национальным тибетским кушаньем. Они спят, согнувшись в странном положении, и часто – зарывшись в снег. Их лошади, эти закаленные животные, которые питаются сушёным мясом или цампой и листьями чая, остаются стоять рядом со спящими хозяевами, спиной к яростному ветру. Таков вид временного лагеря охотников в Тибете.

Подавляющая часть тибетских охотников полагает, что яки близятся к своему исчезновению. Большие стада встречаются теперь только в очень отдалённых районах, таких, как хребет Марко Поло, южный край Цайдама или широкое пустынное плато, расположенное на север от Больших озёр Тибета. В Трансгималаях дикие яки водятся в самых высокогорных долинах и встречаются на больших высотах. Когда мы преодолевали перевал Сангмо Бертик (около 20000 футов), один из самых высоких перевалов главного хребта Трансгималаев, мы имели уникальную возможность наблюдать большие стада диких яков, карабкавшихся по почти отвесному головокружительному склону. Эти громадные животные, при каждом шаге посылающие камни и облака песка в ревуший под ними поток, представляли собой величественное зрелище. На мгновение их тёмные силуэты чётко выделились на прозрачном фоне тибетского неба, затем исчезли за скалистой стеной.

Такова одна из тех картин первозданного Тибета, которые возникают в воображении всякого, кто созерцал огромные пространства этих незабываемых гор.

Париж, 1930

ТВОРЧЕСТВО Н.К.РЕРИХА

В творческой жизни Николая Константиновича Рериха русский Север и Азия явились двумя ведущими началами, в которых он черпал своё художественное вдохновение. Его ранние творческие годы отдали дань «сказке» сурового Севера, варяжских настроений, славянской Руси, Великого Новгорода, который он полюбил и как художник, и как учёный-археолог. Темам родного Севера он остался верен всю свою творческую жизнь. На севере Ладожского озера он создаёт сюиту северных пейзажей, которая говорит о впечатлении, произведённом на него Валаамскими островами. Как бы последним аккордом этих северных настроений явились его полотна, исполненные в сороковых годах, когда над Родиной нависли грозные тучи небывалого в истории народа ратного напряжения. В этих полотнах отразилось и его постоянное памятование о Родине, о родном Севере, и, быть может, последнее прощание художника с одним из источников его творческого вдохновения.

Вторым ведущим началом явился Восток – Индия, Китай, Монголия, Тибет. Восточные мотивы в нашей культуре, те вековые исконные связи, которые роднят наш народ с великими странами Востока, давно привлекали его внимание. Для него кочевой уклад наших степей, богатая орнаментака кочевого искусства были так же близки, как и исконно русские мотивы нашего искусства. Для него Россия была наследницей всего этого культурного богатства. Соборность нашей культуры, соборность нашей государственности – союз народов-братьев, были полны глубокого значения для его миропонимания. На его долю выпало близко подойти к Востоку. Многолетние странствования по Средней Азии раскрыли перед ним всё богатство грандиозной природы сердца Азии. Он подымается на высоты Гималаев и запечатлевает на своих полотнах всю неповторимую красоту Гималайской горной страны. Гималайскому горному миру он посвящает не только свои картины, но и многие страницы своих воспоминаний. В этот горный мир звали его не только красоты природы, но и те культурные вековые накопления, которые так украшают Индию. В своих произведениях Николай Константинович подчеркнул эту особенность замечательной страны и глубоко ценил ту культурную утончённость, которая отличает лучших сынов индийского народа.

Многие из его полотен посвящены великому Китаю, тибетским нагорьям, которые он как-то особенно чувствовал во всей их суровости. Ещё в России, на родном ему Севере, он мысленно обращался к Монголии. Для него столь тесно сплетённые судьбы русского и монгольского народов были полны особого значения, и в этом он усматривал особенность исторического пути этих народов, судьбы которых ткали яркий неповторимый узор.

В постоянных трудах, как художник и учёный, Николай Константинович не забывал о проблемах народного образования, о приобщении широких народных масс к культуре. Везде и всюду он несёт искусство в народ, стремится сделать культурные достижения общедоступными. Перед лицом небывалых разрушений культурных памятников в годы Первой мировой войны, он предлагает учредить своего рода Красный Крест культуры для охраны памятников искусства, университетов, книгохранилищ. В грозные предвоенные годы Второй мировой войны он, вместе с великим поэтом Индии Рабиндранатом Тагором, подымает свой голос в защиту мира, в защиту культурного достояния. Предложенный им Пакт по охране культурных ценностей был принят государствами уже после его смерти в 1947 году.

Прозревая будущее, Николай Константинович мысленным взором видел картину небывалого культурного сотрудничества между народами Советского Союза и великими народами Азии, нашими соседями, которые, как и мы, превыше всего ставят понятие мира и дружбы во благо многих.

Москва, 1959

Архив музея Николая Рериха, Нью-Йорк

ЛИСТКИ ВОСПОМИНАНИЙ

Азия, Восток давно привлекали внимание Николая Константиновича. Интересовали его общие корни славянства и индоиранцев, восточные истоки древней Руси, красочный кочевой мир наших степей. И в художественном творчестве, и в научных исканиях художника Север, Русь с Великим Новгородом (ведь именно Рерих был зачинателем раскопок Новгородского Кремля) неизменно сочетались с Востоком, с кочевым миром Внутренней Азии, с миром древнеиндийской культуры и мысли.

Этим двум основным устремлениям художественного творчества и своего научного интереса Николай Константинович оставался верен всю свою творческую жизнь. Эти основные интересы его творчества навсегда остались как бы путеводными огнями его пути как художника и учёного.

Ещё в раннем юношестве явились к нему первые касания горного мира Внутренней Азии. Николай Константинович вспоминал, как ещё в эти годы его внимание привлекло изображение горного массива, висевшего в доме отца в Изваре. Это была Канченджонга («Пять сокровищ великого снега»), вторая по высоте вершина Гималаев, которую в дальнейшей своей жизни Николаю Константиновичу суждено было столь часто и подолгу созерцать и запечатлеть её на многих своих полотнах.

В доме отца Николая Константиновича частыми посетителями были профессора-монголоеды А.М.Позднеев и К.Ф.Голстунский, и с ранних лет своеобразный мир монгольской степи со всей присущей ей героикой рано вошёл в жизнь Николая Константиновича. Навянные этим образы он выразил в своей поэме «Чингис-хан».

Степь и горный мир, нетронутая природа всегда влекли к себе Николая Константиновича, и эти ранние устремления крепнут, созревают и становятся неотъемлемой частью всей второй половины его жизни.

Но взор его устремляется дальше, и за снежными грядами Гималаев он видел равнины Индии, мысль и искусство которой давно и глубоко интересовали его. Ещё до Первой мировой войны вместе с археологом В.В.Голубевым обсуждает он планы археологических экспедиций в Индию, участвует в комитете по построению вихары, буддийского храма

в Ленинграде. Так закладывается фундамент будущей долголетней работы непосредственно в Индии.

В 1923 году Николаю Константиновичу удаётся осуществить многолетнюю мечту. После больших персональных выставок в Финляндии, Швеции, Дании, Англии и США, Николай Константинович отплывает из Франции в Индию, которая с этого времени на многие годы становится для него больше чем полем творческой деятельности, становится тем, что индийцы называют «кшетра» – «поле делания, жизненная битва».

В Индию он приносит весть о русской культуре, а сам глубоко проникает к истокам древнеиндийской культуры. Он изучает памятники прошлого, собирает легенды, наблюдает жизнь индийского земледельца, в которой находит много общего с нашим славянством, с русским крестьянским укладом. К этой исконной общности Николай Константинович возвращается многократно и в своих литературных произведениях.

С конца 1923 года Николай Константинович работает на Гималаях, и горный мир этой «Обители снегов» со всем его красочным блеском мощно захватывает его. Сиккиму, небольшому горному княжеству в Восточных Гималаях, расположенному у подножья горного массива Канчендзонга, посвящает он многие полотна и в проникновенных словах пишет об этой чудесной горной области:

«Два мира выражено в Гималаях. Один мир земли, полный здешних очарований. Глубокие овраги, затейливые холмы столпились до черты облаков. Курятся дымы селений и монастырей. По возвышениям пестрят знамёна, субурганы или ступы. Входы тропинок переплели крутые подъёмы. Орлы спорят в полёте с многоцветными змеями, пускаемыми из селений. В зарослях бамбука и папоротника спина тигра или леопарда может гореть богатым дополнительным тоном. На ветках прячутся малорослые медведи, и шествие бородатых обезьян часто сопровождает одинокого пилигрима. Разнообразный земной мир. Суровая лиственница стоит рядом с цветущим рододендроном. Всё столпилось. И всё это земное богатство уходит в синюю мглу гористой дали. Гряда облаков покрывает нахмуренную мглу. Странно, поражающе неожиданно после этой законченной картины увидеть новое надоблачное строение. Поверх сумрака, поверх волн облачных сияют яркие снега. Бесконечно богато возносятся вершины: ослепляющие, труднодоступные. Два отдельных мира, разделённые мглой.

Помимо Эвереста (Джомолунгма), пятнадцать вершин гималайской цепи превосходят Монблан. Если от Великой Рангит (река) осмотреть все подступы до снеговой черты и все белые купола вершин, то нигде не запоминается такая открытая стена высот. В этом грандиозном размахе – осо-

бое зовущее впечатление и величие Гималаев». (Николай Рерих. Струны Земли: Мысли в Сиккиме.)

Читая эти строки, вспоминаешь полотна «Помни», «Капли жизни», «Жемчуг исканий» из серии произведений, посвящённых Сиккиму. Для Николая Константиновича горный мир Гималаев становится в те годы особенно близким, ярким источником вдохновения. Художественные критики отметили это и назвали его «мастером гор», отмечая этим новое направление в творчестве Николая Константиновича.

Для Николая Константиновича созерцание горного пейзажа не было просто любованием красотами природы. Оно отвечало его внутренним стремлениям глубокого проникновения в природу. Подобно старым китайским пейзажистам, сочетавшим глубокую философию с поразительным изобразительным искусством и чувством природы, Николай Константинович в полном смысле слова живёт этим горным миром. Он наблюдает его во все часы дня и ночи и изображает его на своих полотнах. Ранним утром наблюдает он восход, то, что тибетцы, эти истые горцы, образно называют «цэ-шар» – «сверкание вершин», когда снега загораются ослепительным светом в предрассветной мгле, которая медленно опускается в долины.

Он запечатлевает и яркую феерию заката, когда бесконечные горные гряды, подобно волнам моря, лиловеют в лучах заходящего солнца. Перед зрителем проходит вся гамма настроений горного мира: суровые недоступные вершины; область вечных снегов; облачное царство, скрывающее вершины во время летних дождей, когда туман на многие дни прячет от взоров красоту горной панорамы; грозные снежные бури, сопровождающие смену времён года. Все эти образы природы глубоко волновали Николая Константиновича. Он любил горы во всех их обликах: и в гнев снежного урагана, и в часы ночного бдения, когда в горах как-то особенно тихо.

Но для него уход в горы не был уходом от жизни. Подобно индусам, древним и современным, он черпал в горах силы для дальнейшей работы в миру. В горы он звал и молодёжь, звал к здоровой жизни среди природы. Для него научная работа, кроме её чисто исследовательского значения, имела и глубоко воспитательный смысл. Он часто говорил, как по необъятной территории нашего Союза пойдут молодые силы в поисках нового в Сибири, в горах Средней Азии, продолжая этим славные традиции русских землепроходцев, этих строителей государства, вышедших из свежей толщи народной.

С приездом в Индию для Николая Константиновича начался период его жизни, связанный с большими научно-художественными экспедициями во Внутренней Азии. В августе 1925 года Николай Константинович во главе

экспедиции, в которой приняла участие и его супруга Елена Ивановна, покидает Кашмир и направляется в Ладак, часть западно-тибетского нагорья, входящего в Индию. Из Ладака, по высочайшей в мире караванной дороге через перевал Каракорум, экспедиция направилась в Таримский бассейн, в древний Хотанский оазис, который в раннем Средневековье был одним из центров индийской буддийской культуры. В Хотане Николай Константинович приспособливает под мастерскую загородный дом афганского аксакала (аксакал – торговый старшина) и пишет серию «Знаки Майтреи», на полотнах которой изображает буддийский мир легенд и суровую природу тибетского нагорья Чангчэмно («Великий Север», так называется северо-западная часть тибетского нагорья, к северу от Ладака).

Проведя почти целый год в Синьцзяне, Николай Константинович и его спутники направляются из столицы провинции г. Урумчи в Москву, откуда летом 1926 года посещают Алтай. Для Николая Константиновича Алтай на Севере и Гималаи на Юге были как бы полюсами единого грандиозного горного мира. Недаром дневники экспедиции, куда он заносил свои мысли, родившиеся во время странствования, были названы им «Алтай-Гималаи». Его мысленный взор охватывал весь необъятный простор Внутренней Азии от вершин Алтая (Белуха, массив Табун-Богдо в Монгольском Алтае) до вершин Гималаев. Характерно, что снежная вершина Гепанг, возвышающаяся над избранной Николаем Константиновичем для многих лет жизни долиной Кулу в Западных Гималаях, своими очертаниями живо напоминает далёкую северную Белуху.

С Алтая экспедиция направляется в Монголию, в столицу Улан-Батор, который становится базой для подготовки дальнейшего пути через монгольскую Гоби в Тибет. Здесь, в Монголии, путь экспедиции скрещивается с маршрутами прежних русских исследователей Центральной Азии – Н.М.Пржевальского и П.К.Козлова. После перехода через Монгольскую Гоби в провинцию Ганьсу (Западный Китай), экспедиция провела несколько месяцев в Цайдаме и горах Наньшаня, где много и плодотворно работала. В Цайдаме начинается наиболее трудная часть всей экспедиции – переход через Северо-тибетское нагорье, или Чантанг, суровую горную страну между хребтом Куньлунь на севере и Трансгималаями на юге. До верховий реки Нагчу (верховье Сальвина) путь экспедиции местами совпадал с путём Н.М.Пржевальского. В области западных хоров, одного из главных племён кочевников Северного Тибета, путь экспедиции был преграждён местными властями, и участники были вынуждены провести суровую, исключительно снежную зиму 1927-1928 гг. в крайне тяжелых условиях на высоте 5000 метров. Об этом трудном времени Николай Константинович писал в своём дневнике: «На наших глазах погибал караван.

Каждую ночь иззябшие голодные животные приходили к палаткам и точно стучались перед смертью. А на утро мы находили их павшими тут же, около палатки, и наши монголы оттаскивали их за лагерь, где стаи диких собак, кондоров и стервятников уже ждали добычу. Из ста двух животных мы потеряли девяносто два. На тибетских нагорьях остались и пять наших спутников».

На многих этюдах, привезённых Николаем Константиновичем из экспедиции, мы видим эту суровую природу тибетского нагорья. «Огни пустыни» воскрешают перед зрителем картину тибетского стана ранним утром перед восходом. Среди костров темнеют так называемые ба-нак («чёрные шатры») – палатки тибетских кочевников, сделанные из шерсти яка. На другом этюде мы видим летнюю палатку экспедиции, занесённую снегом и затерявшуюся среди снежного безмолвия нагорий.

После пяти месяцев стоянки экспедиция ранней весной 1928 года получила возможность продолжать путь на юг, единственный возможный для нас, принимая во внимание и состояние личного состава экспедиции, и немногих оставшихся в живых караванных животных.

Путь по области Великих Озёр, лежащий к северу от Трансгималаев, пролегал по местности, не затронутой прежними русскими экспедициями в Тибет и ещё мало известной в географической науке. Через горный пояс Трансгималаев, мощной горной системы, простирающейся к северу от реки Цангпо (Брахмапутра), экспедиция перешла в Южный Тибет, в бассейн Цангпо. Здесь рождается серия картин «Твердыня Тибета», изображающая замечательные памятники тибетского зодчества раннего Средневековья. Южный Тибет, прилегающий к северной границе Непала, изобилует памятниками прошлого, и многие из буддийских монастырей этой области представляют собой настоящие музеи древнеиндийского, непальского и тибетского искусства. Здесь был собран богатый научный материал.

В мае 1928 года экспедиция пересекла Великие Гималаи и вновь вернулась в Сикким.

Несмотря на все трудности пути, Николай Константинович привёз из экспедиции 500 полотен и этюдов. Кроме многочисленных зарисовок с седла, в тибетскую сюиту входят полотна, посвящённые народным легендам, богатому и красочному эпосу. Николай Константинович неоднократно возвращается к темам, связанным с монголо-тибетским национальным эпосом о царе Кэсаре (монгольский Гэсэр), поборнике социальной справедливости, с именем которого в Тибете связаны мечты о светлом будущем народа. Ещё по сей день на скалах и камнях высекают пастухи-кочевники символы, связанные с культом народного воителя – изображения мечей и горных козлов. Во время экспедиции Николаю Константиновичу удалось

обследовать многие мегалитические памятники к северу от Трансгималаев, а также кочевое искусство, характерной чертой которого был «звериный» стиль, столь типичный для кочевого искусства всей Внутренней Азии и бытовавший среди кочевых племён различного этнического корня.

1929 год был годом необычайно интенсивного строительства в жизни Николая Константиновича. Музей его имени в Нью-Йорке переходит в новое здание. Основывается Институт Гималайских исследований в долине Кулу в Западных Гималаях. Задачей института было всестороннее научное исследование гималайской горной страны и смежных областей тибетского нагорья. Этот институт, по мысли Николая Константиновича, должен был стать своего рода выдвинутой в горы комплексной экспедицией, причём исследования должны были носить всесторонний характер, охватывая как природу, так и человека, населяющего эту область. Ведь задачи научного обследования гималайской горной страны требовали многолетних работ на местах, чего не могли дать сравнительно кратковременные экспедиции.

Основная база института была организована в долине Кулу в верховьях р. Беаса в Пенджабе (Индия). На высоте 2000 метров, на горном кряже над рекой Беас, в окрестностях бывшей столицы княжества Кулу – Наггаре («наггар» соответствует русскому «вышгороду») стоят здания института.

Здесь с 1930 по 1942 гг. проводились научные работы, пока события Второй мировой войны не заставили временно приостановить деятельность. Институт Гималайских исследований состоял из двух отделений: ботанического и этнолого-лингвистического, которое также занималось изучением и разведкой археологических памятников. Ежегодно, в начале лета, когда делались проходимыми перевалы, на тибетское нагорье и в высокогорные пояса Гималаев направлялись экспедиционные отряды. Так в течение ряда лет были обследованы области Ладак, Зангскар, Рупшу, Ханлэ, Спити, Гаржа-Лахул. Многие годы работала летняя база института в окрестностях Кьеланга в Гаржа-Лахуле, в долине реки Бхаги. В октябре отряды сотрудников института возвращались на свою основную базу в долину Кулу и проводили зимние месяцы в разработке собранных исследований. Некоторые продолжали работу в предгорьях Гималаев, в долине Кангра и на склонах хребта Сивалик. Были собраны богатые ботанические коллекции, в разработке которых приняли участие доктор Е.Д. Меррил, директор ботанического сада в Нью-Йорке, и сотрудники Музея естественной истории в Париже. В Париже изучение ботанических сборов проходило под наблюдением профессора П. Лемуана, директора Музея естественной истории. Многие годы с ботаническим отделением института сотрудничал ныне покойный индийский ботаник, профессор Шив Рам

Кашьяп (Пенджабский университет). Обмен коллекциями был установлен с Академией наук СССР, с Биологическим институтом в Пекине.

Не остался институт чужд и проблеме изучения космических лучей в высокогорных условиях. В третьем томе Ежегодника института этому вопросу посвящена статья профессора Бенаде (Форман колледж, Лахор).

Была собрана и богатая коллекция тибетской фармакопеи, причём в этих многолетних работах приняли ближайшее участие и тибетские ламы-лекари. Сотрудники института составили индекс тибетских лекарственных трав. Так была заложена необходимая база для дальнейших исследований в этой области.

В области лингвистики Институт специально занимался изучением тибетских наречий гималайского горного пояса и смежных районов тибетского нагорья. Институтом была издана работа автора этих строк, посвящённая тибетскому наречию гаржа-лахул, принадлежащему к группе западно-тибетских наречий. Одновременно собирались этнографические коллекции, иллюстрирующие культуру и быт различных племён гималайской горной области и Тибета.

Институт, руководимый Николаем Константиновичем, внёс крупный вклад в дело познания Гималаев. Картины же Николая Константиновича на гималайские сюжеты, равно и его литературные произведения пробудили интерес к Гималаям. Сюда начали направляться многочисленные экспедиции.

Начало Второй мировой войны прервало мирный труд сотрудников института. Надвигающиеся события с тревогой наблюдал Николай Константинович. И вот, в 1930 году он выдвинул идею Знамени мира для охраны культурных памятников во время войны. Как известно, этот Пакт был подписан в 1935 году и явился основой для международной конвенции, подписанной в 1954 году в Гааге.

Смерть застала в 1947 году Николая Константиновича среди приготовлений к возвращению на Родину, которой он не переставал служить, оставаясь до последнего часа жизни русским.

Москва, 1960

*Приключения в горах. Литературно-художественный альманах. М., 1961.
Публикуется в авторской редакции.*

Н.К. РЕРИХ В БОРЬБЕ ЗА МИР

Проблема мира во всём мире, охрана памятников культуры давно привлекала внимание Николая Константиновича Рериха.

Еще в 1904 г., под гром орудий русско-японской войны, у него возникла мысль о международном договоре по охране культурных памятников всех стран. Перед лицом небывалых разрушений первой мировой войны, перед разрушением Лувена и Реймса, он обращается к верховному командованию русских армий, призывая к охране культурного достояния. В послевоенный период призрак нового столкновения народов не покидает его, и он снова в 1930 году обращается ко всему миру, к государственным и культурным деятелям всех стран, с призывом неотложно обсудить вопрос охраны культурных памятников. В 1930 г. Николай Константинович Рерих писал в своём обращении:

«Многообразно устремляется человечество к Миру. Каждый в сердце своём сознаёт, что это созидательное действо выражает Новую Эру. Неуместно создаются суждения о предпочтении известному типу пуль или конвенции, определяющие, что ближе мировому единению – один или два броненосца с дальнобойными орудиями. Но представим себе даже и такие убийственные рассуждения как примитивные ступени к тому же самому великому понятию Мира, которое когда-то обуздает воинственные инстинкты человечества духовными радостями созидания. Но факт всё же остаётся, что пушки хотя бы одного из избранных броненосцев могут так же уничтожить величайшее сокровище искусства и науки, как целый флот. Мы оплакиваем библиотеку Лувена и незаменимые красоты соборов Реймса и Ипра. Мы помним множество сокровищ частных собраний, погибших во время мировых смятений, но мы не хотим вписывать слова враждебности. Скажем просто – «Разрушено человеческим заблуждением и восстановлено человеческою надеждою». Но всё же пагубные заблуждения, в той или иной форме, могут быть повторены, и новые множества памятников человеческих подвигов могут опять быть разрушены. Против этих заблуждений невежества мы должны принять немедленно меры. Даже в начале своём эти меры охранения дадут многие полезные следствия. Никто не будет отрицать, что флаг Красного Креста оказал неоценимые услуги

и напомнил миру о человечности и сострадании. С этой целью проект Международного Договора, охраняющего все сокровища искусства и науки под международно признанным флагом, представлен иностранным правительствам... Этот план предусматривает особый флаг, который будет почитаем как международная нейтральная территория».

С самого начала движение за Знамя Мира, за охрану культурных памятников привлекло внимание всех, кому дорого культурное достояние человечества. Не случайно, что деятели культуры Франции и Бельгии были первыми, откликнувшимися на призыв Н.К.Рериха. Французские юристы-международники разработали юридическую форму основного документа Пакта.

В 1930 году проект Пакта был представлен в Комитет по делам музеев при Лиге Наций, который, одоббив проект Пакта, передал его на рассмотрение Международной комиссии интеллектуального сотрудничества.

Параллельно с вышеуказанными мероприятиями, предпринятыми в компетентных учреждениях Лиги Наций, многочисленные общественные организации и крупные деятели мировой культуры и науки присоединили свой голос к обращению Н.К.Рериха. Великий поэт Индии Рабиндранат Тагор, сам пламенный борец за мир, писал в 1931 году:

«Я зорко следил за Вашей великой гуманитарной работой во благо всех народов, для которых Ваш Пакт Мира, с его знаменем для защиты всех культурных сокровищ, будет исключительно действенным символом. Я искренне радуюсь, что этот Пакт принят Комитетом по делам музеев Лиги Наций, и я чувствую глубоко, что он будет иметь огромные последствия для культурного взаимопонимания народов».

В Бельгии г. К. Тюльпинк, член Королевской Комиссии по охране памятников Бельгии, предложил сделать город Брюгге, столь богатый памятниками прошлого, центром для распространения идеи Пакта Мира. В 1931 году г.Тюльпинк основывает Международный Союз Пакта Рериха. В сентябре того же года в Брюгге созывается Первая Международная конференция Пакта Рериха. Конференция, в работе которой приняли участие как представители правительств, так и деятели общественных и культурных организаций, составила план действия по распространению идеи Пакта Мира. Было обращено особое внимание на пропаганду идеи Пакта Мира в школах и среди молодёжи, а также установлен постоянный контакт с такими международными учреждениями, как Международный комитет по делам искусства и Бюро конференции по ограничению вооружения. Выполняя постановления Первой Международной конференции, Музей имени Н.К.Рериха в Париже и Международный Союз Пакта Рериха в Брюгге активно выступили за принятие Пакта Мира всеми государствами.

В августе 1932 года была созвана Вторая Международная конференция в Брюгге. Одновременно с конференцией была организована выставка фотографий памятников, подлежащих охране. На этой выставке, состоявшей из более 6000 фотографий известных архитектурных памятников, приняли участие 22 страны. Вторая Международная конференция постановила основать в г.Брюгге специальное учреждение для всемерного содействия проведению в жизнь идей Пакта Рериха. Конференция также постановила войти в сношение с различными государствами в целях признания Пакта как международного документа.

В ноябре 1933 года состоялась Третья Международная конференция в Вашингтоне, США. Эта конференция была поддержана уже 35 странами, которые рекомендовали подписание Пакта правительствам всех народов.

15 апреля 1935 года Пакт Рериха сделался международным документом. В этот день пакт был подписан в Белом доме в присутствии покойного президента Франклина Д.Рузвельта Соединенными Штатами Америки. В своей речи президент Рузвельт сказал:

«Предлагая этот пакт для подписания всеми странами мира, мы стремимся к тому, чтобы всемерное признание сделалось насущным принципом для сохранения современной цивилизации. Этот договор имеет более глубокое значение, чем текст самого документа».

В сентябре 1936 года Н.К.Рерих присоединил свой голос к призыву о мире Рабиндраната Тагора.

В октябре того же года Международный Центр Пакта Рериха в Брюгге организовал Международный день искусства в борьбе за мир.

Идея Пакта Мира была забыта в пожаре второй мировой войны. За это небрежение памятниками мировой культуры Европа поплатилась горами новых развалин.

После войны идея пакта снова стала привлекать внимание культурной общественности. Многих из деятелей движения унесла война. Ушёл и г.К.Тюльпик. В декабре 1947 г. ушёл Николай Константинович Рерих.

В Индии за Пакт охраны культурных памятников высказались премьер-министр Индии Джавахарлал Неру, вице-президент Индии д-р С.Радхакришнан, проф. Чандрасекхара Венката Раман, покойный Маулана Абул Калам Азал, д-р Хумаюн Кабир и многие другие. За Пакт Рериха высказалась Всеиндийская конференция культурного единства в 1946 году. В 1948 году за пакт высказалось правительство свободной Индии.

В 1950 году Комитет Пакта Рериха направил д-ру Торезу Бодэ, главному директору ЮНЕСКО, копию Пакта со всей документацией по истории движения, начиная с 1930 года.

В 1954 году на основе Пакта Рериха был подписан в Гааге Заключительный акт межправительственной конференции о защите культурных ценностей в случае вооружённого конфликта. В следующем году этот Пакт был ратифицирован всеми 39 странами, подписавшими Заключительный акт конференции в Гааге, в том числе Советским Союзом.

Такова страница из жизни Николая Константиновича Рериха, посвящённая борьбе за мир, за охрану культурного достояния человечества. В этой многолетней борьбе им руководили не узкие национальные цели, а подлинное устремление к охране всечеловеческого культурного достояния.

Эту краткую хронику закончу словами самого Николая Константиновича, написанными на Гималаях в июле 1936 года: «Не удивительно ли, по-русски слово *мир* единозвучно и для мирности, и для вселенной. Единозвучны эти понятия не по бедности языка. Язык богатый. Единозвучны они по существу. Вселенная и мирное творчество нераздельны. Мир – вселенная, и мир – труд мирный вселенский, посев – творящий, красота мира – победительница».

Москва, 1959

Мир через Культуру. Сборник.

М., 1990

РЕРИХИ

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Рерих, Юрий Николаевич (1902-1960) – старший сын Н.К. и Е.И. Рерих, востоковед. Владел многими европейскими и восточными языками, в том числе хинди, монгольским, китайским и тибетским. Родился в селе Окуловка Новгородской губернии. Образование получил в Англии, США и Франции. Принимал участие в двух экспедициях Н.К.Рериха, в Центральную Азию и на Дальний Восток (1925-1928 и 1934-1935), был переводчиком. Имея профессиональное военное образование, обеспечивал охрану экспедиционного каравана. Во время экспедиций вёл научно-исследовательскую работу, изучал историю, культуру и быт народов Тибета, Индии и Монголии. С 1928 жил с родителями в Кулу, с 1949 – в Калимпонге (Индия). Директор Института Гималайских исследований «Урусвати» (1928-1942). В 1957 вернулся в СССР, заведовал сектором истории философии и религий отдела Индии и Пакистана ИВ АН СССР. Привёз на родину часть художественного наследия своего отца и организовал ряд персональных выставок Н.К.Рериха в Москве, Риге, Ленинграде (ныне Санкт-Петербург), Киеве, Тбилиси. Основные труды: «Тибетская живопись» (1925, 2000); «Звериный стиль у кочевников Северного Тибета» (1930); «По тропам Срединной Азии» (1931, 1982, 1994); «Синяя летопись. История буддизма в Тибете, VI-XV» (1949, 2001); «Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями» (1983-1993); «Тибет и Центральная Азия. Статьи, лекции, переводы» (1999); «История Средней Азии», в 3-х т. (2004-2009); также: Ю.Н.Рерих. Письма: 1919-1960, т. I и II (2002). О нём: «Юрий Рерих: Материалы к биографии», сборник статей (2012); «Юрий Рерих: Молодые годы» (2012).

Рерих, Николай Константинович (1874-1947) – родился в Санкт-Петербурге, сын нотариуса К.Ф.Рериха и М.В.Калашниковой; русский художник с мировым именем, автор более пяти тысяч полотен; публицист, общественный деятель международного масштаба. Директор Рисовальной

школы Императорского общества поощрения художеств (1906-1917). После Февральской революции переселился с семьёй в Финляндию, в 1919 выехал в Англию и затем в Америку, где основал музей своего имени в Нью-Йорке и учредил ряд культурных организаций. Создатель «Пакта мира» (1929) – документа об охране памятников и художественных ценностей в период военных конфликтов и в мирное время. В 1920-е и 30-е предпринял две экспедиции в Центральную Азию, в сферу интересов которых, помимо научных исследований, входила геополитическая задача организации Союза восточных государств на основе буддизма. С середины 1930-х постоянно проживал в Индии, в долине Кулу, основал Институт Гималайских исследований «Урусвати». Вместе со своей женой, Е.И. Рерих, принимал участие в создании текстов учения Живой Этики. Автор поэтического сборника «Цветы Мории» (1921) и литературных трудов на русск. и англ. яз.: «Пути Благословения» (1924), «Сердце Азии» (1929), «Алтай-Гималаи. Путевой дневник» (1929, 1974, 1999), «Шамбала» (1930), «Держава Света» (1931), др. См. также: Николай Рерих. Листы дневника, в 3-х т. (1995-1996); Н.К.Рерих. Лада. Письма к Елене Рерих, 1900-1913 (2011); Н.К.Рерих. Письма в Америку, 1923-1947 (1998); Николай Рерих в русской периодике: 1891-1918, выпуск I-V (2004-2008); Серия «Материалы к биографии Н.К.Рериха»: Н.К.Рерих, 1917-1919 (2008); Н.К.Рерих, 1919-1920 (2011); Николай Рерих. Альбом. Т. I и II (2008 и 2011). О нём: *Беликов П.Ф., Князева В.П.* Рерих. (1972); *Росов В.А.* Николай Рерих: Вестник Звенигорода. Экспедиции Н.К.Рериха по окраинам пустыни Гоби. Кн. I: Великий План (2002); Кн. II: Новая Страна (2004).

Рерих, Елена Ивановна (урожд. Шапошникова) (1879-1955) – родилась в Санкт-Петербурге, дочь архитектора И.И.Шапошникова и кн. Е.В.Голенищевой-Кутузовой; жена известного русского художника Н.К.Рериха (с 1901); путешественница, участница экспедиции Н.К.Рериха в Центральную Азию (1925-1928); основатель (вместе с Н.К.Рерихом) Института Гималайских исследований «Урусвати». Известна как автор исследований, посвящённых истории религий, и как переводчик. Имя Е.И.Рерих связано с созданием философского учения Живой Этики, или Агни-йоги. С 1928 проживала в Индии, в долине Кулу (до 1948), затем в Калимпонге. Основные труды: «Основы буддизма» (1926), «Криптограммы Востока» (1929), «Преподобный Сергей Радонежский» (1934). Также: Елена Ивановна Рерих. Письма. Т. I-IX (1999-2009); Елена Рерих. Листы дневника. Т. I: 1920-1923 (2009); Т. II: 1924-1925 (2011); Т. III: 1925-1927 (2012); Елена Рерих. Листы дневника. 1927-1928 (2006). Переводы (с англ. яз.): Чаша Востока. Письма Махатмы (1925); *Блаватская Е.П.* Тайная Доктрина. В 2-х т. (1937).

Рерих, Святослав Николаевич (1904-1993) – брат Ю.Н.Рериха, младший сын Н.К. и Е.И.Рерих, художник, автор более полутора тысяч полотен и эскизов; общественный деятель, коллекционер восточного искусства; как учёный занимался биологией, фармакопеей, минералогией. Родился в Санкт-Петербурге. В 1921-1923, 1925 получил высшее архитектурно-художественное образование в Колумбийском и Гарвардском университетах США. С конца 1923 около года находился в Индии. В Америке после окончания учёбы сотрудничал с нью-йоркским музеем Николая Рериха, директор Международного центра искусств «Корона Мунди». В 1931 переехал на постоянное жительство в Индию, где вёл активную художественную, научную и общественную работу; сотрудник Института Гималайских исследований «Урусвати». В 1950-е занимал пост министра культуры штата Карнатака, основал художественную академию «Карнатака Читракала Паришадх» в Бангалоре (1970-е). С 1960 неоднократно приезжал на родину, принимал участие в художественных выставках в Индии и СССР. Автор трудов: «Искусство долины Кулу» (1967), «Искусство и жизнь» (2004), «Индийская живопись: статьи» (2011). Также: С.Н.Рерих. Письма. Т. I и II (2004, 2005); Святослав Рерих. Священная флейта. Альбом (2000); Святослав Рерих. Альбом / автор текста *Владимир Росов*. Серия «Великие художники» (2011).

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-------------------	---

СТАТЬИ

Древняя китайская скульптура	11
Тибетская драма. <i>Пер. с англ. Т.Е. Самариной</i>	15
Храм Будды врачевания. <i>Пер. с англ. О.В. Альбедилля</i>	19
Проблемы археологических исследований Тибета. <i>Пер. с англ. В.А. Росова</i>	25
Голоки и их этнический характер	35
Аланские дружины в Монгольскую эпоху	40
Великие кочевые империи Средней Азии	44
Грамота царя Петра I к Лубсан-Тайджи и её составитель	48
Упоминание о Бунчуке в «Ригведе»	61
Первый международный съезд монголоведов-филологов	64
Пусть востоковедение служит делу мира	70
Будда	72
Йога	73
Йогачары	76

ДНЕВНИКИ

Дневник экспедиции в Тибет (1926-1928). <i>Публ. В.А. Росова</i>	79
Дневник Маньчжурской экспедиции (1934-1935). <i>Публ. В.А. Росова</i>	165

ОТЧЁТЫ

Отчёты директора Института Гималайских исследований «Урусвати» (1929-1935). <i>Пер. с англ. О.В. Альбедилля, А.А. Малыгина</i>	195
Отчёты о работе в Институте востоковедения АН СССР (1957-59)	240

ПУБЛИЦИСТИКА

Экспедиция академика Н.К.Рериха в глубинах Центральной Азии	255
Творчество Н.К.Рериха	263
Листки воспоминаний	265
Н.К.Рерих в борьбе за мир	272
Рерихи. Биографическая справка	276

Ю.Н.Рерих
ТИБЕТ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

Том II

Статьи. Дневники. Отчёты

Редактор Е.В. Алексеева
Технический редактор В.С. Дмитриев
Художественное оформление А.Ю. Жаренов

Директор издательства Н.Ю.Ларина

ISBN 978-5-904191-06-1

Издательство «Рассанта»

E-mail: rassanta@mail.ru

Подписано в печать 03.07.2012. Формат 70x100/16. Объем 17,5 печ. л.
Печать офсетная. Гарнитура Times. Тираж 500 экз. Заказ № 2700-12.

Изготовлено ООО «АЛЬТАИР»
(Орехово-Зуевская типография)